

UNIVERSITY LIBRARIES
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

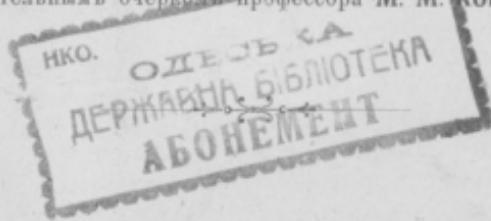
РОДОНАЧАЛЬНИКИ СОЦИОЛОГИИ.

ВЫПУСКЪ I.

М. Жондорсэ.

Эскизъ
исторической картины
прогресса
человѣческаго разума.

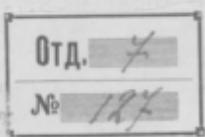
Переводъ съ французскаго I. A. Шапиро,
подъ редакціей
приват-доцента В. Н. Сперанскаго,
съ вступительнымъ очеркомъ профессора УССР М. М. Ковалевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Юридического Книжного Магазина Н. К. Мартынова.
1909.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

КОНДОРСЭ И ЗАРОЖДЕНИЕ ТЕОРИИ ПРОГРЕССА.

(Вступительный очеркъ).

Въ числѣ ближайшихъ предшественниковъ Канта и всего послѣдующаго развитія созданной имъ науки о порядкѣ и прогрессѣ человѣческихъ обществъ, иначе говоря соціологіи, выдающееся мѣсто принадлежитъ Кондорсэ. Благодаря ему мысль, выраженная еще Паскалемъ о возможности видѣть въ преемствѣ человѣческихъ поколій подобіе единаго человѣка, вѣчно живущаго и постоянно приобрѣтающаго все новыя и новыя свѣдѣнія, нашла реальное обоснованіе. Не случайностью объясняется тотъ фактъ, что до послѣдней четверти XVIII столѣтія ни одинъ историкъ и политикъ не высказался въ смыслѣ признания имъ поступательного хода человѣчества. О прогрессѣ, собственно говоря, не заходитъ рѣчь ни у Аристотеля, ни у писателей среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія, ни у прямыхъ предшественниковъ Кондорсэ, въ томъ числѣ итальянца Вико и автора «Духа законовъ» Монтескье. Политические писатели древняго міра не разъ останавливались на мысли о сменѣ формъ правленія, о замѣнѣ монархіи владычествомъ немногихъ и, наконецъ, всѣхъ. Но они не отрицали возможности зарожденія единовластія въ средѣ демократіи и на смену послѣдней, тѣмъ болѣе, что тѣ же явленія не разъ имѣли мѣсто и въ жизни. Однажды пройденный циклъ политическихъ трансформацій могъ повториться снова. Можно поэтому

говорить объ ученияхъ Аристотеля и Полибія въ связи съ доктриною итальянца Вико, утверждающей «спиральное» развитіе человѣчества, т. е. прохожденіе имъ на разстоянії значительныхъ промежутковъ времени тѣхъ же формъ организованной жизни. Но относить греческихъ философовъ-политиковъ къ числу предшественниковъ Кондорсэ и его теоріи прогресса было бы совершенно ошибочнымъ. Представленіе о томъ, что законодатель одновременно заводить у народа соотвѣтствующія политическому укладу нравы и обычай, всякое отступленіе отъ которыхъ ведеть къ упадку учрежденій, такъ какъ нарушасть разъ установившееся соотвѣтствіе между различными сторонами общественной жизни, весьма опредѣленно выступаетъ и у писателей древности и у автора «Духа закона новъ». Ученіе послѣдняго о жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ формъ политического устройства и о паденіи ихъ въ связи съ искаженіемъ этихъ принциповъ, на чемъ не разъ настаиваетъ Монтескье, рисуетъ его намъ скорѣе сторонникомъ идеи регресса человѣчества, нежели поборникомъ мысли о его поступательномъ ходѣ. А знакомство съ недавно изданными путевыми замѣтками объясняетъ намъ отчасти источникъ этого пессимизма, показывая, какъ вездѣ, за исключениемъ одной только Англіи, Монтескье находилъ подтверждение высказанной имъ мысли, мысли, что народы Европы стремятся въ лоно абсолютизма столь же неудержимо, какъ рѣки стекаютъ въ море. За Кондорсэ остается поэтому честь первого провозвѣстника идеи прогресса человѣчества въ тѣсной связи съ развитіемъ знаній. Эту мысль онъ высказываетъ въ сочиненіи, написанномъ уже послѣ произведенія во Франціи переворота 1789 г., въ разгарь революціи, и въ такую минуту, когда личныя преислѣдованія, угрожавшія самой его жизни, естественно должны были вызвать въ немъ пессимистическое отношение къ будущему. Онъ настолько проникнуть мыслюю о величинѣ пережитыхъ имъ за послѣдніе годы событий, что считаетъ возможнымъ настаивать на безостановочности прогресса и на неуклонномъ движеніи человѣчества въ сторону истины и счастья. До послѣдняго времени полагали, что при составленіи своего «Эскиза исторической картины прогресса человѣческаго разума» (таково буквальное название его сочиненія) Кондорсэ, принужденный скрываться въ окрестностяхъ

Парижа отъ направленныхъ противъ него преслѣдований, не имѣль подъ руками ни книгъ ни письмѣнныхъ замѣтокъ. По одному изъ новѣйшихъ его биографовъ—Саену удалось выяснить на основаніи рукописей, уцѣлѣвшихъ въ библіотекѣ французскаго института, что задолго до того момента, когда ему пришлось искать убѣжища у г-жи Вернѣ, авторъ «Прогресса человѣческаго разума» уже сталъ собирать необходимыя материалы для своего эскиза. Въ библіотекѣ института хранятся написанныя его рукою замѣтки о философахъ древности, о различныхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ разное время въ области физики, и всѣ эти мемуары по своимъ размѣрамъ не допускаютъ мысли о составленіи ихъ впервые въ недѣли вынужденного обстоятельствами затворничества¹⁾). Кондорсѣ тѣмъ легче было задаться мыслью написать исторію поступательнаго развитія человѣческаго разума, что въ званіи секретаря академіи наукъ ему задолго до революціи пришлось посвятить себя между прочимъ составленію въ теченіе 17 лѣтъ, начиная съ 1773 года, ряда характеристикъ разнообразнѣихъ по своимъ специальностямъ ученыхъ дѣятелей Франціи и другихъ странъ Европы, стоявшихъ въ какомъ-либо отношеніи къ французскому институту. Эти характеристики носятъ название «похвальныхъ словъ», но по своему содержанію болѣе отвѣчали представленію о беспристрастной оценкѣ трудовъ людей, стоявшихъ во главѣ научнаго движенія въ XVIII вѣкѣ. Чтобы говорить съ одинаковымъ знаніемъ дѣла не только о математикахъ и астрономахъ, но и о физикахъ, зоологахъ, ботаникахъ, экономистахъ, Кондорсѣ пришлось расширить кругъ своихъ знаній, на первыхъ порахъ сосредоточившихъся вокругъ математики, и пріобрѣсть въ полномъ смыслѣ слова энциклопедическое образованіе. Издание сочиненій Вольтера, близость къ Тюрго, защита въ печати его экономической политики, наконецъ, тѣсное общеніе съ д'Аламберомъ и съ другими участниками «Великой Энциклопедіи», все это, вмѣстѣ взятое, должно было подготовить члена Конвента и автора одного изъ проектовъ конституціи 1793 года къ роли родоначальника теоріи прогресса. Несомнѣнно, однако, что Кондорсѣ ранѣе своего поступленія подъ госте-

¹⁾ Cahen. Condorcet et la r volution. 1904., стр. 528.

пріимный кровъ укрывшой его отъ преслѣдованія г-жи Вернз, не составилъ еще опредѣленного плана своего сочиненія¹⁾. Онъ прибылъ въ свое послѣднее жилище на улицѣ Servandoni безъ книгъ и какихъ-либо бумагъ изъ опасенія обратить въ противномъ случаѣ вниманіе на себя. Квартира его была опечатана и достать изъ нея что-либо было невозможно. Но друзья, какъ Сарз, Марко, Пинель и Буапе, не разъ посѣтившіе его въ домѣ г-жи Вернз, разумѣется, пользовались этимъ случаемъ, чтобы доставить ему недостающія книги. А личный его секретарь Кардо, взявшій на себя переписку части его рукописи, несомнѣнно, имѣлъ возможность и сдѣлать для него необходимыя выписки изъ книгъ²⁾. Кондорсѣ приступилъ къ составленію своего трактата по просьбѣ жены и долженъ былъ для этого отложить на время другую начатую имъ работу: «Оправданіе своего поведенія въ Конвентѣ», онъ началъ составленіе хронологической таблицы важнѣйшихъ открытій и важнѣйшихъ историческихъ событий. Всю исторію человѣчества онъ раздѣлилъ затѣмъ на десять главныхъ эпохъ. Для каждой онъ составилъ затѣмъ очень отвлеченную и теоретическую запись важнѣйшихъ задачъ, какія могутъ прійти въ голову изслѣдователя, желающаго изобразить процессъ развитія за это время человѣческаго разума. Въ своей совокупности эти довольно сжатые очерки и образовали тотъ «Эскизъ», который уцѣлѣлъ до настъ въ полномъ видѣ. Но авторъ не намѣренъ быть удовольствоваться имъ. Онъ собирался прибавить къ «Эскизу» болѣе детальную разработку отдѣльныхъ эпохъ. Этой стороны своей задачи ему не удалось довести до конца.

Значеніе, какое Кондорсѣ имѣть для послѣдующаго хода развитія соціологіи, и въ частности соціальной динамики, своего рода философіи исторіи, особенно рѣзко выступаетъ при сопоставленіи его взглядовъ съ взглядами Канта по двумъ

¹⁾ Это выступаетъ, говорить Cahen, съ очевидностью при чтеніи замѣтокъ, послужившихъ ему материаломъ при написаніи его сочиненія и хранимыхъ нынѣ въ числѣ рукописей национальной библіотеки въ Парижѣ (*Nouvelles acquisitions № 4586*).

²⁾ Въ хранящейся въ библіотекѣ института рукописи «Эскиза прогресса человѣческаго разума» легко узнать руку Кардо, переписчика части сочиненія.

важнѣйшимъ вопросамъ столько же всей научной философіи, сколько и философіи обществовѣдѣнія. У Кондорсѣ намѣчена уже та классификація наукъ въ порядкѣ умалляющейся общности явлений, ими изучаемыхъ и возрастающей ихъ сложности, которая составляеть быть можетъ самое прочное приобрѣтеніе, какое философія сдѣлала съ момента выхода въ свѣтъ шеститомнаго трактата Канта.¹⁾ И у того же Кондорсѣ, по всей вѣроятности подъ вліяніемъ Тюрго, складывается уже представление о томъ, что ростъ человѣческой мысли состоить въ замѣнѣ научными объясненіями явлений природы такихъ, въ которыхъ выступала готовность человѣка одухотворять природу, приписывая ей тѣ же свойства, какія принадлежать человѣку, а затѣмъ прискивать для ея явлений жизненный принципъ. Классификація наукъ, предлагаемая Кондорсѣ, содержитя въ его печатныхъ трактатахъ¹⁾. Ученіе же о преемствѣ антропоморфическихъ, метафизическихъ и научныхъ объясненій природы уѣздило въ рукописяхъ, въ неизданномъ отрывкѣ, воспроизведенномъ Алленгри въ его недавнемъ сочиненіи о Кондорсѣ²⁾. Ранѣе Сент-Симона и ранѣе Канта Кондорсѣ очень ясно понялъ тѣсную связь, существующую между науками.

Ни одна изъ нихъ, говорить онъ, не можетъ быть охвачена въ цѣломъ ни въ своихъ принципахъ, ни въ деталяхъ безъ помощи другихъ, они образуютъ изъ себя цѣлую цѣпь и оказываются другъ другу взаимныя услуги. При составленіи своей классификаціи наукъ онъ руководствуется одновременно и историческими преемствомъ въ ихъ развитіи и, какъ онъ говоритъ, чисто практическими удобствами. Въ его схемѣ математика предшествуетъ астрономіи, за которой слѣдуетъ физика, химія, биологія, наконецъ, науки нравственная и экономическая. Замѣните послѣднія терминомъ соціологія, отмѣтьте умалляющуюся общность и возрастающую сложность явлений въ только что приведенной скалѣ, и получится знаменитая классификація Канта³⁾. Что касается до мысли Кондорсѣ на счетъ преемства антропоморфическихъ, метафизическихъ и научныхъ объясненій природы и ея явлений, то она несомнѣнно стоить

¹⁾ См. полное собрание его сочиненій, т. VI, стр. 222, т. I, стр. 439 и т. VII, стр. 428 и сл. и 467—469.

²⁾ Allengry. Condorcet guide de la rевolution 1904 г., стр. 782—783.

³⁾ Ср. Allengry, стр. 780—781.

въ ближайшемъ отношеніи съ тѣми мыслями, какія высказаны были Тюрго въ его извѣстномъ «Разсужденіи о всемірной исторіи»¹⁾). Въ этомъ разсужденіи Тюрго красной нитью проводить ту мысль, что прогрессъ въ области мышленія выступаетъ въ замѣнѣ богословскихъ толкованій научными. Въ промежутокъ между обеими способами толкованія явленій объясненіе имъ находили, говорить Тюрго, въ какихъ-то сущностяхъ и свойствахъ, передаваемыхъ абстрактными терминами, которые, прибавляетъ онъ, ничего не выяснили. Это въ зародыши— знаменитый законъ трехъ стадій Конта: стадіи богословской, метафизической и научной. У Кондорса вмѣстѣ съ воспроизведеніемъ основной точки зрѣнія Тюрго мы встрѣчаемъ и иные особенности, характерныя для человѣка, искавшаго приложить не только методъ точныхъ наукъ, но въ частности методъ математической къ вопросамъ обществовѣдѣнія. Я полагаю, пишетъ Кондорсъ въ отрывкѣ, впервые напечатанномъ Аллангри, что можно отмѣтить четыре эпохи въ пониманіи людьми экономіи природы. Въ первый періодъ люди смотрѣли на все въ природѣ, какъ на существа, надѣленныя способностью дѣйствовать и движимыя тою же силой, что и сами они. Они приписали душу всѣй важнѣйшимъ предметамъ природы и всѣмъ великимъ феноменамъ матеріи. Они предположили существованіе въ нихъ идей, желаній, намѣреній. Такова космологія всѣхъ дикихъ націй. Люди переходятъ отъ указанного признанія къ культу этихъ самыхъ феноменовъ. Они молять ихъ, они стараются склонить ихъ въ свою пользу. И съ этого времени возникаетъ религія. Мы находимъ эту космологію во всей ея наготѣ у племенъ Америки. Въ сочиненіяхъ древніхъ грековъ она уже подверглась значительному искаженію... Во второй періодъ философы стали смотрѣть на природу, какъ составленную изъ двухъ частей: изъ матеріи и жизненнаго принципа, измѣняющаго матерію. Одни полагали, что самый этотъ принципъ матеріаленъ и признавали такимъ принципомъ одинъ изъ четырехъ элементовъ (огонь, воздухъ, земля и вода). Другие не прочь были считать его разумнымъ. Третьи предполагали, что онъ присущъ самой матеріи. Со временемъ сдѣланъ былъ еще шагъ впередъ. Демокритъ призналъ забавнымъ объ-

¹⁾ См. Осунгес, изд. Гильомена, т. II, стр. 656.

яснять все принципами, способъ дѣйствія которыхъ и самое существованіе оставались неизвѣстными. Онъ не пожелалъ видѣть въ природѣ ничего, кромѣ матеріи, пребывавшей въ состояніи покоя или приведенной въ движеніе. Онъ предположилъ, что въ природѣ нѣтъ другихъ причинъ, кромѣ вѣчнаго и необходимаго движенія. Эпикурейцы извратили эту мысль Демокрита, которую Декартъ воскресилъ снова въ иной только формѣ. Пиѳагоръ остановился на болѣе счастливомъ рѣшеніи. Сдѣлавъ открытие ирраціональныхъ чиселъ, онъ пришелъ къ заключенію насчетъ существованія безконечности количественныхъ различій, связанныхъ между собою отношеніями числа. Такъ какъ природа постоянна въ своихъ феноменахъ, и эта правильность особенно поражаетъ настъ въ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ, то онъ вывелъ отсюда то положеніе, что ходъ ихъ опредѣляется доступнымъ вычисленіемъ закономъ. „Эта мысль, говорить Кондорса, была настолько возвышенна и настолько опережала его время, что послѣ его смерти потеряли дѣйствительный смыслъ ея, и Пиѳагора стали выдавать за магика, вѣрившаго, что все регулируется магическими свойствами чиселъ“. На этомъ мѣстѣ обрывается неизданный отрывокъ. Онъ подтверждаетъ то, что извѣстно намъ изъ другихъ сочиненій Кондорса, столько же изъ его академическихъ рѣчей, сколько и изъ «Исторической картины прогресса человѣческаго разума». Въ томъ самомъ похвальномъ словѣ, посвященномъ памяти д'Аламбера, въ которомъ имѣется извѣстная фраза: «науки связаны между собою и въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ они сближаются, они оказываются другъ другу взаимныя услуги», Кондорсъ настаиваетъ на возможности непосредственной помощи отъ математики для рѣшенія задачъ обществовѣдѣнія.

Внѣслѣдствіи, въ особомъ трактатѣ, посвященномъ обоснованию того, что онъ называетъ соціальной математикой, онъ сочтетъ возможнымъ примѣнить ариѳметику, геометрію, алгебраический анализъ и теорію вѣроятностей къ рѣшенію такихъ, напр., вопросовъ, какъ опредѣленіе причинъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ смертность, причинъ, обусловливающихъ собою вздорожаніе цѣнъ и т. д. и т. д. Конть строго осудить такія попытки, настаивая на томъ, что общественные явленія слишкомъ сложны и математической методъ примѣнимъ только къ наиболѣе простымъ явленіямъ числа и измѣренія.

• Если мы спросимъ себя, какое представлениe Кондорсэ связывалъ съ прогрессомъ, то мы должны будемъ дать на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: для Кондорсэ прогрессъ является безостановочнымъ и необходимымъ поступательнымъ ходомъ. Его нельзя задержать надолго. Тѣмъ болѣе нельзя повернуть назадъ человѣчество къ пройденнымъ уже имъ стадіямъ развитія. Можно только на время замедлить самый ходъ поступательного движенія общества.

Оно присуще всѣмъ народамъ, но въ извѣстные моменты оно съ особенною выпуклостью выступаетъ у одного изъ нихъ въ частности; это — своего рода избранный народъ, идущій во главѣ всѣхъ остальныхъ. Въ какомъ же направлениі происходитъ это поступательное движеніе? Прогрессъ, отвѣчаетъ Кондорсэ, есть неудержимая тенденція, увлекающая отдѣльныхъ индивидовъ и цѣлые народы въ сторону истины и счастья. Онъ полагаетъ, что нельзя предвидѣть и предѣла развитія. Природа, говоритъ онъ въ противность тому, что было отмѣчено еще Галлемъ и вподобъ развито Контомъ, не поставила никакихъ границъ усовершенствованію человѣческихъ способностей; оно не ограничено ничѣмъ, кромѣ существованія той планеты, на которую бросила насъ природа. Законъ прогресса одинаково управляетъ, по мнѣнію Кондорсэ, животными, людьми и человѣческими обществами: золотой вѣкъ не за нами, а впереди насъ (смотрѣ Esquisse, стр. 13 и 272).

Прогрессъ рисуется воображенію Кондорсэ подобiemъ цѣпи, нигдѣ не прерываемой и позволяющей смотрѣть на каждый переживаемый此刻ъ, какъ на зависящій отъ всѣхъ предшествующихъ и какъ вліяющій на всѣ послѣдующие. Чтобы установить эту цѣпь, необходимо, думаетъ онъ, обратиться къ историческому методу, т. е. къ послѣдовательному наблюденію человѣческихъ обществъ въ различныя эпохи, ими пройденныя¹⁾. Такимъ образомъ мы познакомимся съ порядкомъ, въ какомъ происходятъ перемѣны, и съ вліяніемъ, какое каждый данный此刻ъ оказываетъ на слѣдующій за нимъ во времени; мы въ состояніи будемъ указать въ тѣхъ измѣненіяхъ, какія произошли въ человѣчествѣ въ теченіе вѣковъ, тотъ путь,

¹⁾ См. Discours sur l'histoire universelle. Oeuvres, изд. Гильомена, стр. 9.

по которому оно идет въ своемъ развитіи, преслѣдуя двѣ цѣли: истину и счастье. Наблюденія надъ прошлымъ и настоящимъ человѣкомъ вызываютъ мысль и о средствахъ, какими можно обеспечить и ускорить наступленіе новыхъ усовершенствованій, согласныхъ съ его природой. Итакъ для Кондорсэ, какъ впослѣдствіи для Канта, является истиной извѣстное утвержденіе Лейбница—«настоящее несетъ на себѣ бремя прошлого и чревато будущимъ»; другими словами, всѣмъ имъ ясно, что отвѣтъ на вопросъ о томъ направлениі, въ какомъ будетъ развиваться человѣчество, способно дать лишь знаніе какъ пройденныхъ имъ стадій, такъ и переживаемой нынѣ. Но тогда какъ для Канта всѣ предсказанія будущаго на основаніи прошлого и настоящаго должны подвергнуться еще дедуктивной проверкѣ, отправляющейся отъ изученія психо-физической природы человѣка, Кондорсэ ни слова не говоритъ о такой проверкѣ, а это имѣть послѣдствіемъ то, что для него прогрессъ не останавливается передъ созданной самой природой границей господства страстей надъ разумомъ.

Кондорсэ—современникъ Руссо и не вполнѣ избавился отъ вліянія, какое на всѣхъ „людей революціи“ имѣло ученіе «Общественного договора» и «Эмиля». Онъ такъ же оптимистъ, какъ и Руссо; онъ вѣрить въ совершенство человѣческой природы, разъ она неиспорчена дурнымъ воспитаніемъ, подобно Руссо, онъ также не видеть другого средства разгадать, каковы были начальная стадія въ исторіи человѣчества, какъ отправляться отъ теоретическихъ наблюдений надъ развитіемъ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ построенію системы первобытныхъ порядковъ. Все то, что въ наши дни обнимается понятіемъ доисторіи, или первобытной соціологіи, для него не существуетъ. Ему чужда всякая попытка возстановить древнійшее прошлое на основаніи его переживаній въ настоящемъ и аналогіи съ бытъ дикарей. Онъ разсуждаетъ по этимъ вопросамъ точь-въ-точь такъ, какъ это дѣлаетъ Руссо въ своемъ трактатѣ: «О причинахъ, породившихъ неравенство между людьми». По примѣру Паскаля, предлагавшаго рассматривать человѣчество, какъ единаго индивида, вѣчно приобрѣтающаго новыя познанія, Кондорсэ въ своемъ историческомъ очеркѣ орудуетъ не столько методомъ сравнительно-историческимъ,

сколько историческимъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Два народа—одинъ въ древности, другой въ новое время—ставятся имъ во главѣ поступательнаго движенія человѣчества: греки и французы; онъ слѣдитъ за ихъ развитіемъ, отмѣчаетъ сходныя, но менѣе выпукло выступающія явленія въ жизни другихъ народовъ и странъ; такимъ образомъ онъ строить свои выводы на довольно ограниченномъ и одностороннемъ матеріалѣ. Одна революція, думаетъ онъ, позволила французскому народу лѣять надежду, что онъ сыграетъ въ будущемъ ту же роль—руководителя человѣчества, какая въ прошломъ вышла въ удѣль древнимъ грекамъ. «Природа страны и стеченіе обстоятельствъ позволяютъ надѣяться на выполненіе имъ такой славной миссіи, но не станемъ заглядывать въ то, что скрываетъ отъ насъ еще невѣрное будущее». Эти строки, набросанные Кондорсѣ въ самый разгаръ направлѣній на него якобинцами преслѣдований, въ ожиданіи неминуемой казни и за нѣсколько недѣль до смерти, говорятъ о томъ настроеніи, въ какомъ написанъ былъ весь «Эскизъ». Онъ доказываютъ, какъ нельзя лучше, способность Кондорсѣ освобождаться отъ всякихъ времененныхъ и личныхъ настроеній. Все его разсужденіе проникнуто мыслью о необходимости въ «наукахъ нравственныхъ», какъ и въ физическихъ, строить выводы на наблюденіяхъ. Эта же мысль нашла выраженіе себѣ еще ранѣе, въ 1782 году, въ рѣчи, произнесенной имъ по случаю приема его во французскую академію. Для Кондорсѣ исторія, предлагаемая какъ методъ для построенія науки о прогрессѣ человѣчества, не является однимъ перечнемъ важнѣйшихъ политическихъ событий, разсказомъ о жизни правителей, о войнахъ и союзахъ; издатель Вольтера, подобно своему другу и учителю, интересуется въ прошломъ народовъ массовыми явленіями, развитіемъ нравовъ, правовыхъ представлений, политическихъ порядковъ, научныхъ и художественныхъ теорій. И въ этомъ отношеніи Кондорсѣ является прямымъ предшественникомъ Контя. Но онъ расходится съ нимъ радикально въ оцѣнкѣ прошлаго. Контъ, подобно Гегелю, склоненъ былъ думать, что все существующее имѣло и имѣть достаточное основаніе, а потому разумно; Кондорсѣ же, испытавшій на себѣ влияніе революціонной доктрины, не могъ отнести съ иначе, какъ отрицательно, къ отмѣненнымъ революціей средневѣковымъ по-

рядкамъ, съ ихъ двоевластіемъ папы и императора, съ ихъ расчлененіемъ общества на сословные пласти, съ ихъ обращеніемъ массы населенія въ подиевольныхъ тружениковъ, плохо вознаграждаемыхъ землею. Читая его, легко усомниться въ томъ, чтобы прогрессъ, дѣйствительно, являлся безостановочнымъ ростомъ человѣчества; онъ не оцѣниваетъ должнымъ образомъ великаго значенія христіанства въ развитіи идеи равенства людей прежде всего передъ Богомъ, а затѣмъ и передъ поставленными имъ властями, частными и публичными. Слова апостола Павла: «Нѣть болѣе ни рабъ, ни господь, ни мужескій полъ, ни женскій, всѣ бо едини во Христѣ Іисусѣ», выражаютъ лишь первую половину евангельскаго завѣта, вторая же его половина—равенство гражданское—осуществлена была многія столѣтія спустя передовыми сектами протестантизма, перенесшими идею равенства во Христѣ и на земныя отношенія. Не понимаетъ Кондорсѣ и всего общественнааго и экономического уклада среднихъ вѣковъ, въ частности ихъ феодальной системы. Онъ не видитъ того, что эта система построена на договорномъ началѣ, что она впервые замыняетъ насилие соглашеніемъ, обращая покоренныхъ не въ безправныхъ рабовъ, а въ совладѣльцевъ съ покорителями, обеспечивая такимъ образомъ всѣмъ классамъ общества определенное отношение къ землѣ и возмѣщая ихъ за трудъ и службу имущественными выгодами, правомъ пользованія помѣстной землею. Для Кондорсѣ, какъ и для энциклопедистовъ, средніе вѣка—эпоха варварства, насилия и суевія въ которой путеводной звѣздой является одна лишь арабская наука, продолжавшая дѣло греческой. Но если средніе вѣка заключаютъ въ себѣ только отрицательныя стороны, то не вѣрнѣли держаться той философіи исторіи, какую проповѣдавъ Викѣ, утверждавшій необходимость понятныхъ движений. Контъ отмѣтилъ эту отрицательную сторону въ историко-философскихъ построеніяхъ того, кто, по его словамъ, былъ для него «духовнымъ отцомъ». Въ сочиненіяхъ де-Местра, въ его пониманіи великаго значенія папства и средневѣковой системы двоевластія свѣтскаго и духовнаго меча, онъ найдетъ руководящую нить и необходимый матеріалъ для исправленія допущенной Кондорсѣ ошибки. Средніе вѣка впервые представлены будуть имъ въ томъ свѣтѣ, какой ранѣе былъ доступенъ по-

ниманію однихъ католическихъ писателей. Онъ покажеть, что въ эти столѣтія поступательный ходъ человѣчества не прекратился, что въ это именно время совершилось то обособленіе свѣтской и духовной власти въ лицѣ папы и императора, какого мы не находимъ ни въ теократіяхъ древняго Востока, ни въ Аѳинахъ, ни въ Римѣ, гдѣ, какъ извѣстно, государстvenные сановники призываются были къ отправлению функций, тѣсно связанныхъ съ религіей¹⁾.

Но если Кондорсѣ не всегда справедливъ по отношенію къ прошлому, то, съ другой стороны, его надежды на будущее носятъ въ значительной степени характеръ утопии, такъ какъ онъ не обращаетъ вниманія на тѣ предѣлы, какіе ставить усовершенствованію нашей жизни ограниченность человѣческой природы; онъ допускаетъ, напримѣръ, возможность исчезновенія въ людяхъ самаго представления о томъ, что частный интересъ расходится съ общимъ, и предсказываетъ наступленіе такихъ порядковъ, при которыхъ любовь къ ближнему будетъ столь же интенсивна, какъ и къ самому себѣ. «Весьма вѣроятно, пишетъ онъ, что настанетъ время, когда страсти и личныя влечения не будутъ оказывать на руководящія нашю волею сужденія большаго вліянія, чѣмъ то, какое онѣ имѣютъ нынѣ на образование нашихъ научныхъ мнѣній. Дѣйствія, противорѣчащія чужому праву, станутъ столь же физически, невозможными, какъ хладнокровно совершающее насилие не-мыслимо уже въ наше время для большинства людей; всѣ народы будутъ жить въ полномъ согласіи, и война исчезнетъ изъ нравовъ. Забота о близкихъ и любви къ человѣчеству заступятъ мѣсто религії».

Подобно Конту, Кондорсѣ придаетъ руководящую роль въ этомъ переворотѣ успѣхамъ научнаго мышленія и дѣятельности ученыхъ. Благодаря имъ, предсказываетъ онъ, послѣдуетъ объединеніе всѣхъ наукъ и создана будетъ ихъ общая философія, философія научная въ точномъ смыслѣ слова. Совѣтъ ученыхъ будетъ завѣдывать поступательнымъ ходомъ знанія, а такъ какъ съ нимъ тѣсно связано усовершенствованіе нравовъ и ростъ общаго счастья, то отъ нихъ же будетъ

¹⁾ Стоитъ вспомнить только роль, какую аѳинское право признаетъ за архонтомъ-базилевсомъ, а римское за pontifex maximus въ дѣлахъ церковныхъ.

зависѣть его осуществлѣніе въ дѣйствительности. Кондорсъ полагаетъ въ своемъ оптимизмѣ, что не только всѣ отсталыя націи подымутся до той же ступени развитія, на какой стоять Франція или Соединенные Штаты Америки, но что и самъ человѣческій родъ будетъ значительно усовершенствованъ. Это произойдетъ, во-первыхъ, благодаря научнымъ открытиямъ и примѣненіямъ техники, во-вторыхъ — ввиду успѣховъ нравственности и, наконецъ, въ-третьихъ, какъ послѣдствіе дѣйствительного улучшенія нашихъ умственныхъ, нравственныхъ и даже физическихъ способностей. Но это можетъ быть достигнуто только подъ условіемъ упроченія равенства народовъ и частныхъ лицъ между собою, а для этого необходимо отмѣнить, во-первыхъ, неравенство богатствъ, во-вторыхъ, неравенство, порождаемое законами наслѣдованія, въ третьихъ, неравенство знаній, открывъ съ этой цѣлью всѣмъ равный доступъ къ образованію. Если, съ одной стороны, эти мѣры должны быть признаны практическими осуществимыми и сводятся въ концѣ концовъ къ упраздненію частной собственности и наслѣдства и къ созданию дарового и обязательного обучения, то, съ другой, нельзя не признать преувеличенной надежду Кондорса, что отъ усовершенствованія общественныхъ условій послѣдуетъ измѣненіе и самой природы человѣка.

Максимъ Ковалевскій.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

Введение.

Человѣку отъ рожденія присуща способность испытывать ощущенія, замѣтить и различать въ своихъ восприятіяхъ простѣйшіе ихъ элементы, задерживать, познавать, сочетать, хранить или воспроизводить ихъ въ своей памяти, сравнивать между собой эти сочетанія, улавливать то, что есть между ними общаго и то, чѣмъ они другъ отъ друга отличаются, опредѣлять характерные признаки исѣхъ психическихъ явленій, чтобы ихъ лучше познать и облегчить себѣ процессъ новыхъ сочетаній.

Эта способность развивается въ немъ подъ вліяніемъ вѣнѣніихъ причинъ, т. е. благодаря наличности извѣстныхъ сложныхъ ощущеній, постоянство которыхъ, выражющееся или въ тождествѣ ихъ соединеній, или въ законахъ ихъ измѣненій, отъ него не зависитъ. Человѣкъ упражнить также эту способность посредствомъ общенія съ себѣ подобными. Онъ дѣйствуетъ здѣсь искусственными средствами, которыя, вслѣдъ за первыми развитіемъ этой самой способности, люди пріобрѣли возможность изобрѣтать.

Ощущенія сопровождаются удовольствіемъ или страданіемъ. Человѣку также свойственна способность преобразовывать мимутныя впечатлѣнія въ продолжительныя переживанія пріятнаго или тѣгостнаго характера, испытывать эти чувства, видя или вспоминая радости или страданія другихъ существъ, наѣбленныхыхъ чувствительностью. Наконецъ, эта способность, соединенная съ даромъ творчества и сочетанія ідей, порождаетъ между людьми отношенія интереса и долга, съ которыми, по волѣ самой природы, связаны драгоцѣнѣйшая доля нашего счастья и мучительнѣйшая часть нашихъ бѣдствій.

Если ограничиться наблюдениемъ и познаваніемъ общихъ фактovъ и неизмѣнныхъ законовъ развитія человѣческихъ способностей, изучая общія черты этого развитія у различныхъ представителей человѣческаго рода, то получится наука, называемая метафизикой. Но если мы станемъ разсматривать результаты этого развитія относительно массы индивидовъ, существующихъ одновременно въ данную эпоху, и если систематически прослѣдимъ его изъ поколѣнія въ поколѣніе, то получимъ тогда картину прогресса человѣческаго разума. Эта прогрессъ подчиненъ тѣмъ-же общимъ законамъ, которые наблюдаются въ развитіи нашихъ личныхъ способностей, ибо онъ является результатомъ этого развитія, наблюдавшаго одновременно у большой группы индивидовъ, соединенныхъ въ общество. Но результатъ, обнаруживаемый въ каждый моментъ, зависитъ отъ результатовъ, достигнутыхъ въ предшествовавшіе моменты, и въ свою очередь вліяетъ на тѣ, которые должны быть достигнуты въ будущемъ.

Эта картина, является такимъ образомъ, исторической, ибо, находясь въ зависимости отъ безпрерывныхъ перемѣнъ, она создается путемъ послѣдовательного наблюденія человѣческихъ обществъ въ различныя эпохи ихъ существованія. Она должна представить порядокъ измѣненій, выяснить вліяніе, которое оказалъ каждый отдельный моментъ на послѣдующій. Она должна показать далѣе въ видоизмѣненіяхъ, которыхъ претерпѣлъ человѣческій родъ, безпрерывно обновляясь въ бѣзко-ничности вѣковъ, путь, по которому онъ слѣдовалъ, шаги, которые онъ сдѣлалъ, стремясь къ истинѣ или счастью. Эти наблюденія надъ тѣмъ, чѣмъ человѣкъ былъ и чѣмъ онъ сталъ теперь, помогутъ намъ затѣмъ найти средства для обезпеченія и ускоренія новыхъ преуспѣяній, на которыхъ человѣческая природа позволяетъ ему еще надѣяться.

Такова цѣль предпринятаго мною труда, результатомъ котораго будетъ—показать, путемъ разсужденія и фактами, что не было намѣчено никакой границы въ развитіи человѣческихъ способностей; что способность человѣка совершенствоваться дѣйствительно не опредѣлена, что дальнѣйшіе его шаги на пути къ самоусовершенствованію отнынѣ не зависятъ отъ какой бы то ни было силы, желающей его остановить, и путь этотъ окончится только съ прекращеніемъ существованія на-

шай планеты. Безъ сомнѣнія, прогрессъ можетъ быть болѣе или менѣе быстрымъ, но никогда человѣчество не пойдетъ вспять— по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока земля будетъ занимать то же самое мѣсто въ міровой системѣ и пока общіе законы этой системы не вызовутъ на земномъ шарѣ ни общаго потрясенія, ни такихъ измѣненій, которыхъ не позволили-бы человѣческому роду на немъ сохраняться, примѣнять свои способности и находить источники существованія.

Человѣческій родъ на первой стадіи цивилизаціи представилъ собой немногочисленное общество людей, существующихъ охотой и рыбной ловлей, умѣющихъ изготавливать только грубое оружіе и домашнюю утварь, строить, или копать себѣ жилища; но они уже владѣютъ членораздѣльной рѣчью для выраженія своихъ потребностей и знакомы съ немногими моральными идеями, на которыхъ основываются правила ихъ общаго поведенія; живи отдельными семьями, они руководствуются общепринятыми обычаями, замѣняющими имъ законы и имѣютъ даже несложный образъ правленія.

Понятно, что превратность и трудность борьбы за существованіе, крайнее утомлѣніе и недвижный отдыхъ, чередовавшіеся въ силу необходимости, не позволяли человѣку распологать тѣмъ досугомъ, при которомъ, работая мыслью, онъ можетъ обогащать свой умъ новыми идеями. Удовлетвореніе потребностей, слишкомъ зависящее отъ случая и времени года, не могло служить достаточно благопріятной почвой для нарожденія полезныхъ формъ промышленности, развитіе которыхъ продолжалось бы безпрерывно; и каждый ограничивается усовершенствованіемъ своей хитрости или ловкости.

Такимъ образомъ, прогрессъ человѣческаго рода долженъ быть быть тогда чрезвычайно медленнымъ, лишь изрѣдка, и то въ силу исключительно благопріятныхъ обстоятельствъ, человѣчество могло сдѣлать кое-какіе шаги впередъ. Между тѣмъ источники питанія—дичь, рыба или плоды земные—постепенно замѣняются пищей, доставляемой животными, которыхъ человѣкъ приручилъ, умѣеть сохранять и размножать. Къ скотоводству далѣе присоединяется примитивное земледѣліе; человѣкъ не удовлетворяется уже плодами или растеніями, которые онъ находить, онъ научается заготовлять изъ нихъ

запасы, съять или разводить ихъ вокругъ своего жилища и содействовать ихъ произрастанию, прилагая свой личный трудъ.

Первоначальное понятие собственности, обнимавшее продукты охоты, оружіе, сѣти, домашнюю утварь, расширяется, распространяясь сначала на стада и затѣмъ на землю, которую человѣкъ распахаль и обрабатываетъ. Послѣ смерти главы дома собственность естественно переходить къ его семейству. У нѣкоторыхъ оказывается излишкомъ пищи, который можетъ быть сохраненъ. Когда изобиліе весьма значительно, оно рождаетъ новые потребности, когда-же оно выражается только въ одномъ предметѣ, между тѣмъ, какъ въ другомъ ощущается недостатокъ, тогда, въ силу необходимости, зарождается идея обмѣна. Съ этого момента моральные отношенія между людьми усложняются и умножаются. Большая безопасность, болѣе обеспеченный и болѣе постоянный досугъ позволяютъ человѣку предаваться своимъ размышленіямъ, или, по крайней мѣрѣ, внимательнѣе наблюдать окружающее. Нѣкоторые, пользующіеся достаткомъ, начинаютъ обмѣнивать часть своего излишка на трудъ и благодаря этому они сами отъ труда освобождаются. Такимъ образомъ создается классъ людей, время которыхъ не всецѣло поглощено физическимъ трудомъ и желанія которыхъ не ограничиваются предметами первой необходимости. Промышленность пробуждается; ремесла уже известны рас пространяются и совершенствуются; случайные факты, которые наблюдалъ теперь человѣкъ, уже болѣе опытный и болѣе внимательный, способствуютъ изобрѣтенію новыхъ ремесль; народонаселеніе увеличивается по мѣрѣ того, какъ добываніе средствъ существованія становится менѣе опаснымъ и менѣе зависящимъ отъ случая; земледѣліе, которое наиболѣе способно прокормить сгустившееся населеніе, постепенно вытѣсняетъ всѣ другіе источники существованія. Земледѣліе-же способствуетъ дальнѣйшему размноженію людей, а это послѣднее обстоятельство въ свою очередь ускоряетъ прогрессъ; идеи, ставшія достояніемъ человѣчества, сообщаются быстрѣе и вѣрнѣе упрочиваются въ обществѣ, ставшемъ болѣе осѣдлымъ, болѣе сближеннымъ, болѣе интимнымъ. Заря просвѣщенія начинаетъ уже заниматься; отличие человѣка отъ всѣхъ другихъ видовъ животныхъ все болѣе обнаруживается, и онъ не ограничивается уже, какъ послѣднія, исключительно совершенствованіемъ вида.

Болѣе развитыя, болѣе частыя, болѣе усложнившіяся отношенія, которыи тогда устанавливаются между людьми, вызываютъ потребность въ средствахъ сообщенія своихъ идей отсутствующимъ лицамъ, увѣковѣченія памяти какого нибудь событія съ большей точностью, чѣмъ позволяетъ устная передача, закрѣпленія договоровъ болѣе вѣрнымъ путемъ, чѣмъ подтвержденія свидѣтелей.

Нарождается потребность въ закрѣпленіи тѣхъ признанныхъ обычаевъ, которыми члены данного общества руководствуются въ своемъ поведеніи.

Такимъ образомъ, зародилась потребность въ письменности, и она была изобрѣтена. Первоначально она, повидимому, носила характеръ настоящей живописи, которая затѣмъ перешла въ живопись условную, изображающую только характерныя черты предметовъ. Впослѣдствіи, въ силу метафоры, аналогичной той, которая уже практиковалась въ разговорномъ языке,—изображеніе физического предмета выражало отвлеченные идеи. Происхожденіе этихъ знаковъ, какъ и словъ, должно было съ течениемъ времени забыться. Письменность становится искусствомъ символизировать условными знаками каждую идею, каждое слово и въ силу этого—каждое измѣненіе идей и словъ.

Тогда письменный и разговорный языки становятся достояніемъ человѣчества. Приходилось одинаково изучать и установить между ними взаимную связь.

Геніальные люди, вѣчные благодѣтели человѣчества, ими и даже отечество которыхъ никогда не будутъ преданы забвению, замѣтили, что всѣ слова какого-либо языка были только сочетаніями чрезвычайно ограниченаго количества первичныхъ реченій; что количество послѣднихъ, хотя весьма ограниченное, было достаточно для образованія почти безконечнаго числа различныхъ сочетаній. Видимыми знаками обозначались не идеи или слова, которымъ они соотвѣтствовали, а простѣйшіе элементы, служившия для словообразованія.

Итакъ, писаная азбука стала извѣстной; небольшое количество знаковъ удовлетворило вполнѣ потребности въ письмѣ, какъ небольшое количество звуковъ было достаточно для образования всѣхъ необходимыхъ въ разговорномъ языке словъ. Письменность была такая-же, какъ и устная рѣчь; необходимо было только умѣть узнавать и образовать немногочисленные

знаки, и этотъ послѣдній шагъ обеспечилъ навсегда прогрессъ человѣческаго рода.

Быть можетъ было бы полезно теперь создать письменность, которая, служа только для научныхъ цѣлей, выражая только сочетанія простыхъ и понятныхъ всѣмъ идей, употребляясь только для строго логическихъ разсужденій, для точно вычисленныхъ операций ума, была бы понятна людямъ всѣхъ странъ и переводилась-бы на всѣ мѣстныя нарѣчія, не измѣняясь, однако, какъ послѣднія при переходѣ въ общее пользованіе.

Тогда въ силу особаго переворота, этотъ самый родъ письменности, сохраненіе котораго влекло бы за собой только продолженіе невѣжества, сталъ бы въ рукахъ философіи полезнымъ орудіемъ быстраго распространенія просвѣщенія и усовершенствованія научнаго метода.

Эту стадію развитія между первой ступенью цивилизаціи и той, на которой мы видимъ еще людей въ дикомъ состояніи, прошли всѣ историческіе народы, которые, то достигая новыхъ успѣховъ, то вновь погружаясь въ невѣжество, то недвижно оставаясь по срединѣ этихъ двухъ дорогъ, или останавливаясь на извѣстной границѣ, то исчезая съ лица земли подъ мечомъ завоевателей, смѣшиваясь съ побѣдителями, или впадая въ рабство, то, наконецъ, просвѣщаясь подъ вліяніемъ болѣе культурнаго народа и передавая приобрѣтенные знанія другимъ націямъ, — образуютъ неразрывную щѣль между началомъ историческаго периода и вѣкомъ, въ которомъ мы живемъ, между первыми извѣстными намъ народами и современными европейскими націями.

Можно, такимъ образомъ, уже замѣтить, что картина, которую я предполагаю начертать, разбивается на три совершенно различные части.

Въ первой, гдѣ на основаніи свѣдѣній путешественниковъ изображается состояніе человѣческаго рода у наименѣе цивилизованныхъ народовъ, намъ остается разгадать透过 какія ступени изолированный человѣкъ, или, вѣрнѣ, ограниченный ассоціаціей, необходимой для своего воспроизведенія, могъ дойти до этихъ первичныхъ усовершенствованій, послѣднимъ предѣломъ которыхъ является употребленіе членораздѣльной рѣчи. Послѣднее обстоятельство было тогда наиболѣе замѣтнымъ и едва-ли не единственнымъ отѣнкомъ, который съ нѣкоторыми

болѣе распространенными моральными идеями и слабыми зачатками соціального порядка, составлять различіе между человѣкомъ и животными, живущими, какъ и онъ, стройными и прочными обществами.

Такимъ образомъ только наблюденія надъ развитіемъ нашихъ способностей могутъ служить намъ здѣсь путеводной нитью.

Затѣмъ, чтобы довести человѣка до того уровня культуры, когда онъ занимается ремеслами, когда онъ начинаетъ озаряться сѣйтъмъ знаній, когда торговля объединяетъ націи, когда, наконецъ, изобрѣтается азбука, мы можемъ руководствоваться также историческими данными о различныхъ обществахъ, которые изучались почти во всѣхъ стадіяхъ своего развитія, хотя ни одно нельзя было бы прослѣдить по всему пространству, которое раздѣляетъ эти двѣ великия эпохи человѣческаго рода.

Здѣсь картина начинаетъ большую частью опираться на исторические факты: но необходимо послѣдніе извлекать изъ исторій различныхъ народовъ, ихъ подбирать и сочетать и на этомъ основаніи строить гипотетическую исторію единаго народа, рисовать картину его прогресса.

Съ той поры какъ письменность стала извѣстной въ Греціи, историческое повѣствование соединяется съ нашимъ вѣкомъ, съ современнымъ состояніемъ человѣчества въ наиболѣе просвѣщенныхъ странахъ Европы безпрерывнымъ слѣдомъ фактъ и наблюденій и картина движенія и прогресса человѣческаго разума становится истиинѣ исторической. Философіи не приходится большие разгадывать что-либо, или образовывать какія-либо гипотетическія комбинаціи. Достаточно объединить и привести въ порядокъ факты и показать полезныя истины, которыя рождаются въ силу сїблѣпленія и соединенія этихъ фактovъ.

Наконецъ, останется только начертать послѣднюю картину, картину нашихъ надеждъ, картину прогресса, который будетъ достигнутъ грядущими поколѣніями, и который какъ бы обеспечивается постоянствомъ законовъ природы. Нужно будетъ показать черезъ какія ступени должно пройти то, что намъ теперь кажется напрасной надеждой, чтобы мало-по-малу стать намъ доступнымъ. Придется выяснить, почему при мимолетномъ торжествѣ предразсудковъ, поддерживаемыхъ развращенными властями и народомъ, только истинѣ суждено стать навсегда побѣдительницей.

Надлежить выснити, какими узами природа неразрывно связала прогрессъ со свободой, добродѣтелью и уваженіемъ къ естественнымъ правамъ человѣка; какимъ образомъ эти единственныя реальные блага, такъ часто разобщенные, что ихъ считаютъ даже несовмѣстными, должны напротивъ стать нераздѣльными. Это будетъ тогда, когда просвѣщеніе достигнетъ должноаго предѣла одновременно у многихъ племенъ и когда просвѣтится вся масса великаго народа, языкъ котораго стать всемирнымъ, торговыя сношенія котораго охватить весь земной шаръ. Въ силу солидарности, которой уже проникнуты всѣ просвѣщенные люди, между ними отнынѣ можно будетъ насчитывать только друзей человѣчества, единодушно содѣствующихъ его усовершенствованію и счастью.

Мы прослѣдимъ происхожденіе и исторію общихъ ошибокъ, которыя болѣе или менѣе тормазили движение прогрессивной мысли и которыя, какъ и политическая события, часто влекли за собою даже попытное движение человѣка къ первобытному невѣжественному состоянію.

Операциіи ума, ведущія нась къ заблужденію, или заставляющія насть настаивать на промахахъ мысли, начиная отъ тонкаго паралогизма, способнаго сбить съ толку даже наиболѣе просвѣщенаго человѣка, до мечтаній безумца, суть различные виды метода правильнаго разсужденія, способа открывать истину, теоріи развития нашихъ индивидуальныхъ способностей. Въ силу этого самаго соображенія, форма, въ которой общія заблужденія вводились, распространялись и увѣковѣчивались среди народовъ, составляетъ часть исторической картины прогресса человѣческаго разума. Какъ истины, которыя его совершенствуютъ и просвѣтляютъ, заблужденія являются необходимымъ слѣдствиемъ его активности, этой несоразмѣрности всегда существующей между тѣмъ, что онъ знаетъ, тѣмъ, чего онъ желаетъ и тѣмъ, что онъ считаетъ необходимымъ знать.

Можно даже замѣтить, что согласно общимъ законамъ развитія нашихъ способностей, иѣкоторые предразсудки должны были рождаться въ каждой эпохѣ нашего прогресса, чтобы распространить еще шире свое разворачивающее вліяніе, ибо люди остаются вѣрными заблужденіямъ своего младенчества, своей родины, своего вѣка еще долго послѣ усвоенія ими всѣхъ истинъ, необходимыхъ для разрушенія этихъ заблужденій.

Наконецъ, во всѣхъ странахъ, во всѣ времена предразсудки видоизмѣняются сообразно степени просвѣщенія различныхъ классовъ людей, какъ и въ зависимости отъ ихъ профессій. Если классъ философовъ создаетъ иногда препятствія на пути къ торжеству истины, то классы менѣе просвѣщенные тормазятъ распространеніе уже извѣстныхъ истинъ, классы-же иѣ-которыхъ важныхъ профессій противодѣйствуютъ распространенію этихъ истинъ. Это три рода враговъ, съ которыми разумъ вынужденъ безпрестанно бороться и надъ которыми онъ часто можетъ восторжествовать лишь послѣ долгой и тяжкой борьбы. Исторія этой борьбы, исторія зарожденія, торжества и паденія предразсудковъ займетъ, такимъ образомъ, большое мѣсто въ этомъ трудѣ, и эта часть будетъ не менѣе важной и не менѣе полезной.

Если существуетъ наука, помошью которой можно предвидѣть прогрессъ человѣческаго рода, направлять и ускорять его, то исторія того, что было совершено, должна служить главнымъ фундаментомъ этой науки. Философія, конечно, должна была осудить то суевѣrie, согласно которому предполагалось, что правила поведенія можно извлечь только изъ исторіи прошедшихъ вѣковъ и истины можно познать, только изучая воззрѣнія древникъ. Но въ этомъ самомъ осужденіи не должна-ли она замѣтить предразсудокъ, который отбрасываетъ высокомѣроно уроки опыта? Несомнѣнно, размышленіе одно при удачныхъ комбинаціяхъ можетъ настъ привести къ познанію общихъ истинъ гуманитарныхъ наукъ. Но если наблюденіе отдѣльныхъ личностей полезно для метафизика, для моралиста, почему наблюдение человѣческихъ обществъ было-бы для нихъ менѣе цѣлесообразно? Почему оно не было бы пригодно философу—политику? Если полезно наблюдать различные общества, существующія одновременно, изучать ихъ отношенія, почему не было бы также полезно прослѣдить жизнь этихъ обществъ въ безпрерывной преемственности временъ? Допуская даже, что эти наблюденія могли бы быть оставляемы въ сторонѣ при иска-ніи отвлеченныхъ истинъ, должно-ли ими пренебрегать, когда рѣчь идетъ о практическомъ примѣненіи этихъ истинъ и о со-зданіи насущной науки. Развѣ источникомъ нашихъ предраз-судковъ и бѣдствій, которыхъ они за собой влекутъ, не являются предразсудки нашихъ предковъ? Изслѣдованіе происхожденія

и вліянія заблужденій развѣ не является однімъ изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ разсѣять одни и предупреждать другія?

Развѣ мы находимся уже на той ступени развитія, когда намъ не приходится больше опасаться ни новыхъ ошибокъ, ни возвращенія къ старымъ; когда лицемѣріе не могло бы быть представлено ни однимъ развращающимъ учрежденіемъ, которое невѣжество или увлеченіе не признало-бы; когда никакое преступное измышеніе не могло бы больше причинить несчастія великому народу? Является-ли такимъ образомъ безполезнымъ знать, какъ народы заблуждались, развращались, или почему они погрязали въ нищетѣ?

Все говорить намъ за то, что мы живемъ въ эпохѣ великихъ революцій человѣческаго рода. Кто можетъ настѣ лучше просвѣтить относительно того, чего мы должны ожидать, кто можетъ намъ предложить болѣе вѣрного путеводителя, который могъ бы настѣ вести среди революціонныхъ движений, чѣмъ картина революцій, которыхъ предшествовали настоящей и ее подготовили? Современное состояніе просвѣщенія гарантируетъ намъ, что революція будетъ удачной, но не будетъ-ли этотъ благоприятный исходъ имѣть мѣста лишь при томъ условіи, что мы сумѣемъ использовать всѣ наши силы? И для того, чтобы счастье, которое она обѣщаетъ было-бы куплено возможно менѣе дорогой цѣной, чтобы оно распространилось съ большей быстротой на возможно большемъ пространствѣ, для того, чтобы она была болѣе полной въ своихъ проявленіяхъ, развѣ намъ не необходимо изучить въ исторіи прогресса человѣческаго разума, препятствія, которыхъ намъ надлежитъ опасаться и средства, которыми намъ удастся ихъ преодолѣть?

Я раздѣлю на девять большихъ эпохъ тотъ періодъ, который я предполагаю обозрѣть; и въ десятой я позволю себѣ изложить нѣкоторые взглѣды на будущность человѣческаго рода.

Я ограничусь представлениемъ здѣсь главныхъ чертъ, которыми характеризуется каждая эпоха: я дамъ только суммарные факты, не останавливаясь ни на исключеніяхъ, ни на подробностяхъ. Я указу цѣли и ихъ результаты, развитіе и доказательства которыхъ будутъ представлены въ самомъ труда.

ПЕРВАЯ ЭПОХА.

Люди соединены въ племена.

Непосредственное наблюдение не даетъ намъ указаний на то, что предшествовало этому состоянию; и только изслѣдуя умственныя и нравственныя способности человѣка и его тѣлесную организацію, можно догадаться какимъ образомъ онъ поднялся на эту первую ступень цивилизациі.

Наблюденія надъ человѣческими способностями, обусловленными физическими качествами,ющими содѣйствовать первичному зарожденію общества, краткий анализъ развитія нашихъ интеллектуальныхъ или моральныхъ способностей должны, такимъ образомъ, служить введеніемъ въ картину этой эпохи.

Общество, состоящее изъ семьи, естественно возникаетъ у людей. Образовавшись сначала для удовлетворенія потребностей дѣтей въ родительскомъ уходѣ, благодаря материнской любви и, хотя менѣе общей и менѣе пылкой, любви отцовской,—этотъ союзъ упрочивается въ силу продолжительности этой потребности, которая создаетъ и способствуетъ развитію чувства солидарности между супругами. Эта самая продолжительность совмѣстной дѣятельности супруговъ была достаточна, чтобы дать почвѣ, доставившей легко средства существованія, могла затѣмъ размножаться и стать племенемъ.

Племена, образовавшіяся отъ соединенія нѣсколькихъ отдельныхъ семействъ, должны были формироваться позже и медленнѣе, такъ какъ въ этомъ случаѣ соединеніе зависѣло и отъ менѣе настойательныхъ мотивовъ и отъ сочетанія большого количества обстоятельствъ.

Искусство изготавленія оружія, домашней посуды, приготовленія юды, сохраненія ея въ теченіе нѣкотораго времени,

накоплениі запасовъ на тѣ времена года, когда невозможно будетъ добывать свѣжей пищи—эти искусства, посвященные удовлетворенію самыхъ незатѣйливыхъ потребностей человѣка, были первыми плодами продолжительной совмѣстной жизни людей и первой характерной чертой, которой человѣческое общество отличается отъ обществъ иныхъ животныхъ.

У нѣкоторыхъ племенъ женщины разводятъ вокругъ жилища кое-какія питательныя растенія, которая являются добавленіемъ къ продуктамъ охоты и рыбной ловли. У другихъ, образовавшихся въ мѣстахъ, гдѣ земля естественно доставляетъ растительную пищу, забота отыскивать и собирать ее занимаетъ часть времени дикихъ. У этихъ посѣдніхъ, гдѣ польза единенія не столь осознательна, общество продолжаетъ оставаться въ первобытномъ состояніи, представляя собой изолированную семью. Однако всюду наблюдалось употребленіе членораздѣльной рѣчи.

Болѣе частыя и болѣе продолжительныя отношенія, установившіяся между одними и тѣми же людьми, тождество ихъ интересовъ, помошь, которую они другъ другу оказывали,—во время ли общей охоты, или при сопротивленіи общему врагу—все это должно было зародить равнымъ образомъ и чувство справедливости и взаимную привязанность между членами общества. Эта привязанность скоро превращается въ преданность обществу въ его цѣломъ.

Жестокая ненависть и ненасытная жажда мести по отношенію къ врагамъ племени, явились необходимыми слѣдствіями тѣснаго сближенія общества.

Потребность въ предводителѣ, дабы имѣть возможность действовать сообща въ цѣляхъ-ли самозащиты, или для добыванія средствъ существованія съ большей безопасностью и въ большемъ количествѣ—впервые породила въ этихъ обществахъ идеи общественной власти. Въ тѣхъ случаяхъ, когда все племя было заинтересовано, когда оно должно было принять общее рѣшеніе, всѣ тѣ, которымъ предстояло его исполнять должны были участвовать въ совѣщанії. Женщины, которыхъ по своей слабости не могли участвовать въ далекихъ охотахъ или въ войнѣ (обычные предметы этихъ совѣщаній) были равнымъ образомъ удалены отъ послѣднихъ. Такъ какъ для принятия того или иного рѣшенія необходимъ былъ извѣстный

Сюда непрерывно идут одно за другим новые открытия. Каждое из них, как правило, открывает новые горизонты, расширяет представления о природе и ее закономерностях. Так, например, в 1905 году Альберт Эйнштейн, исследуя движение малых тел в жидкости, обнаружил, что движение тел не является абсолютно хаотичным, а имеет определенную закономерность. Это открытие, известное как закон сохранения импульса в жидкости, привело к созданию теории относительности, которая стала основой для дальнейших исследований в физике.

Помимо этого, в 1919 году Альберт Эйнштейн, исследуя движение далеких звезд, обнаружил, что свет, проходящий через гравитационное поле звезды, меняет свое направление. Это открытие, известное как закон гравитации, стало основой для создания теории относительности, которая стала основой для дальнейших исследований в физике.

Однако, несмотря на то что теория относительности Эйнштейна не может объяснить все явления в астрономии, она оказалась чрезвычайно успешной в других областях науки. Так, например, в 1928 году Роберт Габриэль, исследуя движение галактик, обнаружил, что движение галактик в космосе не является хаотичным, а имеет определенную закономерность.

Таким образом, можно сказать, что теория относительности Эйнштейна, несмотря на то что она не может объяснить все явления в астрономии, тем не менее является чрезвычайно успешной в других областях науки. Так, например, в 1930 году Роберт Габриэль, исследуя движение галактик, обнаружил, что движение галактик в космосе не является хаотичным, а имеет определенную закономерность.

Таким образом, можно сказать, что теория относительности Эйнштейна, несмотря на то что она не может объяснить все явления в астрономии, тем не менее является чрезвычайно успешной в других областях науки. Так, например, в 1930 году Роберт Габриэль, исследуя движение галактик, обнаружил, что движение галактик в космосе не является хаотичным, а имеет определенную закономерность.

Месть и жестокость по отношению къ врагамъ, возведенныя въ добродѣтель, воззрѣніе, осуждавшее женшинъ на иѣкотораго рода рабство, право командованія на войнѣ, составлявшее прерогативу одной какой либо семьи, наконецъ, первичная идея различнаго рода суевѣрія—таковы заблужденія, которыми отличается эта эпоха, происхожденіе которыхъ нужно будетъ прослѣдить и причины которыхъ вскрыть. Ибо человѣкъ принимаетъ безъ разсужденія только ошибки, привитыя ему первоначальнымъ воспитаніемъ, ошибки, которая становятся для него какъ бы естественными. Если мы впадаемъ въ новое заблужденіе, то оно связано съ послѣдними, т. е. что наши интересы, наши страсти, воззрѣнія, или события толкаютъ насъ на этотъ путь.

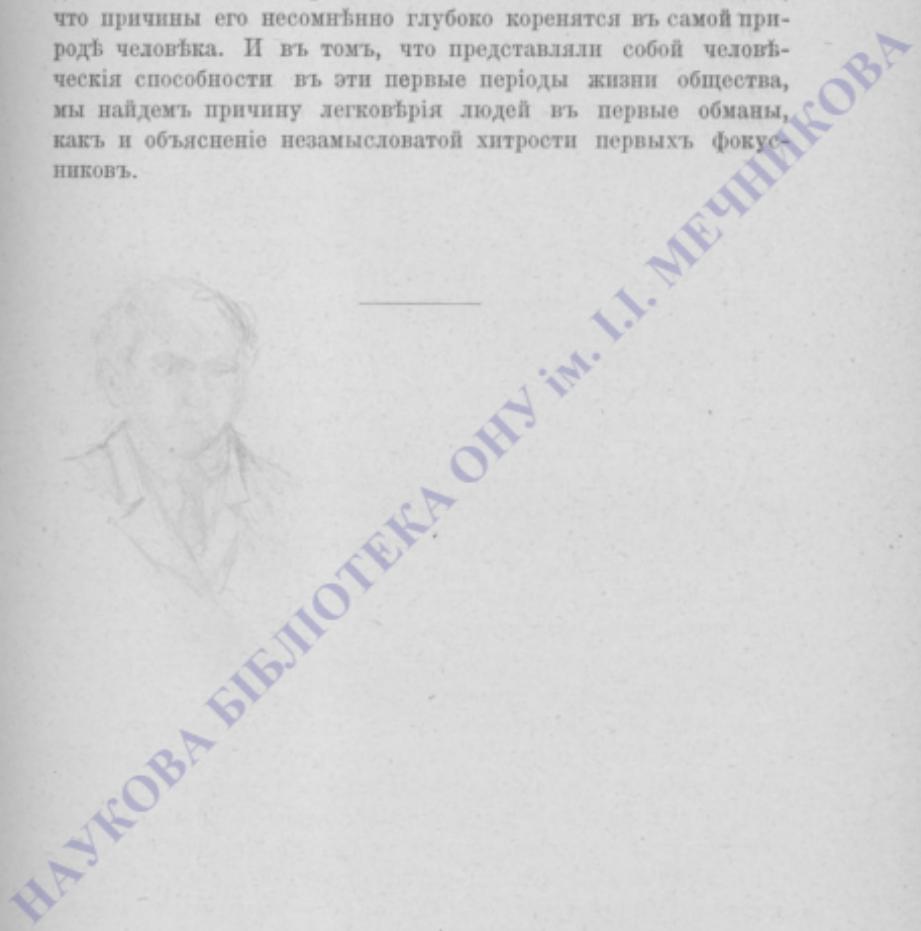
Нѣкоторыя начальныя познанія въ астрономіи, знакомство съ иѣкоторыми цѣлебными травами, употребляемыми для лѣченія болѣзней или ранъ, являются единственными науками дикихъ; и отъ уже искажаются примѣсью суевѣрія.

Но эта самая эпоха намъ представляеть еще одинъ важный фактъ въ исторіи прогресса человѣческаго разума. Здѣсь можно замѣтить изначальные слѣды учрежденія, которое оказывало на движение разума и противоположныя вліянія, ускоряя успѣхи просвѣщенія въ то же время какъ оно распространяло заблужденія, обогащая науки новыми истинами, но повсегдя народы въ невѣжество и религіозное рабство, заставляя покупать иѣкоторыя временные блага цѣною долгой и постыдной тираніи.

Я разумѣю здѣсь образованіе класса людей, хранителей основоположеній, наукъ, искусствъ, мистерій, религіозныхъ церемоній, суевѣрныхъ обрядовъ, часто даже секретовъ законодательства и политики. Я разумѣю это дѣленіе человѣческаго рода на двѣ части; одна предназначена наставлять, другая создана для того, чтобы вѣрить этимъ наставленіямъ; одна высокомѣрно скрываетъ тѣ знанія, которыми она гордится, другая почтительно принимаетъ то, что первая снисходительно ей открываетъ; мысль одной парить выше человѣческаго разума, другая смиренно отказывается отъ своего природнаго ума, падая ниже человѣческаго достоинства, признавая за другими людьми преимущества, превосходящія ихъ общую природу.

Это различие, остатки котораго мы можемъ наблюдать еще въ концѣ XVIII вѣка въ лицѣ нашего духовенства, встрѣча-

лось у наименѣе цивилизованныхъ дикарей, которые имѣли уже своихъ шарлатановъ, колдуновъ и чародѣевъ. Это явленіе до того постоянно встрѣчается во всѣхъ эпохахъ цивилизаций, что причины его несомнѣнно глубоко коренятся въ самой природѣ человѣка. И въ томъ, что представляли собой человѣческія способности въ эти первые періоды жизни общества, мы найдемъ причину легковѣрія людей въ первые обманы, какъ и объясненіе незамысловатой хитрости первыхъ фокусниковъ.

ВТОРАЯ ЭПОХА.

Пастушескіе народы.

Переходъ отъ нихъ къ земледѣльческимъ народамъ.

Идея сохранять животныхъ, добытыхъ на охотѣ, должна была появиться, когда присмотрѣ за этими животными, ставшими ручными, не представлялъ болѣе затрудненій, когда почва вокругъ жилищъ доставляла обильный кормъ, когда въ семье оказывался излишекъ провизіи и вмѣстѣ съ тѣмъ существовало опасеніе возможности нужды вслѣдствіе неудачи слѣдующей охоты, или благодаря ненастной погодѣ.

Сохраняя животныхъ, какъ простую провизію, люди скоро замѣтили, что они могутъ размножаться и доставлять въ силу этого болѣе постоянный источникъ питанія. Ихъ молоко, въ свою очередь, явилось новымъ предметомъ питанія; и эти продукты, доставляемые стадомъ, которые сперва были только добавленіемъ къ продуктамъ охоты, стали самостоятельными средствами болѣе прочнаго, болѣе обильного и менѣе труднаго существованія. Охота, такимъ образомъ, утратила характеръ главной кормилицы и вслѣдствіи совершенно потеряла свое первоначальное значеніе; охотились больше для утѣхи, или въ цѣляхъ предусмотрительного удаленія дикихъ звѣрей отъ стадъ, которыхъ, ставъ многочисленными, не могли находить достаточно корма вблизи жилищъ.

Болѣе осѣдая, менѣе утомительная жизнь доставляла досугъ, благопріятный для развитія человѣческаго разума. Обезпеченные на счетъ своего существованія, не беспокоясь больше о предметахъ первой необходимости, люди стали искать новыхъ ощущеній въ средствахъ сдѣлать свою жизнь болѣе приятной.

Нѣкоторый прогрессъ совершается въ области ремесль; люди приобрѣтаютъ нѣкоторыя познанія въ искусствѣ кормлениія домашнихъ животныхъ, научаются содѣйствовать ихъ размноженію и даже усовершенствовать породу.

Научаются также употреблять шерсть для одежды и замѣнять тканями звѣринъя шкуры.

Семейная жизнь становится болѣе пріятной и вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе интимной. Такъ какъ стада каждой семьи не могли равномѣрно размножаться, то естественно образовалось имущественное неравенство. Тогда возникла мысль удѣлить часть продуктовъ скотоводства человѣку, стадами не обладающему, съ тѣмъ, чтобы онъ взамѣнъ посвящалъ свое время и свои силы на то, что отъ него потребуютъ. Практика пользованія наемнымъ трудомъ показала, что молодой хорошо сложенный работникъ создаетъ цѣнностей больше, чѣмъ стоять пища, необходимая для возстановленія его силъ; и въ силу этого соображенія начали превращать военноплѣнныхъ въ рабовъ, вмѣсто того, чтобы ихъ убивать.

Гостепріимство, практиковавшееся также среди дикихъ, принимается у пастушескихъ народовъ, даже у тѣхъ, которые жили въ кибиткахъ, или шалашахъ, характеръ болѣе выразительный, болѣе торжественный. Представляются болѣе частые случаи оказывать взаимное гостепріимство, какъ между отдѣльными людьми, такъ и между семьями и народами. Этотъ гуманный актъ становится соціальной обязанностью и регламентируется специальными правилами.

Наконецъ, такъ какъ нѣкоторыя семьи имѣли продовольствіе не только достаточное для своего существованія, но также постоянный излишекъ, а другіе люди нуждались въ самомъ необходимомъ, то состраданіе естественно проявившееся у первыхъ по отношению къ послѣднимъ породило чувство и привычку благотворительности.

Нравы должны были смягчиться; рабство женщинъ становится менѣе жестокимъ и въ богатыхъ семьяхъ онъ постепенно освобождается отъ тяжелыхъ работъ.

Большое разнообразіе предметовъ, предназначенныхъ для удовлетворенія различныхъ потребностей, орудій, служащихъ для изготавленія этихъ предметовъ, большее неравенство въ распределеніи послѣднихъ должны были увеличить обмѣнъ

и создать настоящую торговлю, для распространения которой оказалось необходимым установить общую мѣру и единицу мѣновой цѣнности. Племена становились многочисленнѣе; въ то же время необходимость искать новыхъ пастбищъ для лучшаго кормленія скота заставляла людей селиться въ большемъ отдаленіи другъ отъ друга, когда они оставались на той же территории, или они мѣняли мѣстожительство, подвижными лагерями, когда они научились пользоваться для транспорта поклажи нѣкоторыми породами прирученныхъ ими животныхъ.

Каждое племя имѣло своего военачальника; но когда племя, въ силу необходимости обезпечить себя пастбищами, раздѣлилось на нѣсколько клановъ, каждый кланъ имѣлъ также своего предводителя. Почти всюду нѣкоторыя семьи присваивали себѣ привилегію поставлять племенамъ, или клану начальниковъ. Главы семействъ, обладавшихъ многочисленными стадами, многими рабами и пользовавшихся услугами большого количества болѣе бѣдныхъ гражданъ, раздѣляли власть начальниковъ своего клана, подобно тому какъ послѣдніе раздѣляли власть общаго предводителя племени; по крайней мѣрѣ, когда должное почтеніе къ ихъ возрасту, опыту и подвигамъ внушило къ нимъ довѣріе. Этой эпохѣ развитія общества нужно приписать происхожденіе рабства и неравенства политическихъ правъ людей, достигшихъ зрѣлаго возраста.

Споры, уже болѣе частые и болѣе запутанные, рѣшились согласно естественной справедливости, или принятому обычаю, совѣтами, состоявшими изъ родоначальниковъ, или предводителей клановъ. Прецеденты, укрѣпляя и увѣковѣчивая обычай, образовали скоро болѣе правильное судопроизводство, болѣе постоянное, въ которомъ, сверхъ того, благодаря развитію общества, ощущалась настоятельная потребность. Идея собственности и ея право пріобрѣла большее распространеніе и большую опредѣленность. Наслѣдство, ставшее болѣе значительнымъ, вызываетъ необходимость регламентировать раздѣленіе его опредѣленными правилами. Договорные отношенія, въ которыхъ люди все чаще вступаютъ, не ограничиваются болѣе предметами незначительными; важность этихъ актовъ заставила установить для нихъ опредѣленную форму; способъ установления существованія договора, для обеспеченія исполненія такового, подчинился также извѣстнымъ законамъ.

Наблюдение звѣздъ, — полезное занятіе, которому пастухи, благодаря своему досугу предавались въ теченіе долгихъ вечеровъ,—должно было вызвать иѣкоторый незначительный прогрессъ въ области астрономіи.

Но въ то же время мы видимъ, что совершенствуется искусство морочить людей, чтобы ихъ легче эксплоатировать, что ихъ воля и воззрѣнія порабощаются авторитетомъ, основаннымъ на страхѣ и наивныхъ надеждахъ. Учреждаются болѣе стройные культуры, вырабатываются болѣе сложныя религіозныя системы. Идеи о сверхъестественныхъ силахъ въ иѣкоторомъ родѣ уточняются, и на ряду съ этими воззрѣніями мы видимъ, какъ въ одномъ мѣстѣ учреждается должность князей-перво-священниковъ, въ другомъ семья, или клань присваиваютъ себѣ священническое званіе, въ третьемъ образовываются жреческія сословія. Всюду одинъ классъ людей, нагло стремясь использовать свои преимущества, отдѣляется отъ остальныхъ, чтобы ихъ лучше порабощать. Посвящая себя исключительно медицинѣ или астрономіи, эти классы вооружаются всѣми средствами для подчиненія себѣ умовъ, лишая въ то же время послѣднихъ возможности сорвать съ нихъ маску лицемѣрія и сломать ихъ оружіе.

Языки обогащались, оставаясь подражему образными и смѣлыми. Образы, употребляемые въ рѣчи, становятся болѣе разнообразными и менѣе грубыми. Источникомъ ихъ являются пастушеская, какъ и тѣсная жизнь, обычныя, какъ и исключительныя явленія природы. Пѣніе, музыка, поэзія совершенствуются, когда слушатели, благодаря досугу, болѣе спокойны и поэтому болѣе разборчивы, когда въ силу того же обстоятельства они могутъ подробнѣ разбираться въ своихъ собственныхъ чувствахъ, оцѣнивать свои первичныя впечатлѣнія и останавливаться на болѣе важныхъ.

То обстоятельство, что иѣкоторыя растенія доставляютъ стадамъ лучшій и болѣе обильный кормъ не могло не быть замѣчено: польза разведенія такихъ растеній, отдѣленія ихъ отъ другихъ менѣе питательныхъ, вредныхъ и даже опасныхъ для здоровья животныхъ, была очевидна, и средства для этого были найдены.

Точно также въ странахъ, гдѣ растенія, сѣмена и плоды естественно произрастали на землѣ и вмѣстѣ съ продуктами

скотоводства составляли пищу людей, должны были также обратить внимание на процессъ размноженія этой растительности и должна была явиться мысль разводить ее на почвѣ болѣе близкой къ жилищамъ; отѣлывать ее отъ сорныхъ травъ, занимая весь подходящій для культуры участокъ полезными растеніями; ограждать послѣднія отъ дикихъ животныхъ и стадъ и даже отъ жадности другихъ людей.

Эти идеи должны были зародиться также, и даже скорѣе, въ странахъ болѣе плодородныхъ, гдѣ царство растительное въ дикомъ состояніи почти удовлетворяло потребностямъ человѣка въ пищѣ. Такимъ образомъ, люди начали заниматься земледѣлемъ.

Въ плодородной странѣ и при благопріятномъ климатѣ на одномъ и томъ же пространствѣ воздѣланной земли произрастаетъ сѣяніе, плодовъ и корней столько, что ими можетъ питаться количество людей гораздо большее, чѣмъ эта земля могла прокормить, служа пастбищемъ. Въ силу этого, когда почва оказывалась не слишкомъ трудной для обработки, когда научились пользоваться для земледѣльческихъ работъ тѣми же животными, которыми настущескіе народы пользовались для перевозки людей и груза, когда земледѣльческія орудія были нѣкоторымъ образомъ усовершенствованы — земледѣліе становится наиболѣе обильнымъ источникомъ человѣческаго существованія и главнымъ занятіемъ народовъ. Человѣческій родъ достигаетъ своей третьей эпохи.

Нѣкоторые народы остались съ незапамятныхъ временъ въ одномъ изъ этихъ двухъ состояній, которыхъ мы обозрѣвали. Не только они сами не поднялись на высшій уровень культуры, но и отношенія, которые установились между ними и народами, достигшими чрезвычайно высокой ступени цивилизаціи, торговля, которую они завели съ послѣдними, не могли произвести этого переворота. Благодаря этимъ отношеніямъ и торговлѣ отсталые народы пріобрѣтали нѣкоторыя познанія, знакомились съ нѣкоторыми отраслями промышленности (въ особенности позаимствовали много пороковъ), но все это не могло ихъ вывести изъ состоянія неподвижности.

Климатъ, привычки, удовольствія, связанные съ почти полной независимостью, которая не можетъ возродиться даже въ обществѣ болѣе совершенномъ, чѣмъ наше, естественная при-

вязанность человѣка къ воззрѣніямъ, привитымъ ему въ дѣтствѣ, и обычаямъ своей страны, естественное отвращеніе невѣжества ко всякому роду новшествамъ, физическая и въ особенности умственная лѣни, которая ослабляла любопытство, такъ вяло проявлявшееся, вліяніе, которое уже оказывало супѣріе на первичные общества—таковы были главныя причины этого явленія. Добавьте къ этому жадность, жестокость, развращенность и предразсудки просвѣщенныхъ народовъ. Послѣдніе казались народамъ, пребывающимъ въ первобытномъ состояніи, болѣе могущественными, болѣе богатыми, болѣе образованными, болѣе дѣятельными, но болѣе порочными и въ особенности менѣе счастливыми, чѣмъ они сами. Они должны были часто менѣе поражаться превосходствомъ культурныхъ народовъ, чѣмъ ужасаться множествомъ и обширностью ихъ потребностей, мученіями ихъ жадности, вѣчной возбужденностью ихъ страстей, всегда активныхъ, всегда ненасытныхъ. Нѣкоторые философы жалѣли эти отсталые народы; другіе ихъ превозносили: послѣдніе называли мудростью и добродѣтелью то, что первые считали глупостью и лѣнью.

Вопросъ, возникшій между ними, разрѣшается въ настоящемъ трудаѣ. Здѣсь будетъ указано, почему прогрессъ разума не всегда вель общества къ счастью и добродѣтели, какимъ образомъ предразсудки и заблужденія могли оказывать свое вредное вліяніе на блага, которыхъ должны были явиться плодами просвѣщенія, но которыхъ зависятъ въ большей мѣрѣ отъ чистоты знаній, чѣмъ отъ ихъ обширности. Тогда ясно станетъ, что этотъ бурный и мучительный переходъ первичнаго грубаго общества къ цивилизаціи просвѣщенныхъ и свободныхъ народовъ отнюдь не является вырожденіемъ человѣческаго рода, но неизбѣжнымъ переломомъ въ его постепенномъ движеніи къ полному совершенству. Мы увидимъ, что пороки просвѣщенныхъ народовъ обусловлены были не расцвѣтомъ, а упадкомъ знаній и что послѣднія не только никогда не развращали людей, но всегда смягчали нравы, если уже не могли ихъ исправить, или измѣнить.

ТРЕТЬЯ ЭПОХА.

Прогрессъ земледѣльческихъ народовъ до изобрѣтенія письменности.

Однообразіе картины, которую мы до сихъ поръ рисовали, скоро исчезнетъ. Намъ не придется больше ограничиваться наблюденіемъ народовъ, привязанныхъ къ своей территории, у которыхъ первичная семья сохранилась почти въ первоначальномъ видѣ, нравы, характеры, возврѣй и суевѣрія которыхъ различаются лишь едва замѣтными отѣнками.

Нашествія, завоеванія, образованіе государствъ, разрушение послѣднихъ скоро смѣшили народы, то разсыпывая ихъ по новой территории, то заселяя одну и ту же страну различными народами.

Случайныеъ событія безпрестанно нарушили медленный, но правильный ходъ естественной эволюціи, часто задерживая ее, иногда ускоряя.

Явленіе, наблюдалось у данного народа въ данномъ вѣкѣ, часто обусловливается революціей, произошедшей на десять вѣковъ раньше и на пространствѣ въ тысячи лье. Мракъ времень скрылъ большую часть этихъ событій, вліяніе которыхъ отразилось на нашихъ предшественникахъ и иногда распространяется и на нась самихъ.

Но прежде всего нужно разсмотрѣть послѣдствія этого измѣненія для одной націи независимо отъ вліяній, которыя завоеванія и смѣщеніе народовъ могли на неѣ оказать.

Земледѣлье привязываетъ человѣка къ почвѣ, которую онъ воздѣлываетъ. Въ первобытномъ состояніи для перемѣны мѣстожительства ему достаточно было перекочевать со своей семьей на новое мѣсто и перенести туда свои охотничыя снаряды; затѣмъ, при занятіяхъ скотоводствомъ, его свобода передви-

женія также нисколько не затруднялась, ибо достаточно было угнать стада на новые пастбища. Теперь не то: земли, никому не принадлежащія, не доставили бы больше продовольствія ни ему, ни животнымъ, которыхъ служили бы для него источникомъ питанія.

Каждый участокъ земли имѣть своего хозяина, которому единственно и принадлежать плоды. Сборъ послѣднихъ, превышаю то, что было израсходовано для поддергіанія существованія людей и животныхъ, производившихъ эти плоды, доставляетъ собственнику ежегодный доходъ, для приобрѣтенія кото-раго онъ никакого труда не затрачиваетъ.

На первыхъ двухъ стадіяхъ развитія общества всѣ инди-виды, по крайней мѣрѣ, всѣ семьи, занимались всѣми необхо-димыми ремеслами.

Но когда оказались люди, которые не грудясь пользовались продуктами своей земли и другіе, которые работали за наем-ную плату, уплачиваемую имъ первыми, когда отрасли труда умножались, когда процессы производства стали болѣе обширными, болѣе сложными, тогда общій интересъ скоро подска-залъ необходимость раздѣленія труда. Было замѣчено, что про-изводство человѣка достигаетъ тѣмъ большаго совершенства, чѣмъ оно однообразнѣе; что рука дѣлаетъ небольшое количе-ство движений съ большей быстротой и большей точностью, когда, благодаря долгому упражненію эти движения становятся привычными; что для хорошаго исполненія какой-либо работы требуется меньшее напряженіе умственныхъ способностей, когда эта работа часто повторяется.

Такимъ образомъ, въ то время какъ одни занимались земле-дѣлѣмъ, другіе изготавливали земледѣльческія орудія. Присмотрь за скотомъ, веденіе внутренняго хозяйства, изготавленіе одежды, равнымъ образомъ, вышлились въ специальныя профессіи. Такъ какъ въ семьяхъ, обладавшихъ небольшой собственностью, одно изъ этихъ занятій не могло всецѣло поглощать время человека, то пѣкоторые изъ нихъ обмѣнивались трудомъ и наемной платой одного человѣка.

Скоро потребности людей, посвятившихъ себя ремесламъ, увеличились, вызывая новые различныя отрасли промышлен-ности, въ каждой изъ которыхъ былъ занятъ особый классъ рабочихъ. Торговля развивается, охватывая все большее коли-

чество предметовъ и все большую территорію; тогда образовывается новый классъ людей, исключительно занятыхъ покупкой предметовъ потребленія, сохраняемыхъ, перевозимыхъ и перепродаляемыхъ съ прибылью.

Такимъ образомъ, къ тремъ классамъ, которые уже можно было различать въ пастушеской жизни—собственниковъ, прислуги, привязанной къ ихъ сем'ѣ, и наконецъ рабовъ—нужно теперь добавить классъ рабочихъ всевозможныхъ профессий и классъ купцовъ.

Тогда, когда общество болѣе упрочилось, болѣе сблизилось и взаимоотношения членовъ его болѣе усложнились, почувствовалась потребность въ болѣе правильномъ и болѣе обширномъ законодательствѣ; нужно было съ большей точностью опредѣлять какъ наказанія за преступленія, такъ и формы договоровъ, необходимо было подчинить болѣе строгой регламентациіи случаи, требовавшіе вмѣшательства закона.

Этотъ прогрессъ совершился медленно и постепенно въ силу назрѣвшихъ потребностей и подъ вліяніемъ сложившихся обстоятельствъ. Это были нѣкоторые шаги впередъ на пути, по которому слѣдовали уже пастушескіе пароды.

Въ первыхъ эпохахъ воспитаніе носило чисто домашній характеръ. Дѣти научились у своего отца какъ обычнымъ работамъ, такъ и известнымъ ему ремесламъ; отъ него-же они перенимали несложную исторію племени или семьи, басни, передававшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, онъ ихъ знакомилъ также съ национальными обычаями и принципами или предразсудками, которые должны были составлять ихъ начальную мораль.

Дѣти росли въ обществѣ своихъ товарищей по пѣснямъ, танцамъ и военнымъ упражненіямъ. Въ эпоху, которую мы теперь рассматриваемъ, дѣти болѣе богатыхъ семействъ получали своего рода общее воспитаніе, или въ городахъ путемъ собесѣданій со старцами, или въ домѣ главы рода или племени. Здѣсь они изучали законы страны, ея обычай и предразсудки, научались пѣть поэмы, въ которыхъ изображалась исторія націи.

Привычка болѣе осѣдлой жизни установила между обоими полами болѣе равенства. Женщины не рассматривались болѣе какъ полезныя вещи, какъ рабы, болѣе приближенные къ хо-

зину. Мужъ начинаетъ видѣть въ женѣ товарища и проникается наконецъ сознаніемъ, что она способствуетъ его счастью. Тѣмъ не менѣе, даже въ странахъ, гдѣ онѣ пользовались наибольшимъ уваженіемъ, гдѣ многооженство было запрещено, ни разумъ, ни справедливость не доходили до признанія полнаго равновѣсія супружескихъ обязанностей, или правъ на разводъ и равенства въ наказаніяхъ за невѣрность.

Исторія этой категоріи предразсудковъ и ихъ вліяніе на судьбу человѣческаго рода должна войти въ картину, которую я намѣреваюсь начертать. И ничто не послужитъ лучшимъ показателемъ того, насколько счастье человѣчества неразрывно связано съ прогрессомъ разума.

Нѣкоторые народы остались разсѣянными въ деревняхъ. Другіе объединялись въ городахъ, которые стали служить резиденціей общаго начальника,—величаемаго именемъ, соотвѣтствующимъ слову *король*,—мѣстопребываніемъ начальниковъ клановъ, которые раздѣляли его власти и старѣйшинъ, представителей каждой большой семьи. Тамъ рѣшались дѣла, касающіяся всего общества и выносились приговоры по частнымъ дѣламъ отдѣльныхъ лицъ. Тамъ скоплялись наиболѣе цѣнныя богатства въ цѣляхъ охраненія ихъ отъ грабителей, которые должны были размножаться параллельно съ увеличеніемъ постоянныхъ богатствъ. Когда націи были разсѣяны по обширной территорії, обычай опредѣлялъ мѣсто и время собраній начальниковъ для обсужденія общественныхъ интересовъ, для засѣданій суда, выносившаго приговоры.

Народы, которые признавали свое общее происхожденіе, говорили на одномъ языкѣ, не отказываясь, однако, затѣвать между собой войны, почти всегда образовывали болѣе или менѣе тѣсную федерацію, соглашались объединяться, или противъ иноземныхъ враговъ, или чтобы общими силами отомстить за ихъ несправедливости, или для совмѣстнаго выполненія нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ.

Гостепріимство и торговля создавали нѣкоторая постоянные отношенія даже между народами, отличавшимися другъ отъ друга происхожденіемъ, обычаями и языкомъ, отношенія, которыхъ грабежи и войны часто прерывали, но которыхъ скоро возобновлялись въ силу необходимости болѣе сильной, чѣмъ любовь къ грабежу, или жажды мести.

Убивать побѣжденныхъ, грабить и превращать ихъ въ рабовъ не является уже больше единственно признаннымъ правомъ между враждебными націями. Уступка территоріи, выкупъ и дань отчасти имѣютъ мѣсто у этихъ жестокихъ варваровъ.

Въ эту эпоху всякий, обладавшій оружиемъ, былъ солдатомъ; кто имѣлъ лучшее оружіе, кто умѣлъ имѣть лучше владѣть, кто могъ снабжать таковыми другихъ съ условіемъ, что послѣдніе будутъ его сопровождать на войну, кто благодаря запасамъ провизіи, былъ въ состояніи доставлять продовольствіе своимъ воинамъ—тотъ неизбѣжно становился предводителемъ; по это почти добровольное подчиненіе не влекло за собой рабской зависимости.

Такъ какъ потребность въ новыхъ законахъ являлась рѣдко, такъ какъ не существовало общественныхъ расходовъ, которые граждане были бы обязаны покрывать, а если бы даже оказалась надобность въ расходахъ, то источникомъ для ихъ покрытия должно было служить имущество начальниковъ, или земли, находящіяся въ общемъ пользованіи, такъ какъ идея регламентировать промышленность и торговлю еще не возникла; такъ какъ наступательная война рѣшалась съ общаго согласія, или предпринималась единственно тѣми, которыхъ увлекала любовь къ славѣ и склонность къ грабежу,—человѣкъ считалъ себя свободнымъ въ этихъ первобытныхъ государствахъ, не смотря на то, что постъ главнаго начальника, или короля былъ почти всегда наследственнымъ и что младшіе начальники присваивали исключительно себѣ привилегію раздѣлять политическую власть и занимать административныя и судебнныя должности.

Но часто король, побуждаемый чувствомъ личной мести, самовластно совершалъ акты жестокости. Часто въ этихъ привилегированныхъ семьяхъ тщеславіе, взаимная наслѣдственная ненависть, сластолюбіе и жажда золота умножали преступленія, между тѣмъ какъ начальники, собранные въ городахъ, являясь орудіемъ королевскихъ вождѣльній, провоцировали заговоры и гражданскія войны, угнетали народъ несправедливыми приговорами, мучили его преступленіями своего тщеславія и разоряли грабежами.

У многихъ народовъ грѣховныя крайности привилегированныхъ семействъ истощали народное терпѣніе—тогда они уни-

что жались, изгонялись, или подчинялись общему закону; иногда они сохраняли свой титул и власть, ограниченную закономъ; и мы видимъ, какъ постепенно создаются новые формы государственного устройства, которых впослѣдствіи были названы республиками.

Въ другихъ странахъ короли, окруженные тѣлохранителями (ибо они обладали достаточными средствами, для вооруженія и вознагражденія послѣднихъ)—пользовались безграничной властью: таково было происхожденіе тираніи.

Въ некоторыхъ краяхъ, преимущественно тамъ, где маленькие народы совершенно не имѣли крупныхъ центровъ, первичные формы ихъ государственности сохранились вплоть до момента, когда они подпадали подъ иго завоевателя, или когда они, увлекаемые духомъ грабежа, сами разбивались по чужой территории.

Тиранія, сосредоточенная на небольшомъ пространствѣ, могла продолжаться недолго. Народы скоро сбрасывали съ себя иго, наложенное на нихъ исключительно силой и не поддерживающее установившимися воззрѣніями. Чудовище видно было слишкомъ близко, чтобы внушать къ себѣ чувство страха или ужаса: и сила, какъ и мнѣніе не могли бы выковать достаточно прочныхъ цѣней, если бы тираны не раздвигали границы своихъ владѣній и не распространяли свою власть на пространствѣ достаточно большомъ, чтобы имѣть возможность, раздѣляя угнетаемый ими народъ, скрывать отъ него тайну своего могущества и его слабости.

Исторія республикъ относится къ слѣдующей эпохѣ: но та, которая занимаетъ настъ теперъ, представить намъ иное зреѣніе.

Земледѣльческій народъ, подчиненный иноzemнымъ завоевателямъ, отнюдь не бросалъ своего очага—необходимость заставляла его работать на своихъ господь.

Господствующая нація, то удовлетворялась оставленiemъ на завоеванной территории намѣстниковъ для управления и солдатъ для ея охраны, а въ особенности, чтобы удерживать въ подчиненіи жителей и вымогать отъ безоружныхъ подданныхъ дань деньгами или стѣстными припасами. Иногда она захватывала даже территорію, распредѣляя ее въ собственность между солдатами и полководцами. Тогда прикрѣпляли къ каж-

дому участку старого земледѣльца, который ее воздѣлывалъ, и подчиняли его этому новому виду крѣпостничества, регламентируемаго болѣе или менѣе суровыми законами. Военная служба и поземельный налогъ являются для новыхъ собственниковъ условіями, связанными съ пользованіемъ этими землями.

Иногда завоеватель присваивалъ себѣ право собственности на землю, распредѣляя ее только въ пользованіе, налагая тѣ же повинности. Почти всегда обстоятельства заставляютъ практиковать одновременно эти три формы вознагражденія виновниковъ побѣды и ограбленія побѣженныхъ.

На почвѣ создавшихся отношеній между завоевателями и побѣженными, зарождаются новые классы людей: потомки господствующаго народа и таковыя угнетеннаго. Наслѣдственное дворянство, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ патрициатомъ республикъ, и народъ, обреченный на трудъ, зависимость и униженіе, не будучи, однако, рабомъ; наконецъ, крѣпостные, отличающіеся отъ домашнихъ рабовъ меньшей закабаленностью, что давало имъ возможность опираться на законъ въ борьбѣ съ произволомъ своихъ господъ.

Здѣсь можно также наблюдать происхожденіе феодализма, который въ извѣстныя эпохи цивилизациіи являлся бичомъ не только Европы, но встрѣчается почти на всемъ земномъ шарѣ, и всегда, когда одна и та же территорія оказывалась занятой двумя народами, между которыми побѣда устанавливала наслѣдственное неравенство.

Наконецъ, плодомъ завоеванія являлся также деспотизмъ. Подъ словомъ деспотизмъ, въ отличие отъ недолговѣчной тираніи, я разумѣю здѣсь угнетеніе народа однимъ человѣкомъ, который господствуетъ надъ нимъ въ силу сложившагося воззрѣнія, привычки и въ особенности благодаря сильной арміи, надъ которой онъ пользуется самодержавной властью, но вынужденъ уважать ея предразсудки, угождать ея капризамъ, поощрять ея жадность и тщеславіе.

Непосредственно охраняемый значительной по числу и отборной частью этой арміи, образованной изъ народа завоевателя, или чуждаго массѣ подданныхъ; окруженный наиболѣе могущественными полководцами; управляя провинціями черезъ своихъ сатраповъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи болѣе

слабыя части этой самой арміи—онъ царствуетъ въ силу внутреннаго имъ страха. Никто изъ среды покореннаго народа, или сатраповъ, разсѣянныхъ и соперничающихъ между собой, не представляетъ себѣ возможнымъ возстать противъ него, противопоставить силъ силу, и не можетъ его сокрушить.

Возстаніе гвардіи, бунтъ въ столицѣ могутъ быть гибельными для деспота, нисколько не ослабляя деспотизма. Генераль побѣдоносной арміи можетъ, уничтожая династію, освященную предразсудкомъ, основать новую, но для того, чтобы осуществлять ту же тиранію.

Въ эту третью эпоху у народовъ, не испытавшихъ еще несчастья быть ни побѣдителями, ни побѣжденными, мы можемъ наблюдать эти простыя и важныя нравственные достоинства земледѣльческихъ націй, эти нравы геройческихъ времень, картина которыхъ, представляя смѣсь величія и дикости, великодушія и варварства такъ привлекательна, что заставляетъ насъ еще теперь ими восхищаться и даже сожалѣть о нихъ.

Картина нравовъ, которую мы наблюдаемъ въ государствахъ, основанныхъ завоевателями, намъ представляетъ напротивъ всѣ черты униженія и разврата, до которой деспотизмъ и суевѣrie могутъ довести человѣческій родъ. Именно тамъ мы видимъ зарожденіе налоговъ на промышленность и торговлю, лихоміства, вынуждающаго покупать право использовать свои способности по своему усмотрѣнію, законовъ, препятствующихъ человѣку свободно избрать себѣ трудъ и распоряжаться своей собственностью, законовъ, привязывающихъ дѣтей къ профессіямъ своихъ отцовъ, конфискацій, жестокихъ казней. Словомъ, всѣхъ тѣхъ актовъ произвола, закономѣрной тираніи и суевѣрий жестокостей, которые только презрѣніе къ человѣку могло изобрѣсть.

Можно замѣтить, что среди племенъ, совершенно не пережившихъ великихъ революцій, прогрессъ цивилизациіи остановился на чрезвычайно низкомъ уровнѣ. Люди тѣмъ не менѣе испытывали тамъ потребность въ новыхъ идеяхъ, или новыхъ ощущеніяхъ—первичный двигатель прогресса человѣческаго разума, который равнымъ образомъ развиваетъ склонность къ излишествамъ роскоши, поощряетъ промышленность, побуждаетъ любознательность, проникая жаднымъ взоромъ покровъ,

подъ которыми природа спрятала свои тайны. Но почти всюду случалось такъ, что для того, чтобы избавиться отъ этой потребности люди искали физическихъ средствъ, посредствомъ которыхъ они могли бы доставлять себѣ безпрерывно обновляющіяся ощущенія, увлекавшія ихъ до бѣшенства. Такова привычка употребленія крѣпкихъ напитковъ, опія, табаку и другихъ наркотическихъ средствъ. Очень мало такихъ народовъ, у которыхъ не наблюдалась бы одна изъ этихъ привычекъ, доставляющихъ удовольствіе, которое продолжается цѣлые дни, или повторяется во всякое время, которое позволяетъ не тяготиться временемъ, удовлетворяетъ потребности быть занятымъ или возбужденнымъ, и которое въ конечномъ итогѣ притупляетъ способности человѣка, удлинная младенческое и бездѣятельное состояніе его разума. Эти самыя привычки, послужившія препятствиемъ для прогресса невѣжественныхъ или порабощенныхъ народовъ, затрудняютъ еще теперь въ культурныхъ странахъ распространеніе чистаго свѣта знаній равномѣрно среди всѣхъ классовъ населенія.

Описывая состояніе ремесль въ двухъ первыхъ эпохахъ развитія общества, мы покажемъ, какимъ образомъ эти первобытные народы, помимо ремесль по обработкѣ дерева, камня, или животныхъ костей, дубленія кожъ и изготовленія тканей, постигли болѣе трудныи красильное и горшечное искусства и даже начала работы по металлу.

Прогрессъ этихъ ремесель долженъ быть быть медленнымъ у изолированныхъ націй, но установившіяся между ними, хотябы слабыя, сошенія ускоряли его. Новый процессъ, открытый однимъ народомъ, становится общимъ достояніемъ сосѣдей. Завоеванія, которымъ столько разъ гибельно отражались на развитії ремесль, прежде чѣмъ ихъ остановить, или способствовать имъ упадку, сначала ихъ распространяли и содѣйствовали ихъ совершенствованію.

Мы видимъ, что иѣкоторыя изъ этихъ ремесель достигаютъ высшей степени совершенства у народовъ, у которыхъ долгое вліяніе суевѣрія и деспотизма повлекло за собой вырожденіе всѣхъ человѣческихъ способностей. Но, если присмотрѣться къ чудесамъ этой рабской промышленности, мы здѣсь не замѣтимъ ничего такого, что было бы отмѣчено печатью добродѣтельнаго гenія: всѣ эти усовершенствованія являются плодомъ медлен-

наго и тяжелаго труда, долгой рутины. Всюду наряду съ этой промышленностью, которая настъ удивляетъ, мы замѣчаемъ слѣды невѣжества и глупости, открывающіе намъ еи происходеніе.

Въ осѣдлыхъ и мирныхъ обществахъ астрономія, медицина, простейшія понятія анатоміи, умѣніе распознавать минералы и растенія, первичныя идеи естествознанія совершились, или скорѣе распространялись единственно въ силу вліянія времени, которое, умножая наблюденія, приводило медленно, но вѣрно, къ легкому, почти съ первого взгляда, пониманію нѣкоторыхъ общихъ слѣдствій, вытекавшихъ изъ этихъ наблюдений.

Тѣмъ не менѣе, прогрессъ былъ чрезвычайно незначителенъ, и науки остались бы на болѣе продолжительное время въ своемъ первичномъ состояніи, если бы нѣкоторыя семейства и въ особенности нѣкоторыя изолированныя касты не сдѣлали бы науки главнымъ основаніемъ своей славы и своего могущества.

Наблюденіе явлений природы уже дополнялось изученіемъ человѣка и общества. Уже небольшое количество правильъ практической морали и политики передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе; всѣмъ этимъ занимались касты; религіозныя идеи, предразсудки и суевѣрія также способствовали увеличенію ихъ власти. Онѣ унаследовали профессіи первыхъ шарлатановъ и колдуновъ, но онѣ примѣняли ихъ съ большимъ искусствомъ, чтобы одурачить болѣе развитые умы. Ихъ дѣйствительныя познанія, кажущаяся суровость ихъ жизни, лицемѣрное презрѣніе къ тому, что является предметомъ желаній обыкновенныхъ смертныхъ, придавали ихъ власти известное обаяніе, между тѣмъ, какъ въ силу этого самаго обаянія ихъ слабыя позиціи и лицемѣрныя добродѣтели пріобрѣтали въ глазахъ народа сакральное значеніе. Члены этихъ кастъ прежде всего прѣстѣдовали съ почти равнымъ усердіемъ двѣ совершенно различныхъ вещи: пріобрѣтеніе для самихъ себя новыхъ познаній и использование тѣхъ, которыми они уже обладали, для того, чтобы обманывать народъ и господствовать надъ умами.

Ихъ мудрецы занимались преимущественно астрономіей, и поскольку можно судить по разсѣяннымъ остаткамъ памятниковъ ихъ трудовъ, кажется, что они въ этой области достигли

наивысшей точки, на которую возможно было подняться безъ помощи зрительныхъ стеколь, безъ примѣненія теорій высшей математики для вычислениій основныхъ законовъ міровой системы.

Въ самомъ дѣлѣ, помощью длиннаго ряда наблюдений можно получить довольно точныя познанія о движениіяхъ планетъ и быть въ состояніи вычислить и предсказать небесныя явленія. Эти эмпиріческіе законы, которые тѣмъ легче находить, чѣмъ продолжительнѣе періодъ наблюдений, не привели этихъ первыхъ астрономовъ къ открытію общихъ законовъ міровой системы, но они были достаточны, чтобы удовлетворять всему тому, что могло касаться потребностей человѣка, или возбуждало его любопытство и увеличивали доѣдѣре къ этимъ узураторамъ исключительного права поучать.

Жреческимъ кастамъ мы, повидимому, обязаны изобрѣтеніемъ ариометрическихъ правилъ, этого удачнаго способа представлять всѣ числа небольшимъ количествомъ знаковъ и производить помошью чрезвычайно простыхъ техническихъ операций вычислениія, которыхъ человѣческій умъ, не вооруженный этимъ средствомъ, не могъ бы постигнуть. Мы видимъ адѣль первый примѣръ тѣхъ методовъ, которые удваиваютъ силы ума и помошью которыхъ онъ можетъ безконечно расширять предѣлы своего познаванія, не вѣтрчая границъ, перейти черезъ которыхъ ему было бы запрещено.

Но мы не видимъ, чтобы ариометрика двинулась у нихъ дальше знакомства съ этими простѣйшими операциями.

Ихъ геометрія, заключая въ себѣ то, что необходимо было для земледѣлія и для практическихъ занятій астрономіей, остановилась на знаменитой теоремѣ, которую Пиегагоръ перенесъ въ Грецію, или вновь самостоятельно открылъ.

Производство машинъ жрецы предоставляли тѣмъ, которые должны были ими пользоваться. Однако, нѣкоторыя свѣдѣнія, достовѣрность которыхъ ослабляется благодаря примѣси различныхъ небылицъ, какъ будто говорятъ за то, что жрецы сами изучали практическую механику, какъ одно изъ средствъ, помошью котораго можно было поражать умы чудесами.

Законы движениій, рациональная механика совершенно не останавливали на себѣ ихъ вниманіе.

Если они изучали медицину и хирургию, преимущественно постольку, поскольку это нужно было для лѣченія ранъ, то зато игнорировали анатомію.

Ихъ познанія по ботаникѣ и естественной исторіи ограничивались предметами, употребляемыми въ качествѣ лекарствъ, нѣкоторыми растеніями, нѣкоторыми минералами, обладаніе которыми представлялось имъ въ этомъ отношеніи полезнымъ.

Ихъ химія, сокращенная до простѣйшихъ процессовъ, безъ теоріи, безъ метода, безъ анализа, представляла собой только искусство приготавлять нѣкоторые препараты, составлять нѣкоторые секретныя смѣси, которыми они пользовались въ своей медицинской практикѣ, для ремесль, или для того, чтобы ослѣплять глаза невѣжественной толпы, подчиненной начальникамъ столь же невѣжественнымъ, какъ она сама.

Прогрессъ наукъ бытъ для нихъ только второстепенной цѣлью, средствомъ упрочить или расширить свою власть. Они искали истины только для того, чтобы распространять заблужденія; и не нужно поэтому удивляться, что они такъ рѣдко ее находили.

Однако этотъ прогрессъ, какъ бы медленнымъ и слабымъ онъ бы ни былъ, сталъ бы невозможнымъ, если бы эти люди не знали письменности, этого единственного средства обеспечить существование традицій, ихъувѣковѣчить, сообщать и передавать знанія, какъ только они начинаютъ умножаться.

Такимъ образомъ іероглифическая письмена были ихъ первымъ изобрѣтеніемъ, или они были открыты до образования учительствующихъ касть.

Такъ какъ цѣлью ихъ было не просвѣщать, а господствовать, они не только не дѣлились съ народомъ всѣми своими знаніями, но еще разворачивали его заблужденіями, которыхъ имъ трудно было ему сообщать; они его обучали не тому, что они сами считали истиной, но тому, что имъ было выгодно.

Они ему ничего не показывали безъ того, чтобы не примѣшивать Богъ вѣсть чего сверхъестественного, священнаго, небеснаго, что заставляло разматривать ихъ какъ сверхчеловѣковъ, какъ надѣленныхъ божественнымъ даромъ, какъ получившихъ путемъ небеснаго откровенія свои знанія, запрещенные для остальныхъ людей.

Они, такимъ образомъ, имѣли двѣ доктрины: одну для са-
мыхъ себя, другую для народа. Часто даже, раздѣлившись на
нѣсколько орденовъ, они въ каждомъ изъ послѣднихъ сохра-
няли свои тайны. Всѣ низшіе ордена были одновременно обман-
щиками и обманутыми, и система лицемѣрія открывалась во
всей своей наготѣ только глазамъ немногихъ посвященныхъ.

Ничто такъ не благопріятствовало этому двуличію, какъ
измѣненія нарѣчій, которыя явились продуктомъ времени, уста-
новившагося сообщенія и смѣщенія народовъ. Люди двойной
доктрины, сохрания для себя старое нарѣчіе, или пользуясь
языкомъ другого народа, обеспечивали себѣ также преимущество
обладанія языкомъ понятнымъ только имъ самимъ.

Первичная письменность, означавшая вещи болѣе или ме-
нѣе точнымъ изображеніемъ или самой вещи, или аналогич-
ного предмета, уступивъ мѣсто болѣе упрощенному письму,
когда подобіе этихъ предметовъ почти изгладилось, когда стали
употреблять уже въ нѣкоторомъ родѣ чисто условные знаки —
осталась въ пользованіи у таинственной доктрины. И такимъ
образомъ послѣдняя имѣла свою особую письменность, какъ
она уже имѣла свой особый языкъ.

Въ изначальныхъ нарѣчіяхъ почти каждое слово — метафора
и каждая фраза — аллегорія. Умъ улавливаетъ одновременно
смыслъ переносный и буквальный; слово представляетъ идею
и въ то же время аналогичное изображеніе, которымъ послѣд-
няя выражалась. Но разумъ, привыкшій употреблять слово въ
фигуральномъ смыслѣ въ концѣ концовъ останавливается ис-
ключительно на послѣднемъ, не считаясь съ подлиннымъ зна-
ченіемъ; и этотъ вначалѣ фигуральный смыслъ, постепенно
становится обыкновеннымъ и собственнымъ значеніемъ того
же самого слова.

Жрецы, сохранившіе изначальный аллегорический языкъ,
употребляли его въ сношеніяхъ съ народомъ, который не могъ
болѣе улавливать истиннаго смысла этого языка и привык-
шій понимать слова въ одномъ значеніи, ставшемъ ихъ соб-
ственнымъ, слышать невозможныя небылицы, когда эти самыя
выраженія въ пониманіи жрецовъ оказывались простѣйшими
истинами. Такое-же употребленіе они сдѣлали изъ своей свя-
щенной письменности. Народъ видѣлъ людей, животныхъ, чу-

довищъ тамъ, гдѣ жрецы хотѣли изобразить астрономическое явленіе, одинъ изъ фактовъ исторіи года.

Такъ, напримѣръ, жрецы почти всюду въ своихъ размышленіяхъ создавали себѣ метафизическую систему великаго цѣлаго, громаднаго, вѣчнаго, только видоизмѣненіями котораго являются всѣ существа и всѣ события, наблюдаемыя во вселенной. На небѣ они видѣли только группы звѣздъ, посыпанныя по этимъ несмѣтнымъ пустынямъ, планеты, совершающія болѣе или менѣе сложныя движенія и чисто физическая явленія, оказывающіяся результатомъ расположения этихъ свѣтиль. Они надѣляли именами эти группы звѣздъ и эти планеты, движущіяся по кругамъ, или кажущіяся неподвижными, чтобы изобразить ихъ расположенія и видимое движеніе, чтобы уяснить себѣ небесныя явленія.

Но ихъ языкъ, ихъ письмена, выражая для нихъ эти метафизическія воззрѣнія, эти естественные истинны, изображали въ глазахъ народа наиболѣе абсурдную миѳологическую систему, которая легла въ основаніе его наиболѣе нелѣпыхъ вѣрованій, наиболѣе безсмысленныхъ культовъ, наиболѣе постыдныхъ, или варварскихъ религіозныхъ обрядовъ.

Таково происхожденіе почти всѣхъ извѣстныхъ религій, которыхъ впослѣдствіи, благодаря ханжеству, или сумасбродству ихъ изобрѣтателей, или прозелитовъ, обогатились новыми нелѣпостями.

Эти касты захватили въ свои руки воспитаніе, чтобы пріучать человѣка безропотно носить житецкія цѣпи, чтобы лишать его желанія ихъ разорвать. Но если мы хотимъ понять, до какой степени эти учрежденія, даже безъ помощи суевѣрныхъ ужасовъ, могутъ гибельно вліять на человѣческія способности, намъ нужно на мгновеніе остановить свое вниманіе на Китаѣ, на томъ народѣ, который какъ будто только для того опередилъ другіе народы въ наукахъ и искусствахъ, чтобы затѣмъ быть оттѣсненнымъ на самый задній планъ, которому знакомство съ артиллеріей не помѣшало быть побѣженнымъ варварскими націями. Въ Китаѣ науки, изучаемыя въ многочисленныхъ школахъ, открытыхъ для всѣхъ гражданъ, служить единственнымъ источникомъ всѣхъ почестей. Тѣмъ не менѣе, подчиненный нелѣпымъ предразсудкамъ, онъ осуждены быть

въчно посредственными. Въ этой странѣ даже изобрѣтеніе книгопечатанія оказалось совершенно бесполезнымъ для прогресса человѣческаго разума.

Люди, которые видѣли въ обманѣ свою выгоду, должны были скоро проникнуться отвращеніемъ къ исканію истины. Довольные спокойствіемъ народовъ, они полагали, что не представляется надобности въ новыхъ средствахъ для упроченія своего положенія. Нѣкоторое время спустя они сами забыли часть истинъ, скрытыхъ въ ихъ аллегоріяхъ; отъ своей былой учености они сохранили только то, что было безусловно необходимо для поддержанія своего престижа въ глазахъ учениковъ; и они въ концѣ концовъ сами оказывались обманутыми своими собственными вымыслами.

Съ тѣхъ порь всякий прогрессъ въ наукахъ остановился: даже часть тѣхъ наукъ, свидѣтелями которыхъ были предшествовавшіе вѣка, были потеряны для егъдущихъ поколѣній: и въ тѣхъ обширныхъ царствахъ, безпрерывное существованіе которыхъ обезчестило въ столь отдаленные времена Азію, человѣческій разумъ, предоставленный невѣжеству и предразсудкамъ, былъ обреченъ на позорную неподвижность.

Народы, населяющіе эти имперіи, являются единственными, у которыхъ можно наблюдать одновременно и эту ступень цивилизациіи и эту упадокъ.

Народы, занимавшіе остальную поверхность земного шара, были остановлены въ своемъ развитіи и намъ еще напоминаютъ собой времена младенческаго состоянія человѣческаго рода, или они были увлечены событиями черезъ послѣдующія эпохи, исторію которыхъ намъ предстоитъ еще начертать.

Въ эпоху, къ которой мы подошли эти самые азіатскіе народы изобрѣли азбуку, которой они замѣнили іероглифическія письмена; это изобрѣтеніе вѣроятно имѣло мѣсто послѣ того, какъ они употребляли письменность, въ которой каждая идея символизируется условными знаками и которая еще понынѣ является единственнымъ достояніемъ китайцевъ.

Исторія и разсужденіе могутъ намъ освѣтить процессъ постепенного перехода отъ іероглифовъ къ этому въ нѣкоторомъ родѣ времененному состоянію письменности; но ничто не можетъ намъ указать съ нѣкоторой точностью ни страну, ни время, гдѣ и когда азбука была впервые введена въ употребленіе.

Это открытие было впослѣдствіи перенесено въ Грецію, къ тому народу, который оказалъ счастливое и могущественное вліяніе на прогрессъ человѣческаго разума, геній которого открывалъ ему всѣ пути къ истинѣ, который былъ созданъ природой и предназначенъ судьбой, чтобы быть благодѣтелемъ и путеводителемъ всѣхъ націй во всѣхъ вѣкахъ;—честь, которая до сихъ поръ не выпадала на долю ни одного народа.

Лишь одинъ народъ могъ впослѣдствіи питать надежду быть во главѣ новаго переворота судебъ человѣчества. Природа, и теченіе событий какъ бы сговорились доставить ему эту славу. Но не будемъ стремиться предугадывать то, что неизвѣстное будущее отъ насъ еще скрываетъ.

—

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕДВІДКОВА

ЧЕТВЕРТАЯ ЭПОХА.

Прогрессъ человѣческаго разума въ Греціи до времени
раздѣленія наукъ въ вѣкъ Александра.

Греки, возненавидѣвъ своихъ царей, которые, называя себя потомками боговъ, безчестили человѣческій родъ своими безумствами и преступленіями—раздѣлились на республики. Изъ послѣднихъ только Лакедемонія признавала наслѣдственныхъ начальниковъ, власть которыхъ, однако, умѣрялась авторитетомъ другихъ должностныхъ лицъ, и которые были подчинены законамъ, какъ всѣ труждане и ослаблены вслѣдствіе раздѣленія царства между наслѣдниками двухъ развѣтвленій династіи Гераклидовъ.

Жители Македоніи, Фессаліи и Эпира, связанные съ греками общностью происхожденія и языка, управляемые бессильными князьями, необъединенные между собой не могли угнетать Грецію, но были достаточно сильны для того, чтобы охранять ее съ сѣвера отъ набѣговъ скиѳскихъ племенъ.

Съ запада Италія, раздѣленная на изолированныя и небольшія государства, не могла внушать ей никакихъ опасеній. Даже почти вся Сицилія и наиболѣе удобные порты южной Италии были уже заняты греками колонистами, которые, сохрания братскія отношенія со своей метрополіей, тѣмъ не менѣе, образовали независимыя республики. Другія колоніи возникли на островахъ Эгейскаго моря и на нѣкоторой части побережной полосы Малой Азіи.

Такимъ образомъ, присоединеніе этой части азіатскаго материка къ обширной имперіи Кира было единственной реальной опасностью, которая могла угрожать независимости Греціи и свободѣ ея жителей.

Тиранія, хотя болѣе продолжительная въ нѣкоторыхъ колоніяхъ и въ особенности въ тѣхъ, основанію которыхъ предшествовало истребленіе царскихъ фамилій, могла тамъ быть рассматриваема только какъ временный и слабый бичъ, какъ источникъ бѣдствій жителей нѣкоторыхъ городовъ, не оказавшій, однако, вліянія на общій духъ націи.

Греція позаимствовала у восточныхъ народовъ ихъ ремесла, часть ихъ знаній, азбуку и ихъ религіозныя системы. Всѣмъ этими Греція обязана сношеніямъ, установившимся между нею и этими народами, изгнаникамъ, искашившимъ убѣжища въ Греціи, наконецъ, греческимъ путешественникамъ, вывозившимъ изъ Востока знанія и заблужденія.

Науки не могли, такимъ образомъ, стать въ Греціи занятіемъ и родовымъ достояніемъ особой касты. Функции жрецовъ ограничивались обрядами богослуженія. Гений могъ тамъ развернуть всѣ свои силы, не будучи подчиненнымъ педантическому надзору и лицемѣрной системѣ греческой коллегіи. Всѣ люди пользовались одинаковымъ правомъ познавать истину. Всѣ могли стремиться открывать истину для сообщенія ея всѣмъ и сообщать ее всю безъ ограниченій.

Это счастливое обстоятельство, еще болѣе, чѣмъ политическая свобода, обусловило независимость человѣческаго разума у грековъ и явилось залогомъ быстраго и широкаго его прогресса.

Тѣмъ не менѣе, греческие мудрецы и ученые, которые скоро стали именоваться болѣе скромно—«философами», или друзьями науки и мудрости—сбились съ пути въ безконечности слишкомъ обширного горизонта, который они хотѣли охватить своимъ умственнымъ взоромъ. Они хотѣли познать природу человѣка и боговъ, проникнуть въ тайны происхожденія міра и человѣческаго рода. Они пытались свести всю природу къ одному принципу и явленія вселенной къ единому закону. Они стремились заключить, въ одномъ правилѣ поведенія всѣ моральныя обязанности и тайну истиннаго счастья.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы открывать истины, они выдумывали системы; они пренебрегали наблюдениемъ фактъ, предпочитая отдаваться своему воображенію и лишенные возможности подкрѣплять свои воззрѣнія доказательствами, они пытались защищать ихъ хитростями. Однако, эти самые люди

успешно разрабатывали геометрию и астрономию. Греция имъ обязана элементарными понятиями въ этихъ наукахъ и даже нѣкоторыми новыми истинами, или, по крайней мѣрѣ, знаніемъ тѣхъ, которые они переняли у Востока не какъ религіозныя системы, но какъ *теоріи*, принципы и доказательства которыхъ имъ были понятны.

Въ туманѣ этихъ «системъ», придуманныхъ греками, мы видимъ свѣтъ, распространяемый двумя счастливыми идеями, съ которыми мы еще разъ встрѣтимся въ вѣка болѣе просвѣщенные.

Демокритъ рассматривалъ всѣ явленія вселенной, какъ результатъ сочетаній и движений простыхъ тѣлъ, результатъ опредѣленного и неизмѣнного круговорота; тѣла получаютъ первый толчекъ въ силу механической необходимости, откуда возникаетъ нѣкоторое количество энергіи, которая видоизмѣняется въ каждомъ атомѣ, но остается неизмѣнной во всей массѣ.

Пиѳагоръ провозгласилъ, что вселенная представляетъ собой стройный порядокъ, въ основаніи которого лежитъ число, производящее гармонію бытія, т. е., что всѣ феномены подчинены общимъ и численнымъ законамъ.

Легко узнать въ этихъ двухъ идеяхъ и смыслахъ системы Декарта и философию Ньютона.

Пиѳагоръ открылъ самостотельно, или позаимствовалъ у египетскихъ или индійскихъ жрецовъ, дѣйствительное расположение небесныхъ тѣлъ и истинную систему міра, съ которой онъ ознакомилъ грековъ. Но эта система слишкомъ не сооответствовала тогдашнимъ понятіямъ, слишкомъ противорѣчила народнымъ идеямъ, чтобы слабыя доказательства, которыми можно было установить ея истинность, были бы способны увлечь умы. Она осталась скрытой въ нѣдрахъ пиѳагорійской школы и была забыта вмѣстѣ съ нею, чтобы вновь появиться въ концѣ XVI вѣка, подкрѣпленная болѣе опредѣленными доказательствами, которыя тогда восторжествовали и надъ противными воззрѣніями и надъ суевѣрными предразсудками еще болѣе могущественными и болѣе опасными.

Эта пиѳагорійская школа распространилась главнымъ образомъ въ Великой Греціи; тамъ она воспитывала законодателей и неутомимыхъ защитниковъ правъ человѣчества: она погибла

подъ ударами тирановъ. Одинъ изъ нихъ сжегъ піеагорійцевъ въ ихъ школѣ. Эти гоненія были для послѣдователей Піеагора достаточной причиной, конечно, не для того, чтобы отречься отъ философіи учителя, не для того, чтобы отказаться отъ защиты народнаго дѣла, но для того, чтобы не носить больше имени, ставшаго слишкомъ опаснымъ и не осуществлять тѣхъ формъ общественныхъ отношеній, которыми служили только поводомъ для возбужденія ярости враговъ свободы и разума.

Однимъ изъ первыхъ основаній всякой хорошей философіи является ясная и точная терминологія, образованная специальнно для каждой науки, гдѣ каждый терминъ выражаетъ вполнѣ опредѣленную и ограниченную известными предѣлами идею, и строго аналитической методъ для точнаго опредѣленія и ограниченія идей.

Греки, напротивъ, злоупотребляли недостатками обычной рѣчи, чтобы играть словами, чтобы давить разумъ жалкими двусмысленностями, мутить его, выражая послѣдовательно одинъ и тѣмъ-же словомъ различные идеи. Однако, эти лукавые приемы, истощая силы ума нелѣбными затрудненіями, въ то же время придавали ему уточненность и гибкость. Такимъ образомъ, эта словесная философія, занимая такія вершины, гдѣ казалось человѣческій разумъ долженъ остановиться передъ непреодолимыми для него препятствіями,—не оказывали никакого непосредственнаго вліянія на его прогрессъ; но она этотъ прогрессъ подготовила: и мы будемъ еще имѣть случай повторить это самое наблюденіе.

Они занимались вопросами, быть можетъ, никогда не разрѣшившими человѣкомъ, соблазнялись важностью или величиемъ предметовъ, не считаясь съ тѣмъ хватить-ли у нихъ средствъ ихъ постигнуть; хотѣли создавать теоріи прежде, чѣмъ объединили факты и строить вселенную, не умѣя даже ее обозрѣвать; это было заблужденіе тогда вполнѣ простительное, которое съ первыхъ шаговъ остановило движение философіи. И потому Сократъ, сражаясь съ софистами, осмѣнивая ихъ хваленную ловкость, призывалъ грековъ возродить, наконецъ, на землѣ ту философію, которая затерялась въ небесахъ. Онъ не только не пренебрегалъ ни астрономіей, ни геометріей, ни наблюденіями явлений природы; ему не только была чужда ребяческая и ложная идея—ограничить человѣческій разумъ изученіемъ мо-

рали—напротивъ, именно его школѣ и его ученикамъ математической и физической науки обязаны своимъ прогрессомъ; среди насмѣшекъ, которыми стремятся осыпать его въ комедіяхъ, упрекъ, который больше всего служить поводомъ къ шуткамъ,—это то, что онъ разрабатывалъ геометрію, изучалъ метеоры, чертилъ географическія карты и производилъ наблюденія зажигательными стеклами ¹⁾; и благодаря замѣчательной случайности наиболѣе отдаленная эпоха послѣднихъ намъ стала известна только изъ карикатуры Аристофана.

Сократъ хотѣлъ только научить людей ограничиваться изслѣдованіемъ вещей, которыхъ природа сдѣлала доступными ихъ пониманію; укрѣплять каждый свой шагъ, прежде чѣмъ они попытаются сдѣлать новый; изучать окружающее ихъ пространство, прежде чѣмъ бросаются случайно въ невѣдомый край.

Его смерть является важнымъ событиемъ въ исторіи человѣческаго разума. Это первое преступленіе, которое породила борьба между философией и суетой.

Уже пожаръ ионіогорійской школы ознаменовалъ собой борьбу между философией и угнетателями человѣчества, не менѣе древнюю и не менѣе жестокую. Одна и другая будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока останутся на землѣ священники или цари, и эти войны займутъ большое мѣсто въ картинахъ, которую намъ осталось обозрѣть.

Жрецы съ тревогой смотрѣли на людей, которые, стремясь усовершенствовать свой умъ, доискиваться первопричинъ вещей, знали всю безсмысличество ихъ догмъ, всю нелѣпость ихъ обрядовъ, весь обманъ ихъ оракуловъ и чудесъ. Они боялись, чтобы эти философы не довѣрили этого секрета своимъ ученикамъ, посѣщавшимъ ихъ школы; чтобы отъ послѣднихъ онъ не перешелъ бы ко всѣмъ тѣмъ, которымъ, чтобы удержать свою власть, или укрѣпить къ себѣ довѣріе, они вынуждены были дать нѣкоторое развитіе ихъ уму; и чтобы такимъ образомъ жреческое сословіе не было бы низведено до

¹⁾ Историческая ошибка Кондорсэ. Извѣстно изъ единодушнаго свидѣтельства Платона и Ксенофонтова, что Сократъ былъ убѣжденнымъ противникомъ занятія естественно-научными проблемами.

положенія самаго грубаго клаеса народа, который въ концѣ концовъ самъ освободился бы отъ заблужденій.

Струсившее лицемѣре поспѣшило обвинить философовъ въ неуваженіи къ богамъ, дабы лишить ихъ возможности научить народы, что эти боги придуманы жрецами. Философы сочли нужнымъ, во избѣженіе преслѣдованія, пользоваться, по примѣру самихъ жрецовъ, двойной доктриной, довѣряя только испытаннымъ ученикамъ воззрѣнія, которыя слишкомъ открыто нападали на предразсудки толпы.

Но жрецы представляли народамъ даже простѣйшій физической истины, какъ богохульство. Они преслѣдовали Анаксагора за то, что онъ имѣть смѣлость сказать, что солнце гораздо больше Пелопонеса.

Сократъ не могъ избѣжать ихъ ударовъ. Въ Афинахъ не было уже больше Перикла, который неустемимо стоялъ на стражѣ генія и добродѣтели. Сократъ, сверхъ того, былъ болѣе всѣхъ виновенъ. Его ненависть къ софистамъ, его усердіе, съ которымъ онъ старался направить запутавшуюся философію къ изученію предметовъ наиболѣе полезныхъ — все говорило жрецамъ, что только истина была предметомъ его исканій, что онъ хотѣлъ не заставить людей принять новую систему и подчинить ихъ воображеніе своему, но учить ихъ пользоваться собственнымъ разумомъ. Изъ всѣхъ преступленій именно это послѣднее жреческое высокомѣре менѣе всего способно было простить.

Непосредственно послѣ смерти Сократа Платонъ началъ читать лекціи, развивая занѣты资料 of his teacher.

Его обаятельный слогъ, его блестищее воображеніе, веселыя или величественные картины, нарисованныя имъ, тонкія и занимательные остроты, которыя онъ щедро разсыпалъ, устраивали въ его діалогахъ сухость философскихъ разсужденій. Эти правила доброй и чистой морали, которыя онъ умѣль распросранить, это искусство, съ которымъ онъ приводитъ въ дѣйствіе воображаемыхъ участниковъ своихъ бесѣдъ, сохрания для каждого даже его пластическую характеристику. Всѣ эти красоты, которыя не потускнѣли отъ времени и перемѣнъ взглядахъ, безъ сомнѣнія, должны искупить философскія мечтанія, которыя слишкомъ часто являются подпочвой его трудовъ, то злоупотребленіе словами, которымъ его учитель такъ

упрекалъ софистовъ и отъ котораго онъ не могъ предохранить своего первого ученика.

Читая эти діалоги, кажется невѣроятнымъ, чтобы они могли принадлежать перу философа, который, какъ гласила надпись на дверяхъ его школы, воспрещалъ входъ туда всякому, кто не изучалъ бы геометріи; и чтобы тотъ, который съ такою смѣлостью предлагаетъ столь легкомысленные и пустыя гипотезы, былъ бы основателемъ секты, гдѣ впервые подвергнуты были строгому изслѣдованию основы достовѣрности человѣческихъ знаній и даже были поколеблены тѣ, которыхъ болѣе просвѣщенный умъ заставилъ бы уважать.

Но недоумѣніе исчезнетъ, если принять во вниманіе то обстоятельство, что Платонъ никогда не говорить отъ своего имени, что за него въ діалогахъ всегда выражается со скромной неувѣренностью его учитель Сократъ; что системы излагаются отъ имени тѣхъ, которые дѣйствительно были ихъ авторами, или которыхъ Платонъ вообразилъ таковыми; что эти діалоги такимъ образомъ являются еще школой пирронизма и что Платонъ сумѣлъ показать одновременно смѣлое воображеніе ученаго, которому нравится комбинировать и развивать блестящія гипотезы и осторожность философа, который увлекается своимъ воображеніемъ, не давая себя однако имъ увѣдѣть; ибо его разумъ, вооруженный спасительной недовѣрчивостью, умѣлъ защищаться отъ иллюзій даже наиболѣе соблазнительныхъ.

Эти школы, гдѣ доктрина и въ особенности принципы и методъ первого основателя упрочивались, причемъ, однако, его послѣдователи были далеки отъ рабской покорности — эти школы имѣли то преимущество, что онѣ объединяли узами свободнаго братства людей, стремившихся проникнуть въ тайны природы. Если мнѣніе учителя тамъ слишкомъ часто пользовалось авторитетомъ, который долженъ принадлежать только разуму; если въ силу этого подобное учрежденіе тормозило прогрессъ знаній, то все-таки оно содѣствовало быстрому и широкому ихъ распространенію. И въ то время, когда книгопечатаніе не было извѣстно и даже рукописи были чрезвычайно рѣдки, эти большія школы, слава которыхъ привлекала учениковъ со всѣхъ концовъ Греціи, являлись наиболѣе могущественнымъ средствомъ для развитія склонности къ философіи и распространенія новыхъ истинъ.

Эти соперничающие школы боролись съ враждебностью, характерной для сектантского духа, и часто истина приносилась въ жертву успѣху доктрины, которая явилась предметомъ гордости каждого члена секты. Личная страсть прозелизма заглушала болѣе почтенное стремленіе просвѣщать людей. Но въ то же время это соперничество поддерживало полезную дѣятельность умовъ; зреюще этихъ диспутовать, интересъ, который возбуждала эта борьба мнѣній, привлекали къ изученію философіи массу такихъ людей, которыхъ одна только любовь къ истинѣ не могла бы оторвать ни отъ повседневныхъ занятій, ни отъ удовольствій, ни даже отъ лѣни.

Наконецъ, такъ какъ эти школы, эти секты, которыхъ греки имѣли мудрость никогда не превращать въ публичныя учрежденія, оставались совершенно свободными: такъ какъ каждый могъ по желанію открывать другую школу, или образовать новую секту—то нисколько не приходилось бояться того порабощенія умовъ, которое у большинства другихъ народовъ представляло собой неустранимое препятствие для прогресса человѣческаго разума.

Мы покажемъ, каково было вліяніе философовъ на умы грековъ, на ихъ нравы, законы, правительства, вліяніе, которое должно быть преимущественно и главнымъ образомъ приписано тому, что они не имѣли, или не хотѣли имѣть никакого политического положенія, что добровольное удаленіе отъ общественныхъ дѣлъ было правиломъ общаго поведенія почти всѣхъ сектъ, что, наконецъ, они старались отличаться отъ другихъ людей своей жизнью, какъ они отличались своими воззрѣніями.

Рисуя картину этихъ различныхъ сектъ, мы мало будемъ заниматься ихъ системами, какъ и принципами ихъ философій, мы не будемъ доискиваться, какъ это слишкомъ часто дѣлается, какая именно нелѣпая доктрина скрывается отъ насъ этой мудреной языкомъ, ставшій почти непонятнымъ, но мы постараемся показать, какая общія заблужденія привели ихъ къ этимъ ложнымъ путямъ и вскрыть, такимъ образомъ, начало естественнаго движения человѣческаго разума.

Мы въ особенности займемся изложеніемъ прогресса реальныхъ наукъ и послѣдовательного совершенствованія ихъ методовъ.

Въ эту эпоху философія обнимала подти всѣ науки, исключая медицины, которая уже была выдѣлена въ самостоятельную дисциплину. Сочиненія Гиппократа могутъ намъ показать, каково было тогда состояніе этой науки и тѣхъ, которыхъ съ нею естественно связаны. Послѣднія существовали только какъ вспомогательныя къ медицинѣ области знаній.

Математическія науки успѣши разрабатывались въ школахъ Фалеса и Пиѳагора и значительно выше поднялись у нихъ надъ тѣмъ уровнемъ, на которомъ онъ остановились въ жреческихъ коллегіяхъ восточныхъ народовъ. Но съ возникновенiemъ платоновской школы онъ стремится перейти границу, которую для нихъ создала идея—ограничивать изученіе математики непосредственной и практической ея полезностью.

Платонъ первый рѣшилъ задачу удвоенія куба, правда, посредствомъ непрерывнаго движенія, но процессомъ остроумнымъ и способомъ несомнѣнно точнымъ. Его первые ученики открыли теорію коническихъ сѣченій, опредѣлили главныя ихъ свойства и въ силу этого открыли генію тотъ безконечно широкій горизонтъ, гдѣ онъ сможетъ вѣчно и безпрестанно применять свои силы, но границы котораго онъ, послѣ каждого сдѣланнаго имъ шага впередъ, увидитъ все больше удаляющимися отъ него.

Политическія науки обязаны своимъ прогрессомъ у грековъ не только одной философіи. Въ этихъ маленькихъ республикахъ, ревниво охранявшихъ свою независимость и свободу, почти всюду было принято поручать одному человѣку не законодательную власть, но функции составленія законопроектовъ и представлениія ихъ народу, который, обсудивъ ихъ, давать имъ свою непосредственную санкцію.

Народъ, такимъ образомъ, возлагалъ этотъ трудъ на философа, заслужившаго его довѣріе своими добродѣтелями или мудростью, но онъ ему не даровалъ никакой власти. Только народъ самъ осуществлялъ то, что мы называемъ законодательной властью. Привычка, столь гибельная, вносить въ политическія учрежденія элементъ суевѣрія, препятствовала воплощенію столь чистой идеи—давать законамъ какой-нибудь страны, то систематическое единство, которое одно только можетъ облегчить проведеніе ихъ въ жизнь и обеспечить имъ продолжительное существованіе. Сверхъ того, политика не имѣла

еще достаточно твердыхъ принциповъ, чтобы не могли явиться опасенія, что законодатели внесутъ въ законопроекты свои предразсудки и свои страсти.

Законодатели не могли еще ставить себѣ задачей построить на разумѣ и естественномъ правѣ, наконецъ, на правилахъ всеобщей справедливости зданіе общества равныхъ и свободныхъ людей. Они могли только установить законы, въ силу которыхъ наслѣдственные члены уже существующаго общества сохраняли бы свою свободу, жили бы въ безопасности, располагали бы виѣшней силой, которая обеспечивала бы ихъ независимость.

Такъ какъ предполагалось, что эти законы, почти всегда связанные съ религией и освященные присягой, должны быть вѣчными, то мало заботились о томъ, чтобы обеспечить народу средства реформировать ихъ мирнымъ путемъ, предвидѣть необходимость измѣненія этихъ основныхъ законовъ, дабы предупредить тѣ случаи, когда частичная реформа портитъ всю систему или вызываетъ броженіе умовъ. Стремились создать преимущественно учрежденія, способныя воспламенить и питать любовь къ отечеству, уже предполагающую вѣрность законамъ или даже обычаямъ страны, и организацію властей, которая охраняла бы законы отъ нарушенія ихъ нерадивыми или развращенными должностными лицами, отъ вліянія могущественныхъ гражданъ и отъ беспокойныхъ движеній толпы.

Богатые, которые одни только имѣли тогда возможность приобрѣтать знанія, могли, захвативъ власть, угнетать бѣдныхъ и заставлять ихъ отдаваться въ руки тирана. Невѣжество и легкомысліе народа, его зависѣсть къ сильнымъ гражданамъ могли вызвать у послѣднихъ вполнѣ осуществимое желаніе—установить аристократический деспотизмъ, или передать ослабленную страну честолюбивымъ соображеніемъ. Вынужденные предохранить себя одновременно отъ этихъ двухъ опасностей, греческие законодатели прибѣгали къ болѣе или менѣе удачнымъ комбинаціямъ, но которыхъ почти всегда носили отпечатокъ той хитрости, той проницательности, которыхъ съ тѣхъ поръ стали характерными для общаго духа націи.

Врядъ ли можно было бы найти въ новѣйшихъ республикахъ, и даже въ проектахъ, составленныхъ философами, учрежденіе, образецъ или примѣръ котораго не дали бы греческія

республики. Ибо амфиктіоннія ліги этолійцевъ, аркадійцевъ и ахейцевъ являются прототипами новѣйшихъ Федерацій, союзъ которыхъ былъ болѣе или менѣе тѣснымъ; и между этими различными народами, связанными общностью происхожденія и языка, сходствомъ нравовъ, воззрѣй и религіозныхъ вѣрованій, установились менѣе варварскія отношенія и болѣе свободныя правила торговли.

Взаимоотношения между земледѣлемъ, промышленностью и торговлей съ одной стороны и государственнымъ устройствомъ и законодательствомъ какой либо страны—съ другой, ихъ влияние на ея благосостояніе, силу и свободу, не могли не быть замѣченными народомъ умнымъ, дѣятельнымъ, заботящимся объ общественныхъ интересахъ. Наука столь обширная и столь полезная, извѣстная теперь подъ именемъ «политической экономіи» стала зарождаться у грековъ.

Одно только наблюденіе образовавшихся формъ правленія было такимъ образомъ достаточно, чтобы скоро создать изъ политики обширную науку. И поэтому въ сочиненіяхъ философовъ она представляетъ собой скорѣе науку фактовъ, такъ сказать, науку эмпирическую, чѣмъ истинную теорію, основанную на общихъ принципахъ, почерпнутыхъ изъ явленій природы и провѣренныхъ разумомъ.

Такова точка зрѣнія, съ которой нужно смотрѣть на политическія идеи Аристотеля и Платона, если мы хотимъ проникнуть въ ихъ смыслъ и справедливо ихъ оцѣнивать.

Почти все учрежденія грековъ предполагали существование рабства и возможность собирать на площади всѣхъ гражданъ. Для того, чтобы правильно судить о дѣятельности этихъ учрежденій, а въ особенности для того, чтобы предугадать то, что они могли бы сдѣлать, будучи восстановлены современными великими націями, не слѣдуетъ ни на минуту терять изъ виду этихъ двухъ столь важныхъ и столь различныхъ обстоятельствъ. И нельзя безъ боли вспомнить о томъ, что тогда даже наиболѣе совершенные политические планы имѣли предметомъ свободу или счастье, самое большое, половины человѣческаго рода.

Воспитаніе было у грековъ важной частью политики. Оно готовило людей не столько для личной или семейной жизни, сколько для служенія отечеству. Этотъ принципъ можетъ примѣняться только небольшими народами, которымъ болѣе про-

стительно мыслить национальный интересъ отдаленнымъ отъ общечеловѣческаго. Онъ практиченъ только въ тѣхъ странахъ, гдѣ наиболѣе тяжелыя земледѣльческія и промышленныя работы исполняются рабами. Это воспитаніе почти ограничивалось физическими упражненіями, развитіемъ нравственныхъ принциповъ и привычекъ, способныхъ возбуждать исключительный патріотизмъ. Остальное свободно изучалось въ школахъ философовъ, или риторовъ, въ мастерскихъ художниковъ и эта свобода обученія является также одной изъ причинъ превосходства грековъ.

Въ ихъ политикѣ, какъ и въ ихъ философіи мы открываемъ одинъ общий принципъ, исключеній изъ котораго исторія врядъ-ли можетъ намъ много представить. Онъ выражается въ исканіи въ законахъ не столько средства устранить причины зла, сколько способа уничтожать его слѣдствія, противопоставляя эти причины одна другой; въ желаніи вводить въ учрежденія предразсудки и пороки скорѣе, чѣмъ ихъ разсѣивать или обуздывать; въ стремлѣніи извращать человѣка, возбуждать и раздражать его чувствительность чаще, чѣмъ совершенствовать, исправлять его наклонности и привычки, являющіяся неизбѣжнымъ порожденіемъ его моральной организаціи: ошибки, обусловленныя заблужденіемъ болѣе общаго характера—смотретьъ на вещи подъ угломъ зрѣнія современнаго имъ человѣка, т. е. человѣка, развращенного предразсудками, вождѣніями искусственно привитыхъ страстей, и соціальными привычками.

Это наблюденіе тѣмъ болѣе важно, оно будетъ тѣмъ болѣе необходимо для вскрытия источниковъ этого заблужденія, чтобы его вѣрило избѣжать, что оно удержалось вплоть до нашего вѣка и что оно еще слишкомъ часто въ наши дни уродуетъ мораль и политику.

Если сравнимъ законодательство и въ особенности форму и правила судебныхъ приговоровъ восточныхъ народовъ и грековъ, то мы увидимъ, что у однихъ законъ—это иго, подъ которое сила пригнула рабовъ, у другихъ—условія общаго договора, заключеннаго между людьми. У однихъ предметъ законныхъ формъ—это обеспеченіе исполненія воли владыки, у другихъ—гарантія свободы гражданъ. У однихъ законъ созданъ для того, который заставляетъ его исполнять, у другихъ для

того, кто долженъ ему подчиняться. У однихъ заставляютъ бояться закона, у другихъ научаютъ его ибжно любить: различія, которыхъ мы можемъ и теперь найти между законами свободныхъ и пребывающихъ въ рабствѣ народовъ. Мы увидимъ, что въ Греціи человѣкъ, по крайней мѣрѣ, чувствовалъ свои права, если онъ ихъ еще не позналъ, если онъ еще не умѣлъ углубляться въ ихъ сущность, обнять и представить ихъ себѣ въ полномъ объемѣ.

Въ эту эпоху первыхъ проблесковъ философіи у грековъ и ихъ первыхъ научныхъ шаговъ, изящныя искусства поднялись на такую ступень совершенства, которая не была еще достигнута ни однимъ народомъ и которая впослѣдствіи лишь для немногихъ оказалась доступной. Гомеръ жилъ въ періодъ тѣхъ смутъ, которыми сопровождались паденіе тирановъ и образованіе республикъ. Софоклъ, Эврипицъ, Пиндаръ, Оукидидъ, Демосфенъ, Фидій, Апеллестъ были современниками Сократа или Платона.

Мы нарисуемъ картину прогресса этихъ искусствъ и изслѣдуемъ причины, обусловливавшіе его. Мы расчленимъ то, что можно разсматривать, какъ усовершенствованіе искусства и то, что обязано своимъ происхожденіемъ счастливому гeniu художника; и благодаря этому приему мы увидимъ, какъ исчезнуть тѣ узкія границы, въ которыхъ заключили усовершенствованіе изящныхъ искусствъ. Мы прослѣдимъ вліяніе, которое оказали на нихъ прогрессъ формы правленія, законодательная система, духъ религіознаго культа; мы изслѣдуемъ то, чѣмъ онъ обязаны философіи и то, чѣмъ послѣдняя сама имъ обязана.

Мы покажемъ какимъ образомъ свобода, искусства, знанія способствовали смягченію и улучшенію нравовъ. Мы выяснимъ, что пороки грековъ, такъ часто приписываемые прогрессу ихъ цивилизаціи, имѣютъ своимъ происхожденіемъ болѣе грубыя вѣка и что просвѣщеніе, развитіе искусствъ ихъ умѣряли, если не могли ихъ уничтожить. Мы докажемъ, что эти краснорѣчивыя¹⁾ декламаціи противъ наукъ и искусствъ основаны на ложномъ примѣненіи исторіи и что, напротивъ, успѣхи просвѣщенія всегда сопровождались развитіемъ добродѣтели, подобно тому какъ порча нравовъ всегда слѣдовала или предвѣщала упадокъ.

¹⁾ Полемическій намекъ на Ж. Ж. Руссо. Ред.

ПЯТАЯ ЭПОХА.

Прогрессъ наукъ отъ ихъ раздѣленія до ихъ упадка.

Еще при жизни Платона его ученикъ Аристотель открылъ въ Аѳинахъ-же школу, соперничавшую со школой учителя.

Аристотель не только обнималъ рѣшительно всѣ науки, но онъ примѣнялъ также философскій методъ къ краснорѣчію и поэзіи. Онъ первый дерзнулъ высказать ту мысль, что этотъ методъ долженъ распространиться на все то, что доступно человѣческому пониманію; ибо въ познавательномъ процессѣ участвуютъ всегда одинъ и тѣ же способности и результатъ этого процесса долженъ поэтому всегда подчиняться однимъ и тѣмъ же законамъ.

Чѣмъ обширнѣе былъ планъ, который онъ себѣ начерталъ, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ потребность раздѣлить его на составные части и установить съ большей точностью предѣлы каждой. Начиная отъ этой эпохи, большинство философовъ и даже цѣлыхъ секты стали ограничиваться изученіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ частей.

Математическая и физическая науки были раздѣлены на много отдельныхъ дисциплинъ. Такъ какъ онъ основывались на вычисленіи и наблюденіи, такъ какъ то, чemu онъ могли научить не зависѣло отъ воззрѣй, раздѣлявшихъ секты,—онъ отошли отъ философіи, надъ которой эти секты еще господствовали. Онъ такимъ образомъ стали занятіемъ ученыхъ, которые почти всѣ имѣли мудрость допускать постороннихъ къ диспутамъ въ свои школы. Тамъ время посвящалось спорамъ болѣе полезнымъ для недолговѣчной славы философовъ, чѣмъ для прогресса философіи.

Подъ словомъ „философія“ стали даже понимать только общіе принципы мірозданія, метафизику, діалектику и мораль, часть которой составляла политика.

Къ счастью, эпоха этого раздѣленія предшествовала времени, когда Греція, послѣ долгихъ бѣдствій и потрясений, должна была потерять свою свободу. Науки нашли убѣжище въ столицѣ Египта, въ которомъ деспоты, управлявшіе этой страной, быть можетъ отказали бы философіи. Князья, которые большей частью своихъ богатствъ и своего могущества обязаны были международной торговлѣ, рынкомъ которой служила Александрія, куда стекались товары Средиземнымъ и Австралійско-Азіатскимъ морями,— должны были поощрять науки, полезныя для мореплаванія и торговли.

Эти науки избѣжали, такимъ образомъ, того быстраго упадка, который скоро почувствовался въ области философіи. Слава послѣдней исчезла вмѣстѣ съ свободою. Деспотизмъ римлянъ, столь безразличный къ успѣхамъ просвѣщенія, распространился на Египетъ лишь долгое время спустя, когда городъ Александрия оказался необходимымъ для продовольствія Рима. Являясь уже тогда метрополіей наукъ, какъ и центромъ торговли, Александрія сама сумѣла отстоять священный огонь просвѣщенія, благодаря своему населенію, богатству, большому стеченню иностранцевъ и учрежденіямъ, основаннымъ Итологіями, которая побѣдители не намѣревались разрушать.

Академическая секта, гдѣ математическая науки разрабатывались съ момента ея зарожденія и философское обученіе которой почти ограничивалось доказательствомъ полезности сомнѣнія и определеніемъ тѣсныхъ предѣловъ достовѣрности, должна была быть школой ученыхъ; ея ученіе не могло внушать опасеній деспотамъ: и потому мы видимъ ее господствующей въ Александрійской школѣ.

Теорія коническихъ сѣченій, методъ ихъ примѣненія, какъ для построенія геометрическихъ мѣстъ, такъ и для решенія задачъ, открытіе нѣсколькихъ другихъ кривыхъ расширили область геометріи, до тѣхъ поръ столь ограниченную. Архімедъ открылъ квадратуру параболы и измѣрилъ поверхность сферы; имъ сдѣланы первые шаги въ теоріи предѣловъ, опредѣляющей послѣднее значеніе какой-нибудь перемѣнной величины, которая безпрерывно приближается къ постоянной, никогда съ ней не совпадающей; въ той науцѣ, помощью которой можно то находить отношенія величинъ безконечно малыхъ, то, исходя изъ полученныхъ данныхъ, опредѣлять отношенія конечныхъ вели-

чинъ. Словомъ, въ томъ вычисленіи, которому современныя народы больше изъ гордости, чѣмъ по справедливости, дали название вычислениія безконечнаго. Архимедъ первый опредѣлилъ отношеніе окружности круга къ своему діаметру, указалъ способъ получения все болѣе и болѣе приближенныхъ его значеній и сталъ пользоваться методомъ приближенности, этимъ удачнымъ добавленіемъ къ извѣстнымъ тогда недостаточнымъ методамъ и часто къ самой наукѣ.

Его можно считать нѣкоторымъ образомъ творцомъ рабо-
нальной механики. Ему мы обязаны теоріей рычага и откры-
тіемъ гидростатического принципа, что тѣло, погруженное въ
жидкость, теряетъ въ своемъ вѣсѣ столько, сколько вѣсить
вытѣсненная имъ масса жидкости. Винть, названый его име-
немъ, его зажигательный зеркала, чудеса осады Сиракузъ сви-
дѣтельствуютъ о его талантахъ въ области науки о машинахъ,
которой современныя ему ученые пренебрегали; ибо принципы
механики, извѣстные до Архимеда, были слишкомъ недоста-
точны для созданія этой науки.

Эти великия открытия, эти новыя науки ставятъ Архимеда
рядомъ съ тѣми счастливыми геніями, жизнь которыхъ отмѣ-
часть собою эпоху въ истории человѣка и существованіе кото-
рыхъ является однимъ изъ благодѣяній природы.

Въ Александрийской школѣ мы находимъ первые зачатки
алгебры, т. е. науки, занимающейся изслѣдованиемъ свойствъ
отвлеченныхъ величинъ, рассматриваемыхъ какъ таковыхъ,
независимо отъ того, къ какимъ конкретнымъ приложеніямъ
онѣ способны. Сущность вопросовъ, предложенныхъ и разрѣ-
шенныхъ въ книгѣ Диофанта, сводилась къ тому, чтобы числа
рассматривались, какъ имѣющія общее значеніе, неопределенное
и подчиненное только извѣстнымъ условіямъ.

Но эта наука не имѣла еще тогда, какъ теперь, своихъ
знаковъ, своихъ собственныхъ методовъ, своихъ техническихъ
пріемовъ. Общія значенія обозначались словами и послѣдователь-
нымъ разсужденіемъ находились и развивались рѣшенія задачъ.

Результаты халдейскихъ наблюдений, присланные Алексан-
дромъ Аристотелю, ускорили прогрессъ астрономіи. То, что въ
нихъ было самаго блестящаго, принадлежитъ генію Гиппарха.
Но если послѣ него въ астрономіи, какъ послѣ Архимеда въ
геометріи и механикѣ не было сдѣлано тѣхъ открытий, тѣхъ

работъ, которыя способны иѣкоторымъ образомъ измѣнить видъ всей науки, онъ все-же продолжали еще долго совершенствоваться, распространяться и обогащаться, по крайней мѣрѣ, второстепенными истинами.

Въ своей исторіи животныхъ Аристотель далъ принципы и драгоцѣнныи образецъ способа точнаго наблюденія и систематическаго описанія природы,—классификацію этихъ наблюденій и обобщенія результатовъ послѣднихъ. Исторія растеній и исторія минераловъ были составлены постѣ него, но онъ не отличаются точностью первой и въ нихъ проводятся менѣе широкіе, менѣе философскіе взгляды.

Анатомія развивалась чрезвычайно медленно не только потому, что религіозные предразсудки препятствовали вскрытию труповъ, но также потому, что по народнымъ воззрѣніямъ прикосновеніе къ мертвѣцамъ считалось какъ бы моральнымъ оскверненіемъ.

Медицина Гиппократа представляла собою науку, основанную на наблюденіяхъ, которая могла вести только къ эмпирическимъ методамъ. Духъ сектантства, склонность къ гипотезамъ скоро заразилъ ее. Но если количество заблужденій превосходило количество новыхъ истинъ, если предразсудки или системы врачей приносили больше зла, чѣмъ наблюденія могли сдѣлать добра, тѣмъ не менѣе нельзѧ отрицать, что медицина въ продолженіе этой эпохи сдѣлала весьма реальные успѣхи.

Въ физику Аристотель не внесъ ни той точности, ни той мудрой осторожности, которыя характеризуютъ его „исторію животныхъ“. Онъ заплатилъ дань привычкамъ своего вѣка и духу школъ, исказивъ эту науку тѣми гипотетическими принципами, которые со свойственной имъ общей неясностью объясняютъ все съ иѣкоторой легкостью, ибо не могутъ ничего объяснить съ точностью.

Сверхъ того, наблюденіе одно недостаточно, нужны также опыты. Послѣдніе требуютъ приборовъ, а повидимому тогда еще не собрали достаточнаго количества фактовъ и эти факты изучались недостаточно подробно, чтобы могла возникнуть идея и явиться потребность вопрошать этимъ путемъ природу и заставить ее отвѣтить на вопросы.

И потому исторія прогресса физики въ эту эпоху должна ограничиться картиной небольшого количества знаній, обязаныхъ своимъ появлениемъ случаю и наблюденіемъ, обусловленыхъ промышленной дѣятельностью въ большей мѣрѣ, чѣмъ изслѣдованиемъ ученыхъ. Гидравлика и въ особенности оптика пожали немнога болѣе обильную жатву; но и этотъ успѣхъ еще является скорѣе результатомъ наблюденія самопроизвольно возникшихъ фактovъ, чѣмъ теоріей или физическими законами, открытыми благодаря опытамъ, или постигнутыми умозаключеніемъ.

Земледѣліе до этого времени ограничивалось стѣданіемъ рутинъ и нѣсколькими правилами, которыя жрецы, передавая ихъ народамъ, исказили своимъ суетѣріями. У грековъ и въ особенности у римлянъ оно становится занятиемъ важнымъ и почтеннымъ. Обычаи и правила земледѣлія наиболѣе ученые люди старались собирать. Эти сборники точно отмѣченыхъ и сознательно собранныхъ наблюдений могли-бы способствовать усовершенствованію практическихъ приемовъ и распространенію полезныхъ методовъ; но эта эпоха еще очень далека была отъ вѣка опытовъ и вычисленийъ наблюденій.

Механическія искусства начали пріобрѣтать научный характеръ. Философы стали ближе присматриваться къ производству, изслѣдовать его происхожденіе, изучать его исторію, описывать процессы и продукты работъ, производившихся въ различныхъ странахъ, собирать эти наблюденія и передавать ихъ потомству.

Такъ, Цицінъ описываетъ въ своей всеобъемлющей естественной исторіи (въ этомъ драгоценномъ инвентарѣ всего того, что тогда составляло истинныя богатства человѣческаго разума) человѣка, природу и искусства. И его права на нашу признательность не могутъ умаляться въ силу того заслуженнаго имъ упрека, что онъ принималъ слишкомъ неразборчиво и съ слишкомъ большимъ довѣріемъ все то, что невѣжество, или суетное тщеславіе историковъ и путешественниковъ преподносило его пепасытной жадности все знать.

Въ эпоху упадка Греціи, Аѳинъ, которыя, въ дни ея могущества, высоко чтили философию и литературу, въ свою очередь обязаны послѣднимъ сохраненіемъ на болѣе продолжительное время нѣкоторыхъ остатковъ былой славы. Правда, на

ихъ трибунъ уже не взвѣшивались судьбы Греціи и Азіи, но именно въ аѳинскихъ школахъ римляне изучали тайны краснорѣчія и свѣтъ божественнаго дара Демосфена освѣщалъ путь ихъ первого оратора.

Академія, Лицей, Стоя и сады Эпикура были колыбелью и главной школой четырехъ сектъ, которыя оспаривали другъ у друга господство въ философії.

Въ Академіи учили, что нѣтъ ничего несомнѣнно достовѣрнаго, что никакого предмета человѣкъ не можетъ ни воспріять съ истинной вѣрностю, ни даже постигнуть съ совершенной ясностью; что, наконецъ (и трудно было еще дальше идти), нельзя быть увѣреннымъ въ этой невозможности ничего знать и что нужно сомнѣваться даже въ необходимости сомнѣваться во всемъ.

Это ученіе излагалось, защищалось, имъ пользовались какъ наступательнымъ оружиемъ на возврѣнія другихъ философовъ; но гипотезы его служили специально для гимнастики ума и для того, чтобы, подчеркивая неувѣренность, которую обнаруживали диспутанты, дать сильѣ почувствовать тщету человѣческихъ знаній и безмыслишнсть доктрины самонадѣянности другихъ сектъ.

Это сомнѣніе, допускаемое разумомъ, когда оно направляетъ нашу мысль къ тому, чтобы не разсуждать о словахъ, которыми мы не можемъ выражать ясныхъ и точныхъ идей, соразмѣрять наше согласіе со степенью вѣроятности каждого положенія, опредѣлять для каждого класса знаній предѣлы достовѣрности, доступной нашему пониманію — этотъ самый скептизмъ, если онъ распространяется на доказанныя истины, если онъ нападаетъ на принципы морали, становится или глупостью или безуміемъ. Онъ благопріятствуетъ невѣжству и разврату; и таково излишество, до котораго дошли софисты, замѣстивши въ Академіи первыхъ учениковъ Платона.

Мы изложимъ ходъ развитія мысли этихъ скептиковъ и причину ихъ заблужденій; мы прослѣдимъ то, что въ переувеличеніяхъ ихъ доктрины должно быть приписано мании обосноваться странными возврѣніями; мы покажемъ, что если они были довольно твердо отвергаемы людьми инстинктивно, въ силу того чувства, которымъ они сами руководствовались въ

жизни, то они никогда не были ни хорошо поняты, ни вполнѣ опровергнуты философами.

Однако, этотъ преувеличенный скептицизмъ не увлекъ всей академической секты. Мнѣніе о существованіи вѣчной идеи справедливости, красоты, честности, независимой отъ людскихъ интересовъ, отъ условій ихъ жизни, идеи, которая, запечатлѣнная въ нашей душѣ, стала для насъ принципомъ нашихъ обязанностей и правиломъ нашего поведенія,— это ученіе, почерпнутое изъ діалоговъ Платона, продолжало излагаться въ школѣ и легло въ основу преподаванія морали.

Аристотель изъ лучше своихъ учителей знакомъ былъ съ искусствомъ анализировать идеи, т. е. разлагать ихъ сложныя сочетанія на простѣйшія, изучать процессъ образованія даже этихъ простѣйшихъ и прослѣдить въ этихъ операцияхъ движение разума и развитіе его способностей.

Его метафизика, какъ и метафизика другихъ философовъ, была, такимъ образомъ, неясной доктриной, основанной то на игрѣ словъ, то на простыхъ гипотезахъ.

Тѣмъ не менѣе, ему мы обязаны этой важной истиной, этимъ первымъ шагомъ въ теоріи познанія человѣческаго разума, что наши идеи, даже наиболѣе отвлеченные, даже, такъ сказать, наиболѣе интеллектуальныя, обязаны своимъ происхожденіемъ нашимъ ощущеніямъ, но онъ эту мысль не подкрѣпляетъ никакимъ разсужденіемъ. Это было скорѣе замѣчаніе, мимоходомъ сдѣланное геніальнымъ человѣкомъ, чѣмъ результатъ послѣдовательныхъ наблюдений, анализированныхъ съ точностью и комбинированныхъ между собою для полученія общей истины; это сѣмя, брошенное на неблагодарную почву, дало полезные плоды только болѣе чѣмъ двадцать вѣковъ спустя.

Въ своей логикѣ Аристотель, разлагая доказательства на рядъ посылокъ, приведенныхъ къ силлогистической формѣ, раздѣляя затѣмъ всѣ предложения на четыре класса, которые обнимаютъ всѣ отвлеченные типы всѣхъ правильныхъ умозаключеній изъ общихъ положеній, учить распознавать между всѣми возможными сочетаніями предложеній, взятыхъ по три, тѣ изъ нихъ, которыхъ отвѣчаютъ заключительнымъ силлогизмамъ, и изъ которыхъ заключеніе выводится неизбѣжно. Помощью этого способа можно судить о справедливости или

Задача должна решаться с учетом специфики и возможностей каждого из методов, имеющихся в распоряжении.

The application of topological methods in the theory of differential equations is a very important problem in mathematics.

Задача оптимизации наименее очевидна, так как в ней неизвестны коэффициенты и константы в уравнении (1). Для решения задачи оптимизации можно воспользоваться методом градиентного спуска.

души. Душа мудреца, не осквернившая чистоту своего происхождения, присоединяется въ моментъ смерти къ мировому духу. Смерть, такимъ образомъ, была-бы благомъ для мудреца, подчиненного при жизни природѣ, подверженного тому, что простые люди называютъ бѣствіями, если бы онъ не обладалъ еще большимъ величиемъ разматривать ее, какъ безразличную вещь.

Эпикуръ видѣтъ счастье въ наслажденіи удовольствіемъ и въ отсутствіи страданія. Добродѣтель заключается въ слѣданіи естественнымъ наклонностямъ, но нужно умѣть ихъ очищать и ими управлять. Воздержаніе, которое предупреждаетъ страданіе, которое, сохрания наши естественные способности во всей ихъ силѣ, обеспечиваетъ намъ возможность пользоваться всѣми наслажденіями, пріготовленными намъ природой; забота о предохраненіи себя отъ страстей злобныхъ или жестокихъ, которыхъ мучаютъ и терзаютъ сердце, занятое ихъ скорбью или яростью; забота, напротивъ, о развитіи спокойныхъ и изѣжныхъ ощущеній, доставляя себѣ наслажденія, вытекающія изъ добродѣтельныхъ поступковъ, о сохраненіи чистоты своей души, дабы избѣжать стыда и угрызеній совѣсти, являющихся наказаніями за преступленіе, и иметь возможность наслаждаться тѣмъ прекраснымъ чувствомъ, которымъ вознаграждаются добрые поступки—таковъ путь, ведущій одновременно къ счастью и добродѣтели.

Эпикуръ видѣтъ во вселенной только собраніе атомовъ, различныя сочетанія которыхъ подчинены законамъ необходимости. Человѣческая душа является однимъ изъ этихъ сочетаній. Атомы, составляющіе душу, соединяются въ моментъ, когда тѣло начинаетъ жить и разсѣиваются въ моментъ смерти, чтобы присоединиться къ общей массѣ и входить въ новыя сочетанія.

Не желая слишкомъ непосредственно задѣвать народные предразсудки, онъ допускалъ божества; но равнодушный къ поступкамъ людей, чуждый порядку вселенной и подчиненный, какъ другія существа, общимъ законамъ мірозданія, они были иѣкоторымъ механическимъ придаткомъ къ этой системѣ.

Люди жестокіе, надменные и несправедливые скрывались подъ маской стоицизма. Люди сладострастные и развращенные часто заглядывали въ сады Эпикура. Принципы эпикуреизма

были ложно истолкованы. Говорили, будто-бы согласно этому учению высшее блаженство заключается въ грубыхъ утѣхахъ. Ученіе мудреца Зенона о томъ, что рабъ, вращая жерновъ, или мучимый подагрой долженъ чувствовать себя не менѣе счастливымъ, свободнымъ и самозаконнымъ, обратили въ насмѣшку.

Философія, стремившаяся подняться выше природы и та, которая хотѣла подчиняться только послѣдней, мораль, не признававшая другого блага, кроме добродѣтели и та, которая видѣла счастье только въ наслажденіи,—обѣ эти доктрины, проповѣдывая столь противоположные принципы, говоря на столь различныхъ языкахъ, приводили къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Это сходство нравственныхъ заповѣдей у всѣхъ религій, всѣхъ философскихъ сектъ было бы достаточно, чтобы доказать, что они заключаютъ въ себѣ истину, независимую отъ догматовъ этихъ религій и принциповъ этихъ сектъ. Въ моральной организации человѣка слѣдуетъ искать основаніе его обязанностей, происхожденіе его идей справедливости и добродѣтели—истина, отъ которой эпикурейская секта меньше всякой другой удалялась; и ничто, быть можетъ, не способствовало болѣе возбужденію ненависти къ эпікуреизму у лицемѣровъ всѣхъ классовъ, для которыхъ мораль является только предметомъ торговли, монополію которой они другъ у друга оспариваютъ.

Паденіе греческихъ республикъ повлекло за собой упадокъ политической наукъ. Послѣ Платона, Аристотеля и Ксенофonta почти перестали включать эти науки въ философію.

Но теперь своевременно остановиться на событии, которое измѣнило судьбу огромной части міра и оказало на прогрессъ человѣческаго разума вліяніе, продолжавшееся до настоящаго времени.

Почти на всѣ націи, исключая Индіи и Китая, гдѣ человѣческій разумъ поднялся выше своего безпомощнаго младенческаго состоянія, городъ Римъ распространялъ свое господство.

Онъ явился законодателемъ всѣхъ тѣхъ странъ, куда греки вносили свой языкъ, свои науки и свою философію. Всѣ эти народы, скованные цѣпью, которой побѣда приковала ихъ къ подножію Капитолія, существовали только по волѣ Рима и для удовлетворенія страстей его властелиновъ.

Истинная картина государственного устройства этого царственнаго города отнюдь не будетъ чужда предмету настоящ-

щаго труда: мы увидимъ происхожденіе наслѣдственнаго патриціата и искусныя комбинаціи, примѣненные для предоставлениія ему больше устойчивости, и больше силы, дѣлая его въ то же время менѣе ненавистнымъ; народъ, владѣющій оружиемъ, но не поднимающій его никогда въ своихъ домашнихъ смутахъ, сообщающей дѣйствительную силу законной власти и едва защищающейся противъ надменнаго сената, который, опутавъ его суетѣремъ, ослѣплялъ его блескомъ своихъ побѣдъ. Мы увидимъ великую націю, которой поперемѣнно играютъ ея тираны и ея защитники, страдалицу, обманутую въ теченіе четырехъ вѣковъ нелѣпымъ, но священнымъ способомъ подачи голосовъ.

Мы увидимъ этотъ государственный строй, который, созданный для одного города, оставался неизмѣннымъ по формѣ, измѣнившись въ своей сущности, когда его нужно было распространить на великую имперію; который могъ поддерживаться только безпрерывными войнами, и разрушенный скорь собственными легионами, наконецъ, наственный народъ, униженный привычкой пытаться за счетъ общественныхъ богатствъ, развращенный щедростями сенаторовъ, продающей человѣку прозрачные остатки своей безцѣльной свободы.

Честолюбіе римлянъ побуждало ихъ искать въ Греціи учителей того искусства краснорѣчія, обладаніе которымъ служило въ Римѣ залогомъ успѣха. Склонность къ исключительнымъ и утонченнымъ наслажденіямъ, потребность въ новыхъ удовольствіяхъ, развирасимая богатствомъ и праздностью, заставляли ихъ искать удовлетворенія въ занятіяхъ искусствами грековъ и даже въ бесѣдахъ съ ихъ философами; но науки, философія, живопись были всегда растеніями чуждыми римской почви. Жадность побѣдителей покрыла Италію образцовымъ произведеніями Греціи, похищенными силой изъ храмовъ и городовъ, которые они украшали и гдѣ они служили утѣшениемъ для рабовъ, но ни одинъ римлянинъ не поднялся до непревосходимаго искусства греческихъ мастеровъ. Цицеронъ, Лукрецій и Сенека краснорѣчиво писали на своемъ языке о философіи: но рѣчь шла о греческой философіи, и для того чтобы реформировать варварскій календарь Нумы, Цезарь вынужденъ быть обратиться за содѣйствіемъ къ математику изъ Александріи.

Раздираемый въ теченіе долгаго времени заговорами често-

любивыхъ полководцевъ, увлекаемый новыми завоеваниями, или волнуемый гражданскими междуусобицами, Римъ лишился на конецъ своей беспокойной свободы, и подпалъ подъ иго еще болѣе бурного солдатскаго деспотизма. Развѣ могли имѣть мѣсто спокойныя занятія философіей или науками при тираническомъ режимѣ повелителей Рима, или затѣмъ при деспотахъ, которые боялись истины, или равно непонятѣли таланты и добродѣтели? Сверхъ того, наука и философія неизбѣжно пренебрегаются во всякой такой странѣ, гдѣ блестящая карьера, ведущая къ богатству и почестямъ, открыта для всѣхъ тѣхъ, естественная склонность которыхъ влечетъ ихъ къ знанію; и такова была карьера юриста въ Римѣ.

Когда законы, какъ на Востокѣ, связаны съ религіей, право ихъ толкованія становится одной изъ наиболѣе сильныхъ опоръ жреческой тираніи. Въ Греціи они составляли кодексъ, данный каждому городу своимъ законодателемъ. Они были согласованы съ духомъ государственного строя и образомъ правлѣнія, которые онъ установилъ. Они рѣдко подвергались измѣненіямъ. Должностные лица тамъ часто злоупотребляли своими полномочіями, частная несправедливости бывали нерѣдко, но недостатки законовъ никогда не приводили къ системѣ правильнаго и холдно разсчитаннаго грабежа. Въ Римѣ, гдѣ долгое время авторитетомъ пользовались только традиціонные обычай, гдѣ суды каждый годъ объявляли согласно какимъ принципамъ они въ теченіе срока своихъ полномочій рѣшали представленія на ихъ усмотрѣніе дѣла; гдѣ первые писанные законы представляли собой компиляцію изъ греческихъ законовъ, составленную децемвирами, которые больше заботились о сохраненіи своей власти, чѣмъ объ украшеніи Рима, давъ ему хорошіе законы. Въ Римѣ, гдѣ, начиная съ этой эпохи, законы, поперемѣнно продиктованные то сенатской, то демократической партіей, чередовались быстро, безпрестанно уничтожались, или утверждались, исправлялись, или дополнялись новыми постановленіями — многочисленность, запутанность и неясность законовъ, неизбѣжное слѣдствіе измѣненія языка, скоро породили специальную науку, посвященную ихъ изученію и толкованію. Сенатъ, эксплуатировавшій уваженіе народа къ старымъ учрежденіямъ, скоро понялъ, что привилегія толковать законы стала почти равносильной праву создавать новые;

и опь наполнился юристами. Ихъ могущество пережило власть самого сената; оно увеличилось при императорахъ, ибо вліяніе ихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ законодательство болѣе запутано и перемѣнчиво.

Юриспруденція является, такимъ образомъ, единственной новой наукой, которой мы обязаны римлянамъ. Мы начертаемъ исторію этой науки, которая тѣсно связана съ исторіей развитія законодательства у современныхъ народовъ и въ особенности съ исторіей затрудненій, которымъ оно встрѣчало на своемъ пути.

Мы покажемъ, какимъ образомъ уваженіе римлянъ къ положительному праву способствовало сохраненію нѣкоторыхъ идей естественного права, чтобы затѣмъ препятствовать развитію и распространенію этихъ идей; какимъ образомъ мы обязаны римскому праву немногими полезными истинами и болѣе многочисленными тираническими предразсудками.

Мягкость уголовныхъ законовъ въ республиканскомъ Римѣ заслуживаетъ того, чтобы мы остановили на нихъ наше вниманіе. Они какъ-бы сдѣлали священной кровь римского гражданина. Смертная казнь могла быть совершена падь нимъ только по распоряженію чрезвычайной власти, которая объявляла общественное бѣдствіе или опасность отечества. Только весь народъ могъ присвоить себѣ право стать судьей между однимъ человѣкомъ и республикой. Римскіе законодатели понимали, что эта мягкость наказанія является у свободнаго народа единственнымъ средствомъ для устраненія возможности превращать политические раздоры въ кровавыя побоища. Они хотѣли человѣчностью законовъ смягчить жестокость нравовъ того народа, который даже въ своихъ играхъ проливалъ кровь своихъ рабовъ. И потому, останавливаясь на времени Гракховъ, мы увидимъ, что ни въ одной странѣ политическая бури, столь жестокія и столь часто повторяющіяся, никогда не стоили меныше крови, не вызывали меныше преступленій.

Римляне не оставили намъ ни одного произведенія по политикѣ. Сочиненіе Цицерона о законахъ было, вѣроятно, только умѣло обработанной выдержкой изъ греческихъ книгъ. Почва Рима, гдѣ умирающая свобода билась въ предсмертныхъ судорогахъ, была слишкомъ неблагопріятна для того, чтобы соціальная наука могла тамъ прививаться и совершенствоваться.

При деспотическомъ режимѣ Цезарей на изученіе этой науки смотрѣли, какъ на стремленіе къ ниспроверженію существующаго строя. Ничто, однако, не доказываетъ намъ лучше на сколько она была всегда чужда римлянамъ, какъ тотъ единственный до сихъ поръ въ исторіи фактъ, что при безпрерывномъ слѣдованіи отъ Нервы до Марка Аврелия пяти императоровъ, которые соединяли въ себѣ лицъ добродѣтели, таланты, знанія, любовь къ славѣ, ревнивое отношеніе къ общественному благу, ни одинъ изъ нихъ не создалъ ни одного учрежденія, которое свидѣтельствовало бы о желаніи ограничить деспотизмъ, предупредить революціи и прѣпѣтъ стянуть новыми узами отдѣльныя части этой несмѣтной массы, которой все предвѣщало грядущее разложение.

Соединеніе столькихъ народовъ подъ единой властью, распространеніе двухъ языковъ, господствовавшихъ въ имперіи и хорошо знакомыхъ почти всѣмъ образованнымъ людямъ,—должны были, безъ сомнѣнія, способствовать болѣе широкому и болѣе равномѣрному распространенію просвѣщенія. Въ силу ихъ естественного вліянія должны были также постепенно слаживаться различія, раздѣлявшія философскія секты, должна была создаться единая школа, которая извлекала бы изъ каждой доктрины воззрѣнія, наиболѣе отвѣщающія разуму, тѣ, которыхъ послѣ тщательного изслѣдованія наиболѣе подтверждались-бы. Именно по этому пути разумъ долженъ быть повести философовъ, когда, ослабѣшій подъ вліяніемъ времени, духъ сектантства позволялъ прислушиваться только къ его голосу. И дѣйствительно, уже у Сенеки мы встрѣчаемъ нѣкоторыя начатки этой философіи; она никогда не была чужда даже академической сектѣ, которая затѣмъ почти всесѣло растворилась въ ней. Послѣдніе ученики Платона были основателями эклектизма.

Почти всѣ религіи имперіи считались национальными. Но всѣ имѣли также много общаго и какъ бы фамильное сходство. Отсутствие метафизическихъ догмъ, обилие странныхъ обрядовъ, смыслъ которыхъ былъ совершенно неопытентъ народу и часто даже жрецамъ; нелѣпая миѳология, въ которой толпа видѣла только чудесную исторію своихъ боговъ, а люди болѣе образованные подозрѣвали аллегорическое изложеніе болѣе возвышенныхъ догматовъ; кровавыя жертвы, идолы, представлявшіе боговъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ, освященнымъ

временемъ, приписывалось небесное свойство; главные жрецы, посвященные культу каждого божества, не образующие единаго политического тѣла, не объединенные даже въ религіозную общину; оракулы, имѣющіе пребываніе въ извѣстныхъ храмахъ, въ извѣстныхъ статуяхъ; наконецъ тайны, которыя ихъ іерофанты сообщали только какъ секретъ, ненарушимость котораго охраняется закономъ — таковы были черты сходства у этихъ религій.

Нужно къ этому еще добавить, что жрецы, явившись религіозными цензорами, никогда не осмѣливались претендовать на роль судей въ области морали. Они руководили обрядами культа, но не вмѣшивались въ частную жизнь. Они продавали политікѣ оракуловъ или авгурівъ; они могли вовлекать народы въ войны, побуждать ихъ къ преступленіямъ; но они не оказывали никакого вліянія ни на правительство, ни на законы.

Когда между народами, подданными одной и той-же имперіи, установились регулярныя споренія, когда успѣхи проповѣщенія стали почти всюду одинаковыми, образованные люди скоро замѣтили, что все культы предполагаютъ поклоненіе единому Богу, божества-же столь многочисленныя, предметы непосредственнаго народнаго обожанія, являются только его видоизмѣненіями или помощниками.

Между тѣмъ у галловъ и въ нѣкоторыхъ восточныхъ провинціяхъ римляне находили религіи другого рода. Тамъ жрецы были судьями народной нравственности; добродѣтель состояла въ повиновеніи волѣ Бога, объяснить которую они называли себя единствено способными. Ихъ власть обнимала человѣка всесфѣру; храмъ смыкался съ отечествомъ; тамъ люди были поклонниками Іеговы прежде, чѣмъ быть гражданиномъ или подданнымъ имперіи, и жрецы опредѣляли, какимъ человѣческимъ законамъ ихъ Богъ позволяетъ повиноваться.

Эти религіи должны были оскорблять чувство гордости владыкъ мира. Религія галловъ была слишкомъ могущественна, чтобы они не потворили ей уничтожить. Израильский народъ былъ разсѣянъ; но бдительное правительство или презирало, или не могло настигать тѣхъ мрачныхъ сектъ, которая тайно образовались на развалинахъ этихъ древнихъ культовъ.

Благотворное вліяніе распространенія греческой философіи выразилось, между прочимъ, въ томъ, что она разрушила вѣру

въ народныхъ божества во всѣхъ классахъ, получившихъ болѣе или менѣе широкое образованіе. Смутный теизмъ, или чистый механизмъ Эпикюра были даже во времена Цицерона обычной доктриной всякаго мыслящаго человѣка, всѣхъ тѣхъ, которые руководили общественными дѣлами. Этотъ классъ людей по необходимости исповѣдывалъ старую религию, но стремился очищать ее, ибо множество божествъ, чтимыхъ въ разныхъ странахъ, потеряли довѣріе даже въ глазахъ народа. Мы видимъ тогда образованіе философскихъ системъ, основанныхъ на ученіи о геніяхъ посредникахъ между людьми и Богомъ. Философы подвергаютъ себя очищеніямъ, религиозному режиму, исполняютъ соотвѣтствующіе обряды, чтобы стать достойными небеснаго откровенія; и основанія этой доктрины они искали въ діалогахъ Платона.

Народная масса покоренныхъ націй, обиженные судьбой, люди пылкаго, но слабаго воображенія должны были по преимуществу склоняться къ священническимъ религіямъ, ибо господствующее духовенство своекорыстно проповѣдовывало имъ именемъ ту доктрину равенства въ рабствѣ, отречения отъ временныхъ благъ, небеснаго воздаянія, приготовленного за слѣпое подчиненіе, за страданія, за добровольныя или терпѣливо перенесенные уніженія,—доктрину столь соблазнительную для угнетеннаго человѣчества! Но оно считало нужнымъ прикрасить иѣкоторыми философскими хитростями свою грубую миѳологію; и оно также обратилось за помощью къ Платону. Его діалоги были арсеналомъ, гдѣ обѣ партіи выковывали свое теологическое оружіе. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ на долю Аристотеля выпадаетъ подобная честь, и онъ является одновременно повелителемъ теологовъ и главой атеистовъ.

Множество еврейскихъ сектъ, образовавшихся въ Египтѣ, подрывая общими силами основы имперской религіи, но продолжая съ не меньшей яростью вести борьбу между собой, въ концѣ концовъ растворились въ религіи Иисуса. Изъ обломковъ этихъ сектъ создали исторію, вѣрованіе, обряды и мораль, къ которымъ постепенно присоединилась масса этихъ фанатиковъ.

Всѣ вѣрили въ пришествіе Спасителя, Мессіи, посланного Богомъ для исправленія человѣческаго рода. Это основная догма всякой секты, которая строить зданіе своей религіи на

развалинахъ древнихъ вѣрованій. Споръ шелъ относительно времени и мѣста его появленія, о его человѣческомъ имени; но имя пророка, который, говорятъ, появился въ Палестинѣ при Тиберіи, затмило всѣ другія; и новые фанатики объединились подъ знаменемъ сына Маріи.

Чѣмъ больше имперія слабѣла, тѣмъ шире и быстрѣе распространялась христіанская религія. Униженіе древнихъ завоевателей міра раздѣляли и ихъ божества, которыя, нѣкогда руководители ихъ побѣдъ, были теперь только безсильными си-дѣтелями ихъ пораженій. Духъ новой секты лучше соответствовалъ времени упадка и неудачъ. Ея главари, не взирая на ихъ обманы и пороки, были энтузіастами, готовыми погибнуть за свою доктрину. Религіозное рвение философовъ и вельможъ было только политической набожностью. Всякая религія, которую стали бы отставивать какъ вѣрованіе полезное для народа, могла расчитывать только на болѣе или менѣе продолжительную агонію. Скоро христіанская секта становится могущественной партией; она вмѣшивается въ споры Цезарей; она возводить на тронъ Константина и сама садится на немъ рядомъ съ его слабыми преемниками.

Напрасно, одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, которыхъ случай иногда поднимаетъ на вершины могущества, Юліанъ, хотѣлъ избавить имперію отъ этого бича, который долженъ былъ ускорить ея паденіе. Его добродѣтели, его человѣчность, простота его нравовъ, возвышенность его души и характера, его таланты, его храбрость, его гениальные военные способности, блескъ его побѣдъ—все, казалось, обѣщало ему успѣхъ. Юліана можно было упрекнуть только въ томъ, что онъ вѣкѣзывалъ къ религіи, ставшей безмысленной, привязанностью, недостойной его, если онъ былъ искрѣннимъ, свидѣтельствующую о его неискусности, если его преувеличеніе было только политическимъ маневромъ. Онъ погибъ въ расцѣть своей славы послѣ двухлѣтняго царствованія. Колосъ римской имперіи не находилъ болѣе достаточно сильныхъ рукъ, способныхъ его поддержать и со смертью Юліана паль единственнымъ оплотъ, который могъ еще оградить имперію отъ наплыва новыхъ суетѣй, какъ и отъ вторженій варваровъ.

Презрѣніе къ гуманитарнымъ наукамъ было одной изъ характерныхъ чертъ христіанства. Оно мстило философіи за на-

несенныя ему оскорбления; оно боялось духа изслѣдованія и сомнѣнія, той вѣры въ свой собственный разумъ, которая является бичомъ для всѣхъ религіозныхъ вѣрованій. Свѣтъ естественныхъ наукъ былъ ему даже ненавистенъ и подозритель; ибо онъ чрезвычайно опасны для успѣха чудесъ. Нѣть такой религіи, послѣдователямъ которой не приходилось бы закрывать глаза на нѣкоторыя физическая нелѣпости. Такимъ образомъ, торжество христіанства было сигналомъ полнаго упадка и наукъ и философіи.

Науки могли бы избѣжать своей участіи, если бы искусство книгопечатанія было тогда извѣстно; но рукописные экземпляры какой-либо книги были немногочисленны. Собираніе полнаго комплекта произведеній, трактующихъ о какой либо наукѣ, сопряжено было съ большими хлопотами, часто даже путешествіями и расходами, которые могли себѣ позволить только богатые люди. Господствующей партіи было не трудно уничтожить книги, которыхъ оскорбляли ея предразсудки, или раскрывали ея обманы. Нашествіе варваровъ могло въ одинъ день навсегда лишить страну средствъ образованія. Уничтоженіе одной какой либо рукописи было часто для цѣлаго края невознаградимой потерей. Сверхъ того, копировались только труды выдающихся авторовъ. Всѣ тѣ изслѣдованія, которыхъ могли пріобрѣсть значеніе только при объединеніи всего материала, тѣ изолированныя наблюденія, тѣ детальные усовершенствованія, которыхъ укрѣпляютъ положеніе занятое науками и подготавливаютъ ихъ дальнѣйшій прогрессъ, всѣ эти материалы, которые время накопило и ожидало генія, который бы ихъ использовалъ, были обречены остататься на вѣки во мракѣ. Солидарность ученыхъ, единеніе ихъ силъ, столь полезное и даже необходимое въ извѣстныхъ эпохахъ не существовало. Нужно было, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ могъ начать и окончить какое-либо открытие; и онъ былъ вынужденъ бороться одинъ противъ всѣхъ препятствій, которыхъ природа противопоставляетъ нашимъ усиліямъ. Произведенія, которыхъ облегчаютъ изученіе наукъ, устраниютъ затрудненія, представляютъ истины въ болѣе удобныхъ и простыхъ формахъ, эти детальные наблюденія и подробныя изложенія, которыхъ часто способствуютъ обнаружению ошибочности выводовъ и въ которыхъ читатель улавливаетъ то, чего авторъ самъ не

замѣчаль — эти произведенія не могли бы находить ни переписчиковъ, ни читателей.

Такимъ образомъ, невозможно было, чтобы науки, достигшія уже такого объема, что и прогрессъ и даже ихъ тщательное изученіе встрѣчали серьезныя затрудненія, могли бы сами поддержаться и устоять на той покатой плоскости, по которой онъ быстро увлекались къ своему паденію. И мы не должны удивляться тому, что христіанство, которое впослѣдствіи, послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, не могло помѣшать блестящему возрожденію наукъ, было тогда достаточно сильно, чтобы довершить ихъ гибель.

За исключеніемъ драматического искусства, проявившаго только въ Аѳинахъ обреченаго пасть вмѣстъ съ ними, и краснорѣчія, способнаго жить только въ атмосфѣрѣ свободы, языки и литература грековъ сохранили надолго свой блескъ. Люцій и Плутархъ были бы достойными современниками вѣка Александра. Правда, Римъ поднялся на уровень Греціи въ поэзіи, краснорѣчию, исторіи, въ искусствахъ трактовать съ достоинствомъ, изяществомъ и пріятностью о сухихъ предметахъ философіи и наукъ. Греція сама не имѣла поэта, который даль бы, подобно Виргилию, идею совершенства; ни одинъ изъ ея историковъ не могъ бы сравниться съ Тацитомъ. Но этотъ моментъ блеска сопровождался быстрымъ упадкомъ. Со временеми Люція писатели Рима почти варвары. Іоаннъ Златоустъ говорить еще языкомъ Демосфена. Но ни у Августина, ни даже у Еронима, (которому едва ли можетъ служить оправданіемъ вліяніе на него африканскаго варварства), мы не встрѣчаемъ болѣе языка Цицерона или Тита Ливія.

И это потому, что изученіе литературы, любовь къ искусствамъ не было никогда въ Римѣ истинной народной склонностью; что временное усовершенствованіе языка было дѣломъ рукъ не национального гenia, но нѣсколькихъ людей, воспитанныхъ Греціей; что территорія Рима была всегда почвой чуждой литературѣ, гдѣ благодаря усердному насажденію она могла восприниматься, но гдѣ она, предоставленная самой себѣ, должна была вырождаться.

Значеніе, которымъ долго пользовался въ Римѣ и Греціи талантъ трибуна и адвоката, обусловило образование многочисленнаго класса риторовъ. Ихъ труды способствовали про-

грессу ораторского искусства, принципы и тонкости котораго они развили. Но они обучали также другому искусству, кото-
рымъ слишкомъ пренебрегаютъ современные народы, и кото-
рое слѣдовало бы теперь примѣнять также къ печатнымъ про-
изведеніямъ. Это искусство легко и скоро приготовлять рѣчъ
такъ, что расположение ея частей, способъ ея произнесенія,
украшенія, которыми она уснащается, становится по крайней
мѣрѣ сносными. Это было искусство, дающее возможность го-
ворить почти экспромтомъ, не утомляя своихъ слушателей
разбродомъ своихъ идей, неровностью стиля, не возмущая ихъ
нелѣпими декламаціями, грубыми ионсенсами, странными не-
сообразностями. Сколько полезно было бы это искусство во вся-
кой странѣ, гдѣ обязанности службы, общественный долгъ,
или частный интересъ могутъ заставить говорить, или писать,
не давая времени обдумывать свои рѣчи или сочиненія! Исто-
рия этого искусства тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего внима-
нія, что современные народы, которымъ оно, между прочимъ,
было бы часто необходимо, повидимому, ознакомились только
съ его смѣшной стороной.

Въ началѣ эпохи, картину которой я здѣсь заканчиваю, коли-
чество книгъ значительно увеличилось; протекшее время внесло
много путаницы въ книги первыхъ греческихъ писателей; и
это изученіе книгъ и воззрѣній, известное подъ именемъ эруди-
ціи, образовало значительную часть умственныхъ трудовъ: алекс-
андрийская библиотека пополнялась грамматиками и критиками.

Дошедшій до насъ произведенія этого рода свидѣтельствуютъ
о склонности ихъ авторовъ соразмѣрять свое восхищеніе или
довѣріе къ книгѣ древностью ея происхожденія, степенью труд-
ности ея пониманія или нахожденія. Было принято судить о
воззрѣніяхъ не по ихъ содержанію, но по имени ихъ авторовъ;
вѣрить авторитету скорѣе, чѣмъ разуму; наконецъ, въ этихъ-же
произведеніяхъ мы встрѣчаемъ идею столь ложную и столь
гибельную объ упадкѣ человѣческаго рода и о превосходствѣ
древнихъ. Значеніе, которое люди приписываютъ тому, что со-
ставляетъ предметъ ихъ занятій, тому, что имъ стоило многихъ
усилій, является одновременно объясненіемъ и извиненіемъ
тѣхъ заблужденій, которыя эрудиты всѣхъ странъ и всѣхъ
временъ болѣе или менѣе раздѣляли.

Можно упрекнуть греческихъ и римскихъ ученыхъ и фи-

лософовъ въ томъ, что они абсолютно игнорировали тотъ духъ сомнѣнія, который подвергаетъ строгому изслѣдованию разумъ и факты и ихъ доказательства. Просматривая въ ихъ сочиненіяхъ исторію событий, или нравовъ, производства, или явлений природы, или продуктовъ и процессовъ искусствъ, просто поражаешься, видя какъ они спокойно рассказываютъ о нелѣпостяхъ наиболѣе явныхъ, о чудесахъ наиболѣе возмутительныхъ. Говорятъ, рассказываютъ, помѣщенное въ началѣ фразы, казалось имъ достаточнымъ, чтобы укрыться подъ защитой смѣхотворной ребяческой легковѣрности. Индифферентизмъ, исказившій у нихъ изученіе исторіи и явившійся пренебрѣженіемъ развитію ихъ познаній природы, слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать тому, что искусство книгопечатанія, къ несчастью, не было еще тогда извѣстно. Возможность собрать относительно каждого факта всѣ авторитеты, которые могутъ его подтвердить или опровергнуть, легкость сравнивать различныя свидѣтельства, освѣщать ихъ въ спорахъ, возникающихъ, когда послѣдніе не совпадаютъ, всѣ эти средства, гарантирующія нахожденіе истины, мыслимы только тогда, когда возможно располагать большимъ количествомъ книгъ, неограниченно увеличивать число ихъ экземпляровъ и не бояться увеличенія ихъ объема.

Какимъ образомъ сообщенія путешественниковъ, отъ описаній которыхъ часто существовала только одна копія, отнюдь не подвергавшаяся общественной цензурѣ, могли бы приобрѣтать такой авторитетъ, если бы не то обстоятельство, что противорѣчіе этихъ сообщеній не могло быть установлено? Такимъ образомъ, принималось одинаково все, ибо трудно было выбрать сть иѣкоторой достовѣрностью то, что дѣйствительно заслуживало вниманія. Сверхъ того, мы не вправѣ удивляться той легкости представлять съ одинаковымъ довѣріемъ, опираясь на равные авторитеты, факты наиболѣе естественные и наиболѣе чудесные,—легкости, свойственной писателямъ этой эпохи. Это заблужденіе преподается еще теперь въ нашихъ школахъ, какъ философскій принципъ, между тѣмъ, какъ невѣрно преувеличеннное въ обратномъ смыслѣ приводить насъ къ отрицанію безъ изслѣдованія всего того, что намъ кажется сверхестественнымъ. Наука, которая одна только можетъ научить насъ находить между этими двумя крайностями точку, гдѣ разумъ предписываетъ намъ остановиться, зародилась только въ наши дни.

ШЕСТАЯ ЭПОХА.

Упадокъ просвѣщенія, до его возрожденія, ко времени
крестовыхъ походовъ.

Въ эту несчастную эпоху мы увидимъ, какъ человѣческій разумъ быстро спускается съ высоты, на которую онъ поднялся и какъ невѣжество влечетъ за собой здѣсь дикость, тамъ утонченную жестокость—всюду развратъ и вѣроломство. Нѣкоторые проблески таланта, нѣкоторыя черты величія души или доброты едва могутъ прорѣзать этотъ глубокій мракъ ночи. Теологическая бредни, суевѣрные обманы—единственныя проявленія человѣческаго духа, религіозная нетерпимость—единственная мораль людей; и Европа, сдавленная между тираніей духовенства и военнымъ деспотизмомъ, вся въ крови и слезахъ, ждетъ момента, когда новое просвѣщеніе позволить ей возродиться къ свободѣ, гуманизму и добродѣтелямъ.

Здѣсь намъ приходится раздѣлить картину на двѣ различные части: первая обниметъ Западъ, гдѣ упадокъ былъ болѣе быстрымъ, болѣе полнымъ, но гдѣ свѣтъ разума долженъ быть вновь пойти, чтобы уже никогда не погаснуть; и вторая—Востокъ, для которого этотъ упадокъ былъ болѣе медленнымъ, долго менѣе полнымъ, но для которого еще не наступилъ моментъ, когда разумъ сможетъ его просвѣтить и разбить его цѣпи.

Едва только христіанское благочестіе воздвигло алтарь своей побѣды, какъ Западъ сталъ добычей варваровъ. Послѣдніе приняли новую религію, но не усвоили языка побѣжденныхъ. Только духовенство сохранило его, и благодаря ихъ невѣжеству, ихъ презрѣнію къ гуманитарнымъ наукамъ, мы не видимъ тѣхъ результатовъ, которые можно было бы получить отъ чтенія латинскихъ книгъ, такъ какъ отныне эти книги могли читать только священники.

Невѣжество и варварскіе права побѣдителей достаточно извѣсты: между тѣмъ, именно изъ среды этой глупой жестокости вышло уничтоженіе домашнаго рабства, которое явилось позорнымъ пятномъ на свѣтломъ горизонте ученой и свободной Греціи.

Крѣпостные обрабатывали поля побѣдителей. Этотъ угнетенный классъ доставлялъ имъ домашнюю прислугу, зависимость которой была достаточна для удовлетворенія ихъ надменности и капризовъ. Они, такимъ образомъ, искали въ войнѣ не рабовъ, а земли и земледѣльцевъ.

Сверхъ того, рабы, которыхъ они находили въ завоеванныхъ страшахъ, были большей частью или пленниками, взятыми у какого нибудь племени побѣдоноснаго народа, или дѣтьми этихъ пленниковъ. Въ моментъ завоеванія большое количество рабовъ бѣжало, или присоединялось къ арміи завоевателей.

Наконецъ, принципы всесобщаго братства, входящіе въ христіанскую мораль, осуждали рабство; и духовенство, не имѣя никакого политическаго интереса противорѣчить своимъ поведеніемъ тѣмъ правиламъ, которыя украшали ихъ ученіе, помогло своими проповѣдями уничтоженію рабства, къ которому событія и права должны были привести.

Этотъ актъ былъ зародышемъ переворота въ судьбѣ человѣческаго рода; благодаря этому человѣчество получило возможность познать истинную свободу. Но на судьбѣ отдѣльныхъ людей онъ сначала оказалъ лишь едва замѣтное вліяніе. Мы составили-бы себѣ ложное представлѣніе о рабствѣ у древнихъ, если бы мы сравнили его съ положеніемъ нашихъ черныхъ невольниковъ. Правда, спартіаты, римскіе вельможи, восточные сатрапы были хозяевами-варварами. Жадность проявляла всю свою жестокость при работахъ въ рудникахъ; но почти всюду, участливое отношеніе къ рабамъ смягчало ихъ положеніе въ семьяхъ. Безнаказанность насилий, чинимыхъ надъ крѣпостными, была еще больше, ибо она регламентировалась закономъ. Зависимость была почти равная, не будучи, однако, вознаграждаема въ той-же мѣрѣ заботами и помощью. Униженіе было не столь сплошное; но высокомѣріе проявлялось сильнѣе. Рабъ былъ человѣкомъ, случайно очутившимся въ положеніи, въ которое исходъ войны могъ однажды поставить его хозяина. Крѣпостной былъ представителемъ низшаго и униженаго класса.

Такимъ образомъ, только въ его отдаленныхъ послѣдствіяхъ мы должны преимущественно рассматривать это уничтоженіе домашняго рабства.

Всѣ эти варварскія націи имѣли почти одинаковое государственное устройство: общий предводитель, называемый королемъ, который, при участіи совѣта, разбиралъ дѣла и выносилъ приговоры въ тѣхъ случаяхъ, когда замедленіе рѣшеній представлялось опаснымъ; собраніе предводителей отдельныхъ племенъ рѣшало всѣ маловажныя дѣла; наконецъ, народное сопраніе, гдѣ обсуждались вопросы, интересовавшіе весь народъ. Наиболѣе существенные различія между этими конституціями выражались въ большемъ или меньшемъ авторитетѣ этихъ трехъ властей, которая отличались не по природѣ своихъ функций, но по свойству дѣлъ, и въ особенности по интересу, который онѣ возбуждали у массы гражданъ.

У этихъ земледѣльческихъ народовъ и въ особенности у тѣхъ, которые уже обосновались на чужой территории, эти конституціи вылились въ формы болѣе правильныя и болѣе постоянныя, чѣмъ у пастушескихъ народовъ. Сверхъ того, народъ былъ разсѣянъ и не образовалъ болѣе или менѣе многочисленныхъ лагерей. Такимъ образомъ, король не имѣлъ вокругъ себя всегда собранной арміи; и деспотизмъ не являлся здѣсь незѣбжнымъ послѣдствіемъ завоеванія, какъ въ азіатскихъ революціяхъ.

Нация-побѣдительница не была порабощаема. Въ то-же время завоеватели занимали города, но сами ихъ не заселяли. Не сдерживаемые вооруженной силой, такъ какъ постоянній арміи не существовало, города приобрѣтаютъ нѣкоторое могущество; и это обстоятельство было точкой опоры для свободы побѣженной націи.

Варвары часто вторгались въ Италію; но они не могли здѣсь прочно обосноваться, ибо ея богатства безпрестанно возбуждали жадность новыхъ завоевателей, и греки долгое время питали надежду присоединить ее къ своей имперіи. Никогда ни одинъ народъ не покорялъ ее ни всей цѣликомъ, ни даже на продолжительное время. Латинскій языкъ, единственно употреблявшися народомъ, искался здѣсь медленнѣе, невѣжество здѣсь было также не столь темное, суевѣrie не столь глупое, чѣмъ въ остальныхъ странахъ Запада.

Римъ, признававшій надъ собой начальниковъ только для того, чтобы ихъ смѣнять, сохранилъ иѣкоторую независимость. Онъ былъ резиденціей главы религіи. Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ на Востокѣ, подчиненному одному государю, духовенство, то управляя императорами, то устраивая заговоры противъ нихъ, поддерживало деспотизмъ даже тогда, когда оно боролось съ деспотомъ и предпочитало пользоваться всей полнотой власти абсолютного властелина, чѣмъ оспаривать у него часть этой власти—мы видимъ, что на Западѣ священники, объединенные властью общаго главы, напротивъ, образуютъ силу, соперничающую съ королевской и создающую въ этихъ раздѣленныхъ государствахъ своего рода единую и независимую монархию.

Мы покажемъ, какъ этотъ царственный городъ пытается опутать вселенную цѣпями новой тираніи, какъ его первосвященники порабощаютъ неизѣжественную довѣрчивость грубо сfabрикованными актами. Они вмѣняютъ религію во всѣ проявленія гражданской жизни, чтобы играть ею въ угоду своей жадности, или высокомѣрія; наказываютъ ужасной анаемой, страхъ передъ которой поражаетъ умы народовъ, разбивая ихъ малѣйшее сопротивленіе пакистскимъ законамъ и безсмысленнымъ требованіямъ. Имѣя во вѣхъ государствахъ армію монаховъ, всегда готовыхъ своими обманами вызывать суетѣрные ужасы, дабы еще сильнѣе возбудить фанатизмъ, они лишаютъ народы культа и обрядовъ, на которыхъ покоятся ихъ религіозныи упованія, чтобы подстрекать ихъ къ гражданской войнѣ, возмущающаю однихъ противъ другихъ, чтобы надъ всеми господствовать; предисылаютъ именемъ Бога вѣроломство и предательство; убийства и отцеубийства, превращаютъ поперемѣнно королей и воиновъ въ орудія и жертвы своей мстительности. Располагая силой, но никогда ею не обладая, страшные своимъ врагамъ, но дрожащіе передъ своими собственными защитниками, они всесильны во всей Европѣ до ся крайнихъ границъ, и безнаказанно оскорбляются у самого подножія своихъ алтарей; умудрившись найти на небѣ точку опоры для рычага который долженъ быть поколебать міръ, они, однако, не могли найти на землѣ регулятора, который могъ-бы по ихъ усмотрѣнію направлять и сохранять его дѣйствіе. Наконецъ, какъ они воздвигнули колоссъ, но на глиняныхъ ногахъ, который и послѣ

освобождения Европы изъ подъ его гнета, долженъ быть еще долго давить ее тяжестью своихъ обломковъ.

Завоевание подчинило Западъ бурной анархіи, при которой народъ стоналъ подъ тройной тиранией—королей, полководцевъ и духовенства; но эта анархія носила въ своихъ нѣдрахъ зародыши свободы. Подъ этой частью Европы должно разумѣть тѣ страны, куда римляне не проникали. Увлекаемые общимъ движениемъ, будучи поперемѣнно завоевателями и покореннымъ, имѣя общее происхожденіе и одинаковые нравы съ завоевателями имперіи, эти народы смѣшались съ послѣдними въ общую массу. Ихъ политическое устройство должно было испытать тѣ же измѣненія и слѣдовательно по аналогичному пути.

Мы начертаемъ картину революцій этой феодальной анархіи, имя которой служить для ея характеристики.

Законодательство этихъ странъ было запутаннымъ и варварскимъ. Если мы тамъ часто находимъ мягкие законы, то этотъ кажущійся гуманизмъ быть только опасной безнаказанностью. Тѣмъ не менѣе, мы у нихъ встрѣчаемъ нѣкоторыя драгоценныя учрежденія, которыя, правда, освящая только права класса угнетателей, были еще большими оскорблениемъ для угнетенныхъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, сохранили нѣкоторую слабую идею права и должны были однажды послужить путеводителемъ для его признанія и возстановленія.

Это законодательство отличалось двумя странными обычаями, которые характеризуютъ и младенчество народовъ и невѣжество грубыхъ вѣковъ. Виновный могъ откупить себя отъ наказанія за опредѣленную сумму денегъ, установленную закономъ, который оцѣнивалъ жизнь людей сообразно съ ихъ общественнымъ положениемъ или происхожденіемъ. Преступление не рассматривались, какъ посягательство на общественную безопасность, на права гражданъ, которое страхъ наказанія долженъ быть предупредить, но какъ оскорблениѳ, нанесенное индивидууму, за которое онъ самъ, или его семья имѣли право отомстить и за которое законъ предлагалъ имъ наиболѣе полезное удовлетвореніе. Идея доказательствъ, которыми можетъ подтверждаться дѣйствительность факта, была имъ настолько чужда, что считали наиболѣе простымъ средствомъ отмѣнить преступленіе отъ невинности, каждый разъ обра-

щаться къ небу и просить чуда; и успѣхъ какого нибудь суевѣрнаго опыта или исходъ борбы рассматривались какъ пути наиболѣе вѣрные для открытия и признания истины.

У людей, которые смысливали понятія независимости и свободы, споры между владѣльцами даже самыхъ незначительныхъ участковъ должны были превращаться въ частныя войны, и эти войны, перебрасываясь изъ округа въ округъ, изъ деревни въ деревню, обыкновенно повергали всю территорію каждой страны всѣмъ тѣмъ ужасамъ, которые являются, по крайней мѣрѣ, временными въ великихъ нашествіяхъ, а въ общихъ войнахъ поражаютъ только границы.

Всякій разъ, когда тиранія стремится подчинить народную массу волѣ одного изъ своихъ произведеній, она учитываетъ въ числѣ своихъ средствъ предразсудки и невѣжество своихъ жертвъ; она старается сплоченностью и активностью меньшинства компенсировать количественное превосходство массы, которой, казалось бы, только и можетъ принадлежать реальная сила. Но послѣдній предѣль ей надеждъ, предѣль, котораго она рѣдко можетъ достигать—это установить между господами и рабами дѣйствительное различіе, которое самую природу какъ бы дѣлаетъ виновницей политического неравенства.

Таково было въ отдаленныя времена искусство восточныхъ жрецовъ, когда мы видѣли ихъ одновременно королями, перво священниками, судьями, астрономами, землемѣрами, художниками и врачами. Но то, чѣмъ они обязаны были исключительному обладанію духовными способностями, грубые тираны нашихъ слабыхъ предковъ достигали своимъ учрежденіямъ и своимъ военнымъ навыкомъ. Покрытые непроницаемыми до спѣхами, сражаясь только на неуязвимыхъ, какъ они сами, лошадяхъ, пріобрѣтая силу и ловкость, необходимыя для дрессыровки лошадей, верховой щады и умѣнія носить и владѣть оружиемъ только путемъ долгаго и труднаго обученія, они могли безнаказанно угнѣтать и убивать безъ риска простого человѣка, который былъ не настолько богатъ, чтобы обзавестись этимъ дорогого стоющими вооруженіемъ и который въ молодости, занятый полезнымъ трудомъ, не могъ посвятить себя военнымъ упражненіямъ.

Такимъ образомъ, тиранія небольшого количества насильниковъ, благодаря этой манерѣ сражаться, пріобрѣла дѣйстви-

тельное превосходство въ силѣ, которая должна была предупреждать всякую попытку сопротивляться и сдѣлать на долго бесполезными даже усилия отчаянія. Такъ естественное равенство исчезло передъ этимъ искусственнымъ неравенствомъ физическихъ силъ.

Мораль, проповѣдуемая только духовенствомъ, заключала тѣ универсальные принципы, которыхъ ни одна секта не отрицала; но она создала массу чисто религіозныхъ обязанностей, и воображаемыхъ грѣховъ. Эти обязанности сильнѣе рекомендовались, чѣмъ естественные и поступки невинные, законные, часто даже добродѣтельные гораздо строже порицались и наказывались, чѣмъ дѣйствительныя преступленія. Между тѣмъ, раскаяніе, освященное отпущеніемъ грѣховъ священника, открывало нечестивымъ врата рая. Дары церкви и исполненіе нѣкоторыхъ церковныхъ предписаній, льстившихъ самолюбію грѣшника, были достаточны, чтобы искупить жизнь, отягченную преступленіями. Дошли даже до того, что установили тарифъ на эти отпущенія. Понятіе «грѣхъ» старательно распространялось на все, начиная отъ самыхъ невинныхъ слабостей любви, отъ простыхъ желаній до утонченостей и безумствъ самого грязнаго разврата. Понятно, что никто не могъ избѣгнуть этой цензуры, и торговля индульгенціями явилась одной изъ наиболѣе доходныхъ статей для духовенства. Предполагалось, что церковь можетъ сократить срокъ страдающихъ въ чистилищѣ грѣшниковой и даже совсѣмъ помиловать ихъ; и священники продавали это прощеніе сначала живымъ, затѣмъ родителямъ и друзьямъ мертвыхъ. Они продавали небесныя блага за равное количество земныхъ и были настолько скромны, что не требовали возврата.

Нравы этой мрачной эпохи достойны были системы столь глубоко безнравственной.

Развитіе этой самой системы; монахи, то возрождающіе старыя чудеса, то фабрикующіе новые, пытающіе баснями и чудесами невѣжественное тупоуміе народа, котораго они въ цѣляхъ грабежа всячески обманываютъ; ученые, изощряющіе все свое воображеніе, чтобы обогатить свою вѣру новой нелѣпостью и, такимъ образомъ, перещеголять тѣхъ, отъ которыхъ они эту вѣру унаследовали. Священники, заставляющіе государей предавать огню и людей, которые осмѣливались или

сомневаться въ истинности хотя бы одного изъ ихъ догматовъ, или раскрывать ихъ обманы, или возмущаться ихъ преступлениями и тѣхъ, которые на минуту склоняются отъ слѣпого подчиненія, наконецъ до самихъ теологовъ, когда они позволяли себѣ иначе мыслить, чѣмъ главари, пользующіеся болѣшимъ довѣріемъ церкви... таковы въ эту эпоху единственныя черты, которая иравы западной части Европы могли бы сообщить картину человѣческаго рода.

На Востокѣ, объединенномъ подъ единодержавной властью деспота, мы увидимъ болѣе медленный упадокъ, сопровождающей постепенное ослабление имперіи; что невѣжество и развращенность каждого вѣка превышаютъ на нѣсколько степеней невѣжество и развращенность прошедшаго вѣка, между тѣмъ какъ богатства уменьшались, границы имперіи приближались къ столицѣ, революціи учащались, и тиранія становились болѣе слабой и болѣе жестокой.

Продолжившая исторію этой имперіи, читая книги, написанныя въ разные вѣка, даже менѣе опытные и менѣе внимательные люди поразятся этимъ совпаденiemъ.

На Востокѣ народъ болѣе предавался теологическимъ спорамъ: послѣдніе занимаютъ здѣсь большее мѣсто въ исторіи и вліяютъ болѣе на политический события; богословскія бредни проповѣдываются здѣсь съ такой тонкостью, до которой застывший Западъ не могъ еще додуматься. Религіозная нетерпимость носить также притѣснительный характеръ, но она менѣе жестока.

Однако, произведенія Фотія свидѣтельствуютъ о томъ, что склонность къ разумнымъ занятіямъ не была утрачена. Нѣкоторые императоры, принцы и даже принцессы не ограничивались честью блестать въ теологическихъ спорахъ и изучали также гуманитарныя науки.

Римское законодательство медленно искажалось здѣсь той пріимѣсью дурныхъ законовъ, которые жадность и тиранія диктовали императорамъ, или, которые суевіе, пользуясь ихъ слабостью, заставляло признавать. Греческій языкъ потерялъ свою чистоту и свои характерныя особенности, но онъ сохранилъ свое богатство, свои формы и свою грамматику. Жители Константинополя могли еще читать Гомера, Софокла, Фукидида и Платона. Анееміусъ изложилъ устройство зеркалъ Ар-

химеда, которыми Проклъ успешно пользовался для защиты столицы. Къ моменту паденія имперіи въ Константинополь находились нѣкоторые выходцы изъ Италіи, познанія которыхъ способствовали прогрессу просвѣщенія. Такимъ образомъ, въ эту самую эпоху, Востокъ не упалъ еще до послѣдней степени варварства, но ничто здѣсь также не давало надежды на возрожденіе. Онъ сталъ добычей варваровъ; его жалкіе остатки исчезли и древній гений Греціи ждетъ еще своего освободителя.

На окончностяхъ Азіи и границахъ Африки существовалъ народъ, который благодаря географическому положенію своей страны и своей храбрости избѣжалъ завоеваній персовъ, Александра и римлянъ. Для нѣкоторыхъ изъ его многочисленныхъ племенъ источникомъ существованія служило земледѣліе; другія продолжали вести настущескій образъ жизни: всѣ они занимались торговлей, а нѣкоторыя грабежомъ. Связанныя общностью происхожденія, языка и нѣкоторыхъ религіозныхъ обычаевъ, они образовали великую націю, различная части которой, однако, не были объединены никакими политическими узами. Вдругъ изъ нихъ среди выдѣлился человѣкъ одаренный пылкимъ воображеніемъ и глубокимъ политическимъ умомъ, талантами поэта и воина. Онъ задумалъ смѣлый планъ объединить въ одно политическое тѣло арабскія племена и у него хватило храбрости его осуществить. Для того, чтобы подчинить власти одного начальника необузданный еще тогда народъ, онъ началъ съ того, что изъ обломковъ древняго культа создать новую болѣе очищенную религію. Законодатель, пророкъ, первосвященникъ, судья, главнокомандующій арміей,— всѣ средства для подчиненія людей были въ его рукахъ и онъ умѣлъ ими пользоваться съ ловкостью, но и съ величиемъ.

Онъ разсказывалъ много басенъ, которыхъ онъ будто бы получилъ небеснымъ откровеніемъ; но онъ одерживалъ побѣды. Свое время онъ проводилъ въ молитвѣ и любовныхъ наслажденіяхъ. Послѣ двадцатилѣтняго царствованія, въ теченіе котораго онъ пользовался неограниченной властью, примѣра которой не знаетъ исторія, онъ объявилъ, что, если имъ совершина несправедливость, онъ готовъ ее исправить. Все молчало: одна только женщина осмѣлилась потребовать небольшой

суммы денегъ. Онъ умеръ, и энтузиазмъ, который онъ сообщилъ своему народу, вызвалъ измѣненіе вида трехъ частей міра.

Нравы арабовъ отличались возвышенностью и мягкостью; они любили и занимались поэзіей: и когда они господствовали въ наиболѣе красивыхъ странахъ Азіи, когда время успокоило лихорадку религіознаго фанатизма, склонность къ литературѣ и наукамъ присоединилась къ ихъ усердію въ распространеніи вѣры и укрощала ихъ страсть къ завоеваніямъ.

Они изучали Аристотеля, произведенія котораго они перевели на свой родной языкъ. Они занимались астрономіей, оптикой, медициной во всѣхъ ея видахъ и обратили эти науки нѣкоторыми новыми истинами. Имъ мы обязаны обобщеніемъ метода алгебры, ограниченной у грековъ однимъ только кругомъ вопросовъ. Если химерическое исканіе секрета преобразовывать простые металлы въ благородные и приготовлять напитокъ бессмертія оскверняло ихъ химію, то именно они возродили, или скорѣе изобрѣли эту науку, до того времени смѣшанную съ фармаціей или наукой о процессахъ производства. Именно у нихъ она впервые начинаетъ заниматься анализомъ тѣлъ, элементы которыхъ она распознаетъ и является теоріей ихъ сочетаній и законовъ, которымъ эти сочетанія подчинены.

Науки у нихъ были свободны и этой свободѣ они обязаны тѣмъ, что сумѣли воскресить нѣкоторыя искры греческаго генія; но онѣ были подчинены деспотизму, освященному закономъ. И потому этотъ свѣтъ сіялъ недолго, уступивъ мѣсто непроницаемому мраку. Труды арабовъ погибли бы для человѣческаго рода, если бы они не послужили для подготовленія возрожденія болѣе прочнаго, картину котораго представить намъ Западъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, во второй разъ, какъ геній оставляетъ народы, которые онъ просвѣтилъ, но и на этотъ разъ онъ исчезаетъ подъ давленіемъ тираніи и суевѣрія. Рожденный въ Греціи въ атмосферѣ свободы, онъ не могъ ни остановить ея паденія, ни защитить разумъ противъ предразсудковъ народовъ, уже униженныхъ рабствомъ. Рожденный у арабовъ въ нѣдрахъ деспотизма и вблизи колыбели фанатической религіи, онъ явился только отраженіемъ великодушнаго

и блестящаго характера этого народа, времененнымъ исключениемъ изъ общихъ законовъ природы, въ силу которыхъ народы порабощенные и суевѣрные обречены на униженіе и неизѣкство.

Итакъ этотъ второй примѣръ не долженъ намъ внушать страха относительно будущаго; но онъ можетъ только служить предостереженіемъ для нашихъ современниковъ, чтобы они не пренебрегали никакими средствами для сохраненія и увелѣченія знаній, если они хотятъ стать и оставаться свободными и укрѣпляли свою свободу, если они не хотятъ лишиться тѣхъ преимуществъ, которыя знанія имъ доставили.

Я присоединю къ исторіи трудовъ арабовъ исторію быстраго возвышенія и послѣднаго паденія этой націи, которая,—нѣкогда господствовавшая отъ береговъ Атлантическаго океана до границъ Инда, изгнанная затѣмъ варварами изъ большей части своихъ завоеваній, удерживавшая остальную только для того, чтобы тамъ представить отвратительное зрѣлище народа, павшаго до послѣдняго предѣла закрѣпощенности, разврата и нищеты—занимаетъ еще теперь территорію своего стараго отечества, сохранила тамъ свои нравы, свой духъ, свой характеръ и сумѣла отвоевать и защитить свою прежнюю независимость.

Я покажу, какимъ образомъ религія Магомета, простѣйшая въ своихъ догматахъ, наименѣе абсурдная въ своихъ обрядахъ, наиболѣе терпимая въ своихъ принципахъ, какъ бы обрекла на вѣчное рабство, на неизлѣчимую тупость все это обширное пространство, на которое она распространила свое господство; между тѣмъ какъ мы увидимъ, что гений наукъ и свободы сіяеть въ атмосфѣрѣ наиболѣе нелѣпыхъ суевѣрій, среди наиболѣе варварской нетерпимости. Китай представляетъ намъ то же явленіе, хотя дѣйствія этого одуряющаго яда тамъ были менѣе гибельны.

СЕДЬМАЯ ЭПОХА.

Отъ первого прогресса наукъ въ періодъ ихъ возрожденія
на Западѣ до изобрѣтенія книгопечатанія.

Многія причины способствовали тому, что человѣческій разумъ постепенно вновь пріобрѣлъ ту энергию, которую цѣни столь позорныя и столь тяжелыя, казалось, должны были сковать на всегда.

Нетерпимость духовенства, его усилия завладѣть политической властью, скандальная жадность и безпутное поведеніе его представителей, еще болѣе возмущавшія рядомъ съ ханжествомъ послѣднихъ, должны были възстановить противъ нихъ всѣхъ тѣхъ, кто обладалъ душой чистой, умомъ яснымъ и характеромъ смѣлымъ. Эти люди поражались противорѣчіемъ между ихъ доктринаами, правилами, поведеніемъ и тѣми самыми Евангелиями, главы которыхъ основаніемъ ихъ доктрины, какъ и морали, содержаніе которыхъ они не могли всецѣло скрыть отъ народа. Противъ нихъ поднялись, такимъ образомъ, сильные протесты. Въ Южной Франціи цѣлые провинціи объединились, чтобы принять новую доктрину болѣе простую, христіанство болѣе очищенное, гдѣ человѣкъ, подчиненный только божеству, могъ бы по своему собственному разумѣнію судить о томъ, что оно соизволило открыть людямъ въ книгахъ отъ него находящихъ.

Фанатическая армія, подъ командой честолюбивыхъ полководцевъ, опустошили эти провинціи. Палачи, приведенные папскими легатами и мѣстными духовенствомъ надругались надъ тѣми, которыхъ пощадили солдаты. Быть учрежденъ трибуналъ монаховъ, которому было поручено, отправлять на костеръ всякаго, кто былъ бы заподозренъ въ томъ, что онъ слушается еще голоса своего разума.

Тѣмъ не менѣе, они не могли помышлать духу свободы и изслѣдованія прогрессировать тайно. Подавленный въ стра-нахъ, гдѣ онъ дерзнулъ проявиться, гдѣ лицемѣрная нетерпимость неоднократно зажигала кровавыя войны, онъ возраждался и тайно распространялся въ другой странѣ. Мы его вновь встречаемъ во всѣхъ эпохахъ вплоть до момента, когда, блогопріятствуемый изобрѣтеніемъ *книгопечатанія*, онъ стаѣ достаточно сильнымъ, чтобы освободить часть Европы отъ ига Ватикана.

Уже существовалъ цѣлый классъ людей, которые, высившись надъ всѣми суевѣріями, довольствовались тѣмъ, что презирали ихъ тайно, или, самое большее, позволяли себѣ мимоходомъ высмѣивать ихъ, дѣлая эти насмѣшки еще болѣе пикантными, благодаря той почтительности, которой они старались ихъ прикрывать. Насмѣшка была пощажена ради тѣхъ вольностей, которыя, осторожно посѣянныя въ произведеніяхъ, предназначенныхъ для наслажденія вельможъ или людей образованныхъ, но не доступныхъ народу, не возбуждали ненависти гонителей.

Фридрихъ II былъ заподозрѣнъ въ принадлежности къ тѣмъ, кого наши священники XVIII вѣка называли впослѣдствіи *философами*. Папа обвинилъ его предъ всѣми націями въ томъ, что онъ разсуждалъ о религіяхъ Моисея, Иисуса и Магомета, какъ о политическихъ басняхъ. Его канцлеру Петру де Винье приписана была фантастическая книга о *трехъ обманникахъ*. Но уже одно заглавіе свидѣтельствовало о существованіи воззрѣнія, вполнѣ естественный результатъ изслѣдований этихъ трехъ вѣрованій, которыя, рожденныя одной матерью, были только искаженіемъ болѣе чистаго культа, посвященнаго болѣе древними народами универсальной міровой душѣ.

Сборники нашихъ сказокъ, Декамеронъ Боккачіо являются отраженіемъ этой свободы мыслить, этого презрѣнія къ предразсудкамъ, этой наклонности писателей сдѣлать изъ нихъ предметъ злобной и тайной насмѣшки.

Эта эпоха, такимъ образомъ, представляетъ намъ мирныхъ людей, отвергающихъ всѣ суевѣрія, рядомъ съ энтузіастами—реформаторами ихъ наиболѣе грубыхъ злоупотреблений; и мы сможемъ почти связать исторію этихъ глухихъ протестовъ,

протестовъ въ силу правъ разума къ исторіи послѣднихъ философовъ александрийской школы.

Мы изслѣдуемъ вопросъ о томъ, не образовалось ли въ эпоху, когда философскій прозелитизмъ былъ столь опасенъ, тайныхъ обществъ, предназначенныхъ увѣковѣчить, распространить тайно и безъ опасенія среди нѣкоторыхъ адептовъ немногія простыя истины, какъ вѣрные предохранители противъ господствующихъ предразсудковъ.

Мы постараемся выяснить, не должно-ли отнести къ числу этихъ обществъ тотъ знаменитый орденъ, подъ которымъ папы и короли съ такой низостью подкапывались и который они съ такимъ варварствомъ разрушили.

Священники вынуждены были заниматься науками или въ цѣляхъ самозащиты, или для того, чтобы прикрыть благородными предлогами захваты свѣтской власти и совершенствоватьсь въ искусствѣ изготавленія вымышленныхъ документовъ. Съ другой стороны, чтобы поддерживать съ меньшими потерями эту войну, гдѣ претензіи опирались на авторитетъ или примѣрахъ, короли поощряли образованіе школъ для подготовки юристовъ, въ которыхъ они надѣались для борьбы съ представителями церкви.

Въ этихъ спорахъ между духовенствомъ и правительствами, между духовенствомъ каждой страны и главою церкви, тѣ, которые были болѣе проникнуты духомъ справедливости, обладали характеромъ болѣе открытымъ и болѣе возвышеннымъ, отстаивали интересы свѣтскихъ людей противъ домогательствъ священниковъ и интересы національного духовенства противъ деспотизма иноземнаго властелина. Они нападали на злоупотребления, на алчные захваты, происхожденіе которыхъ они старались раскрывать. Эта смѣлость кажется намъ только рабской робостью; мы смѣемся, видя какую массу трудовъ они потратили для доказательства того, чѣму простой здравый смыслъ долженъ быть научить. Но эти истины, тогда новыя, рѣшили часто участъ цѣлаго народа; эти люди смѣло искали ихъ и храбро защищали: и именно благодаря имъ человѣческій разумъ началъ вспоминать свои права и свою свободу.

Въ спорахъ, возникшихъ между королями и императорами, первые обеспечивали себѣ поддержку большихъ городовъ или привилегіями, или восстановленіемъ нѣкоторыхъ естественныхъ

правъ человѣка; они старались освободительными грамотами увеличивать число городовъ, пользующихся коммунальнымъ правомъ. Эти самые люди, возрожденные къ свободѣ, чувствовали насколько для нихъ важно пріобрѣсть, путемъ изученія законовъ и исторіи, ловкость и умственный авторитетъ, которые помогали имъ уравновѣсить военное могущество феодальной тираніи.

Соперничество между императорами и папами помѣшило Италии объединиться подъ властью одного государя и тамъ сохранилось большое количество независимыхъ обществъ. Въ маленькихъ государствахъ нужно было помимо физической силы опираться также на силу убѣжденія, действовать словомъ столь-же часто, какъ и оружиемъ. Такъ какъ эта политическая война пріобрѣла тамъ характеръ борьбы мнѣній, такъ какъ Италия никогда совершенно не потеряла склонности къ научнымъ занятіямъ—она должна была стать для Европы очагомъ просвѣщенія, еще слабымъ, но который обѣщалъ быстро увеличиваться.

Наконецъ, религіозный энтузіазмъ увлекать западные народы на завоеваніе святыхъ мѣстъ, какъ они говорили, за смерть и чудеса Христа. Въ то же время какъ это умопомраченіе было благоприятно для свободы, благодаря ослабленію и обѣднѣнію императоровъ, оно способствовало также тому, что европейскіе народы вступили въ сношенія съ арабами и объединились съ ними узами, которыя смыщеніе ихъ съ христіанами Испаніи уже образовало; которыя торговля Пизы, Генуи, Венеціи укрѣнила. Европейцы изучили арабскій языкъ; читали ихъ произведенія, позаимствовали у нихъ часть ихъ открытій и если они не двинули науки дальше того предѣла, до которого дошли арабы, они, по крайней мѣрѣ, стремились съ ними сравниться.

Эти войны, предпринятые во имя суевѣрія, послужили для его разрушенія. Знакомство со многими религіями въ концѣ концовъ внушило здравомыслящимъ людямъ полный индифферентизмъ ко всемъ этимъ вѣрованіямъ, одинаково безсильнымъ противъ пороковъ и страстей людскихъ, равное презрѣніе къ преданности, какъ искренней, такъ и упрямой, ихъ послѣдователей къ противорѣчивымъ мнѣніямъ.

Въ Италии образовались республики, изъ которыхъ иѣко-

торыя подражали формамъ греческихъ республикъ, между тѣмъ какъ другія пытались согласовать съ закрѣпощенностю подвластнаго народа свободу и демократическое равенство народа самодержца. На съверѣ Германіи нѣкоторые города, получивъ почти полную независимость, управлялись своими собственными законами. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Швейцаріи народъ разорвалъ цѣли феодализма, какъ и оковы королевской власти. Почти во всѣхъ большихъ государствахъ создаются несовершенныя конституціи, гдѣ право повышенія налоговъ, изданіи новыхъ законовъ было раздѣлено то между королемъ, дворянствомъ, духовенствомъ и народомъ, то между королемъ, баронами и коммунами, гдѣ народъ, находясь еще въ состояніи униженія, былъ, по крайней мѣрѣ, защищены отъ угнетенія; гдѣ тѣ элементы населенія, которые дѣйствительно образуютъ націи, были призваны къ праву защищать свои интересы и быть услышанными тѣми, которые распоряжаются ихъ судьбами. Въ Англіи знаменитый актъ, торжественно утвержденный королемъ и вельможами, гарантировалъ право бароновъ и нѣкоторыя—народа.

Другіе народы, провинціи, даже города, также получили подобныя хартіи, хотя менѣе блестящія и менѣе защищенные. Онѣ являются зародышами „деклараций правъ“, рассматриваемыхъ теперь всѣми просвѣщенными людьми, какъ основы свободы. Идею этихъ деклараций древніе не постигали и не могли постигнуть, ибо ломашнее рабство оскверняло ихъ конституціи; ибо у нихъ право гражданина было наследственнымъ, или пожаловано добровольнымъ согласіемъ; и потому, что они не возвысились до пониманія этихъ правъ, присущихъ человѣческому роду и принадлежащихъ всѣмъ людямъ съ полнымъ равенствомъ.

Во Франціи, въ Англіи и у нѣкоторыхъ другихъ великихъ націй, народъ, казалось, хотѣлъ возстановить свои истинныя права; но скорѣе ослѣпленный чувствомъ угнетенности, чѣмъ просвѣтленный разумомъ—единственными плодами его усиій были жестокости, скоро искупленные болѣе варварской и въ особенности, болѣе несправедливой местью, и грабежи, сопровождавшіеся еще болѣе страшной нищетой.

Между тѣмъ, принципы реформатора Виклефа были у англичанъ мотивами одного изъ тѣхъ движений, руководимыхъ

его учениками, которое явилось предзнаменованиемъ болѣе послѣдовательныхъ и лучшіе задуманныхъ выступленій, предпринятыхъ народами впослѣдствіи при другихъ реформаторахъ и въ болѣе просвѣщенномъ вѣкѣ.

Открытие рукописи кодекса Юстиніана возродило изученіе юриспруденціи, какъ и законодательства и содѣйствовало гуманізациі законовъ даже тѣхъ народовъ, которые умѣли ихъ использовать, не желая имъ подчиняться.

Торговля Пизы, Генуи, Флоренціи, Венеціи, бельгійскихъ городовъ и нѣкоторыхъ свободныхъ городовъ Германіи обнимала Средиземное и Балтійское моря и берега Атлантическаго океана. Ихъ купцы отправлялись добывать драгоценныя продукты Леванта въ порты Египта и къ крайнимъ берегамъ Чёрнаго моря.

Политика, законодательство, общественное хозяйство не образовали еще самостоятельныхъ науки; никто не занимался изслѣдованиемъ, углубленіемъ и развитіемъ ихъ принциповъ; но когда стали знакомиться съ ними на практикѣ, были собраны наблюденія, которыя способствовали ихъ зарожденію; выгоды, обусловленныя познаніями въ области этихъ наукъ, должны были подсказать необходимость ихъ изученія.

Аристотель сталъ извѣстенъ въ средніе вѣка только благодаря переводу, сдѣланному съ арабскаго; и его философія, преслѣдуемая въ первые моменты ея появленія, скоро заняла господствующее положеніе во всѣхъ школахъ: она не внесла туда новыхъ знаній; но она придала больше правильности, большее систематичности искусству аргументаціи, которое породили теологические споры. Эта схоластика не вела къ открытию истины; она даже не способствовала лучшему обсужденію, лучшею оцѣнкѣ доказательствъ; но она уточняла умы: и эта склонность къ хитрымъ толкованіямъ, эта необходимость безпрестанно расчленять идеи, схватывать ихъ случайные оттѣнки, воспроизводить ихъ новыми словами; весь этотъ аппаратъ, употреблявшися для того, чтобы запутать противника въ спорѣ, или чтобы избѣжать, разставленной послѣднимъ, ловушки, былъ зародышемъ того философскаго анализа, который впослѣдствіи явился обильнымъ источникомъ нашего прогресса.

Схоластикамъ мы обязаны болѣе точными понятіями объ идеяхъ Всевышняго Существа и его свойствахъ; о различії

между первопричиной и вселенной, которой она какъ будто управляетъ; о различіи между духомъ и матеріей; о различныхъ значеніяхъ, которыхъ можно понимать подъ словомъ *свобода*; о томъ, что разумѣютъ подъ словомъ *твореніе*; о способѣ отличать между этими значеніями различные фіграціи человѣческаго ума и классифицировать идеи, образуемыя о реальныхъ предметахъ и объ ихъ существенныхъ свойствахъ.

Но этотъ самый методъ могъ только тормозить въ школахъ прогрессъ естественныхъ наукъ. Нѣкоторыя анатоміческія изслѣдованія, туманные труды по химії, посвященные исключительно отысканію філософскаго камня, занятія геометріей и алгеброй, которыхъ не привели ни къ усвоенію всего того, что открыли арабы, ни къ пониманію произведеній древнихъ; наконецъ, наблюденія и астрономическая вычисленія, которыхъ ограничивались устройствомъ, и усовершенствованіемъ таблицъ и которыхъ искажались примѣсью безсмыслицей астрологіи—такова картина, которую представляютъ эти науки. Между тѣмъ механическое производство начало приближаться къ тому совершенству, котораго оно достигло въ Азіи. Культура шелка стала примѣняться на югѣ Европы; устраиваются вѣтряныя мельницы и бумажныя фабрики; искусство измѣрять время переходитъ границы, где оно остановилось у древнихъ и у арабовъ. Наконецъ два важныхъ открытия отмѣчаютъ эту самую эпоху. Свойство магнитной стрѣлки устанавливаться всегда противъ одной и той же стороны свѣта, свойство извѣстное китайцамъ, которымъ они пользовались въ мореплаваніи, было также замѣчено европейцами. Они научились пользоваться компасомъ, употребленіе котораго способствовало усиленію торговли, усовершенствовало искусство мореплаванія, зародило идею тѣхъ путешествій, благодаря которымъ впослѣдствіи былъ открытъ новый міръ, и дало возможность человѣку обнять взоромъ весь земной шаръ. Химикъ, смѣшивая сѣрь съ воспламеняющимся веществомъ, нашелъ секретъ пороха, который произвелъ неожиданный переворотъ въ военномъ искусствѣ. Не смотря на ужасныя дѣйствія огнестрѣльного оружія, оно, удаляя сражающихся, сдѣлало войну менѣе смертоносной и воиновъ менѣе жестокими. Военные экспедиціи становятся болѣе разорительными; богатство можетъ уравновѣсить силу; народы даже наиболѣе воинственные чувствуютъ потребность

подготовиться, обеспечить себѣ средства веденія войны, обогащаясь торговлей и промышленностью. Просвѣщеннымъ народамъ не приходится больше бояться слѣпой храбости варварскихъ націй. Великія завоеванія и сопровождающіе ихъ великие перевороты становятся почти невозможными.

То превосходство, которое дворянство приобрѣло надъ народомъ, благодаря своему умѣнью править почти неуязвимыми лошадьми, владѣть шагомъ или копьемъ, въ концѣ концовъ совершенно исчезло. Разрушение этого послѣдняго препятствія свободы и дѣйствительному равенству людей обусловлено было изобрѣтеніемъ, которое съ первого взгляда, казалось, угрожало уничтожить человѣческий родъ.

Въ Италии, языкъ почти достигъ своего совершенства въ XIV вѣкѣ. Данте часто благороденъ, точенъ и энергиченъ. Боккачіо отличается грацией, простотой и изяществомъ. Остромыній и чувствительный Петрарка исколѣко не устарѣлъ. Въ этой странѣ, счастливый климатъ которой приближается къ климату Греціи, изучались образцовые произведения древности; дѣлались попытки внести въ новый языкъ иѣкоторыя красоты послѣднихъ; старались имъ подражать. Уже иѣкоторые опыты давали право надѣяться, что, пробужденный видомъ древнихъ памятниковъ, обученный этими молчаливыми, но краснорѣчивыми уроками, гений искусства во второй разъ явился украшать существование человѣка и подготовить ему тѣ чистыя удовольствія, наслажденіе которыми равно для всѣхъ и увеличивается по мѣру его распространенія.

Остальная Европа слѣдовала далеко позади Италии; но силаность къ литературѣ и поэзіи начала тамъ, по крайней мѣре, шлифовать варварскіе еще языки.

Тѣ же причины, которыя разбудили человѣческую мысль, спавшую долгимъ летаргическимъ сномъ, должны были также направлять ея усиленія. Разумъ не могъ быть призванъ решать вопросы, возникавшіе при столкновеніи противоположныхъ интересовъ: религія, далекая отъ признания за нимъ авторитета, стремилась его подчинить и высокомерно сибиралась его унизить; политика считала справедливымъ то, что было освящено соглашеніями, постоянной практикой и старыми обычаями.

Руководители общества не догадывались, что права людей начертаны самой природой и сочинять другія значило бы игно-

рировать и оскорблять ихъ. Правила, или примѣры, достойные подражанія, они искали въ священныхъ книгахъ, у почитаемыхъ авторовъ, въ папскихъ буллахъ, въ королевскихъ реекріатахъ, въ сборникахъ обычавъ и въ церковныхъ ежегодникахъ. Рѣчь шла не объ изслѣдованіи сущности какого-либо принципа, но о толкованіи, обсужденіи, отрицаніи или подтвержденіи другими текстами тѣ, на которыхъ онъ опирался. Положеніе принималось не потому, что оно было истинно, но потому, что оно было написано въ такой-то книгѣ и было принято въ такой-то странѣ и съ такого-то вѣка.

Такимъ образомъ, авторитетъ людей замѣнялъ всюду авторитетъ разума. Книги изучались гораздо болѣе природы, и воззрѣнія древнихъ лучше, чѣмъ явленія вселенной. Эта поработочность разума, который не могъ еще явиться даже источникомъ освѣщающей критики, искакая методъ изученія, вредила этимъ прогрессу человѣческаго рода болѣе, чѣмъ своими непосредственными вліяніями на науки. Древніе еще были такъ недоступны пониманію, что не настолько еще время ихъ исправить или превосходить.

Въ продолженіе этой эпохи нравы сохранили свою развращенность и свою жестокость; религіозная нетерпимость стала даже болѣе активной; и гражданскія междуусобицы, вѣчныя войны массы мелкихъ классъ замѣнили нашествія варваровъ и болѣе гибельный бичъ частныхъ войнъ. Правда, учтивость менестрелей и трубадурѣвъ, институтъ рыцарства, основными принципами котораго были великодушіе и искренность, посвящавшаго себя поддержанію религіи и защитѣ угнетенныхъ, какъ и служению дамамъ, казалось, должны были сообщить нравамъ большия мягкости, благородства и возвышенности. Но это измѣненіе, замѣчаемое въ дворцахъ и замкахъ, никакъ не отразилось на народную массу. Оно обусловило установленіе немного больше равенства между дворянствомъ и уменьшеніе вѣроломства и жестокости въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; но ихъ презрѣніе къ народу, свирѣпость ихъ тираніи, дерзость ихъ грабежа остались тѣ-же; и націи по прежнему угнетенные, были по прежнему невѣроятными, варварскими и развращенными.

Эта поэтическая и военная вѣжливость, это рыцарство, обязанныя своимъ происхожденіемъ большей частью арабамъ,

естественное великодушіе которыхъ долгое времѧ устояло въ Испаніи противъ суевѣрія и деспотизма, были, конечно, полезны: онъ распространяли зародыши гуманизма, которые должны были дать плоды въ болѣе счастливыя времена; и общій характеръ этой эпохи выразился въ приготовленіи человѣческаго разума къ перевороту, къ которому открытие книгопечатанія должно было привести и подготовленіи почвы, которую слѣдующія поколѣнія должны были покрыть стоды облаготой и столь обильной жатвой.

Наукова бібліотека ОНУ ім. І.І. Мечникова

ВОСЬМАЯ ЭПОХА.

Отъ изобрѣтенія книгопечатанія до времени, когда науки и философія сбросили иго авторитета.

Тѣ, которые задумывались надъ ходомъ человѣческаго разума въ области открытій, будь то новыхъ истинъ, или процессовъ производства, должны удивляться тому, что такой длинный промежутокъ времени отдѣляетъ умѣніе печатать рисунки отъ изобрѣтенія искусства запечатлѣвать caractеры.

Безъ сомнѣнія, у нѣкоторыхъ граверовъ возникала идея объ этомъ примѣненіи своего искусства, но они были болѣе поражены трудностью исполненія, нежели выгодами, которыхъ сулилъ успѣхъ: и это даже не счастью, что они не могли подозрѣвать всеобъемлющаго значенія этой идеи. Духовенство и короли объединились бы иначе, чтобы задушить въ зародыши врага, которому предстояло сорвать съ однихъ маску и развѣнить другихъ.

Книгопечатаніе умножаетъ въ неопределенномъ количествѣ и при небольшихъ расходахъ экземпляры одного и того же произведенія. Въ силу этого, возможность имѣть книги, пріобрѣтать ихъ сообразно своему вкусу и своимъ потребностямъ стала доступной для всѣхъ умѣющихъ читать: и эта легкость чтенія увеличила и распространила желаніе и средства образования.

Эти многочисленныя копии, распространяясь съ большей быстротой, способствовали тому, что факты и открытія не только пріобрѣли болѣе широкую извѣстность, но эту извѣстность они пріобрѣтали гораздо скорѣе. Просвѣщеніе стало предметомъ дѣятельной и повсемѣстной торговли.

Отыскивать рукописи стало такой же необходимостью, какъ для настѣ теперь исканіе рѣдкихъ произведеній. То, что чита-

лось только немногими, могло, такимъ образомъ, быть прочитаннымъ цѣлымъ народомъ и повліять почти одновременно на всѣхъ людей, владѣющихъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ.

Способъ говорить съ разсѣянными націями стать известенъ. Мы присутствуемъ при сооруженіи трибуны новаго вида, откуда сообщаемыя идеи производятъ менѣе живое, но болѣе глубокое впечатлѣніе; власть которой менѣе тиранническая надъ страстями, но болѣе могущественная, болѣе вѣрная и болѣе продолжительная надъ разумомъ; гдѣ всѣ преимущества на сторонѣ истины, ибо искусство находить истину оставило пріемы, исказавшіе ее, приобрѣтая средства для ея осѣщенія. Образуется общественное мышеніе, могущественное для тѣхъ, которые его раздѣляютъ, энергичное, ибо мотивы его опредѣляющіе дѣйствуютъ одновременно на всѣ умы, даже на чрезвычайно отдаленные пространства. Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ въ уваженіе къ разуму и справедливости создается трибуналъ, независимый отъ всякой человѣческой силы, трибуналъ, отъ которого трудно что либо скрыть и отъ которого невозможно избѣжать.

Новые методы, исторія первыхъ шаговъ по пути, который долженъ привести къ открытию, труды его подготавливающіе, взгляды, которые морутъ способствовать возникновенію идеи, или только возбудятъ желаніе работать въ этомъ направлениі, быстро распространяясь, доставляютъ каждому человѣку всю совокупность средствъ, которая усилия всѣхъ могла создать; и благодаря этой взаимопомощи, человѣческій гений многократно увеличиваетъ свои силы.

Всякое новое заблужденіе разрушается въ зародыши: подвергаясь часто нападеніямъ даже раньше, чѣмъ оно могло распространиться, оно не успѣваетъ укорениться въ умахъ. Заблужденія, усвоенные съ младенчества, которыхъ являются въ иѣкоторомъ родѣ нераздѣльными съ умомъ каждого человѣка, и которыхъ страхъ, или надежда сдѣлали дорогими для слабыхъ характеровъ, были поколеблены въ силу только того, что стало невозможно преодолевать ихъ обсужденію, скрывать, что они могли быть отброшены и разсѣяны, остановить прогрессъ истины, которыхъ, послѣдовательно разрушая ихъ, должны были современемъ обнаружить ихъ недѣлность.

Книгопечатанію-же мы обязаны возможностью распространять произведенія, появленіе которыхъ обусловлено обстоятель-

ствами данного момента, или временными течениями общественной мысли и благодаря этому заинтересовывать каждымъ вопросомъ, обсуждающимся въ одномъ мѣстѣ, всѣхъ людей, говорящихъ на одномъ и томъ же языке.

А книги, предназначенные для каждого класса людей, для каждой степени образования, мыслимо ли имѣть въ неограниченномъ количествѣ безъ помощи этого искусства? Продолжительные обсуждѣнія, которыя одни только могутъ внести вѣрный свѣтъ въ сомнительные вопросы, и укрѣпить на непоколебимъ основаніи истины слишкомъ абстрактныя, слишкомъ тонкія, слишкомъ непохожія на народныхъ предразсудки, или на ходячее мнѣніе ученыхъ, чтобы не быть скоро забытыми и игнорируемыми; книги чисто элементарныя, словари, произведенія, въ которыхъ собраны со всѣми подробностями множество фактovъ, наблюденій, опытовъ, гдѣ всѣ доказательства развиты, всѣ сомнѣнія выяснены; эти драгоценныи коллекціи, заключающія то все, что было замѣчено, написано, придумано о данной отрасли науки, то результаты годичныхъ трудовъ всѣхъ ученыхъ какой-либо страны; эти таблицы, эти картины всякаго вида, изъ которыхъ однѣ представляютъ результаты, открывающіеся уму лишь путемъ тѣжелаго труда, другіе показываютъ по желанію фактъ, наблюденіе, количество, формулу, предметъ, который необходимо знать, между тѣмъ какъ третьи, наконецъ, представляютъ въ удобной формѣ, въ систематическомъ порядке материалы, изъ которыхъ гений долженъ извлекать новыя истины: всѣ эти средства, направленныя къ тому, чтобы движение человѣческаго разума, стало болѣе скорымъ, болѣе вѣрнымъ, болѣе легкимъ, суть также благодѣянія книгопечатанія.

Мы обнаружимъ еще другія, когда проанализируемъ послѣдствія введенія въ науку национальныхъ языковъ имѣсто одного научнаго языка, почти исключительно употреблявшагося учеными всѣхъ странъ.

Наконецъ, развѣ не книгопечатаніе освободило народное образование отъ всѣхъ цѣпей политическихъ и религіозныхъ? Напрасно одинъ или другой деспотизмъ сталь-бы вторгаться во всѣ школы; тщетно сталь-бы онъ подъ страхомъ суровыхъ каръ устанавливать какими заблужденіями онъ предписывается неизмѣнно заражать умы и отъ какихъ истинъ онъ велить

ихъ предохранять; тщетно кафедры, посвященные моральному воспитанию народа, или обучению молодежи философии или наукамъ, обрекались бы излагать всегда только учение, благоприятное для этой двойной тирании: книгопечатаніе все-же можетъ распространить знаніе независимое и чистое. Образование, которое каждый человѣкъ можетъ почерпнуть изъ книгъ вытиши и уединеніи, не можетъ быть повсемѣстно искалено: достаточно, чтобы существовалъ уголокъ свободной земли, гдѣ печатный станокъ могъ-бы безпрепятственно работать. Какимъ образомъ при наличности множества различныхъ книгъ, многочисленныхъ экземпляровъ одной и той-же книги и оттисковъ, которые въ нѣсколько мгновеній сызнова умножаютъ числа экземпляровъ, можно будетъ достаточно плотно прикрыть всѣ двери, черезъ которыхъ истина стремится проникнуть? То, что было трудно даже когда рѣчь шла только объ уничтоженіи нѣсколькихъ экземпляровъ какой-нибудь рукописи, чтобы ее безповоротно погубить, когда достаточно было изгонять истину, возрѣбнѣе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы ее признать навѣки забытой, развѣ это не стало невозможнымъ теперь, когда для этого нужна была-бы неусыпная бдительность и безпрерывная никогда не прекращающаяся дѣятельность? Каждымъ образомъ, еслибы даже удалось изгнать истины слишкомъ очевидныя, непосредственно задѣвающія интересы инквизиторовъ, можно было-бы воспрепятствовать проникновенію и распространенію книгъ, которая заключаютъ въ себѣ эти горимыя истины, которая ихъ подготавлюютъ и долики однажды къ нимъ привести, не возбуждая слишкомъ большого вниманія къ имъ? Можно-ли это сдѣлать, не будучи вынужденнымъ скроить маску лицемѣрія, паденіе которой было-бы для силы заблужденія почти также гибельно, какъ и истина? И потому мы увидимъ разумъ торжествующимъ надъ этими тщетными усилиями; мы его увидимъ въ этой войнѣ, всегда возрождающейся и часто жестокой, торжествующимъ надъ жестокостью, какъ и надъ коварствомъ, презирающимъ костры и не подающимъ соблазнамъ, скрупающимъ своей всемогущественной рукой поочередно и фанатическое лицемѣріе, которое требуетъ искренняго обожанія своихъ догматовъ и политическое лицемѣріе, которое заклинаетъ смиренно терпѣть, когда оно извлекаетъ выгоду въ мирѣ, изъ поддерживающихъ его заблужденій.

и считать его продолжительное существование столь-же полезнымъ для народовъ, какъ для него самого.

Изобрѣтеніе книгопечатанія почти совпадаетъ съ двумя другими событиями, изъ которыхъ одно оказало непосредственное вліяніе на прогрессъ человѣческаго разума, между тѣмъ какъ вліяніе другого на судьбы всего человѣчества должно продолжаться безпредѣльно, пока люди будутъ существовать на землѣ.

Я говорю о взятіи Константинополя турками и объ открытии новаго міра, или новаго пути, благодаря которому Европа получила прямое сообщеніе съ восточными частями Африки и Азіи.

Греческие литераторы, избѣжавъ татарскаго владычества, искали убѣжища въ Италии. Они обучали чтенію въ оригиналѣ поэтовъ, ораторовъ, историковъ, философовъ и ученыхъ древней Греціи, они способствовали увеличению количества сперва рукописей, а вскорѣ затѣмъ и изданій. То, что принято было называть доктриной Аристотеля не является уже больше предметомъ общаго поклоненія; начинаютъ искать въ его собственныхъ сочиненіяхъ того, что она собой дѣйствительно представляла, дерзаютъ ее обсуждать и опровергать. Ему противопоставляютъ Платона; и эта смѣлость въ обращеніи съ Аристотелемъ свидѣтельствовала о томъ, что люди начали уже сбрасывать съ себя иго авторитета, какъ считать себя вправѣ избрать себѣ учителя.

Чтеніе Эвклида, Архимеда, Диофанта, Гиппократа, книги о животныхъ и физики даже Аристотеля вдохновляло гений геометріи и физики; и противохристіанскія воззрѣнія философовъ разбудили почти заглохшія идеи о древнихъ правахъ человѣческаго разума.

Люди отважные, увлекаемые любовью къ славѣ и страстью къ открытиямъ, расширили для Европы границы вселенной, показали ей новое небо, и открыли неизвѣстныя страны. Гама проникъ въ Индію послѣ того, какъ онъ съ неистощимымъ терпѣніемъ обошелъ несмѣтное пространство африканского побережья; между тѣмъ какъ Колумбъ, предаваясь волнамъ Атлантическаго океана, достигъ этого міра, дотолѣ неизвѣстнаго, растянувшагося между западной Европой и восточной Азіей.

Если эта беспокойная дѣятельность, проявлявшаяся съ тѣхъ поръ во всѣхъ областяхъ, доступныхъ человѣку, предвѣщала великій прогрессъ человѣческаго рода, если благородное любопытство воодушевляло героеvъ мореплаванія, то съ другой стороны низкая и жестокая жадность, глупый и дикий фанатизмъ руководили королями и разбойниками, которымъ предстояло воспользоваться ихъ трудами. Несчастныи существа, обитавшия въ этихъ новыхъ странахъ, отнюдь не рассматривались какъ люди, ибо они не были христіанами. Этотъ предразсудокъ болѣе унизительный для тирановъ, чѣмъ для ихъ жертвъ, заглушалъ всякой намекъ на угрызенія совѣсти, оставилъ безъ узды неутолимую жажду золота и крови тѣхъ жадныхъ и жестокихъ людей, которыхъ Европа извергала изъ своихъ нѣдѣль. Кости пяти миллионовъ людей покрыли эти несчастныи земли, куда португальцы и испанцы вносили свою жадность, свои суевѣрія и свою ярость. Онѣ до скончанія вѣковъ будутъ служить свидѣтельствомъ противъ ученія о политической полезности религій, которое находить себѣ еще между нами защитниковъ.

Только въ эту эпоху человѣкъ получила возможность узнать весь земной шаръ, изучить во всѣхъ странахъ человѣческій родъ, видоизмѣненный въ силу долгаго вліянія естественныхъ причинъ, или соціальныхъ учрежденій, наблюдать продукты земли или морей во всѣхъ температурахъ, во всѣхъ климатахъ. Такимъ образомъ, источники всякаго рода, которыми эти продукты явились для людей, еще столь далекихъ исчерпать, или даже подозрѣвать все ихъ обиліе, все то, что знакомство съ этими предметами можетъ добавить къ наукамъ, обогащаю ихъ новыми истинами и разсѣивая рекомендованныя заблужденія; дѣятельность торговли, которая сообщила новый подъемъ промышленности, мореплаванію и, въ силу неизбѣжной связи, всѣмъ наукамъ, какъ и всѣмъ искусствамъ; сила, которую приобрѣли благодаря этой дѣятельности свободные народы для борьбы съ тиранами, и порабощенные народы, чтобы разорвать свои цѣпи, или чтобы, по крайней мѣрѣ, ослабить оковы феодализма, — таковы были счастливыя послѣдствія этихъ открытій. Но эти выгоды искупить то, что они стоили человѣчеству лишь въ тотъ моментъ, когда Европа, отказавшись отъ притѣснительной и скряжнической системы моноп-

польной торговли, вспомнить, что люди всѣхъ климатовъ, равные и братья по волѣ самой природы, созданы отнюдь не для насыщенія высокомѣрія и жадности нѣкоторыхъ привилегированныхъ націй; когда, понявъ лучше свои собственные интересы, она призоветъ всѣ народы раздѣлять ея независимость, свободу и просвѣщеніе. Къ сожалѣнію, мы не можемъ еще опредѣленно сказать, будеть-ли этотъ переворотъ достойнымъ результатомъ прогресса философіи, или только, какъ мы уже видѣли, позорнымъ слѣдствиемъ национальной зависти и крайностей тираніи.

До этой эпохи посагательства духовенства оставались безнаказанными. Протесты угнетенного человѣчества и оскорблennаго разума были подавлены въ крови и пламени. Духъ, продиктовавшій эти протесты, не былъ заглушенъ; но это молчаніе ужаса ободряло духовенство на новые скандалы. Наконецъ, предоставление монахамъ права продавать въ кабакахъ и публичныхъ мѣстахъ отпущенія греховъ явилось причиной нового взрыва. Лютеръ, опираясь на священное писаніе, показалъ право, которое присвоилъ себѣ папа разрѣшать преступленія и продавать прощеніе; наглый деспотизмъ, который онъ проявляетъ по отношенію къ епископамъ, давно равный ему; что братская вечеря первыхъ христіанъ стала подъ именемъ мессы своего рода магической операцией и предметомъ торговли; что священники обречены на развратъ благодаря неотмѣняемому безбрачію; что этотъ варварскій или постыдный законъ распространяется на монаховъ, на этихъ благочестивыхъ, которыми царское тицеславіе наводнило и осквернило церковь; что всѣ тайны мірской жизни становятся благодаря исповѣданію предметомъ интригъ и страстей священниковъ; что, наконецъ, на долю самого Бога едва приходится ничтожная часть въ этихъ боготвореніяхъ, расточаемыхъ хлѣбу, людямъ, состоямъ или статуямъ.

Лютеръ возвѣстилъ изумленнымъ народамъ, что эти возмутительныя учрежденія ничего общаго съ христіанствомъ не имѣютъ, но являются искаженіемъ и посрамленіемъ его и для того, чтобы быть вѣрнымъ религіи Иисуса Христа, нужно начать съ отреченія отъ религіи духовенства. Въ своей борьбѣ съ церковью онъ пользовался равнымъ образомъ силой діалектики, или эрудиціи и не менѣе могущественнымъ оружіемъ—

сатиры. Онъ писалъ одновременно на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Условія борьбы были не такія, какъ во времена альбигойцевъ или Иоанна Гусса, ученіе которыхъ, неизвѣстное за предѣлами ихъ церквей, было такъ легко оклеветать. Нѣмецкія книги новыхъ апостоловъ проникали одновременно во всѣ уголки имперіи, между тѣмъ какъ ихъ латинскія книги отрывали всю Европу отъ позорного сна, въ который суевіе ее повергло. Тѣ, разумъ которыхъ предвосхитилъ реформаторовъ, но которыхъ страхъ удерживалъ въ молчаніи, тѣ, которыхъ волновало тайное сомнѣніе, и которые дрожали признаться въ этомъ даже своей собственной совѣсти; тѣ, болѣе простые, которые игнорировали всю совокупность богословскихъ нелѣпостей; которые, никогда не размыслившіе о спорныхъ вопросахъ, были изумлены, узнавъ, что имъ предоставляется выборъ между различными воззрѣніями — все набросились съ жадностью на эти споры, отъ которыхъ, они видѣли, зависятъ одновременно и ихъ временные интересы и ихъ будущее счастье.

Вся христіанская Европа отъ Швеціи до Италіи, отъ Венгріи до Іспаніи мгновенно покрылась сторонниками новыхъ учений. И реформація освободила бы отъ римского ига всѣ европейскіе народы, еслибы ложная политика нѣкоторыхъ государей не подняла бы тогда того самаго священическаго скіпетра, который такъ часто обрушивался на головы королей.

Ихъ политика, отъ которой ихъ преемники, къ сожалѣнію, еще не отреклись, выражалась тогда въ разрушеніи собственныхъ государствъ ради приобрѣтенія новыхъ и въ тенденціи измѣрять свое могущество обширностью территоріи скорѣѣ, чѣмъ количествомъ подданныхъ.

И потому Карлъ V и Францискъ I, оспаривая другъ у друга права на Италію, пожертвовали интересу сбереженія нации выгодами, которая реформація доставляла странамъ, сумѣвшимъ ее принять.

Императоръ, видя, что государи имперіи содѣйствуютъ распространенію воззрѣній, которыя должны были увеличить ихъ власть и ихъ богатства, стала покровителемъ старыхъ злоупотреблений, надѣясь, что религіозная война предоставитъ ему случай завладѣть ихъ государствами и уничтожить ихъ независимость. Францискъ вообразилъ, что, сжигая проте-

стантовъ и покровительствуя ихъ главарямъ въ Германіи, онъ сохранить дружбу папы, не теряя полезныхъ связей.

Но это было не единственнымъ ихъ мотивомъ; деспотизмъ также имѣть свой инстинктъ; и этотъ инстинктъ подсказалъ королямъ, что послѣ того, какъ религіозные предразсудки будуть подвергнуты изслѣдованию разума, люди скоро обратятся къ предразсудкамъ политическимъ; что просвѣтленные относительно узурпаций папъ, они въ концѣ концовъ пожелаютъ просвѣтиться и относительно узурпаций королей; и что реформа въ области религіозныхъ злоупотреблений, столь полезная для королевскаго могущества, повлечетъ за собой реформу еще болѣе угнетающихъ злоупотреблений, на которыхъ это могущество основано. Поэтому ни одинъ король великой націи не принималъ добровольно сторону партии реформаторовъ. Генрихъ VIII, пораженный папской анаемой, также ихъ преслѣдовалъ; Эдуардъ и Елизавета, дабы своимъ присоединенiemъ къ папизму не объявить себѣ узурпаторами, установили въ Англіи вѣрованіе и культу, которые наиболѣе къ нему приближались. Протестантскіе монархи Великобританіи неизмѣнно покровительствовали католицизму, всякий разъ, когда онъ представлялъ имъ угрожать претендентомъ на ихъ корону.

Въ Швеціи, въ Дани короли смотрѣли на утвержденіе лютеранства, только какъ на необходимую предосторожность для обеспеченія изгнанія католического тирана, котораго они замѣстили; и мы видимъ уже въ прусской монархіи, основанной государемъ философомъ, что его преемникъ таитъ тайную склонность къ этой религії, столь дорогой королямъ.

Религіозная нетерпимость была обычна во всѣхъ сектахъ, которая ее сообщали всѣмъ правительствамъ. Паписты преслѣдовали всѣ реформационныя общины; послѣднія, ведя между собою жестокую борьбу, объединились противъ непризнающихъ Троицы, которая, будучи болѣе послѣдовательными, подвергали одинаково всѣ догматы изслѣдованию, если не разума, то, по крайней мѣрѣ, систематической критики и не считали себя обязанными избавляться отъ нѣкоторыхъ нелѣпостей ради сохраненія другихъ столь же возмутительныхъ.

Эта нетерпимость сыграла въ руку папизму. Издавна въ Европѣ и въ особенности въ Италии существовалъ классъ людей, который, отбросивъ всѣ суевія, относясь безразлично

ко вѣмъ культамъ, подчиняясь только разуму, рассматривалъ религіи, какъ человѣческія изобурѣнія, надъ которыми можно втайнѣ смѣяться, но которымъ мудрость и политика велять оказывать поченіе.

Потомъ цѣль смѣлости пошла гораздо дальше; и между тѣмъ какъ въ школахъ пользовались только плохо понимаемой философией Аристотеля для усовершенствованія искусства придумывать теологическія хитрости, представить замысловатѣмъ то, что въ дѣйствительности было только нелѣпо, некоторые ученые стремились построить на его истинной доктринѣ систему, разрушающую всякую религіозную идею, въ которой человѣческая душа рассматривалась какъ способность, исчезающая одновременно съ прекращеніемъ жизни; которая проявляла и распорядителемъ міра признавала только неизменные законы природы. Они были разбиты платониками, воззрѣнія которыхъ, приближаясь къ тому, что впослѣдствіи назвали деизмомъ, были еще болѣе страшными для ортодоксального духовенства.

Страхъ наказаній скоро остановилъ эту неблагоразумную откровенность. Италия, Франція были оскорблены кровью этихъ мучениковъ свободы мыслить. Всѣ секты, всѣ правительства, всѣ авторитетные люди показывали себя въ согласіи только противъ разума. Нужно было прикрыть его покрываломъ, которое, скрывая его отъ глазъ тирановъ, было бы проницаемо для взоровъ философіи.

Такимъ образомъ, явилась необходимость окружить себя болезнью осторожностью того тайного ученія, которое всегда имѣло большое количество послѣдователей. Оно распространялось преимущественно между высшими представителями правительства, какъ и между сановниками церкви; и ко времени реформаціи принципы религіознаго макіавелизма стали единственными основами вѣры государей, министровъ и папъ. Эти воззрѣнія заразили даже философію. Какую, въ самомъ дѣлѣ, мораль ожидать отъ системы, одинъ изъ принциповъ которой гласить, что нужно народную мораль строить на ложныхъ взглядахъ; что просвѣщенные люди вправѣ его обманывать, лишь бы только они сообщали ему полезныя заблужденія, и удерживать его въ цѣпяхъ, отъ которыхъ они сами сумѣли освободиться!

Если естественное равенство людей является главнымъ базисомъ ихъ правъ и основаниемъ всякой истинной морали, то что могла ейъ обѣщать философія, одно изъ правилъ которой было—открытое презрѣніе къ этому равенству и къ этимъ правамъ! Эта самая философія, конечно, могла служить прогрессу разума, царство котораго она подготавляла въ тиши; но ея непосредственное вліяніе выразилось только въ томъ, что она замѣняла фанатизмъ лицемѣріемъ и развращала вершителей судебъ государства, даже поднимая ихъ выше предразсудковъ.

Истинно просвѣщенные философы, чуждые честолюбію, которые ограничивались тѣмъ, что раскрывали передъ людьми заблужденія только съ крайней осторожностью, не позволяя себѣ, однако, поддерживать ихъ въ ихъ ошибкахъ—эти философы естественно должны были быть расположеными принять реформацію; но отталкиваемые нетерпимостью, которую всюду одинаково находили, большая часть изъ нихъ не считала себя обязанными хлопотать изъ за реформы, по проведеніи которой они оказались бы подчиненными тѣмъ же стѣсненіямъ. Такъ какъ они были всегда вынуждены показывать видъ, что вѣրять нѣбѣстямъ, которыхъ они отвергали, они не видѣли большой выгоды въ нѣкоторомъ уменьшениі количества послѣднихъ; они опасались, что своимъ отреченіемъ они дадутъ поводъ видѣть въ нихъ добровольныхъ лицемѣровъ: и оставаясь въ числѣ приверженцевъ старой религіи, они укрѣпили ее авторитетомъ своего имени.

Духъ, оживлявшій реформаторовъ, не привелъ къ истинной свободѣ совѣсти. Каждая религія, въ странѣ гдѣ она господствовала, допускала только известныя возврѣнія. Между тѣмъ, такъ какъ эти различныя вѣрованія были между собою въ антагонизмѣ, то было мало возврѣній, которыхъ не были бы преслѣдуемы или поддерживаемы въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы. Сверхъ того, новые общины вынуждены были нѣсколько ослабить догматическую строгость. Они не могли безъ грубаго противорѣчія ограничить право изслѣдованія слишкомъ тѣсными предѣлами; ибо они сами на этомъ же правѣ обосновали законность своего отпаденія. Если они отказывали разуму въ полной свободѣ, они соглашались, чтобы его тюрьма была менѣе тѣсной: цѣль не была разбита, но она стала менѣе тя-

желой и болѣе удлиненной. Наконецъ въ странѣ, гдѣ одна религія не имѣла возможности подавить всѣ другія, устанавливалось то, что наглость господствующаго культа смѣла называть терпимостью, т. е. позволеніе, данное людьми другимъ людямъ вѣрить въ то, что признаетъ ихъ разумъ, дѣлать то, что повелѣваетъ имъ ихъ совѣсть, оказывать своему общему Богу то благоговѣніе, которое по ихъ мнѣнію ему болѣе понравится. Такимъ образомъ, оказалось тогда возможнымъ поддерживать всѣ терпимыя ученія съ болѣе или менѣе полной откровенностью.

Мы видимъ, что въ Европѣ зарождается подобие свободы совѣсти не для людей, но для христіанъ; и исключая Францію, она и теперь всюду существуетъ только для христіанъ.

Но эта нетерпимость заставила человѣческій разумъ искать правъ уже очень давно забытыхъ, или которыхъ скорѣе никогда не были ни хорошо поняты, ни достаточно освѣщены.

Нѣкоторые смѣлые люди, возмущенные тѣмъ, что, народы преслѣдуются до святая святыхъ своей совѣсти королями, рабами суевѣрій, или вдохновленными политикой духовенства, рѣшились, наконецъ, подвергнуть изслѣдованию основы ихъ могущества и открыли народамъ ту великую истину, что ихъ свобода есть благо неотчуждаемое; что нѣть такого благопріятнаго тираніи предписанія, ни соглашенія, въ силу которыхъ нація должна бытъ неизмѣнно связана съ какой либо династіей; что должностныя лица, каковы бы ни были ихъ титулы, ихъ функции, ихъ сила суть слуги народа, отнюдь не его господ; что онъ сохраняетъ власть лишать ихъ авторитета, исходящаго только отъ него, будь то когда они злоупотребляютъ своими полномочіями, или даже тогда, когда онъ не считается болѣе полезнымъ для своихъ интересовъ сохранить за ними этотъ авторитетъ; что, наконецъ, онъ вправѣ ихъ наказывать, какъ и увольнять со службы.

Таковы воззрѣнія, которыхъ Алтузіусъ, Ланге и затѣмъ Неседамъ, Гаррингтонъ смѣло исповѣдывали и энергично развивали.

Платя дань своему вѣку, они слишкомъ часто ссылаются на тексты, авторитеты и примѣры: видно, что они обязаны этими воззрѣніями въ гораздо большей степени возвышенности своего ума, силѣ своего характера, чѣмъ точному анализу истинныхъ принциповъ соціального порядка.

Между тѣмъ, другіе философы, болѣе осторожные, удовлетворялись установлениемъ между народами и королями точной взаимности правъ и обязанностей, равнаго обязательства не нарушать соглашений, опредѣлявшихъ права и обязанности каждой стороны. Можно отрѣшать отъ должности или наказать наслѣдственного представителя власти только въ томъ случаѣ, если онъ нарушилъ этотъ священный договоръ, который не менѣе обязателенъ для его семейства. Это ученіе, отвергавшее естественное право, чтобы все свести къ положительному праву, встрѣтило поддержку въ лицѣ юристовъ и теологовъ; оно было болѣе благопріятно интересамъ сильныхъ міра, для честолюбивыхъ замысловъ, ибо оно гораздо болѣе поражало человѣка, облеченнаго властью, чѣмъ саму власть. И потому оно было почти повсемѣстно принято публицистами и признано базой въ революціяхъ и политическихъ смутахъ.

Исторія этой эпохи покажетъ намъ слабые успѣхи свободы, но болѣе порядка и силы у правительствъ и сознаніе болѣе сильное, и, въ особенности, болѣе справедливое о своихъ правахъ у націй. Законы лучше составлены; они оказываются не столь часто безформенными порожденіями обстоятельствъ и каприза: они составлены учеными, если еще не философами.

Народныя движенія и революціи, которыя волновали итальянскія республики, Англію и Францію, должны были привлечь вниманіе философовъ къ той части политики, состоящей въ наблюденіи и предвидѣніи вліяній, которыя конституціи, законы, общественные учрежденія могутъ оказать на свободу народовъ, на благосостояніе и силу государствъ, на сохраненіе ихъ независимости и формы ихъ правленій. Одни, какъ Моръ и Гоббесъ, подражая Платону, строили на иѣкоторыхъ общихъ принципахъ проектъ цѣлой соціальной системы и представили образецъ, къ которому практика должна была безпрерывно приближаться. Другіе, какъ Маккіавели, стремились путемъ глубокаго изслѣдованія историческихъ фактovъ находить правила, руководствуясь которыми можно было бы надѣяться на господствующую роль въ будущемъ.

Экономическая наука еще не существовала; государи считали не своихъ подданныхъ, но количество солдатъ; финансовая наука представляла собой только искусство грабить народы, не вызывая ихъ возмущенія; а правительства интересо-

вались торговлей только для того, чтобы ее облагать пошлинами, сгубить ее привилегиями, или оспаривать себѣ монополію.

Европейскія націи, имѣя общіе интересы, объединявшиѳ ихъ и противоположные, относительно которыхъ онѣ считали долгомъ расходиться, почувствовали потребность установить между собой нѣкоторыя правила, которыми, даже независимо отъ договоровъ, онѣ руководились бы въ своихъ мирныхъ сношенияхъ, между тѣмъ какъ другія, уважаемыя даже въ военное время, смягчали бы ярость сражающихся, уменьшали бы опустошенія и предупреждали бы, по крайней мѣре, бесполезныя бѣдствія.

Такимъ образомъ, наука о правахъ людей существовала; но, къ сожалѣнію, отправнымъ пунктомъ для этихъ международныхъ законовъ служили не разумъ и природа, единственные авторитеты, которые могли бы признать независимые народы, но создавшаяся практика, или возврѣнія древнихъ. Составители этихъ законовъ не столько заботились о правахъ человѣчества, о справедливости по отношенію къ личности, сколько обѣ удовлетвореніи честолюбія, высокомѣрія, или жадности правительства.

Подобно тому, какъ въ эту самую эпоху мы не видимъ моралистовъ, изучающихъ сердце человѣка, анализирующихъ его способности и его переживанія, чтобы такимъ путемъ вскрыть его сущность, опредѣлить происхожденіе, правило и санкцію его обязанностей; но они умѣютъ использовать всю схоластическую хитрость, чтобы установить для поступковъ, законность которыхъ казалась сомнительной, точные границы, где кончается невинность и начинается грѣхъ; опредѣлить какой авторитетъ является достаточно вѣскимъ, для оправданія на практикѣ одного изъ этихъ сомнительныхъ поступковъ, классифицировать систематически грѣхи, то по родамъ и видамъ, то сообразно ихъ взаимной тяжести; тщательно отличать въ особенности тѣ, одинъ изъ которыхъ достаточенъ, чтобы заслужить вѣчное осужденіе.

Наука о нравственности, конечно, не могла еще существовать, ибо духовенство пользовалось исключительной привилегіей быть ея толкователями и судьями. Но эти самыя лукавства, одинаково безсмысленные и постыдные, побуждали искать, помогали познавать степень нравственного достоинства

поступковъ, ихъ мотивовъ, порядокъ и предѣлы обязанностей, принципы, которыми нужно руководствоваться при выборѣ, когда послѣднія кажутся противорѣчивыми: такъ искусный механикъ, изучая примитивную машину, которая случайно очутилась въ его рукахъ, часто додумывается до устройства новой болѣе совершенной и истинно полезной.

Реформація, уничтоживъ исповѣдь, индульгенціи, институтъ монаховъ и безбрачіе священниковъ, очистила принципы морали и даже уменьшила развращенность нравовъ въ странахъ, гдѣ она утвердилась; она освободила ихъ отъ священническихъ искупленій, этого опаснаго поощренія преступлений и отъ религіознаго безбрачія, разрушителя всѣхъ добродѣтелей, ибо оно врагъ семейныхъ добродѣтелей.

Эта эпоха была болѣе, чѣмъ какая либо другая осквернена большими жестокостями. Она была эпохой религіозныхъ убийствъ, священныхъ войнъ, опустошеннія новаго міра.

Она была свидѣтельницей возстановленія древняго рабства, но болѣе варварскаго, болѣе изобилующаго преступленіями противъ природы. Она видѣла, какъ меркантильная жадность распоряжалась кровью людей, продавая ихъ какъ товары, пріобрѣтая ихъ путемъ измѣны, грабежа и убийства, перебрасывая ихъ изъ одного полушарія на другое, чтобы тамъ обрѣсть ихъ среди униженій и оскорблений на длительныя мученія медленнаго и жестокаго разрушенія.

Въ то же время лицемѣріе покрываетъ Европу кострами и убийцами. Чудовище фанатизма, встревоженное отъ напесенныхъ ему ранъ, казалось, удвоило свою жестокость и торопилось сожрать свои жертвы, чувствуя, что разумъ скоро вырветъ ихъ изъ его рукъ. Между тѣмъ, мы видимъ, какъ, наконецъ, вновь появляются нѣкоторыя изъ тѣхъ кроткихъ и бодрящихъ добродѣтелей, которыхъ украшаютъ и утѣшаютъ человѣчество. Ихъ исторія даетъ имена, которыхъ оно можетъ не краснѣя, произносить; души чистыя и сильныя, великие характеры въ счастливомъ сочетаніи съ превосходными талантами показываютъ времена отъ времени среди сценъ предательства, разрата и рѣзни.

Человѣческій родъ возмущаетъ еще философа, созерцающаго его картину; но онъ его больше не унижаетъ и подаетъ ему болѣе близкія къ осуществленію надежды.

Движеніе наукъ становится быстрымъ и блестящимъ. Алгебра обобщается, упрощается и совершенствуется, или скорѣе, она тогда только дѣйствительно создается. Положены первыя основанія общей теоріи уравненій; свойства рѣшеній, которыя они позволяютъ находить, тщательно изучаются; найденъ способъ рѣшенія уравненій третьей и четвертой степеніи.

Гениальное изобрѣтеніе логарифмовъ, упрощая ариѳметическую операциі, облегчаетъ всѣ примѣненія вычисленія къ конкретнымъ предметамъ и такимъ образомъ расширяетъ сферу всѣхъ наукъ, въ которыхъ эти численныя примѣненія, частные случаи искомой истины, являются однимъ изъ способовъ сравненія съ фактами результатовъ гипотезы или теоріи и путемъ этого сравненія дойти до открытія законовъ природы. Въ самомъ дѣлѣ, въ математикѣ протяженность и умноженіе чисто практическихъ вычислений имѣютъ предѣлы, который ни время ни даже силы не позволяютъ перейти; и безъ помощи этихъ удачныхъ сокращеній, время отмѣтило бы границы самой науки и предѣлы, котораго усилий генія не могли бы преодолѣть.

Законы паденія тѣлъ были открыты Галилеемъ, который сумѣлъ вывести теорію равномѣрного ускоренного движенія и вычислить кривую, которую описываетъ тѣло, брошенное въ пустотѣ съ определенной скоростью и толкаемое постоянной силой, которая дѣйствуетъ по параллельнымъ направлѣніямъ.

Коперникъ воскресилъ истинную систему міра, такъ давно забытую, разрушилъ посредствомъ теоріи кажущихся движений то, что было въ существовавшей системѣ противно здравому смыслу, противопоставилъ крайнюю простоту дѣйствительныхъ движений, совершающихся согласно этой системѣ, безмыслию путаницы тѣхъ движений, которыя предполагала гипотеза Птоломея. Движенія планетъ были лучше изучены и гений Кеплера открылъ форму ихъ орбитъ и вѣчные законы, согласно которымъ онъ объясняетъ эти орбиты.

Галилей, примѣнявъ астрономіи недавнее изобрѣтеніе зрительныхъ трубъ, которыя онъ усовершенствовалъ, открылъ взорамъ людей новое небо. Пятна, которыя онъ наблюдалъ на солнечномъ дискѣ, внушили ему мысль объ обращеніи солнца вокругъ своей оси, периодъ и законы котораго онъ опредѣлилъ. Онъ объяснилъ фазы Венеры; открылъ эти четыре луны, окру-

жаючія Юпітера и сопровождаючія его по его несмѣтной орбітѣ.

Онъ научилъ точно измѣрять время посредствомъ качаний маятника.

Такимъ образомъ, Галилео человѣкъ обязанъ первой математической теоріей движенія, которое не было одновременно равномѣрнымъ и прямолинейнымъ и первымъ понятіемъ объ одномъ изъ механическихъ законовъ природы; Кеплеру онъ обязанъ познаніемъ одного изъ тѣхъ эмпирическихъ законовъ, открытіе которыхъ имѣть двойную выгоду; они приводятъ къ познанію механическаго закона, результатъ котораго они выражаютъ и добавляютъ къ этому познанію то, чего еще не дано человѣку постигнуть.

Открытие вѣса воздуха и кровообращенія отмѣчаютъ собой прогрессъ экспериментальной физики, рожденной въ школѣ Галилея и анатоміи уже слишкомъ обширной, чтобы не отдѣлиться отъ медицины.

Естественная исторія, химія, военные химерическіе надеждамъ, которыя на эту науку возлагались, не взирая на ея загадочный языкъ, также медицина и хирургія изумляютъ быстротой своего прогресса, но онъ часто удручаютъ зрѣлищемъ чудовищныхъ предразсудковъ, которые онъ еще сохраниютъ.

Не говоря о произведеніяхъ, въ которыя Жезнеръ и Агрікола вложили столько реальныхъ знаній, которыя смѣщеніе научныхъ или народныхъ заблужденій такъ рѣдко искажало, мы видимъ Бернара де Палисси, то показывающаго намъ и камнеломни, гдѣ мы можемъ черпать матеріалъ для нашихъ зданій, и массы камня, составляющія наши горы, образованныя изъ остатковъ морскихъ животныхъ, достовѣрныхъ памятниковъ вывихшихъ переворотовъ на земномъ шарѣ, то объясняющіе, какимъ образомъ воды, поднимающіяся съ моря, въ силу испаренія возвращающіяся на землю въ видѣ дождей, задерживаются пластами жирной глины, превращаясь въ льдины на горахъ, поддерживаютъ вѣчное теченіе фонтановъ, ручьевъ и рекъ; между тѣмъ какъ Жанъ Рей открылъ тайну сочетаній воздуха съ металлами — первый зародышъ тѣхъ блестящихъ теорій, которая нѣсколько лѣтъ спустя расширили границы химіи.

Въ Италии эпическая поэзия, живопись, скульптура достигли совершенства, какого не знали древние. Корнель возвестилъ, что драматическое искусство во Франціи способно еще более совершенствоваться; ибо если восторженное поклонение древности, быть можетъ справедливо, признавало нѣкоторое превосходство тѣхъ геніальныхъ людей, которые создали образцы искусства, то очень трудно это признать, сравнивая ихъ сочиненія съ произведениями Италии и Франціи; разумъ замѣчаетъ только реальный прогрессъ, который само искусство совершило въ рукахъ новѣйшихъ народовъ.

Итальянскій языкъ былъ окончательно образованъ, и языки другихъ народовъ съ каждымъ днемъ все болѣе очищались отъ древняго варварства.

Польза метафизики и грамматики стала оцѣниваться; появилась потребность ознакомиться съ искусствомъ анализировать и философски объяснять правила, или процессы составленія словъ и фразъ, выработанные практикой.

Всюду въ эту эпоху мы видимъ, что авторитетъ и разумъ оспариваются другъ у друга власть—борьба, которая подготовляла и предыдуща тѣржество послѣдняго.

Тогда-же долженъ былъ зародиться тотъ духъ критики, который одинъ только можетъ сдѣлать образование дѣйствительно полезнымъ. Почувствовалась также потребность узнать все, что было сдѣлано древними и начали понимать, что если должны имъ удивляться, то также имѣютъ право ихъ судить. Разумъ, который иногда опирался на авторитетъ и противъ котораго послѣднимъ такъ часто пользовались, хотѣлъ оцѣнить, какъ достоинство той помощи, которую онъ надѣялся въ немъ находить, такъ и мотивъ жертвы, которой отъ него требовали. Тѣ, которые клали въ основаніе своихъ воззрѣй авторитетъ, видѣли въ немъ путеводную звѣзду своего поведенія, почувствовали, насколько для нихъ важно было обезпечить силу своего оружія, дабы не присутствовать при его крушениі отъ первыхъ аттакъ разума.

Исключительное употребленіе латинскаго языка въ наукахъ, философіи, юриспруденціи и почти въ исторіи, уступило постепенно мѣсто употребленію мѣстныхъ языковъ каждой страны. И здѣсь умѣстно изслѣдовывать, каково было вліяніе этого измѣненія на прогрессъ человѣческаго разума, измѣненія,

въ силу котораго науки стали болѣе популярными, но затруднялась для ученыхъ возможность слѣдить за ихъ общимъ движеніемъ; которое способствовало тому, что книга прочитывалась въ одной и той же странѣ большими количествомъ людей слабо образованныхъ, но менѣше читалось въ Европѣ людьми просвѣщенными; которое избавило отъ необходимости изучать латинскій языкъ многихъ людей, жаждущихъ образования и не имѣющихъ ни времени, ни средствъ для получения обширнаго всестороннаго образования, но заставило ученыхъ тратить много времени на изученіе многихъ различныхъ языковъ.

Мы покажемъ, что если невозможно было сдѣлать латынь народнымъ языкомъ, общимъ для всей Европы, то сохраненіе какъ литературно-научный языкъ, имѣло бы для ученыхъ только временную полезность; что существование научнаго языка одинакового у всѣхъ націй, между тѣмъ, какъ народъ каждой изъ нихъ говорилъ бы на различномъ, раздѣлило бы людей на два класса,увѣковѣчило бы въ народѣ предразсудки и заблужденія, создало бы вѣчное препятствіе истинному равенству, равному пользованію однимъ и тѣмъ же разумомъ, равному познанію необходимыхъ истинъ и остановивъ, такимъ образомъ, прогрессъ массы человѣческаго рода, въ концѣ концовъ положило бы, какъ на Востокѣ, предѣлъ прогрессу самихъ наукъ.

Долгое время образованіе можно было получить только въ церквяхъ и монастыряхъ.

Въ университетахъ господствовало еще духовенство. Вынужденное уступить правительствамъ часть своего вліянія, оно удерживало его всецѣло на общемъ и начальномъ образованіи; на образованіи, заключающемъ въ себѣ необходимыя знанія для всѣхъ обычныхъ профессій, для всѣхъ классовъ людей и которое, обнимая дѣтство и юношество, формируетъ по желанию гибкій умъ и впечатлительную и слабую душу. Свѣтской власти оно предоставило только право руководить изученіемъ юриспруденціи, медицины, литературы, ученыхъ языковъ, глубокимъ научнымъ образованіемъ,—школами не столь многочисленными, куда люди поступали уже обработанные монахами.

Духовенство потеряло это вліяніе въ странахъ, гдѣ утвер-

дилась реформація. Правда, общее обученіе, хотя зависимое отъ правительства, было по прежнему проникнуто теологическими духомъ, но оно не было исключительно довѣрено членамъ духовнаго сословія. Послѣднее продолжало развращать умы религіозными предразсудками, но оно не сгибало ихъ больше подъ игомъ духовнаго авторитета; оно создавало еще фанатиковъ, мечтателей, софистовъ, но оно не дѣлало больше людей рабами суевѣрія.

Между тѣмъ, обученіе, находясь всюду въ порабощенномъ состояніи, развращало всюду общую массу умовъ, подавляя разумъ дѣтей тижестью религіозныхъ предразсудковъ ихъ-страны, заглушая политическими предразсудками духъ свободы молодыхъ людей, предназначенныхъ получить болѣе широкое образование.

Каждый человѣкъ, предоставленный самому себѣ, не только находилъ между собой и истиной густую и ужасную фалангу заблужденій своей страны и своего вѣка, но ему лично уже были привиты наиболѣе опасныя изъ этихъ заблужденій. Прежде чѣмъ разсѣять чужія заблужденія, онъ долженъ быть начать съ познанія своихъ собственныхъ, прежде чѣмъ устранить затрудненія, которыя природа создаетъ на пути къ открытию истины, ему необходимо было нѣкоторымъ образомъ передѣлать свой собственный умъ. Обученіе давало уже знанія; но для того, чтобы они могли быть полезны, нужно было ихъ очистить и отѣлить отъ мрака, которымъ суевѣріе въ согласіи съ тираніей сумѣли ихъ покрыть.

Мы покажемъ, какія препятствія, болѣе или менѣе сильныя, создавали прогрессу человѣческаго разума эти недостатки народнаго образованія, эти противорѣчивыя религіозныя вѣрованія, это вліяніе различныхъ формъ правленія. Мы увидимъ, что этотъ прогрессъ совершался тѣмъ медленнѣе, чѣмъ предметы, подчиненные контролю разума, болѣе затрагивали интересы политические, или религіозные; что общая философія, метафизика, истины которыхъ непосредственно нападали на весь суевѣрія, были болѣе упорно задерживаемы въ своемъ движеніи, чѣмъ политика, усовершенствованіе которой угрожало только авторитету королей и аристократическихъ сенатовъ; что это самое наблюденіе можетъ одинаково примѣняться къ прогрессу физическихъ наукъ.

Мы обнаружимъ другія причины неравенства успѣховъ различныхъ наукъ, обусловленныя природой вещей, изучаемыхъ каждой наукой, или методами, которыми она пользуется.

Неравенство, которое мы можемъ наблюдать относительно одной и той же науки, одинаково въ различныхъ странахъ является также сложнымъ продуктомъ политическихъ и естественныхъ условий. Мы прослѣдимъ, чѣмъ это неравенство обязано различію въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, формѣ правленія, богатству, могуществу націи, ея характеру, ея географическому положенію, событиямъ, ареной которыхъ была ея территорія, наконецъ, слушаю, благодаря которому изъ ея иѣздъ вышли иѣкоторые изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, вліяніе которыхъ, распространяясь на все человѣчество, сказывается тѣмъ не менѣе съ большей силой вокругъ нихъ.

Мы отличимъ прогрессъ самой науки, мѣриломъ которого является только сумма заключающихся въ ней истинъ, отъ успѣха націи въ каждой наукѣ, который опредѣляется тогда количествомъ людей, обладающихъ наиболѣе употребительными, наиболѣе важными истинами, и количествомъ и природой этихъ общеизвѣстныхъ истинъ.

Дѣйствительно, мы дошли до той ступени цивилизаціи, гдѣ польза просвѣщенія для народа выражается не только въ тѣхъ услугахъ, которые оказываются ему просвѣщенные люди, но также въ томъ, что онъ сумѣлъ сдѣлать знанія своимъ неотчуждаемымъ достояніемъ и употребляетъ ихъ непосредственно для своей защиты отъ заблужденія, для предупрежденія, или удовлетворенія своихъ потребностей, для огражденія себя отъ жизненныхъ невзгодъ, или, для смягченія ихъ новыми наслажденіями.

Исторія преслѣдований, которымъ подвергались въ эту эпоху защитники истины, отнюдь не будетъ забыта. Мы увидимъ, какъ эти гоненія распространяются отъ философскихъ, или политическихъ истинъ до принциповъ медицины, естественной исторіи, физики и астрономіи. Въ VIII вѣкѣ одинъ невѣжественный папа преслѣдовалъ діакона за то, что послѣдний объявилъ себѣ сторонникомъ ученія о шарообразности земли противъ мнѣнія ритора Августина. Въ XVI вѣкѣ еще болѣе постыдное невѣжество другого папы предало въ руки инквизиторовъ Галилея, убѣжденнаго, что онъ доказалъ су-

точное и годичное движение земли. И величайший гений, который новая Италия дала наукамъ, отягченный старостью и слабостью, былъ вынужденъ, чтобы избѣжать наказанія, или тюрьмы, просить прощенія у Бога за то, что онъ научилъ людей лучше познать его творенія и восхищаться простотой вѣчныхъ законовъ, которыми онъ управляетъ вселенной.

Однако, нелѣпость системы мірозданія теологовъ была столь очевидна, что, уступая уваженію человѣчества, они позволили поддерживать учение о движении земли, но лишь какъ гипотезу, и чтобы вѣра отъ этого нисколько не пострадала. Но астрономы поступали какъ разъ наоборотъ; они вѣрили въ дѣйствительное вращеніе земли и вычисляли согласно гипотезѣ о его неподвижности.

Тroe великихъ людей, Бэконъ, Галилей и Декартъ, отмѣтили переходъ отъ этой эпохи къ слѣдовавшей за ней. Бэконъ открылъ истинный методъ изученія природы, способъ пользованія тремя орудіями: наблюденіемъ, опытомъ и вычисленіемъ, которая она предоставила въ наше распоряженіе. Онъ хочетъ, чтобы философъ, очутившися среди вселенной, началъ бы съ отреченія отъ всѣхъ вѣрованій, которыхъ ему были внушены и даже отъ всѣхъ понятій, которыхъ онъ самъ образовалъ, чтобы возсоздать себѣ въ иѣкоторомъ родѣ новое міросозерцаніе, въ которомъ онъ отнынѣ долженъ допускать только точные идеи, справедливыя понятія и истины, степень достовѣрности, или вѣроатности которыхъ была строго взвѣшена. Но Бэконъ, великий гений философіи, не отличался научными дарованиями; и эти методы открытія истины, примѣра примѣненія которыхъ онъ не даетъ, удивляли философовъ, но нисколько не измѣнили движения наукъ.

Галилей обогатилъ ихъ полезными и блестящими истинами; онъ собственнымъ примѣромъ показалъ, какими средствами нужно пользоваться, чтобы возвыситься до пониманія законовъ природы, методомъ вѣрныхъ и плодотворныхъ, который нисколько не обязывалъ жертвовать надеждой успѣха опасности заблужденія. Онъ основалъ первую школу для наукъ, где онъ разрабатывались безъ всякой примѣси суевѣрія, какъ основанного на предразсудкахъ, такъ и опирающагося на авторитетъ; где все другія средства нахожденія истины, кромѣ опыта и вычисленія, были отброшены съ философской стро-

тостью. Но, ограничиваясь исключительно математическими и физическими науками, онъ не могъ вызвать того движенія умовъ, котораго они, казалось, ожидали.

Эта честь выпала на долю Декарта, философа остроумнаго и смѣлаго.

Обладая геніальными научными дарованіями, онъ добавлялъ примѣръ къ правилу, дасть методъ нахожденія и познанія истины. Онъ показалъ примѣненіе этого метода въ открытии законовъ преломленія и удара тѣль, наконецъ, въ открытии новой отрасли математики, которая должна была расширить всѣ границы.

Онъ хотѣлъ распространить свой методъ на всѣ вещи, доступныя человѣческому пониманію: Богъ, человѣкъ, вселенная были поочередно предметами его размышеній. Если его движенія въ области физическихъ наукъ не отличаютсяувѣренностью Галилея, если его философія не поражаетъ мудростью Бэкона, если его можно упрекнуть въ томъ, что уроки одного и примѣръ другого недостаточно научили его осторегаться своего воображенія, вопрошать природу только опытами, вѣрить только вычисленіямъ, наблюдать вселенную, вмѣсто того, чтобы ее строить, изучать человѣка, вмѣсто того, чтобы его разгадывать—смѣлость даже его заблужденій способствовала прогрессу человѣческаго рода. Онъ взволновалъ умы, которыхъ не могла пробудить мудрость его соперниковъ. Онъ звалъ людей сбросить съ себя иго авторитета и признавать только то, что будетъ одобрено ихъ разумомъ. Онъ заставилъ повиноваться, ибо онъ подчинялъ обаяніемъ своей смѣлости, ибо онъ увлекалъ своимъ энтузиазмомъ.

Человѣческий разумъ не былъ еще свободенъ, но онъ зналъ, что созданъ для свободы. Тѣ, которые осмѣливались упрямо удерживать его въ цѣпяхъ, или пытались надѣть на него ноги, вынуждены были доказать ему, что онъ долженъ сохранять одинъ, или надѣвать другія; и отнынѣ можно было предвидѣть, что онъ были бы скоро разбиты.

ДЕВЯТАЯ ЭПОХА.

Отъ Декарта до образованія французской республики.

Мы видѣли, какъ человѣческій разумъ медленно формировался, въ силу естественнаго прогресса цивилизациіи, какъ существо овладѣвало имъ, чтобы его развращать, какъ деспотизмъ унижалъ и притуплялъ умы подъ тяжестью страха и бѣдствий.

Только одинъ народъ избѣгаетъ этого двойного вліянія. Человѣческій разумъ, освобожденный отъ узъ своего младенчества, идетъ твердымъ шагомъ впередъ по пути къ истинѣ изъ той счастливой страны, гдѣ свобода зажигаетъ факель генія. Но завоеваніе скоро влечетъ за собой тиранію, которой сопутствуетъ ея вѣрный товарищъ суевѣріе, и человѣчество всецѣло вновь повергается во мракъ, который, казалось, долженъ быть вѣчнымъ. Между тѣмъ, день постепенно проясняется; глаза, долгое время обреченные на темноту, смотрѣть на него мелькомъ, вновь закрываются, медленно привыкаютъ къ свѣту и, наконецъ, пристально въ него вглядываются; и гений дерзаетъ вновь показаться на этой планѣтѣ, откуда фанатизмъ и варварство его изгнали.

Мы уже видѣли, какъ разумъ поднимаетъ свои цѣпи, оставляя нѣкоторыя изъ нихъ, и, пріобрѣтая безпрерывно новыя силы, подготовляетъ и ускоряетъ моментъ своей свободы.

Намъ остается бросить взглядъ на эпоху, когда онъ окончательно разбиваетъ ихъ, когда, вынужденный еще влачить ихъ остатки, онъ постепенно отъ нихъ освобождается; когда, свободный, наконецъ, въ своихъ движеніяхъ, онъ можетъ быть остановленъ только тѣми препятствіями, возобновленіе которыхъ неизбѣжно при каждомъ новомъ прогрессѣ, ибо они обусловлены самой организаціей нашего ума, или отношеніемъ, установленнымъ природой между нашими средствами откры-

вать истину и сопротивлениемъ, которое она противопоставляетъ нашимъ усилиямъ. Религиозная нетерпимость заставила семь бельгийскихъ провинций сбросить съ себя иго Испаніи и образовать федеративную республику. Только она разбудила англійскую свободу, которая, утомленная долгими и кровавыми волненіями, отдыхала въ конституції, издавна служившей предметомъ удивленія для философіи и доведенной отнынѣ до состоянія, когда она опиралась только на национальное схе-вѣріе и политическое притворство.

Наконецъ, преслѣдованіемъ-же духовенства шведская нація обязана была той храбростью, съ которой она отвоевала часть своихъ правъ.

Между тѣмъ, среди этихъ движеній, вызванныхъ теологическими спорами, во Франціи, Испаніи, Венгрии, Богеміи угасала ихъ жалкая свобода, или то, которое по крайней мѣрѣ, напоминало о ней.

Напрасно стали бы мы искать въ странахъ, называемыхъ свободными, ту свободу, которая не нарушаетъ ни одного изъ естественныхъ правъ человѣка, которая гарантируетъ не только обладаніе правомъ, но также и пользованіе. Та, которую мы тамъ находимъ, основанная на неравномѣрно распределенномъ положительномъ правѣ, предоставляетъ человѣку больше или меныше преимуществъ въ зависимости отъ его мѣстожи-тельства, происхожденія, богатства, профессіи; и общая картина этихъ странахъ различій у разныхъ націй будетъ луч-шимъ выражениемъ, которое мы могли бы направить противъ тѣхъ, которые видятъ еще въ неравенствѣ выгоды и необходи-мости.

Но въ этихъ самыхъ странахъ законы гарантируютъ лич-ную и гражданскую свободу. Но, если человѣкъ не является тамъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, его природное до-стоинство не унижается: по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ его правъ признаны; нельзя больше сказать, что онъ рабъ, но только, что онъ не сумѣлъ еще быть истинно свободнымъ.

У націй, гдѣ, въ теченіе этого же времени, свобода по-несла болѣе или менѣе реальные потери, политическая права, которыми пользовалась народная масса, были заключены въ столь тѣсные предѣлы, что уничтоженіе почти самовластной аристократіи, подъ гнетомъ которой она стонала, казалось,

съ лихвой вознаградило потерю. Онъ потерялъ званіе гражданина, которое неравенство сдѣлало почти призрачнымъ; но человѣческое достоинство болѣе уважалось, и королевскій деспотизмъ спасъ его отъ феодального гнета, избавилъ его отъ состоянія униженія, тѣмъ болѣе тѣгостнаго, чѣмъ количество и присутствіе его тирановъ чаще давали ему это чувствовать.

Законы должны были совершенствоваться при подъ-сво-
бодныхъ конституціяхъ, ибо интересъ тѣхъ, которые пользую-
тся дѣйствительной властью, обыкновенно не противополож-
ены общимъ интересамъ народа и въ деспотическихъ госу-
дарствахъ,—потому-ли, что интересъ общественнаго благосо-
стоянія часто смѣшивается съ интересомъ деспота, или потому,
что онъ самъ старается уничтожить остатки власти дво-
риянства или духовенства,—законы проникнуты духомъ равен-
ства, мотивомъ которыхъ было установить равное для всѣхъ
рабство, но дѣйствіемъ которыхъ могли часто быть благотвор-
ными.

Мы подробно изложимъ причины, обусловившія въ Европѣ этотъ родъ деспотизма, примѣра которого мы не находимъ ни въ предшествовавшихъ цѣкахъ, ни въ другихъ частяхъ свѣта, гдѣ почти самовластный авторитетъ, сдерживаемый общественнымъ мнѣніемъ, регулируемый просвѣщеніемъ, смягчен-
ный собственнымъ интересомъ, способствовалъ часто прогрессу
богатства, промышленности, образования и иногда даже граж-
данской свободы.

Нравы смягчались благодаря ослабленію предразсудковъ, поддерживавшихъ ихъ жестокость, благодаря вліянію духа коммерціи и промышленности, врага жестокостей и потрясений, изгоняющихъ богатство, вслѣдствіе отвращенія, которое вну-
шала свѣжая еще картина варварства прошедшей эпохи, бла-
годаря болѣе широкому распространенію философскихъ идей
равенства и гуманизма, наконецъ, въ силу медленнаго, но вѣр-
наго общаго прогресса просвѣщенія.

Религіозная нетерпимость существовала, но какъ измыши-
леніе человѣческое, какъ уваженіе къ народнымъ предразсуд-
камъ, или какъ предосторожность противъ народныхъ волнен-
ій. Она потеряла свою ярость; костры, рѣдко зажигаемые,
были замѣнены притѣсненіемъ часто болѣе самовластнымъ, но
менѣе варварскимъ; и въ эти послѣднія времена религіозныя

преслѣдованія имѣли мѣсто только изрѣдка и то скорѣе въ силу привычки, или изъ угощенія. Всюду и во всѣхъ вопросахъ, правительства на практикѣ слѣдовали, хотя медленно и какъ бы нехотя, за движеніемъ общественнаго мнѣнія и даже философіи.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ моральныx и политическихъ наукахъ существуетъ въ каждый моментъ большая дистанція между тѣмъ пунктомъ, до котораго философы довели знанія, и среднимъ предѣломъ, до котораго дошли образованные люди, общая доктрина которыхъ образуетъ тотъ родъ вѣрованія, всѣми признаваемаго, и именуемаго общественнымъ мнѣніемъ—то тѣ, которые руководятъ общественными дѣлами, которые непосредственно вліяютъ на судьбы народа, какова бы ни была ихъ конституція, не способны возвыситься до уровня этого мнѣнія; они слѣдуютъ за нимъ, но не достигая его, весьма далекіе отъ возможности его опередить и неизмѣнно отстаютъ и на многіе годы и во многихъ истинахъ.

Такимъ образомъ, картина прогресса философіи и распространенія просвѣщенія, наиболѣе общи и наиболѣе осознательные результаты которой мы уже изложили, приводить насъ къ эпохѣ, когда вліяніе этого прогресса на общественное мнѣніе и вліяніе послѣдняго на народы, или на ихъ повелителей, переставъ вдругъ быть медленнымъ и нечувствительнымъ, произвело во всей массѣ нѣкоторыхъ народовъ переворотъ, вѣрный залогъ революціи, которая должна охватить всю совокупность человѣческаго рода.

Послѣ долгихъ заблужденій, послѣ шатаній въ неполныхъ и неясныхъ теоріяхъ, публицисты, наконецъ, дошли до пониманія истинныхъ правъ человѣка, научились выводить ихъ изъ той единственной истины, что *онъ существо, надѣленное чувствительностью, способное образовать разсужденія и пріобрѣтать моральныя идеи*.

Они увидѣли, что поддержаніе этихъ правъ было единственнымъ мотивомъ соединенія людей въ политическую общество, и соціальное искусство должно было состоять въ томъ, чтобы гарантировать сохраненіе этихъ правъ съ наиболѣе полнымъ равенствомъ, какъ и въ наиболѣе полномъ объемѣ. Они поняли, что средства обеспеченія правъ каждого, существующія быть подчиненными въ каждомъ обществѣ

общимъ правиламъ, власть избрать эти средства, опредѣлять эти правила могли принадлежать только большинству членовъ самого общества, ибо каждый человѣкъ не могъ бы слѣдоватъ въ этомъ выборѣ собственному разуму, не подчиняя умы другихъ; мнѣніе большинства является единственнымъ признакомъ истины, которая могла бы быть принята всѣми безъ нарушения равенства.

Каждый человѣкъ можетъ дѣйствительно напередъ присоединиться къ этому мнѣнію большинства, которое становится тогда мнѣніемъ человѣчества; но онъ можетъ присоединяться только самого себя: даже это большинство обязательно для него лишь по стольку, по скольку оно, признавъ его личные права, не будетъ ихъ нарушать.

Таковы одновременно права большинства на общество, или на его членовъ и предѣлы этихъ правъ. Таковъ генезисъ единогласія, которое дѣлаетъ обязательными для всѣхъ обязательства, принятые только большинствомъ. Обязательство это требуетъ свою законную силу, когда вслѣдствіе измѣненія людей, эта единогласная санкція сама собою перестаетъ существовать. Безъ сомнѣнія, есть вещи, относительно которыхъ большинство могло-бы, быть можетъ, высказаться очень часто ошибочно и противъ общаго интереса всѣхъ; но ему же принадлежитъ право рѣшить, каковы тѣ вещи, относительно которыхъ оно не должно полагаться непосредственно на свои собственные рѣшенія; оно должно опредѣлить, кто будутъ тѣ лица, разумъ которыхъ оно считаетъ долгомъ предпочесть своему, и урегулировать методъ, которымъ они должны пользоваться, чтобы вѣрно достичнуть истины; и оно не можетъ отречься отъ авторитета высказаться, не нарушили ли принятая ими рѣшенія правъ общихъ всѣмъ.

Итакъ, предъ столь простыми принципами исчезли эти идеи о договорѣ между народомъ и его должностными лицами, который могъ бы быть уничтоженъ только по взаимному согласію, или вслѣдствіе невѣрности одной изъ сторонъ, и это воззрѣніе, менѣе рабское, но не менѣе абсурдное, которое приковывало народъ къ разъ установленнымъ формамъ правленія, какъ будто право ихъ измѣнять не было первой гарантіей всѣхъ другихъ, какъ будто человѣческія учрежденія, неизбѣжно страдающія недостатками и способныя совершенствоваться по мѣрѣ

того, какъ люди просвѣщаются, могли быть обречены на вѣчное существование. Публицисты увидѣли себя вынужденными отказаться отъ этой коварной и ложной политики, которая, забывая, что всѣ люди надѣлены равными правами самой природой, хотѣла то измѣрять объемъ тѣхъ правъ, которыхъ нужно было имть предоставить сообразно величинѣ территоріи, температурѣ климата, национальному характеру, народному богатству, степени совершенства торговли и промышленности, то распредѣлять эти самыя права неравномѣрно между различными классами людей въ зависимости отъ ихъ происхождения, богатства, профессіи и создавать такимъ образомъ противорѣчивыя интересы, противоположныя силы, чтобы затѣмъ установить между ними равновѣсіе, которое стало необходимымъ только благодаря этимъ учрежденіямъ и которое даже не смягчало опасныхъ вліяній.

Итакъ, никто уже не осмѣшивался раздѣлять людей на двѣ различные расы, изъ которыхъ одна предназначена управлять, другая подчиняться; одна призвана жить, другая быть обманутой: пришлось признать, что всѣ имѣютъ равное право просвѣщаться о всѣхъ своихъ интересахъ, познать всѣ истины, и что ни одна изъ властей, установленныхъ ими надъ самими собой, не можетъ имѣть права скрыть отъ нихъ какую либо истину.

Эти принципы, за которые великодушный Сидней заплатилъ своей кровью, которые Локкъ подкрѣпилъ авторитетомъ своего имени, были затѣмъ развиты Руссо съ большей точностью, въ большемъ масштабѣ и съ большей силой. И заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ возвелъ ихъ на степень тѣхъ истинъ, которыхъ нельзя больше ни забыть, ни опровергнуть.

Человѣкъ имѣть потребности и способности ихъ удовлетворять; результатомъ примѣненія этихъ способностей является различно видоизмѣненный и распредѣленный продуктъ, составляющій массу богатствъ, предназначенныхъ для удовлетворенія общихъ потребностей. Но каковы законы, согласно которымъ эти богатства образуются, или распредѣляются, сохраняются, или потребляются, увеличиваются или расточаются? Каковы также законы этого равновѣсія, которое стремится безпрестанно устанавливаться между потребностями и источниками, и бла-

годаря которому представляется больше легкости удовлетворенія потребностей, слѣдовательно увеличивается благосостояніе, когда богатство возрастаетъ, до того, что онъ достигаютъ предѣла своего увеличенія; и наоборотъ, когда богатство уменьшается, увеличиваются затрудненія и слѣдовательно страданія до того, что опустошеніе и лишенія возстановляютъ уровень? Какимъ образомъ, въ этомъ удивительномъ разнообразіи трудовъ и продуктовъ, потребностей и источниковъ, въ этомъ ужасномъ сцѣпленіи интересовъ, которые связываютъ существование, благосостояніе изолированаго человѣка съ общей системой обществъ, которые дѣлаютъ его зависимымъ отъ всѣхъ случайностей природы, отъ всѣхъ политическихъ событій, которые некоторымъ образомъ распространяютъ на весь земной шаръ его способность испытывать или удовольствія, или страданія, какимъ образомъ, въ этомъ кажущемся хаосѣ, мы видимъ, тѣмъ не менѣе, въ силу общаго мірового морального закона, что усилія каждого для самого себя способствуютъ благосостоянію всѣхъ и, не взирая на виѣшнее столкновеніе противоположныхъ интересовъ, общиі интересы требуетъ, чтобы каждый понималъ бы свой собственный интерес и могъ бы безпрепятственно его преслѣдоватъ?

Итакъ, человѣкъ долженъ имѣть возможность примѣнить свои способности, располагать своими богатствами, удовлетворять свои потребности съ полной свободой. Общиі интересы каждого общества, отнюдь не требуя сокращенія пользованія, защищаетъ его, напротивъ, отъ нанесенія ему ущерба, и въ этой части общественнаго порядка, забота обеспечить каждому его естественные права является одновременно единственной полезной политикой, единственнымъ долгомъ соціальной силы и единственнымъ правомъ, которое общая воля могла бы закономѣрно осуществлять.

Но разъ этотъ принципъ признанъ, долгъ общественной силы его исполнить; она должна установить мѣры, признанные закономъ, для констатированія во всевозможныхъ случаяхъ обмѣна вѣсъ, объемъ, ширину и длину обмѣняемыхъ вещей.

Она должна создать общую мѣру для всѣхъ цѣнностей, которой онъ всѣ могли быть представлены, которая облегчаетъ вычисление ихъ видоизмѣненій и ихъ отношеній, которая, имѣя

затѣмъ свою собственную цѣнность, могла бы быть обмѣнена на всѣ вещи, обладающія таковой; средство, безъ котораго торговля, ограниченная прымымъ обмѣномъ, не можетъ развиваться.

Производство каждого года доставляетъ свободную для потребленія часть, ибо она не предназначена для вознагражденія ни труда, продуктомъ котораго является это воспроизведеніе, ни труда, который долженъ обеспечить новое воспроизведеніе равное или болѣе обильное. Обладатель этой свободной части обязанъ ею отнюдь не своему непосредственному труду: онъ обладаетъ ею независимо отъ той дѣятельности, къ которой онъ можетъ примѣнять свои способности для удовлетворенія своихъ потребностей. Такимъ образомъ, эту свободную часть ежегодного достатка общественная сила можетъ, не нарушая ничьихъ правъ, использовать, какъ источникъ для покрытия расходовъ, необходимыхъ для обеспеченія государственной безопасности, его внутренняго спокойствія, для гарантіи правъ личности, для содержанія органовъ власти, учрежденныхъ для составленія или исполненія законовъ; наконецъ, для поддержанія общественного благосостоянія.

Есть работы, установленія, учрежденія полезныя обществу, которыя она должна организовать, должна ими руководить, или контролировать ихъ, и которыя дополняютъ то, что личная воля и содѣйствие личныхъ интересовъ не могутъ сдѣлать непосредственно, какъ для прогресса земледѣлія, промышленности, торговли, такъ и для того, чтобы предупреждать, ослаблять неизбѣжный бѣдствія природы, или тѣ, которыя обусловливаются непредвидимыми случаями.

До эпохи, о которой мы теперь говоримъ и даже долгое время спустя, эти различные предметы были предоставлены случаю, жадности правительства, ловкости шарлатановъ, предразсудкамъ, или интересу всѣхъ командующихъ классовъ; но ученикъ Декарта, знаменитый и несчастный Жанъ де Витъ, понялъ, что они должны были, какъ всѣ науки, подчиняться принципамъ философіи и точности вычисленія.

Эта наука слабо развивалась до момента, когда Уtrechtскій миръ обѣщаъ Европѣ продолжительное спокойствіе. Въ эту эпоху мы видимъ, что стремленіе изучать эту, до тѣхъ поръ игнорируемую, область знанія охватываетъ почти всѣ умы; и

эта новая наука была возведена Стюартомъ, Смитомъ и т. д., особенности французскими экономистами, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ точности и чистоты принциповъ, на ступень, которой невозможно было надѣяться достигнуть столь быстро, послѣ столь долгаго къ ней индифферентизма.

Но этотъ прогрессъ въ области политики и политической экономіи былъ главнымъ образомъ обусловленъ прогрессомъ общей философіи, или метафизики, понимая это слово въ самомъ широкомъ его смыслѣ.

Декартъ направилъ свои философскія изысканія въ область самосознанія человѣка; онъ ясно видѣлъ, что оно должно было всецѣло происходить изъ очевидныхъ и первичныхъ истинъ, которыхъ наблюденіе операций нашего ума должно было намъ открыть. Но скоро его нетерпѣливое воображеніе удалило его отъ того самого пути, который онъ проложилъ, и нѣкоторое время казалось, что философія только для того отвоевала свою независимость, чтобы запутаться въ новыхъ заблужденіяхъ.

Наконецъ, Локкъ ухватился за нить, которая должна была ему служить путеводной; онъ показалъ, что строгій анализъ, опредѣляя съ точностью идеи, разлагая ихъ послѣдовательно на идеи болѣе непосредственныхъ въ ихъ происхожденіи, или болѣе простыхъ въ ихъ сочетаніи, былъ единственнымъ предохраняющимъ средствомъ, чтобы не затеряться въ хаосѣ неполныхъ, несвязныхъ и неопредѣленныхъ понятій, случайно и беспорядочно представившихся намъ и воспринятыхъ нами безъ размышенія. Помощью этого самаго анализа онъ доказалъ, что все понятія суть результаты операций нашего ума надъ полученными нами ощущеніями, или еще болѣе точно—сочетанія этихъ ощущеній, которыхъ память намъ одновременно воспроизводить, но когда при этомъ вниманіе останавливается и когда представление ограничивается только частью каждого изъ этихъ сложныхъ ощущеній. Онъ показалъ, что, представляя словомъ каждую идею, предварительно анализированную и ограниченную, мы достигаемъ возможности постоянно припомнить ту же идею, т. е. всегда образованную изъ тѣхъ же самыхъ болѣе простыхъ идей, всегда заключенную въ тѣхъ-же границахъ и, следовательно, получаемъ возможность пользоваться ею въ цѣломъ рядѣ разсужденій, не рискуя сбиться съ пути. Наоборотъ, если слова не соотвѣтствуютъ точно опредѣленной

идеи, они могутъ послѣдовательно возбуждать различныя представлія въ одномъ и томъ-же умѣ, и таковъ наиболѣе обильный источникъ нашихъ заблужденій. Локкъ-же первый дерзнуль установить границы человѣческому уму, или скорѣе опредѣлить сущность истинъ, которыя онъ можетъ познать, и природу вещей, которыя онъ можетъ обнять.

Этимъ методомъ скоро стали пользоваться всѣ философы, и именно, примѣняя его къ морали, политикѣ, общественной экономіи, они получили возможность слѣдовать въ области этихъ наукъ путемъ почти столь-же вѣрнымъ, какъ въ области естественныхъ наукъ; допускать только доказанныя истины, отѣдѣлять эти истины отъ всего того, что можетъ еще остаться сомнительнымъ и неизвѣстнымъ; наконецъ, игнорировать то, что еще невозможно и то, что всегда будетъ невозможno познать.

Такимъ образомъ, анализъ нашихъ психическихъ переживаній открываетъ намъ, въ развитіи нашей способности испытывать удовольствіе и страданіе, происхожденіе нашихъ моральныхъ идей, основаніе общихъ истинъ, которыя, происходя отъ этихъ идей, опредѣляютъ неизмѣнныя и необходимыя законы справедливости и несправедливости; наконецъ, мотивы нашего поведенія, почерпнутые въ самой природѣ нашей чувствительности, въ томъ, что можно было бы назвать иѣкоторымъ образомъ нашей моральной конституціей.

Этотъ самый методъ сталъ въ иѣкоторомъ родѣ универсальнымъ орудіемъ; научились пользоваться имъ для усовершенствованія метода физическихъ наукъ, для объясненія ихъ принциповъ, для оценки ихъ доказательствъ; его распрострастили на изслѣдованіе фактовъ, на правила вкуса.

Итакъ, эта метафизика, примѣняясь ко всѣмъ предметамъ, доступнымъ человѣческому пониманію, анализировала процессы ума въ каждомъ родѣ познанія, вскрывала сущность истинъ, образующихъ его систему, степень достовѣрности, которой можно ожидать. И это является тѣмъ послѣднимъ шагомъ философіи, благодаря которому образовалась иѣкоторымъ образомъ вѣчна пропасть между человѣческимъ родомъ и старыми заблужденіями его младенчества, который долженъ воспрепятствовать тому, чтобы новые предразсудки когда либо привели вновь человѣка къ старому невѣжеству, какъ и обеспечить

паденіе всѣхъ тѣхъ, которые мы сохраняемъ, не зная еще можетъ быть, ихъ всѣхъ; даже тѣхъ, которые смогутъ ихъ замѣнить, но которые будутъ имѣть только слабое вліяніе и эфемерное существованіе.

Между тѣмъ, въ Германіи, человѣкъ широкаго и глубокаго ума набросалъ основы новой доктрины. Его пылкое и смѣлое воображеніе не можетъ успокоиться въ скромной философіи, оставившей неразсвѣтными сомнѣнія въ этихъ великихъ вопросахъ о духѣ, или о сущности человѣческой души, о свободѣ человѣка, или Бога, о существованіи страданія и преступленія во вселенной, управляемой всемогущимъ разумомъ, мудрость, справедливость и доброта котораго, казалось, должны были исключить возможность ихъ существованія. Онъ разсѣкъ узель, который мудрый анализъ не могъ бы развязать. Онъ построилъ вселенную изъ простыхъ неразрушимыхъ существъ, равныхъ по своей природѣ. Отношенія каждого изъ этихъ существъ къ каждому изъ тѣхъ, которыхъ входятъ съ нимъ въ систему вселенной, опредѣляютъ его качества, которыми оно отличается отъ всѣхъ другихъ; человѣческая душа и послѣдній атомъ, заканчивающій каменную глыбу, суть одинаково одинъ изъ этихъ монаадъ. Они различаются только благодаря тому или иному мѣстоположенію, которое они занимаютъ въ порядкѣ вселенной.

Изъ всѣхъ возможныхъ сочетаній этихъ существъ безконечный разумъ избралъ наиболѣе совершенное и онъ могъ избрать только это. Если существующій міръ удручаешь насть зреющими бѣдствій и преступленій, то всякое другое сочетаніе дало бы еще болѣе печальные результаты.

Мы изложимъ эту систему, которая, принятая, или по меньшей мѣрѣ, поддержанная соотечественниками Лейбница, задержала у нихъ прогрессъ философіи. Щѣлая школа англійскихъ философовъ съ одушевленіемъ ухватилась и краснорѣчиво защищала оптимистическую доктрину. Менѣе искусные и менѣе глубокіе чѣмъ Лейбницъ, который обосновалъ ее главнымъ образомъ на томъ, что всемогущій разумъ въ силу необходимости, обусловленной самой его природой, могъ избрать только лучшій изъ возможныхъ міровъ,—они стремились въ наблюденіи нашего міра найти доказательство его превосходства и, потерявъ все преимущества, которыми отличается эта система,

по скольку она остается въ области абстракції, они слишкомъ часто заблуждались въ подробностяхъ, или возмутительныхъ, или безсмысленныххъ.

Междуд тѣмъ, въ Шотландіи другіе философы, не соглашаясь съ мнѣніемъ, что анализъ развитія нашихъ реальныхъ способностей можетъ привести къ принципу, который явился бы достаточно чистымъ, достаточно твердымъ основаніемъ для нашихъ моральныхъ поступковъ, изобрѣли новую способность человѣческой души, отличную отъ способности чувствовать, или разсуждать, но вступающую съ послѣдними въ сочетанія, способность, существованіе которой они доказывали только, увѣряя, что безъ нея не могли бы обойтись. Мы начертаемъ исторію этихъ воззрѣй и покажемъ, что если они были вредны для движенія философіи, то они были полезны для болѣе быстраго распространенія философскихъ идей.

До сихъ порь мы говорили о прогрессѣ философіи только среди людей, которые ее разрабатывали, углубляли и совершенствовали; намъ остается показать, каковы были ея вліянія на общественное мнѣніе и какимъ образомъ, между тѣмъ какъ, возвысившись, наконецъ, до познанія истиннаго метода открывать и познавать истину, разумъ научился предохранять себя отъ заблужденій, куда уваженіе къ авторитету и воображеніе такъ часто его увлекали, онъ въ то же время разрушилъ въ общей массѣ людей предразсудки, которые такъ долго изнурили и развращали человѣческій родъ. Было, наконецъ, позволено громко провозглашать право, столь долго не признаваемое,—подчинить всѣ воззрѣнія нашему собственному разуму, т. е. пользоваться для пониманія истины единственнымъ орудіемъ, которое намъ дано для того, чтобы ее познать. Каждый человѣкъ съ иѣкоторой гордостью узнавалъ, что природа отнюдь не предназначала его вѣрить слову другого; и древнее суевѣrie, униженіе разума передъ бредомъ сверхъестественной вѣры исчезли изъ общества, какъ и изъ философіи.

Въ Европѣ скоро образовался классъ людей, менѣе занятыхъ открытиемъ и углубленіемъ истины, чѣмъ ея распространеніемъ, которые, поставивъ себѣ цѣлью преслѣдоватъ предразсудки въ убѣжищахъ, гдѣ духовенство, школы, правительства, старые корпораціи собирали ихъ и покровительствовали имъ, стремились разрушать народныя заблужденія скорѣе,

чѣмъ расширить границы человѣческихъ знаній — косвенный путь содѣйствовать ихъ прогрессу, который былъ ни менѣе опасенъ, ни менѣе полезенъ.

Въ Англіи Коллинсъ и Болингброкъ, во Франціи Бейль, Фонтенель, Вольтеръ, Монтескье и школы, образованные этими знаменитыми людьми, сражались за истину, пользуясь попере-мѣнико всѣми средствами, которыя эрудиція, философія, умъ, литературное дарование могутъ доставить разуму, употребляя всѣ формы, отъ шутки до патетическихъ произведеній, отъ наиболѣе ученой и наиболѣе обширной компиляціи до романа, или злободневнаго памфлета; покрывая истину покрываломъ, защищавшимъ отъ ея свѣта слишкомъ слабые глаза и доставлявшимъ удовольствіе отгадывать ее; лаская предразсудки съ ловкостью, чтобы нанести имъ болѣе тѣрные удары; почти никогда имъ не угрожая, ни нѣсколькимъ одновременно, ни даже одному въполномъ его объемѣ. Уѣшная иногда враговъ разума, показывая видъ, что хотѣть въ религіи только полу-терпимости, въ политикѣ только полу-свободы; щади деспотизмъ, когда они боролись противъ религіозныхъ нелѣпостей, и культь, когда возставали противъ тираніи; нападая на эти два бича въ ихъ принципѣ, хотя бы показывали видъ, что мѣтятъ только въ возмутительныя или безсмысленные ихъ злоупотребленія и поражая эти гибельныя деревья въ ихъ корняхъ, когда, казалось, что они ограничиваются обрѣзаніемъ нѣкоторыхъ запутавшихся вѣтвей; то уча друзей свободы, что суевѣrie, покрывающее деспотизмъ непроницаемымъ щитомъ, первая жертва, которую они должны принести, первая цѣнь, которую они должны разбить; то напротивъ, представляя его деспотизмъ, какъ истиннаго врага ихъ власти и ужасая ихъ картиной его лицемѣрныхъ заговоровъ, его кровавой ярости; но никогда не уставая провозглашать независимость разума, свободу печати, какъ право, какъ спасеніе человѣческаго рода; поднимаясь съ неутомимой энергией противъ всѣхъ преступленій, фанатизма и тираніи; преслѣдуя въ религіи, въ администраціи, въ правительствахъ, въ законахъ, все то, что носило характеръ угнетенія, жестокости, варварства; приказывая, именемъ природы, королямъ, воинамъ, судьямъ, священникамъ уважать кровь людей; строжайше упрекая ихъ въ крови, которую ихъ политика, или индифферентизмъ проливали еще въ сраженіяхъ, или нака-

заніяхъ, выставляя, наконецъ, лозунгомъ войны: *разумъ, терпимость, человѣчность.*

Такова была эта новая философія, предметъ общей ненависти всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ классовъ, которые существуютъ только въ силу предразсудковъ, живутъ только за блужденіями, могущественны только благодаря легковѣрію; почти всюду принимаемая, но преслѣдуемая, имѣющая королей, священниковъ, вельможъ, судей учениками и врагами. Ея главари почти всегда обладали искусствомъ избѣгать мести, возбудивъ противъ себя ненависть и укрыться отъ преслѣдованія, показавъ себя достойными своей славы.

Часто правительство вознаграждало ихъ одной рукой, платя другой ихъ клеветникамъ, изгоняло ихъ и гордилось, что они родились на его территории, наказывало ихъ за ихъ воззрѣнія и сочло бы себя оскорблѣннымъ подозрѣніемъ, что оно ихъ не раздѣляетъ.

Этими воззрѣніями скоро должны были, такимъ образомъ, проникнуться всѣ просвѣщенные люди, признаваемыми одними, скрываемыми другими съ болѣе или менѣе прозрачнымъ лицемѣріемъ, въ зависимости отъ ихъ болѣе, или менѣе робкаго характера и ихъ желанія поступаться противорѣчивыми интересами своей профессіи, или тщеславія.

Но уже послѣднее обстоятельство было достаточно сильно, для того, чтобы, вместо глубокой скрытности прошедшихъ вѣковъ, довольствовались для самихъ себя и часто для другихъ разумной осторожностью.

Мы прослѣдимъ прогрессъ этой философіи въ различныхъ частяхъ Европы, куда инквизиція правительства и духовенства не могла помѣшать французскому языку, ставшему почти всеобщимъ, быстро вносить ее. Мы покажемъ съ какой ловкостью политика и суевѣrie употребляли противъ нея все то, что человѣческое знаніе можетъ представить какъ мотивы недовѣрія своему разуму, какъ аргументы для указанія его границъ и слабости и какъ они сумѣли пользоваться даже пиронизмомъ для защиты легковѣрности.

Эта столь простая система, которая предоставляла неограниченную свободу всему тому, что наиболѣе вѣрно поощряло торговлю и промышленность, которая освобождала народы отъ

бича разрушителя,—уйзительного ига налоговъ, распределен-
ныхъ столь неравномѣрно, взимаемыхъ съ такими издержками
и часто съ такимъ варварствомъ, замѣния ихъ справедливой,
равной и почти нечувствительной податью; Эта теорія, которая
свазывала дѣйствительное могущество и богатство государстъ
съ благосостояніемъ индивидовъ и уваженіемъ къ ихъ правамъ;
которая объединила узами общаго счастья различные классы,
на которые эти общества естественно раздѣлены; эта столь
утѣшительная идея о братствѣ человѣческаго рода, пріятную
гармонію котораго никакой национальный интересъ не долженъ
быть тревожить; эти принципы, подкупающіе своимъ велико-
душіемъ, какъ своей простотой и обширностью—пропаганди-
ровались съ энтузіазмомъ французскими экономистами. Ихъ
успѣхъ былъ менѣе быстрымъ, менѣе общимъ, чѣмъ успѣхъ
философовъ; имъ пришлось бороться съ менѣе грубыми пред-
разсудками, съ болѣе тонкими заблужденіями. Имъ нужно
было просвѣщать прежде чѣмъ вводить изъ заблужденія, и
воспитать здравый смыслъ прежде чѣмъ сдѣлать его судьей.

Но если они сумѣли привлечь къ своему ученію лишь не-
большое количество послѣдователей; если они пугали общностью
своихъ правиль и непрѣлонностью своихъ принциповъ; если
они сами вредили своему дѣлу, прибѣгая къ туманному и дог-
матическому языку, обнаруживая слишкомъ часто забывчи-
вость относительно политической свободы, ради интересовъ
свободы торговли, представляя тономъ слишкомъ безусловнымъ,
слишкомъ наставительнымъ нѣкоторыя части своей системы,
которые они только поверхностно изучили—имъ, по крайней
мѣре, удалось сдѣлать ненавистной и презрѣнной эту трусли-
вую, коварную и развращенную политику, которая видѣла
благополучіе націи въ обѣднѣніи ея соцѣй, въ узкихъ взгля-
дахъ запретительнаго режима, въ мелкихъ комбинаціяхъ тиара-
ническаго фиска.

Но новыя истины, которыми геній обогатилъ философию,
политику и общественную экономію, признанныя въ большемъ
или меньшемъ объемѣ просвѣщенными людьми, далеко распро-
страняли свое спасительное влияніе.

Искусство книгопечатанія охватило такие вопросы, такъ
умножало книги, послѣднія были такъ умѣло приоровлены
ко всѣмъ степенямъ знанія, примѣненія и даже богатства; ими

съ такой ловкостью удовлетворялись всѣ вкусы, всѣ умственныя запросы; содержаніе ихъ такъ легко и часто даже такъ приятно усваивалось; онъ открыли для истины столько дверей, что стало почти невозможно всѣ закрывать, что не было больше класса, профессіи, достигнуть которыхъ ей можно было помѣшать. И хотя всегда оставалось большое количество людей, обреченныхъ на добровольное, или вынужденное невѣжество, граница, проведенная между некультурной и просвѣщенной частями человѣческаго рода, тогда почти совершенно стерлась и незамѣтная постепенность заполнила промежутокъ между двумя крайностями, между гениемъ и тупоумiemъ.

Такимъ образомъ, общее сознаніе естественныхъ правъ человѣка, даже воззрѣніе, что эти права неотчуждаемы и неизмѣнны, сильно высказанное желаніе свободы совѣсти и печати, свободы торговли и промышленности, облегченія участія народа, уничтоженія всякаго уголовнаго закона противъ диссидентскихъ религій, уничтоженія пытки и варварскихъ наказаний; желаніе имѣть уголовное законодательство болѣе мягкое, юриспруденцію, которая гарантировала бы полную безопасность невинности, гражданскіе законы болѣе простые, болѣе отвѣчающіе разуму и природѣ; индифферентизмъ ко всѣмъ религіямъ, рассматриваемымъ, наконецъ, какъ суевѣрія, или политическая изобрѣтенія; ненависть къ лицемѣрю и фанатизму, презрѣніе къ предразсудкамъ, ревность въ распространеніи просвѣщенія, — эти принципы, переходя постепенно изъ произведеній философъ ко всѣмъ классамъ общества, гдѣ образованіе не ограничивалось катехизисомъ и умѣньемъ писать, стали общими исповѣданіемъ, символомъ для всѣхъ тѣхъ, которые не были ни макиавелистами, ни слабоумными. Въ нѣкоторыхъ странахъ эти принципы образовали общественное мнѣніе, достаточно общее для того, чтобы сама народная масса казалась готовой руководиться имъ и ему подчиняться. Чувство гуманности, т. е. нѣжное и активное состраданіе ко всѣмъ бѣдствіямъ, поражающимъ человѣческій родъ, отвращеніе ко всему тому, что въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ правительственныйхъ актахъ, въ частныхъ поступкахъ добавляло новыя страданія къ неизбѣжнымъ страданіямъ природы, этотъ гуманизмъ былъ естественнымъ слѣдствиемъ этихъ принциповъ; имъ были проникнуты всѣ сочиненія, всѣ рѣчи и его счастливое вліяніе

отражалось уже на законахъ и общественныхъ учрежденіяхъ даже народовъ, подчиненныхъ деспотизму.

Философы различныхъ націй, обнимая въ своихъ размышленіяхъ интересы всего человѣчества безъ различія странъ, расы, или секты, образовали, не взирая на несогласіе въ своихъ спекулятивныхъ воззрѣніяхъ, сильно сплоченную фалангу противъ всѣхъ заблужденій, противъ всякаго рода тираніи. Воодушевляемые чувствомъ всеобщаго человѣколюбія, они боролись съ несправедливостью, когда она, чуждана ихъ отечеству, не могла имъ лично вредить; они не щадили ея также тогда, когда виновнымъ въ ней оказывалось само ихъ отечество по отношенію къ другимъ народамъ; они вооружались въ Европѣ противъ преступленій, которыми жадность осквернила берега Америки, Африки, или Азіи. Философы Англіи и Франціи считали для себя честью носить имя и исполнять обязанности *друзей* тѣхъ самыхъ черныхъ, которыхъ ихъ глупые тираны гнушались признавать людьми. Похвалы французскихъ писателей были наградой за терпимость признанной въ Россіи и Швеціи, между тѣмъ какъ Беккаріа опровергалъ въ Италіи варварскія правила французской юриспруденціи.

Во Франції старались излѣчить Англію отъ ея коммерческихъ предразсудковъ, отъ ея суевѣрной почтительности къ недостаткамъ ея конституціи и ея законовъ, между тѣмъ какъ почтенный Говардъ укорялъ французовъ въ варварской безопасности, поглощавшей въ ихъ госпиталяхъ и тюрьмахъ столько человѣческихъ жертвъ. Жестокости, или развращенность правительства, нетерпимость духовенства, сами національные предразсудки потеряли свою гибельную власть заглушать голосъ истины, и никто ни враги разума, ни угнетатели свободы не могли изѣжать суда, который скоро становился судомъ всей Европы.

Наконецъ, начало развиваться новое ученіе, которое должно было нанести послѣдній ударъ уже потрясенному зданію предразсудковъ; то ученіе о способности человѣческаго рода неограничено совершенствоваться, первыми и наиболѣе знаменитыми апостолами которого были Тюрго, Присль и Пристли; оно относится къ десятой эпохѣ, гдѣ мы разовьемъ его болѣе подробно. Но мы должны изложить здѣсь происхожденіе и прогрессъ одной ложной философіи, противъ которой это ученіе явилось столь необходимой опорой для торжества разума.

Созданная одними изъ гордости, другими изъ своекорыстныхъ соображений, имѣя тайной цѣлью увѣковѣчить невѣжество и продлить царство заблужденій, она приобрѣла многочисленныхъ послѣдователей, которые то развращали разумъ блестящими парадоксами, или соблазняли его удобной лѣнию абсолютнаго пирронизма; то, настолько презирали человѣческій родъ, что объявляли прогрессъ просвѣщенія безполезнымъ и даже опаснымъ для его счастья, какъ для его свободы; то, наконецъ, вводили его въ заблужденіе ложнымъ энтузіазмомъ воображеніемъ величія или мудрости, надѣляющіхъ добродѣтельной склонностью къ просвѣщенію и здравымъ смысломъ опираться на реальныя знанія; адѣсь говорили о философіи и серьезныхъ наукахъ, какъ о теоріяхъ слишкомъ недоступныхъ для существа ограниченаго, окруженаго потребностями, и подчиненнаго повседневнымъ и тяжелымъ обязанностямъ; тамъ презрительно высказывались о нихъ, какъ о наборѣ шаткихъ отвлеченностей, которыя должны исчезать передъ дѣловымъ опытомъ и ловкостью государственного человѣка. Они безпрестанно жаловались на упадокъ просвѣщенія, когда оно прогрессировало, сокрушалась о приниженії человѣческаго рода, по мѣрѣ того какъ люди припоминали свои права и пользовались своимъ разумомъ; объявляли даже ближайшую эпоху, эпохой тѣхъ потрясеній, которыя должны привести его къ варварству, невѣжеству, рабству въ моментъ, когда все объединялось для доказательства, что ему не приходится больше ихъ бояться. Они, казалось, были унижены его совершенствомъ, ибо никакъ не раздѣляли славы, способствовавшихъ этому, или были испуганы его прогрессомъ, который предѣщалъ паденіе ихъ значенія, или власти. Между тѣмъ, изъкоторые шарлатаны—бѣглые ловкие чѣмъ тѣ, которые неискусной рукой старались поддерживать зданіе древнихъ сувѣрій, основанія котораго подкопала философія,—пытались, одни использовать развалины этого зданія для построенія религіозной системы, гдѣ отъ разума, возстановленного въ его правахъ, требовалось только полуподчиненіе; гдѣ онъ остался бы почти свободнымъ въ своей вѣрѣ, лишь бы только согласился считать изъкоторую вещь непостижимой; между тѣмъ какъ другіе пробовали воскресить въ тайныхъ обществахъ забытыя мистеріи древней есургіи и оставляя народу его старыя заблужденія, опутывая

своихъ учениковъ новыми суевѣріями, они имѣли наглость надѣяться возстановить, благодаря пѣкоторымъ адентамъ, древнюю тиранію королей-первосвященниковъ Индіи, или Египта. Но философія, укрѣпленная на непоколебимомъ основаніи, которое науки ей подготовили, противопоставила имъ барьеръ, о который ихъ жалкія усилія должны были скоро разбиться.

Сравнивая состояніе умовъ, эскизъ котораго я выше набросалъ, съ политической системой правительства, можно было легко предвидѣть, что великая революція была неминуема; и не трудно было судить, что она могла быть проведена только двумя способами: нужно было или, чтобы народъ самъ установилъ эти принципы разума и природы, которые философія сумѣла сдѣлать для него дорогими, или, чтобы правительства поспѣшили его предупредить и согласовали бы свои дѣйствія съ его возврѣніями. Одна изъ этихъ революцій должна была быть болѣе полной, болѣе быстрой, но болѣе бурной; другая болѣе медленной, менѣе полной, но болѣе мирной; въ одной свобода и счастье должны были быть куплены цѣною времененныхъ бѣдствій; въ другой эти бѣдствія избѣгались, но задерживалось, быть можетъ надолго, наслажденіе частью благъ, которыхъ она тѣмъ не менѣе должна была неминуемо произвести.

Развращенность и невѣжество правительства предпочли первый способъ, и быстрое торжество разума и свободы отомстило за человѣческий родъ.

Простой здравый смыслъ долженъ былъ подсказать жителямъ британскихъ колоній, что англичане, рожденные по ту сторону Атлантическаго океана, получили отъ природы точно такія же права, какъ и другіе англичане, рожденные подъ Гринвичскимъ меридіаномъ и что разница на семьдесятъ градусовъ долготы не могла ихъ измѣнить. Они, можетъ быть, лучше европейцевъ знали, каковы были права, общія всѣмъ индивидамъ человѣческаго рода, и они также понимали свое право не платить никакой пошлины, на установлѣніе которой они своего согласія не давали. Но британское правительство притворилось вѣрующимъ, что Богъ создалъ Америку, какъ Азію, для удовольствія лондонскихъ жителей и, не шутя, хотѣло удержать въ своихъ рукахъ по ту сторону морей подчиненную націю, которой оно, въ случаѣ надобности, могло бы пользоваться для угнетенія европейской Англіи. Оно приказало покорнымъ

представителямъ англійского народа нарушить права Америки и обложить ее принудительными пошлинами. Послѣдняя про-возгласила, что несправедливость разорвала узы, соединившія ее съ метрополіей и объявила свою независимость.

Міръ тогда вперые увидѣлъ, какъ великий народъ, осво-бодившись отъ всѣхъ своихъ цѣпей, самъ мирно даєтъ своей странѣ конституцію и законы, которые онъ считалъ наиболѣе способными содѣствовать его счастью; и такъ какъ его гео-графическое положеніе и старый политический строй вынуж-дали его образовать федеративную республику, онъ въ своихъ нѣдрахъ вырабатываетъ одновременно тринадцать республи-канскихъ конституцій, имѣющихъ общей базой торжественное признаніе естественныхъ правъ человѣка и главной цѣлью—сохраненіе этихъ правъ. Мы начертаемъ картину этихъ консти-туцій; мы покажемъ то, чѣмъ онъ обязанъ прогрессу полити-ческихъ наукъ и то, что предразсудки всепитанія могли имъ сообщить въ видѣ старыхъ заблужденій; почему, напримѣръ, система равновѣсія властей портитъ еще ихъ простоту; почему принципъ тождества интересовъ занимаетъ въ нихъ еще больше мѣста, чѣмъ равенство правъ. Мы докажемъ не только то, что этотъ принципъ тождества интересовъ, если онъ служить ре-гуляторомъ политическихъ правъ, является нарушеніемъ по отношенію къ тѣмъ, которымъ предоставляется пользованіе этими правами не въ полномъ ихъ объемѣ, но также и то, что это тождество перестаетъ существовать именно въ тотъ мо-ментъ, когда оно становится истиннымъ неравенствомъ. Мы подробно остановимся на этомъ вопросѣ, ибо это единственное заблужденіе, внушающее еще опасенія. Оно является единствен-нымъ, отъ которого истинно просвѣщенные люди еще не осво-бодились. Мы покажемъ, какимъ образомъ американскія респу-блики осуществили эту, тогда еще почти новую въ теоріи, идею о необходимости установить и регулировать закономъ пра-вильный и мирный способъ реформировать сами конституції и отдѣлять эту власть отъ законодательной.

Но въ войнѣ, возникшій между двумя просвѣщеными на-родами, изъ которыхъ одинъ защищалъ естественные права человѣчества, а другой противопоставлялъ послѣднимъ ложное ученіе, подчиняющее эти права предписанію, политическимъ интересамъ, писаннымъ соглашеніямъ, эта великая тяжба пред-

стала предъ трибуналомъ общественіаго мігнія въ присутствіи всей Европы; права людей были громко поддержаны и развернуты безъ ограниченія и безъ изъятія въ сочиненіяхъ, свободно циркулировавшихъ отъ береговъ Невы до Гвадалквивира.

Эти споры проникали въ страны наиболѣе порабощенные, въ края наиболѣе отдаленные и люди, населявшіе ихъ, были удивлены, узнавъ, что они имѣютъ права; они учились разбираться въ нихъ; они знали, что другіе люди дерзали ихъ отвоевать, или защищать.

Американская революція должна была скоро распространиться на всю Европу. И если существовалъ народъ, среди котораго, ради интереса американцевъ, распространялись болѣе, чѣмъ гдѣ-либо ихъ сочиненія и ихъ принципы, который былъ одновременно наиболѣе просвѣщеніемъ и однѣмъ изъ наименѣе свободныхъ; страна, гдѣ философы обладали наибольшимъ количествомъ истинныхъ знаній, и правительство обнаруживало невѣжество наиболѣе наглое, наиболѣе грубое; гдѣ законы настолько не соотвѣтствовали бы общему состоянію умовъ, что ни национальная гордость, ни какой-либо предразсудокъ не могли привязать народъ къ его старымъ учрежденіямъ,—развѣ этотъ народъ не былъ предназначенъ, въ силу самой природы вещей, дать первый толчекъ той революціи, которой друзья человѣчества столь петеригѣливо ожидали и на которую они возлагали столько надеждъ? Она должна была, такимъ образомъ, начаться во Франціи.

Непріусность ея правительства ускорила эту революцію; философія явилась ея идеальной руководительницей; народная сила разрушила препятствія, которыхъ могли остановить движенія.

Она была болѣе полной, чѣмъ американская и, слѣдовательно, болѣе нарушила внутренній миръ. Ибо американцы, довольствовавшіеся гражданскими и уголовными законами, данными имъ Англіей, не имѣвшіе надобности реформировать скверную налоговую систему; которымъ не приходилось разрушать ни феодальной тираніи, ни наслѣдственныхъ различій, ни привилегированныхъ, богатыхъ, или могущественныхъ корпорацій, ни системы религіозной нетерпимости—ограничились установлениемъ новыхъ властей, замѣнивъ ими ту, которая до сихъ порь принадлежала британской націи. Эти нововведенія

нисколько не отразились на народной массѣ; ничто не измѣнилось въ отношеніяхъ, установившихся между индивидами. Во Франціи, наоборотъ, революція должна была охватить всю экономическую жизнь общества, измѣнить всѣ соціальные отношенія и проникнуть до послѣднихъ звеньевъ политической цѣпи, до индивидовъ, которые, живя спокойно доходами отъ своего имущества или своей промышленности, не побуждаются къ участію въ народныхъ движенияхъ ни своими возврѣніями, ни своими занятіями, ни интересами богатства, честолюбія или славы.

Американцы, которые, казалось, боролись только противъ тираническихъ предразсудковъ метрополіи, имѣли союзниками могущественныхъ соперниковъ Англіи; между тѣмъ какъ другіе завистливые къ ея богатству и гордости, своими тайными общицаніями содѣствовали скорому торжеству справедливости; такимъ образомъ, вся Европа, казалось, объединилась противъ угнетателей. Французы, напротивъ, атаковали одновременно и деспотизмъ королей, и политическое неравенство полусвободныхъ конституцій, и надменность дворянства, и господство, нетерпимость и богатства духовенства, и злоупотребленія феодаловъ, свирѣпствовавшихъ еще почти во всей Европѣ; и могущественные европейскіе государи должны были общими силами встать на защиту тираніи. И Франція могла услышать въ свою пользу только голоса нѣкоторыхъ мудрецовъ и робкія общицанія угнетенныхъ народовъ, помошь, которой клевета должна была еще стараться лишить ее.

Мы покажемъ, почему принципы, легшіе въ основаніе конституцій и законовъ Франціи, были болѣе чисты, болѣе точны, болѣе глубоки, чѣмъ тѣ, которыми руководствовались американцы; почему они гораздо болѣе полно избѣжали вліянія ведкаго рода предразсудковъ; какимъ образомъ равенство правъ не было здесь нигдѣ замѣнено тѣмъ тождествомъ интересовъ, которое является только жалкимъ и лицемѣрнымъ придаткомъ; какъ это равновѣсіе властей, которымъ столь долго восхищались, оказалось безполезнымъ, когда власти были ограничены точными предѣлами; какимъ образомъ въ великой націи, по необходимости разсѣянной, раздѣленной на большое количество изолированныхъ и частичныхъ собраній, впервые рѣшились сохранить народу его право верховной власти, право подчи-

няться только законамъ, способъ съставленія которыхъ, если оно поручено представителямъ, быть узаконенъ его непосредственнымъ одобрениемъ; возможность реформировать которыхъ, если они нарушаютъ его права, или интересы, онъ могъ бы всегда получить посредствомъ правильнаго акта своей верховной воли.

Съ момента, когда геній Декарта оказалъ на умы это общее впечатлѣніе, и первый принципъ революціи въ судьбахъ человѣческаго рода былъ провозглашенъ, до счастливой эпохи полной и чистой соціальной свободы, когда человѣкъ могъ вступить въ пользованіе своей естественной независимостью, лишь пройдя длинный рядъ вѣковъ рабства и бѣдствій, картина прогресса математическихъ и физическихъ наукъ представляеть намъ необозримый горизонтъ, различныи части котораго нужно выдѣлить и привести въ порядокъ, если хотить лучше обнять цѣлое и лучше замѣтить отношенія между этими частями.

Не только приложеніе алгебры къ геометріи стало обильнымъ источникомъ открытій въ этихъ двухъ наукахъ; но, доказавъ, этимъ великимъ примѣромъ, какъ методы вычисленія величинъ вообще могутъ распространиться на всѣ вопросы, имѣвшіе предметомъ измѣреніе протяженности, Декартъ заранѣе объявилъ, что они могли бы съ равнымъ успѣхомъ примѣниться ко всѣмъ предметамъ, отношенія которыхъ доступны точной опѣнкѣ; и это великое открытие, показавъ впервые конечную цѣль науки—подчинять всѣ истины строгости счета, дало возможность надѣяться ея достичнуть, намѣтивъ необходимыи для этого средства.

Вскорѣ послѣ этого открытия послѣдовало изобрѣтеніе новаго исчисленія, позволяющаго находить отношенія послѣдовательныхъ возрастаній, или убываній перемѣнной величины, или саму величину, зная это отношеніе; какъ въ томъ случаѣ, когда предполагается предѣльъ этимъ возрастаніямъ, такъ и тогда, когда отношеніе ищется только въ моментъ превращенія ихъ въ нуль; методъ, который, распространяясь на всѣ сочетанія перемѣнныхъ величинъ, на всѣ гипотезы ихъ измѣненій, приводить равнымъ образомъ къ опредѣленію, для всѣхъ вещей, измѣненія которыхъ могутъ быть точно измѣрены, или отношеній ихъ элементовъ, зная отношенія самихъ вещей, или

отношений вещей, когда известны только отношения ихъ элементовъ.

Лейбничу и Ньютону мы обязаны открытиемъ этихъ исчислений, которое было подготовлено трудами геометровъ предшествовавшаго поколѣнія. Ихъ прогрессъ, безпрерывно продолжавшійся болѣе вѣка, явился продуктомъ трудовъ и источниковъ славы многихъ геніальныхъ людей; и глазамъ философа, который можетъ его обозрѣть, даже не слѣдя за нимъ, представляется внушительный памятникъ силы человѣческаго ума.

Излагая образование и принципы алгебраического языка, единственно истинно точного, истинно аналитического, существующаго еще теперь; сущность техническихъ процессовъ этой науки; сравнивая эти процессы съ естественными операциями человѣческаго ума, мы покажемъ, что если этотъ методъ употребляется только какъ частное средство въ наукѣ о величинахъ, онъ заключаетъ въ себѣ принципы универсального орудія, примѣнимые ко всѣмъ сочетаніямъ идей.

Рациональная механика становится скоро обширной и глубокомысленной наукой. Истинные законы соударенія упругихъ тѣлъ, относительно которыхъ Декартъ заблуждался, наконецъ найдены.

Гюйгенсъ открываетъ законы движенія по циклонду; онъ даетъ въ то же время методъ определенія къ какому кругу долженъ принадлежать каждый элементъ какой нибудь кривой. Соединивъ эти двѣ теоріи, Ньютонъ нашелъ теорію криволинейного движенія; онъ примѣнилъ ее къ тѣмъ законамъ, согласно которымъ Кеплеръ открылъ, что всѣ планеты обращаются по эллипсамъ, въ одномъ изъ фокусовъ которыхъ находится солнце.

Планета, которая предполагается брошенной въ пространство въ данный моментъ съ опредѣленной скоростью и по опредѣленному направлению, обѣгаетъ, вокругъ солнца, эллипсъ, вслѣдствіе притяженія, испытываемаго ею къ этому свѣтилу, обратно пропорціональнаго квадрату разстояній. Эта самая сила удерживаетъ спутниковъ въ ихъ орбитахъ вокругъ главной планеты. Она распространяется на всю систему небесныхъ тѣлъ; всѣ элементы, составляющіе послѣднія, взаимно другъ къ другу притягиваются.

Правильность планетныхъ эллипсовъ иногда нарушается; и вычисление объясняетъ эти пертурбации съ точностью до самыхъ незначительныхъ ихъ уклоненій. Эта сила дѣйствуетъ на кометы и теорія позволяетъ опредѣлить ихъ орбиты и предсказать ихъ возвращеніе. Движенія земли и луны вокругъ своихъ осей также свидѣтельствуютъ о существованіи этой всесмѣрной силы. Наконецъ, она же является причиной вѣса земныхъ тѣлъ, въ которыхъ онъ кажется постояннымъ, ибо мы не можемъ наблюдать ихъ на разстояніяхъ достаточно различныхъ между собой отъ центра притяженія.

Итакъ, человѣкъ узналъ наконецъ одинъ изъ физическихъ законовъ вселенной, и онъ является еще до сихъ порь единственнымъ, какъ и слава того, который его открылъ.

Труды цѣлаго столѣтія подтвердили этотъ законъ, которому всѣ небесныя явленія оказались подчиненными съ поразительной точностью; каждый разъ, когда какое-нибудь изъ нихъ, казалось, уклонялось отъ нормы, то это временное недоумѣніе становилось скоро причиной новаго торжества.

Философія почти всегда вынуждена искать въ произведеніяхъ геніального человѣка тайной нити, которой онъ руководился; но здесь интересъ, побуждаемый восхищеніемъ, заставилъ открыть и сохранить драгоценные анекдоты, которые позволяютъ прослѣдить шагъ за шагомъ движеніе Ньютона. Мы ими воспользуемся, чтобы показать, какъ случайныя счастливыя комбинаціи содѣйствуютъ усиленію генія въ великомъ открытии и какъ комбинаціи менѣе благопріятныя могли бы ихъ замедлять, или сбрасывать плоды ихъ для другихъ.

Но Ньютона сдѣлать для прогресса человѣческаго разума нечто, можетъ быть, еще большее, чѣмъ открытие этого общаго закона природы; онъ училъ людей допускать въ физикѣ только точныя и вычисленныя теоріи, которая доказываются не только существованіе явленія, но также его величину. Между тѣмъ, его обвинили въ возобновленіи таинственныхъ приемовъ древнихъ, ибо общую причину небесныхъ явленій онъ сводилъ къ простому факту, неопровергнутая реальность котораго доказывало наблюдение. И само это обвиненіе показываетъ насколько научные методы нуждались еще въ философскомъ освѣщеніи.

Масса проблемъ статики и динамики были послѣдовательно предложены и разрушены, когда д'Аламберъ открылъ общий

принципъ, который одинъ былъ достаточенъ для опредѣленія движенія какого-либо количества точекъ, движущихся подъ вліяніемъ какихъ-либо силъ и соединенныхъ между собой въ силу извѣстныхъ условій. Этотъ самый принципъ онъ скоро распространілъ на конечныя тѣла опредѣленной фигуры; на тѣла, которыхъ, вслѣдствіе своей эластичности или гибкости, могутъ измѣнить свою фигуру, но согласно извѣстнымъ законамъ и сохраняя извѣстныя отношенія между частями. Наконецъ на жидкости, какъ сохраняющія постоянную плотность, такъ и на находящіяся въ состояніи расширенія. Для разрѣшенія этихъ послѣднихъ вопросовъ необходимо было новое исчисленіе; оно не могло миновать своего генія; и механика отнынѣ становится точной наукой.

Эти открытия относятся къ математическимъ наукамъ; но сущность, какъ закона всемирного тяготѣнія, такъ и принциповъ механики, слѣдствія, которыхъ можно извлечь изъ нихъ для объясненія вѣчнаго порядка вселенной, суть предметы философіи. Она научила людей понимать, что всѣ тѣла подчинены необходимымъ законамъ, въ силу которыхъ они сами стремятся прийти въ равновѣсіе, или таковое поддержать, создать или сохранить правильность въ движеніяхъ.

Познаніе законовъ, управляющихъ небесными явленіями, открытия математического анализа, которыя приводятъ къ болѣе точнымъ методамъ вычисленія каждыхъ явленій, то совершенство, на которое невозможно было даже надѣяться, до которого были доведены и оптические инструменты и тѣ, въ которыхъ точность дѣленій становится мѣриломъ точности наблюдений; точность машинъ, приспособленныхъ для измѣренія времени, болѣе общая склонность къ наукамъ, связанныя съ стремлениемъ правительствъ умножать астрономовъ и обсерваций,— все эти причины, взятые вмѣстѣ, обеспечили прогрессъ астрономіи.

Небо, въ глазахъ человѣка, обогащается новыми свѣтилами и онъ умѣеть вѣрно опредѣлять ихъ положенія и предвидѣть ихъ движенія.

Физика, постепенно освобождаясь отъ смутныхъ объясненій введенныхъ Декартомъ, какъ она уже избавилась отъ схоластическихъ недѣстостей, приобрѣтаетъ характеръ искусства проникать въ тайны природы путемъ опыта, чтобы затѣмъ, осно-

зываясь на полученныхъ данныхъ, выводить посредствомъ вычислениія болѣе общіе факты.

Вѣсъ воды опредѣленъ и измѣренъ; становится извѣстнымъ, что передача свѣта не мгновенна; скорость ея опредѣляется. Вычисляется отношеніе этого обстоятельства къ видимой картинѣ неба; солнечный лучъ разложенъ на лучи болѣе простые, различно преломляющіеся и различно окрашенные. Явленіе радуги объяснено и средства, позволяющія образовать, или удалять его цвѣта, подчинены вычислению. Электричество, которое было извѣстно только, какъ свойство иѣкоторыхъ веществъ, при треніи ихъ о другія, притягивать легкія тѣла, становится однимъ изъ общихъ явленій вселенной. Причина молніи уже не тайна, и Франклінъ открывается людямъ искусствомъ ее отводить или направлять по своему желанію. Вводятся въ употребленіе новые инструменты для измѣренія колебаній вѣса атмосферы, измѣненій влажности воздуха и градусовъ температуры тѣла. Новая наука, подъ названіемъ метеорологии, учитъ познавать, иногда предвидѣть, явленія атмосферы, законы которыхъ, теперь еще неизвѣстные, она позволитъ намъ со временемъ открыть.

Представляя картину этихъ открытій, мы покажемъ, какъ методы, которыми руководились физики въ своихъ изслѣдованияхъ, очищались и совершенствовались; какъ искусство производить опыты, изготавливать физические приборы послѣдовательно достигало все большей точности; такъ что физика, не только каждый день обогащалась новыми истинами, но что истини, уже доказанныя, пріобрѣли гораздо больше достовѣрности; что не только была замѣчена и анализирована масса новыхъ фактovъ, но что всѣ были подчинены, въ ихъ подробностяхъ, измѣреніямъ болѣе строгимъ.

Физикѣ приходилось бороться только съ схоластическими предразсудками и столь соблазнительными для лѣни общими гипотезами. Другія препятствія замедляли прогрессъ химіи. Предполагалось, что она должна дать секретъ изготошенія золота и тайну бессмертія.

Великіе интересы дѣлаютъ человѣка суевѣрнымъ. Не допускали мысли, чтобы такія недежды, которыя выражали дѣй наиболѣе сильныя страсти дюжинныхъ натуръ и возбуждали также страсть къ славѣ, могли бы быть осуществлены обык-

новенными средствами; и весь сумасбродства, которых вздорная легковѣрность когда-либо изобрѣла, казалось, соединились въ головахъ химиковъ.

Но эти химеры постепенно уступали мѣсто механической философіи Декарта, которая была также скоро отброшена и замѣнена истинно экспериментальной химіей. Наблюденіе явленій, сопровождающихъ соединенія и разложенія тѣлъ, изслѣдованіе законовъ этихъ операций, анализъ веществъ на простѣйшия элементы, приобрѣтали все возрастающія точность и строгость.

Но къ успѣхамъ химіи нужно добавить иѣкоторые изъ тѣхъ усовершенствованій, которыхъ, обнимая всю систему какои-либо науки, занимаясь болѣе распространениемъ ея методовъ, чѣмъ увеличенiemъ количества, заключающихся въ ней истинъ, предвѣщаютъ и подготавлиаютъ счастливый переворотъ. Таково было открытие новыхъ способовъ удерживать и подвергать опытамъ газы, которые до тѣхъ порь были недоступны изслѣдованию; открытие, которое, позволив оперировать надъ цѣльнымъ классомъ новыхъ существъ и надъ уже извѣстными, уменьшенними до состоянія, когда они ускользали отъ нашихъ изслѣдований и добавляя почти ко всѣмъ сочетаніямъ одинъ элементъ сверхъ, измѣнило, такъ сказать, всю систему химіи. Таково было образование языка, где названія, означающія вещества, выражаютъ то отношеніе, или различіе веществъ, имѣющихъ общий элементъ, то классъ, къ которому они принадлежатъ. Таковы были также и употребленіе научной письменности, где вещества представлены аналитически комбинированными буквами, посредствомъ которой можно выразить даже простѣйшія операции и общіе законы химического средства, и пользованіе всѣми средствами, всѣми приборами, которые служатъ въ физикѣ для вычисленія со строгой точностью результатъ опытовъ, и, наконецъ, примененіе математики къ явленіямъ кристаллизациіи, къ законамъ, согласно которымъ элементы извѣстныхъ тѣлъ, соединяясь, принимаютъ правильныя и постоянныя формы.

Люди, которые долгое время, отнюдь не стремясь познать образованіе земного шара, умѣли объяснить его только суевѣрными, или философскими бреднями, почувствовали наконецъ необходимость изучить съ сугубымъ вниманіемъ, какъ на его поверхности, такъ и въ той его внутренней части, куда потреб-

ности заставляли ихъ проникать,—и вещества тамъ находящіяся и ихъ случайное, или правильное распределеніе, и расположение массъ, ими образованныхъ. Они научились распознавать слѣды медленного и продолжительного дѣйствія морской воды, земныхъ водъ и огня; отличать часть поверхности и виѣшней земной коры, гдѣ неровности, расположение, находящихся тамъ веществъ и часто сами эти вещества, являются продуктомъ дѣйствія огня, земныхъ и морскихъ водъ, отъ другой части земного шара, образованной преимущественно изъ разнородныхъ веществъ и посыпкой печать болѣе древнихъ революцій, факторы которыхъ намъ еще неизвѣстны.

Минералы, растенія, животные раздѣляются на множества видовъ, представители которыхъ различаются незамѣтными и переходящими особенностями, или обусловленными чисто мѣстными причинами: многіе изъ этихъ видовъ имѣютъ большее или меньшее количество общихъ качествъ, которые служатъ для установленія послѣдовательныхъ и все болѣе и болѣе обширныхъ дѣленій. Натуралисты научились методически классифицировать индивидовъ по ихъ опредѣленнымъ, легко замѣчаемымъ признакамъ,—единственное средство ориентироваться въ этомъ безчисленномъ множествѣ различныхъ существъ. Эти методы являются родомъ реального языка, гдѣ каждый предметъ означенъ иѣкоторыми изъ его наиболѣе постоянныхъ качествъ и посредствомъ котораго, зная эти качества, можно находить въ условномъ языкѣ название предмета. Эти самыя языки, когда они хорошо составлены, показываютъ еще, каковы, для каждого класса естественныхъ существъ, дѣйствительно-существенные качества, наличность которыхъ влечетъ за собой болѣе или менѣе полное сходство въ ихъ остальныхъ свойствахъ.

Если высокомѣріе, которое увеличиваетъ въ глазахъ людей предметы исключительной науки и трудно усваиваемыхъ знаній, приписывало иногда этимъ методамъ переувеличенное значеніе и принимало за самую науку то, что было только въ иѣкоторомъ родѣ словаремъ и грамматикой ея реального языка, то часто также, вслѣдствіе переувеличенія обратнаго смысла, ложная философія слишкомъ низводила эти методы, смѣшивая ихъ съ произвольными номенклатурами, какъ и съ бесполезными и тяжеловѣсными компиляціями.

Химіческий анализъ веществъ, доставляемыхъ тремя великими царствами природы, описание ихъ виѣшней формы, изложение ихъ физическихъ качествъ, ихъ обыкновенныхъ свойствъ; исторія развитія организованныхъ тѣлъ, животныхъ и растеній, ихъ питанія, ихъ размноженія, подробности ихъ организаціи, анатомія ихъ различныхъ частей, функции каждой изъ нихъ, исторія правовъ животныхъ, ихъ промысловъ для доставленія себѣ пищи, убѣжища, жилища; описание пріемовъ, къ которымъ они прибегаютъ, преслѣдуя свою добычу, нап спасаясь отъ своихъ враговъ; общества, состоящія изъ семьи, или вида, образующіяся между ними; эта масса истинъ, обнаруживающихся, при обозрѣніи неизмѣримой цѣни существъ; отношенія между ея послѣдовательными звенями, отъ грубой матеріи на самой низкой ступени организаціи, отъ организованной частицы до той твари, у которой замѣчаются первые признаки чувствительности и самопроизвольного движенія; наконецъ, отъ послѣдней до человѣка; отношенія всѣхъ существъ къ человѣку, какъ относительно его потребностей, такъ и въ сходныхъ чертахъ, приближающихъ его къ нимъ, или въ различіяхъ, которыя его отъ нихъ отдѣляютъ: такова картина, которую представляетъ намъ теперь естественная исторія.

Физический человѣкъ является самъ предметомъ отдѣльной науки — *анатоміи*, заключающей въ своемъ широкомъ смыслѣ физіологію. Эта наука, развитіе которой замедлялось вслѣдствіе суевѣрнаго уваженія къ мертвымъ, воспользовалась общимъ ослабленіемъ предразсудковъ и удачно противопоставила послѣднимъ интересъ сохраненія труповъ, обѣщавшій ей помошь сильныхъ мира. Ея прогрессъ былъ таковъ, что она кажется, какъ-бы исчерпанной, ожидающей болѣе совершенныхъ инструментовъ и новыхъ методовъ, занятой почти исключительно отысканіемъ, путемъ сравненія частей животныхъ и человѣка, органовъ общихъ различнымъ видамъ, формъ, въ которыхъ выливаются аналогичныя функции послѣднихъ,— истинъ, которая прямое наблюденіе человѣка теперь, какъ будто, отвергаетъ. Почти все, что глазъ наблюдателя, вооруженный микроскопомъ, могъ замѣтить, уже открыто. Анатомія, повидимому, нуждается въ помощи опытovъ, столь полезной для успѣховъ другихъ наукъ, и природа предмета, подлежа-

щаго ея изслѣдованию, лишаетъ ее этого средства, необходимаго теперь для ея совершенствованія.

Циркуляція крови была давно известна, но расположение сосудовъ, носящихъ влагу, предназначенную, смѣшиваясь съ ней, возмѣщать ея потери, но существование желудочного сока, приводящаго пищу въ состояніе разложенія, необходимое для приготовленія части, способной ассимилироваться съ живыми жидкостями, съ организованной матеріей; но измѣненія, которыя испытываютъ различныя части, различные органы какъ въ періодѣ, отдѣляющемъ зачатіе отъ рожденія, такъ и начиная съ этого момента, въ различныхъ возрастахъ жизни; но отличіе частей, надѣленныхъ чувствительностью, или раздражительностью — свойство открытое Галлеромъ и общее почти всѣмъ органическимъ существамъ, — вотъ то, что физіология сумѣла открыть въ эту блестящую эпоху, опираясь на данныя, добытыя наблюденіями; и столько важныхъ истинъ обязано своей известностью этимъ механическимъ, химическимъ и органическимъ объясненіямъ, которыя, слѣдуя поочередно другъ за другомъ, обременяли науку гипотезами, гибельными для ея прогресса, опасными, когда ихъ примѣненіе распространяется на медицину.

Къ картинѣ науки должна присоединиться картина искусствъ, которыя, опираясь на послѣднія, пошли болѣе вѣрнымъ путемъ и разбили изъ нихъ, которыми рутинा до тѣхъ поръ ихъ сковывала.

Мы покажемъ, какое влияніе прогрессъ механики, астрономіи, оптики и искусства измѣрилъ время, оказалъ на искусства строить, приводить въ движеніе и управлять кораблями. Мы объяснимъ, какъ увеличеніе числа наблюдателей, большая ловкость мореплавателя, болѣе строгая точность въ астрономическихъ опредѣленіяхъ положеній и въ топографическихъ методахъ, позволили, наконецъ, узнать нашу планету, еще почти неизвѣстную къ концу послѣднаго вѣка; насколько механическія искусства, въ собственномъ смыслѣ, обязаны своимъ усовершенствованіемъ производству инструментовъ, машинъ, постройкъ мастерскихъ, и послѣднія своимъ развитіемъ обязаны прогрессу рациональной механики и физики; то, чѣмъ эти самыя искусства обязаны наукѣ, давшей возможность употреблять уже извѣстные двигатели съ меньшими издержками и меньшей потерей, или изобрѣтенію новыхъ двигателей.

Мы увидимъ, что архитектура черпаетъ въ наукѣ о равноте и теоріи жидкостей средства придать сводамъ болѣе удобныя и менѣе разорительныя формы, не рискуя нарушить прочность построекъ; строить заграждѣнія для водъ болѣе вѣрно вычисленныя, направлять ихъ теченіе, использовать ихъ въ каналахъ съ большимъ искусствомъ и большимъ успѣхомъ.

Мы увидимъ также, что химія обогащается новыми процессами; что старые методы очищаются, упрощаются, освобождаясь отъ всего того, чѣмъ обременила ихъ рутинा, отъ бесполезныхъ, или вредныхъ веществъ, отъ напрасныхъ, или несовершенныхъ практическихъ пріемовъ; между тѣмъ какъ, въ то же самое время, находили средства предупреждать нѣ которыхъ опасности, часто ужасныя, которымъ подвергаются рабочіе, занятые въ производствѣ химическихъ продуктовъ; и что, такимъ образомъ, доставляя больше наслажденія, больше богатствъ, оно не заставляло уже покупать ихъ цѣною столькихъ прискорбныхъ жертвъ и столькихъ угрызений совѣсти.

Между тѣмъ, химія, ботаника, естественная исторія распространили плодотворный свѣтъ на сельско-хозяйственную промышленность, на культуру растеній, предназначенныхъ удовлетворять наши различныя потребности, на искусство кормить, размножать и сохранять домашнихъ животныхъ, улучшать породы и продукты; на способы приготовленія, сохраненія земныхъ плодовъ, или съѣстныхъ припасовъ, доставляемыхъ намъ животными.

Хирургія и фармація становятся почти новыми искусствами, съ того момента, когда онѣ начали черпать въ анатоміи и химії болѣе ясныя, болѣе вѣрныя указанія.

Медицина, которая на практикѣ должна разматриваться, какъ искусство освобождается, по крайней мѣрѣ, отъ своихъ ложныхъ теорій, отъ своего педантическаго жаргона, отъ своей мертвящей рутины, отъ своего рабскаго подчиненія авторитету людей, факультетскимъ ученіямъ; она научается вѣрить только опыту. Она умножаетъ свои средства; она умѣеть лучше ихъ сочетать и ими пользоваться; и если ея успѣхи, въ пѣкоторыхъ частяхъ, носятъ характеръ отрицательный, если они выражаются въ уничтоженіи опасныхъ практическихъ пріемовъ, вредныхъ предразсудковъ, то новые методы изученія

химической медицины и солетанія наблюденій предвѣщають болѣе реальный, болѣе обширный прогрессъ.

Мы въ особенности постараемся прослѣдить движение генія наукъ, который, то нисходя оть абстрактной и глубокой теоріи до ученыхъ и тонкихъ примѣненій; упрощая затѣмъ свои средства, соразмѣряя ихъ съ потребностями, въ конечномъ итогѣ распространяетъ свое благотворное вліяніе на наиболѣе простыя практическія приложенія, и то пробужденій потребностями этой самой практики, ищеть въ наиболѣе возвышенныхъ спекуляціяхъ источникъ, недоступныхъ при обыкновенномъ состояніи знаній.

Мы покажемъ, что декламаціи о безполезности теорій, даже для самыхъ простыхъ ремесль, доказывали всегда только невѣжество фразеровъ. Что отнюдь не глубокомысленности этихъ теорій, а, напротивъ, ихъ несовершенству нужно приписать безполезность, или гибельные послѣдствія столькихъ неудачныхъ примѣненій.

Эти наблюденія приведутъ нась къ той общей истинѣ, что во всѣхъ искусствахъ теоретические принципы по необходимости видоизмѣнены на практикѣ; что существуютъ дѣйствительно неизбѣжныя неточности, вліяніе которыхъ нужно стараться сдѣлать нечувствительнымъ, не предаваясь химерической надеждѣ ихъ предупреждать; что большое количество данныхъ, относящихся къ потребностямъ, средствамъ, времени, издержкамъ, по необходимости пренебрегаемыхъ въ теоріи, должны быть приняты во вниманіе, при непосредственномъ и дѣйствительномъ практическомъ примѣненіи этой теоріи; и что, наконецъ, вводя эти данные съ ловкостью, являющейся настоящимъ геніемъ практики, можно одновременно расширить тѣсные границы, гдѣ предразсудки противъ теоріи угрожаютъ задержать искусства и предупредить ошибки, которыхъ могли бы имѣть мѣсто при неумѣломъ приложеніи теоріи.

Для успѣшнаго своего распространенія раздѣлившіяся науки должны были между собой сближаться, между ними должны были образоваться точки соприкосновенія.

Изложеніе прогресса каждой науки было бы достаточно, чтобы показать, какова была для многихъ польза непосредственного приложенія вычисленія; насколько послѣднее могло употребляться почти во всѣхъ, чтобы придать опытамъ и на-

блюдениямъ больше точности, то, чѣмъ онъ обязаны механикѣ давшей имъ болѣе совершенные, болѣе вѣрные инструменты; насколько изобрѣтеніе микроскоповъ и метеорологическихъ приборовъ способствовало совершенствованію естественной исторіи: то, чѣмъ эта наука обязана химії, которая одна только могла привести къ болѣе глубокому познанію, рассматриваемыхъ ею предметовъ; открывая ей наиболѣе скрытую природу послѣднихъ, ихъ наиболѣе существенные различія, показывая ей соединенія и элементы; между тѣмъ какъ естественная исторія доставляла химії столько продуктовъ, которые необходимо было отдѣлять и собирать, столько операций, подлежащихъ исполненію, столько сочетаній, образованныхъ природой, дѣйствительные элементы которыхъ нужно было выдѣлять, и иногда открывать тайну этихъ соединеній или даже искусственно воспроизводить ихъ; наконецъ, какую взаимную помошь оказывали другъ другу физика и химія и что алхимія уже почернила или изъ естественной исторіи, или изъ этихъ наукъ.

Но мы изложили бы лишь самую незначительную часть выгодъ, которыми уже извлечены, которыхъ можно ожидать отъ этого примѣненія. Многіе геометры предложили общіе методы находить, на основаніи наблюдений, эмпирические законы явлений, методы, которые распространяются одинаково на всѣ науки, ибо могутъ равнымъ образомъ привести къ открытію, какъ закона послѣдовательныхъ значеній какой либо величины для ряда моментовъ, или положеній, такъ и закона, согласно которому распредѣляются или различные свойства, или различные значения подобного качества между даннымъ количествомъ предметовъ.

Уже некоторые примѣненія доказали, что науку о сочетаніяхъ можно успешно употреблять для расположения наблюдений въ порядкѣ, позволяющемъ улавливать съ большей легкостью отношенія, результаты и цѣлое.

Примѣненія теоріи вѣроятностей показываютъ насколько они могутъ способствовать прогрессу другихъ наукъ; здѣсь, опредѣляя правдоподобіе необыкновенныхъ фактовъ, и научая судить должны ли они отбрасываться, или, напротивъ, заслуживаютъ быть пропрѣренными; тамъ, вычисляя вѣроятніе постепенного повторенія этихъ фактовъ, наблюдающихся въ практикѣ искусствъ и которые сами не связаны ни съ какимъ по-

рядкомъ, рассматриваемымъ уже какъ общій законъ; таково, напримѣръ, въ медицинѣ спасительное дѣйствіе иѣкоторыхъ лекарствъ, успѣхъ иѣкоторыхъ предохранительныхъ средствъ. Эти примѣненія показываютъ намъ еще, какова вѣроятность, что совокупность явлений обусловлена волей разумного существа; того, что зависитъ отъ другихъ явлений, существующихъ съ нимъ, или предшествовавшихъ ему и того, что должно быть приписано необходимой и неизвѣстной причинѣ, называемой случаемъ; слово, истинный смыслъ котораго можно понять только посредствомъ изученія этого исчисленія.

Эти примѣненія, равнымъ образомъ, научили распознавать различныя степени достовѣрности, гдѣ мы можемъ надѣяться достигнуть правдоподобія. Согласно послѣднему мы можемъ принять мнѣніе, сдѣлать его основаніемъ нашихъ разсужденій, не нарушая правъ разума и правила нашего поведенія, не погрѣша противъ мудрости, или не оскорбляя чувства справедливости. Они показываютъ, каковы преимущества, или неудобства различныхъ формъ выборовъ, засвояможныхъ способовъ рѣшеній, принимаемыхъ большинствомъ голосовъ; различныя степени вѣроятности, которая могутъ здѣсь имѣть мѣсто; ту, которой общественный интересъ долженъ требовать, сообразно природѣ каждого вопроса; средства, какъ для того, чтобы почти вѣрно получить ее, когда рѣшеніе не необходимо, или когда затрудненія двухъ рѣшеній не равны—опредѣлить, что одно изъ нихъ не можетъ быть законнымъ, пока она остается ниже этой вѣроятности; такъ и для того, чтобы заранѣе быть обезпеченными въ полученіи часто этой самой вѣроятности, когда, напротивъ, рѣшеніе необходимо и когда самое слабое правдоподобіе достаточно, чтобы съ нимъ сообразоваться.

Къ числу этихъ примѣненій можно еще добавить изслѣдованіе вѣроятности фактовъ, необходимое для того, кто своего согласія не можетъ обосновать на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ; вѣроятность, вытекающая или изъ авторитета свидѣтельствъ, или изъ соединенія этихъ фактовъ съ другими, полученными непосредственнымъ наблюденіемъ.

Изслѣдованія продолжительности жизни людей, вліянія, которое оказывается на эту продолжительность различіе половъ, температура климата, профессій, формъ правленія, привычекъ; изслѣдованія смертности, обусловленной различными болѣзнями;

колебаній народонаселенія; о распространенні дѣйствія разныхъ причинъ, вызывающихъ эти измѣненія; о распределеніи этого дѣйствія въ каждой странѣ сообразно возрастамъ, поламъ, занятіямъ,—насколько всѣ эти изслѣдованія могли бы быть полезны для изученія физики человѣка, для медицины, для общественной экономіи!

Какъ плодотворно общественная экономія могла бы использовать эти самыя вычислениія для учрежденія пожизненныхъ доходовъ, возрастающей пожизненной ренты, сберегательныхъ кассъ, фондовъ помощи бѣднымъ, страховыхъ обществъ всякаго рода!

Примѣненіе вычислениія развѣ не является также необходимымъ къ той части общественной экономіи, которая обнимаетъ теорію мѣръ, монетъ, банковъ и финансовыхъ операций; наконецъ, теорію налоговъ, ихъ распределеніе, установленное закономъ,—отъ котораго столь часто уклоняется ихъ дѣйствительная раскладка,—ихъ вліяній на неѣ части соціальной системы?

Сколько важныхъ вопросовъ этой самой науки могло быть правильно разрѣшено лишь при помощи знаній, пріобрѣтенныхъ въ области естественной исторіи, земледѣлія, физики растеній, механическихъ, или химическихъ искусствъ!

Однимъ словомъ, таковъ быль общій прогрессъ наукъ, и нѣтъ, такъ сказать, ни одной, которую можно было бы обніять—всесцѣло въ ея принципахъ, въ ея подробностяхъ, не будучи вынужденнымъ прибѣгать къ помощи всѣхъ другихъ.

Представляя эту картину, какъ новыхъ истинъ, которыми обогатилась каждая наука, такъ и того, чѣмъ каждая обязана примѣнѣнию теорій или методовъ, которые, казалось, скорѣе приспособлены къ знаніямъ другого порядка, мы прослѣдимъ, каковы сущность и предѣль истинъ, къ которымъ наблюдение, опытъ, размышленіе могутъ насть привести въ каждой наукѣ. Мы разсмотримъ, равнымъ образомъ, и то, въ чѣмъ, собственно, заключается, для каждой изъ нихъ, даръ изобрѣтенія—эта первая способность человѣческаго ума, названная *гениемъ*; посредствомъ какихъ операций разумъ можетъ достигнуть, намѣченныхъ имъ открытій, или иногда натолкнуться на тѣ, которыхъ онъ не искалъ, которыхъ онъ не могъ даже предвидѣть. Мы покажемъ, какимъ образомъ методы, приводящіе насть къ откры-

тіамъ, могутъ исчерпаться, такъ что наука вынуждена была бы, нѣкоторымъ образомъ, остановиться, еслибы новые методы не снабдили генія новымъ орудіемъ, или облегчили ему пользованіе тѣми, которыя онъ можетъ употреблять теперь, лишь затрачивая слишкомъ много времени и трудовъ.

Если бы мы ограничились перечисленіемъ выгодъ, которыя были извлечены изъ непосредственнаго пользованія науками, или изъ примѣненія ихъ къ искусствамъ, какъ для блага отдельныхъ людей, такъ и для благосостоянія цацій, намъ удалось бы показать лишь незначительную часть ихъ благодѣяній. Наиболѣе важное, можетъ быть, заключается въ томъ, что онъ разрушили предразсудки и какъ бы изощрили человѣческій умъ, вынужденный ступать по ложнымъ направлѣніямъ, которыя приводили его къ нелѣпымъ вѣрованіямъ, передаваемымъ каждому поколѣнію въ его младенчествѣ вмѣстѣ съ ужасами суеты и страхомъ тираніи.

Всѣ заблужденія въ политицѣ и морали покоятся на заблужденіяхъ философскихъ, которыми въ свою очередь связаны съ заблужденіями въ области физики. Нѣть ни одной религіозной системы, ни одной сверхестественной нелѣпости, которая не основывались бы на незнаніи законовъ природы. Изобрѣтатели и защитники этихъ нелѣпостей не могли предвидѣть полѣдовательного совершенствованія человѣческаго разума. Убѣжденные, что люди знали въ ихъ время все то, что они могли когда-нибудь узнать и будуть всегда вѣрить въ то, что тогда составляло предметъ ихъ вѣры, они самонадѣянно обосновывали свои бредни на общихъ возврѣніяхъ своей страны и своего вѣка.

Прогрессъ физическихъ знаній тѣмъ болѣе гибеленъ для этихъ заблужденій, что они разрушаютъ ихъ, не нападая на нихъ прямо и подвергая тѣхъ, которые упрямно ихъ защищаютъ, унизительной насмѣшкѣ въ невѣжествѣ.

Въ то же время привычка справедливо разсуждать о предметахъ этихъ наукъ, точныя идеи, которыя даютъ ихъ методы, средства познать или доказать истину должны естественно привести къ сравненію чувства, заставляющаго насть соглашаться на возврѣнія, основанныя на реальныхъ мотивахъ достовѣрности съ тѣмъ, которое привязываетъ насть къ предразсудкамъ привычки, или заставляетъ насть отступать предъ

авторитетомъ; и это сравненіе достаточно, чтобы внушить сомнѣніе къ этимъ послѣднимъ воззрѣніямъ, чтобы дать понять, что въ нихъ не вѣрить даже тогда, когда обѣ этомъ громко заявляютъ, когда ихъ исповѣдуютъ съ наиболѣе чистой искренностью. А разъ этотъ секретъ открыть, ихъ разрушеніе становится быстрымъ и вѣрнымъ.

Наконецъ, это движение физическихъ наукъ, которое страсти и интересъ не могутъ нарушить, гдѣ происхожденіе, профессія, общественное положеніе не даютъ права судить о томъ, чего вы не въ состояніи понимать; это движение, болѣе вѣрное, не могло быть замѣчено, если бы просвѣщенные люди не стремились въ другихъ наукахъ безпрестанно къ нему приближаться; оно имъ доставляло для каждого шага образецъ, которому они должны были слѣдовать, согласно которому они могли судить о своихъ собственныхъ усиленіяхъ, распознавать ложные пути, куда они могли бы уклониться, предохранять себя отъ скептицизма, какъ и отъ легковѣрія, отъ слѣпой недовѣрчивости и отъ слишкомъ безусловнаго подчиненія даже научному или признанному авторитету.

Безъ сомнѣнія, метафизический анализъ приводилъ къ тѣмъ же результатамъ; но эта наука давала только абстрактныя правила, и здѣсь эти самые абстрактныя принципы, примѣненные на практикѣ, были освѣщены примѣромъ и укрѣплены успѣхомъ.

До этой эпохи науки были неотчуждаемыя достояніемъ нѣкоторыхъ людей; онѣ уже стали общедоступными, и приближается моментъ, когда ихъ элементы, ихъ принципы, ихъ простѣйшіе методы станутъ истинно народными. Именно тогда ихъ приложеніе къ искусствамъ, ихъ влияніе на общую справедливость умовъ будутъ поистинѣ общеполезны.

Мы прослѣдимъ прогрессъ европейскихъ націй въ области образования, какъ начального, такъ и высшаго; прогрессъ до сихъ порь слабый, если рассматривать только философскую систему этого образования, которая почти всюду проникнута еще схоластическими предразсудками; но чрезвычайно быстрый, если принять во вниманіе объемъ и природу предметовъ обучения, которое, обнимая теперь почти только реальнаяя знанія, заключаетъ въ себѣ элементы почти всѣхъ наукъ, между тѣмъ какъ люди всѣхъ возрастовъ находятъ въ словаряхъ, въ кон-

спектакль, въ газетахъ необходимыя имъ знанія, хотя бы они были не всегда достаточно чисты.

Мы изслѣдуемъ вопросъ о полезности присоединенія устнаго преподаванія наукъ къ образованію, получаемому непосредственно изъ книгъ и путемъ изученія; обусловлена ли какая либо выгода тѣмъ обстоятельствомъ, что компилятивный трудъ сталъ настоящимъ ремесломъ и средствомъ существованія, обстоятельство, благодаря которому умножилось чило посредственныхъ произведеній, но въ то же время увеличилось для мало образованныхъ людей средства приобрѣтать общія знанія. Мы покажемъ, каково было влияніе на прогрессъ человѣческаго разума ученыхъ обществъ, являющихся той оградой, которую еще долго полезно будетъ противостоять шарлатанству и ложной учености; наконецъ, мы начертаемъ исторію поощреній, данныхъ правительствами прогрессу человѣческаго разума и препятствій, созданныхъ ими на его пути, часто въ той же странѣ и въ ту же эпоху; мы покажемъ, какими предразсудками или какими принципами маккіавелизма они руководствовались, задерживая движеніе умовъ къ истинѣ; какими корыстными политическими цѣлями, или даже преслѣдующими общественное благо, задавались они, когда, казалось, они, напротивъ, хотѣли ускорить его и покровительствовать ему.

Картина изящныхъ искусствъ представляеть не менѣе блестящіе результаты. Музыка стала въ нѣкоторомъ родѣ новымъ искусствомъ, именно въ то время, когда наука о сочетаніяхъ и примѣненіе вычислений къ вибраціямъ звучащихъ тѣлъ и колебаніями воздуха освѣтили ея теорію. Живопись, которая уже перешла изъ Италии въ Фландрію, Испанію, Францію, возвысилась въ послѣдней странѣ до той самой степени совершенства, на которую она поднялась въ Италии въ прошедшую эпоху и расцвѣла тамъ еще пышнѣе, чѣмъ въ самой Италии. Искусство нашихъ художниковъ не уступаетъ искусству Рафаэля и Каррасса. Всѣ ихъ приемы, сохранившіеся въ школахъ, не только не забыты, но еще болѣе распространены. Тѣмъ не менѣе, однако, протекло слишкомъ много времени, не давшаго равнаго имъ генія, чтобы эту долгую безплодность можно было приписать только случаю. Это не потому, что средства искусства исчерпаны, хотя достигнуть большого успѣха было бы дѣйствительно трудно. Это также не потому, что при-

рода не надѣлила насъ органами столь же совершенными, какъ у итальянцевъ шестнадцатаго вѣка; но единственно измѣненіемъ въ политикѣ и нравахъ нужно приписать, не упадокъ искусства, но слабость его произведеній.

Изящная литература, разрабатывавшаяся въ Италии съ меньшимъ успѣхомъ, не вырождалась, однако, тамъ, совершила на французскомъ языкѣ прогрессъ, доставившій ему честь стать въ иѣкоторомъ родѣ языккомъ всесеверо-европейскимъ.

Трагедія въ рукахъ Корнеля, Расина, Вольтера, послѣдовательно развиваясь, достигла совершенства до тѣхъ поръ неизвѣстнаго. Комедія, благодаря Мольеру, была быстро возведена на высоту, на которую она ни у одной націи не могла еще подняться *).

Въ Англіи, съ начала этой эпохи, и въ болѣе близкое къ намъ время, въ Германіи, языкъ совершился. Поззія и проза были подчинены, но съ менышею покорностию, чѣмъ во Франціи, тѣмъ всеобщимъ правиламъ разума и природы, которыя должны ими управлять. Они одинаково истинны для всѣхъ языковъ, для всѣхъ народовъ, хотя до сихъ поръ лишь небольшое число изъ нихъ могло ихъ познать и возвыситься до того справедливаго и вѣриаго вкуса, являющагося чувственнымъ выражениемъ этихъ самыхъ правиль, которымъ проникнуты произведенія Софокла и Виргилія, какъ и сочиненія Пона или Вольтера; который училъ грековъ, римлянъ, какъ и французовъ, поражаться тѣми же красотами и возмущаться тѣми же уродствами.

Мы покажемъ то, что въ каждой націи поддерживало или замедляло прогрессъ этихъ искусствъ; въ силу какихъ причинъ различные виды поэзіи, или прозы достигли въ разныхъ странахъ столь неравнаго совершенства, и какимъ образомъ эти всеобщія правила могутъ, не нарушая даже своихъ основныхъ принциповъ, видоизмѣняться, въ зависимости отъ нравовъ, возвѣній народовъ, которые должны пользоваться произведеніями этихъ искусствъ и сообразно употребленію, которому предназначены ихъ различные виды. Такъ, напримѣръ, трагедія, рассказываемая каждый день въ небольшомъ залѣ при ограниченномъ количествѣ зрителей, не можетъ имѣть тѣхъ самыхъ

*) Въ патріотическомъ увлечении Кондорсе забываетъ...
Шекспира.
Ред.

практическихъ правилъ, что трагедія, распѣваемая въ не-обозримомъ театрѣ, въ дни торжественныхъ праздниковъ, въ присутствіи всего народа. Мы попытаемся доказать, что правила вкуса имѣютъ ту же общность, то же постоянство, но способны къ такому же роду видоизмѣненій, какъ и другіе законы вселенной—моральные и физические—когда ихъ нужно примѣнять непосредственно на практикѣ къ употребительному искусству.

Мы покажемъ, какъ печать, умножая, распространяя произведенія, даже предназначенные къ чтенію, или представлению публично, доставляла ихъ количеству читателей несравненно большему числу слушателей; что, такъ какъ почти всѣ рѣшенія, принятые въ многочисленныхъ собраніяхъ, опредѣлялись образованіемъ, полученнымъ ихъ членами изъ чтенія, то въ силу этого, между правилами искусства убѣждать у древнихъ и у новѣйшихъ народовъ, должны были образоваться различія аналогичныя разницѣ между эффектомъ, который оно должно производить и средствомъ, которымъ оно для этого пользуется; какъ, наконецъ, даже у древнихъ народовъ ограничивались чтенiemъ сочиненій, по исторіи, или по философіи; что легкость, съ которой изобрѣтеніе книгопечатанія позволяетъ предаваться подробнымъ изложеніямъ, должна была также вліять на эти самыя правила.

Прогресть философіи и наукъ расширилъ и благопріятствовалъ успѣхамъ изящной литературы, а послѣдняя служила для популяризациіи наукъ и философіи. Онѣ оказывали другъ другу взаимную поддержку, не взирая на усилившія невѣжества и гаупости, стремившіяся ихъ разъединить и посѣять между ними вражду. Эрудиція, которую подчиненіе человѣческому авторитету и уваженіе къ предметамъ древности, казалось, обрекли на роль защитницы вредныхъ предразсудковъ, тѣмъ не менѣе помогла ихъ разрушить, ибо наука и философія снабдили ее факеломъ болѣе здоровой критики. Она уже умѣла взвѣшивать авторитеты, сравнивать ихъ между собою; и въ концѣ концовъ подчинила послѣдніе суду разума. Она отбрасывала чудеса, нелѣпые разсказы, факты, противорѣчащіе правдоподобію, критикуя свидѣтельства, на которыхъ они опирались; впослѣдствіи она сумѣла ихъ отбросить вопреки силѣ этихъ свидѣтельствъ, отступая только предъ тѣмъ, которое могло бы

устранить физическое или моральное неправдоподобие необыкновенныхъ фактовъ.

Итакъ, всѣ интеллектуальные занятія людей, какъ бы они не различались по своему предмету, методу, или необходимымъ для нихъ умственнымъ способностямъ, содѣйствовали прогрессу человѣческаго разума. Вся система трудовъ людей, въ самомъ дѣлѣ, подобна хорошо составленному произведенію, части котораго, методически раздѣленныя, должны, тѣмъ не менѣе, быть тѣсно связаны, образовать одно цѣлое и стремиться къ одной цѣли.

Бросая теперь общій взглядъ на человѣческій родъ, мы покажемъ, что открытіе истинныхъ методовъ во всѣхъ наукахъ, обширность, заключающихся въ нихъ теорій, примѣненіе ихъ ко всѣмъ предметамъ природы, ко всѣмъ потребностямъ людей, пути сообщенія, установившіяся между ними, многочисленность контингента лицъ, разрабатывающихъ ихъ, наконецъ, умноженіе печатныхъ станковъ, служатъ достаточной порукой, что отнынѣ ни одна изъ нихъ не можетъ спуститься ниже той ступени, на которую она возведена. Мы дадимъ возможность замѣтить, что принципы философіи, правила свободы, сознаніе истинныхъ правъ человѣка и его дѣйствительныхъ интересовъ распространены среди слишкомъ большого числа націй, руководить въ каждой изъ нихъ возврѣніями слишкомъ большого количества просвѣщенныхъ людей, чтобы можно было бы опасаться, что они когда нибудь-будутъ преданы забвенію.

И какое опасеніе можетъ еще оставаться, видя, что два наиболѣе распространенныхъ языка суть также языки двухъ народовъ, пользующихся наиболѣе полной свободой, наилучше познавшихъ ея принципы; такъ что никакой союзъ тирановъ, никакая изъ возможныхъ политическихъ комбинацій не можетъ помѣшать громко защищать на этихъ двухъ языкахъ права разума, какъ и права свободы?

Но если все намъ говорить за то, что человѣческій родъ не долженъ болѣе впасть въ свое древнее варварство, если все должно настъ укрѣпить противъ той малодушной и извращенной системы, которая обрекаетъ его на вѣчныя колебанія между истиной и заблужденіемъ, свободой и рабствомъ, мы въ то же время видимъ, что свѣтъ знаній освѣщаетъ еще лишь небольшую часть земного шара и что количество людей,

обладающихъ дѣйствительными знаніями, блѣднѣеть предъ массой, коснѣющей въ предразсудкахъ и невѣжествѣ. Мы видимъ обширныя страны, изнывающія въ рабствѣ, гдѣ народы, здѣсь унижены пороками цивилизаціи, развращенность которой замедляетъ ея движеніе, тамъ прозябаютъ еще въ младенчествѣ своихъ первыхъ эпохъ. Мы видимъ, что труды этихъ послѣднихъ лѣтъ много сдѣлали для прогресса человѣческаго разума, но мало для совершенства человѣческаго рода; много для славы человѣка, кое-что для его свободы, почти ничего еще для его счастья. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ наши глаза поражены яркимъ свѣтомъ; но густой мракъ покрываетъ еще необозримый горизонтъ. Душа философа съ утѣшениемъ отды-
хаетъ на немногихъ предметахъ; но зрѣлище тупоумія, рабства, сумасбродства, варварства еще чаще ее удручаеть; и другъ человѣчества можетъ вкусить удовольствіе безъ примѣси, только предаваясь сладкимъ надеждамъ на будущее.

Таковы предметы, которые должны войти въ историческую картину прогресса человѣческаго разума. Представляя ихъ, мы, въ особенности, постараемся показать вліяніе этого прогресса на воззрѣнія, на благосостояніе общей массы различныхъ націй, въ разныхъ эпохахъ ихъ политического существованія; какія истины онѣ знали; отъ какихъ заблужденій онѣ были освобождены; какія добродѣтельныя привычки онѣ переняли, какое новое развитіе ихъ способностей установило болѣе благопріятную соразмѣрность между этими способностями и ихъ потребностями; и, съ противоположной точки зрѣнія, какими предразсудками онѣ порабощались, какія религіозныя, или политическія суевѣрія были у нихъ введены, какими пороками невѣжество, или деспотизмъ развращали ихъ какимъ дѣствіемъ подвергla ихъ жестокость, или ихъ собственный упадокъ.

До сихъ поръ политическая исторія, какъ и исторія философіи и наукъ, была только исторіей нѣсколькихъ людей; то, что дѣйствительно образуетъ человѣческій родъ, масса семействъ, почти всецѣло существующихъ своимъ трудомъ, была забыта: и даже среди тѣхъ, которые, посвящая себя общественной дѣятельности, заботятся не о себѣ самихъ, но обо всемъ обществѣ, задача которыхъ обучать, управлять, защищать и помогать другимъ людямъ, даже въ этомъ классѣ

людей только главари останавливали на себѣ вниманіе историковъ.

Для исторіи отдельныхъ лицъ достаточно собрать факты, но исторія массы людей можетъ опираться только на наблюденія; и чтобы ихъ подобрать, чтобы уловить ихъ существенные черты, нужны уже знанія и почти столько же философскаго образованія, какъ для того, чтобы ихъ умѣло использовать.

Сверхъ того, эти наблюденія имѣютъ здѣсь предметомъ обыкновенныя вещи, которыя бросаются всѣмъ въ глаза, которыя каждый можетъ, если онъ хочетъ, самъ познать. Поэтому почти всѣ собранныя наблюденія сдѣланы путешественниками, иностранцами, ибо эти вещи, столь обыкновенныя для мѣстныхъ людей, становятся для нихъ предметомъ любопытства. Но, къ сожалѣнію, эти путешественники почти всегда не точные наблюдатели; они разсматриваютъ вещи съ слишкомъ большой поспѣшностью,透过 призму предразсудковъ своей страны и часто глазами людей объѣзжаемой ими мѣстности. Они справляются у тѣхъ, съ которыми случайно встрѣтились, и интересъ, партійный духъ, національная гордость, или юморъ почти всегда диктуютъ отвѣтъ.

Такимъ образомъ, не только недобросовѣстность историковъ,— въ чёмъ спрavedливо упрекали авторовъ исторій монархій,— нужно приписать эту скучность памятниковъ, по которымъ можно начертать эту наиболѣе важную часть исторіи людей.

Ихъ можно только несовершенно дополнять знаніемъ законовъ, практическихъ принциповъ правительства и общественной экономіи, или знакомствомъ съ религіями и общими предразсудками.

Въ самомъ дѣлѣ, законъ писанный и дѣйствующій, принципы тѣхъ, которые управляютъ, и формы, въ которыя выливается ихъ дѣйствие въ умахъ управляемыхъ, учрежденіе по идеѣ своихъ основателей и учрежденіе функционирующее, религія книжная и народная, кажущаяся всеобщность предразсудка и дѣйствительное его признаніе, могутъ такъ различаться, что слѣдствія совершенно перестаютъ соотвѣтствовать этимъ извѣстнымъ общественнымъ причинамъ.

Именно на эту часть исторіи человѣческаго рода, наиболѣе темную, наиболѣе пренебрегаемую и для которой памятники

доставляютъ намъ такъ мало матеріаловъ, должно быть обращено особенное вниманіе. Когда здѣсь дается отчетъ объ открытии, о важной теоріи, о новой системѣ законовъ, о политической революціи, то имѣется въ виду опредѣлить, какія слѣдствія должны были отсюда вытекать для наиболѣе многочисленной части каждого общества; ибо это является истиннымъ предметомъ философіи, такъ какъ всѣ промежуточныя дѣйствія этихъ самыхъ причинъ могутъ быть рассматриваемы только какъ средства повлиять въ конечномъ итогѣ на эту часть, дѣйствительно составляющую массу человѣческаго рода.

Именно, достигнувъ этой послѣдней ступени лѣстницы, наблюденіе прошедшихъ событій, какъ и знанія, пріобрѣтенные умозаключеніемъ, становятся по истинѣ полезными. Именно, дойдя до этого предѣла, люди могутъ оцѣнить свои дѣйствительныя права на славу, или испытывать извѣстное удовольствіе отъ прогресса своего разума; только тамъ можно судить о дѣйствительномъ совершенствѣ человѣческаго рода.

Идея—относить все къ этой послѣдней точкѣ—продиктована справедливостью и разумомъ; но были попытки считать ее химерической; между тѣмъ, она отнюдь таковой не является; намъ достаточно доказать это здѣсь двумя поражающими примѣрами.

Обладаніе наиболѣе простыми предметами потребленія, удовлетворяющими съ иѣкоторымъ избыткомъ потребности человѣка, руки котораго оплодотворяютъ нашу почву, обусловлено долгими усилиями промышленности, благопріятствуемой сѣтью наукъ; и отсюда это обладаніе связано исторіей съ побѣдой при Саламинѣ, ибо не будь ея, мракъ восточнаго деспотизма грозилъ покрыть всю землю. Матрость, котораго вѣрное исчисление долготы мѣста предохраняетъ отъ бури, обязана жизнью теоріи, которая въ цѣпи истинъ восходить до открытій, сдѣланныхъ въ школѣ Платона и остававшихся въ теченіе двадцати вѣковъ совершенно бесполезными.

ДЕСЯТАЯ ЭПОХА.

О будущемъ прогрессѣ человѣческаго разума.

Если человѣкъ можетъ, съ почти полной уѣренностью, предсказать явленія, законы которыхъ онъ знаетъ, если даже тогда, когда они ему неизвѣстны, онъ можетъ, на основаніи опыта прошедшаго, предвидѣть съ большой вѣроятностью со- бытія будущаго; то зачѣмъ считать химерическимъ предприятіемъ желаніе начертать съ нѣкоторой правдоподобностью картину будущихъ судебъ человѣческаго рода, по результатамъ его исторіи? Единственнымъ фундаментомъ вѣры въ естественныхъ наукахъ, является идея, что общіе законы, извѣстные, или неизвѣстные, регулирующіе явленія вселенной, необходимы и постоянны; и въ силу какой причины этотъ принципъ былъ бы менѣе вѣрнымъ для развитія интеллектуальныхъ и мораль- ныхъ способностей человѣка, чѣмъ для другихъ операций при- роды? Наконецъ, такъ какъ воззрѣнія, образованныя по опыту прошлаго, относительно вещей того же порядка, суть единствен- ное правило поведенія наиболѣе мудрыхъ людей, почему за- прещать философу укрѣпить свои догадки на томъ-же основа- ніи, лишь бы только онъ не приписывалъ имъ достовѣрности большей той, которая можетъ получиться въ зависимости отъ числа, постоянства и точности наблюдений?

Наши надежды на будущее состояніе человѣческаго рода могутъ быть сведены къ тремъ важнымъ положеніямъ: унич- тоженіе неравенства между націями, прогрессъ равенства между различными классами каждой, наконецъ, дѣйствительное со- вершенствование человѣка Всѣ народы должны-ли однажды приблизиться къ состоянію цивилизациіи, котораго достигли націи наиболѣе просвѣщенные, наиболѣе свободныя, наиболѣе

освобожденныя отъ предразсудковъ, какъ французы и англо-американцы? Это неизмѣримое разстояніе, отдѣляющее послѣднихъ отъ порабощенности націй, подчиненныхъ королямъ, отъ варварства африканскихъ племенъ, отъ невѣжества дикихъ, должно ли оно постепенно исчезать?

Есть-ли на земномъ шарѣ страны, природа которыхъ осудила жителей не наслаждаться никогда свободой, никогда не пользоваться своимъ разумомъ?

Это различіе знаній, средствъ, или богатствъ, наблюдаемое до настоящаго времени между различными классами каждого изъ цивилизованныхъ народовъ, это неравенство, которое изначальный прогрессъ общества увеличилъ и, такъ сказать, со-здалъ, обусловлено-ли оно самой цивилизаціей или современными несовершенствами соціального искусства? Не должно-ли оно безпрестанно ослабляться, чтобы уступить мѣсто тому фактическому равенству—послѣдняя цѣль соціального искусства—которое, уменьшая даже слѣдствія естественного различія способностей, оставляетъ только неравенство, полезное интересу всѣхъ, ибо оно будетъ благопріятствовать прогрессу цивилизаціи, образованія, промышленности, и не повлечетъ за собой ни зависимости, ни униженія, ни обѣднѣнія? Однимъ словомъ, приблизятся-ли люди къ тому состоянію, гдѣ всѣ будутъ обладать знаніями, необходимыми для того, чтобы вести себя въ своихъ повседневныхъ дѣлахъ согласно со своимъ собственнымъ разумомъ и ограждать его отъ предразсудковъ; гдѣ всѣ смогутъ, благодаря развитію своихъ способностей, располагать вѣрными средствами для удовлетворенія своихъ потребностей; гдѣ, наконецъ, тупоуміе и нищета будутъ только случайностями, отнюдь не обыкновеннымъ состояніемъ части общества?

Наконецъ, долженъ-ли человѣческій родъ улучшаться или благодаря новымъ открытиямъ въ наукахъ и искусствахъ и, въ силу необходимаго слѣдствія, — въ средствахъ созданія частнаго благосостоянія и общаго благополучія, или благодаря развитію моральнихъ принциповъ поведенія, или, наконецъ, въ силу дѣйствительного совершенства интеллектуальныхъ, моральныхъ и физическихъ способностей, которое можетъ быть обусловлено или совершенствомъ инструментовъ, увеличивающихъ интенсивность и направляющихъ употребление этихъ

способностей, или даже совершенствомъ естественной организаціи человѣка?

Чтобы отвѣтить на эти три вопроса, мы обратимся къ опыту прошлого, къ наблюденію прогресса, который науки и цивилизациі совершили до сихъ поръ, къ анализу движенія человѣческаго разума и развитій его способностей, гдѣ мы найдемъ наиболѣе сильные мотивы вѣрить, что природа не установила никакого предѣла нашимъ надеждамъ.

Если бросимъ взглядъ на современное состояніе земного шара, мы прежде всего увидимъ, что въ Европѣ, принципы французской конституціи уже усвоены всѣми просвѣщеннымъ людьми. Мы увидимъ, что они адѣлье слишкомъ распространены и слишкомъ громко исповѣдуются, чтобы усилия тирановъ и священниковъ могли бы помѣшать имъ проникать постепенно до хижинъ ихъ рабовъ; и эти принципы пробудить здѣсь скоро остатокъ здраваго смысла и то глухое негодованіе, которое привычка униженія и страхъ не могутъ заглушить нѣ душѣ угнетенныхъ.

Обозрѣвая затѣмъ эти различныя націи, мы увидимъ въ каждой, какія частныя препятствія мѣшаютъ этой революції, или какія обстоятельства ей благопріятствуютъ; мы различимъ тѣ, гдѣ она должна быть проведена мирно, благодаря мудрости, можетъ быть, уже запоздалой, своихъ правительствъ, и тѣ, гдѣ, ставъ болѣе жестокой, вслѣдствіе ихъ сопротивленія, она должна ихъ самихъ увлечь въ своихъ ужасныхъ и быстрыхъ движеніяхъ.

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что мудрость, или безсмысленная рознь европейскихъ націй, благопріятствуя медленнымъ, но вѣрнымъ дѣйствіямъ прогресса ихъ колоній, не создадутъ скоро независимости новаго міра? И тогда европейское населеніе, быстро возрастаю на этой необъятной территории, не должно ли оно просвѣтить, или разсѣять даже безъ завоеванія, дикие народы, занимающіе еще тамъ обширные края?

Просмотрите исторію нашихъ предпріятій, нашихъ учрежденій въ Африкѣ или Азіи, вы увидите что наши торговыя монополіи, наши предательства, наше кровное презрѣніе къ людямъ другого цвета кожи, или другой вѣры, наглость нашихъ захватовъ, сумасбродный прозелитизмъ, или интриги нашихъ священниковъ, заглушаютъ то чувство уваженія и благово-

ленія, которое превосходство нашихъ знаній и преимущества нашей торговли вначалъ къ намъ внушали.

Но моментъ, безъ сомнѣнія, приближается, когда, переставъ показывать имъ только развратителей и тирановъ, мы станемъ для нихъ полезными орудіями, или великодушными освободителями.

Культура свекловицы, примѣняясь на необъятномъ африканскомъ континентѣ, упразднить позорный грабежъ, который разворачиваеть и опустошаеть Африку вотъ уже два вѣка.

Уже въ Великобританіи нѣкоторые друзья человѣчества дали тому примѣръ; и если ихъ правительство, проникнутое макиавелизмомъ, вынужденное уважать общественное мнѣніе, не посмѣло имъ препятствовать, отчего нельзѧ надѣяться, что оно само пойдетъ по этому пути, когда, по реформѣ рабской и продажной конституції, оно станетъ достойнымъ гуманной и великодушной нації? Развѣ Франція не поспѣшила подражать этимъ предпріятіямъ, продиктованнымъ равнымъ образомъ и человѣколюбiemъ, и хорошо понятымъ интересомъ Европы? Бакалейные товары ввозятся на французские острова, въ Гвіану, въ нѣкоторыя англійскія владѣнія, и скоро мы увидимъ паденіе этой монополіи, которую голландцы поддерживали столькими измѣнами, притѣсненіями и преступленіями. Европейскія націи поймутъ, наконецъ, что привилегированныя компаніи суть только новое орудіе тираніи въ рукахъ ихъ правительствъ.

Тогда европейцы, ограничиваясь свободной торговлей, слишкомъ просвѣтленные о своихъ собственныхъ правахъ, чтобы пользоваться чужими, будутъ уважать эту независимость, которую они съ такой дерзостью до сихъ порь нарушали. Ихъ учрежденія вмѣсто того, чтобы наполняться ставленниками правительствъ, которые стремятся использовать свое мѣсто, или привилегію, накопляя посредствомъ грабежа и вѣроломства богатства, дабы, возвратившись въ Европу, купить себѣ почести и титулы,—будутъ привлекать людей искусственныхъ, трудолюбивыхъ, ищущихъ въ этихъ счастливыхъ странахъ достатка, котораго они были лишены на родинѣ. Свобода ихъ тамъ удержитъ; и эти скопища грабителей станутъ колоніями гражданъ, которые распространять въ Африкѣ и Азіи принципы и примѣръ свободы, знанія и разумъ Европы. Мѣсто

монаховъ, вносявшихъ къ этимъ народамъ только позорный суевѣрія и возмущавшихъ ихъ претензіями на новое господство, займутъ люди, заботящіеся о распространеніи среди нихъ истинъ полезныхъ для ихъ счастья, о развитіи у нихъ сознанія своихъ интересовъ, какъ и своихъ правъ. Ревность къ истинѣ тоже страсть, и она направить свои усилия въ эти отдаленные края, когда вблизи ей не придется больше ни бороться съ грубыми предразсудками, ни разсѣивать позорные заблужденія.

Въ этихъ обширныхъ странахъ она найдеть здѣсь многочисленные народы, которые точно ждутъ только того, чтобы мы снабдили ихъ средствами просвѣщенія и жаждутъ встрѣтить въ европейцахъ братьевъ, чтобы стать ихъ друзьями и учениками; тамъ, націи порабощенные духовными деспотами, или безумными завоевателями, которая вотъ уже сколько вѣковъ тщетно зовутъ освободителей; въ другихъ мѣстахъ—почти дикия племена, которая вслѣдствіе суровости климата своей страны лишены благъ цивилизациі, между тѣмъ, какъ эта самая суровость отталкиваетъ равнѣмъ образомъ и тѣхъ, которые желали бы просвѣтить ихъ обѣ ея преимуществахъ, такъ и орды завоевателей, не знающихъ другого закона, кроме силы, другого ремесла, кроме грабежа. Прогрессъ народовъ этихъ двухъ послѣднихъ категорій будетъ болѣе медленнымъ, будетъ сопровождаться болѣшими бурями; можетъ быть даже, что все болѣе уменьшаясь численно, по мѣрѣ наступленія цивилизованныхъ націй, они въ концѣ концовъ незамѣтно исчезнутъ, или растворятся въ средѣ послѣднихъ.

Мы покажемъ, какимъ образомъ эти события будуть неминуемымъ слѣдствіемъ не только прогресса Европы, но даже свободы торговли въ Африкѣ и Азіи, въ которой французская и сѣверо-американская республики дѣйствительно заинтересованы и которую они имѣютъ возможность осуществить; что они должны также неизбѣжно порождаться или новой мудростью европейскихъ націй, или ихъ упрямымъ соблюденiemъ меркантильныхъ предразсудковъ.

Мы покажемъ, что одно только стеченіе обстоятельствъ, новое напастіе татаръ, могло бы помѣшать этой революції, и что отнынѣ ничего подобнаго невозможнo. Между тѣмъ, все подготовляеть быстрое паденіе великихъ восточныхъ религій,

которые, почти всюду, предоставленные народу, раздѣляя унижение своихъ исполнителей, и уже во многихъ странахъ рассматриваемыя сильными элементами населенія только какъ политическая изобрѣтенія, не грозить больше удержать человѣческій разумъ въ безнадежномъ рабствѣ и въ вѣчномъ младенчествѣ.

Движеніе этихъ народовъ было бы болѣе быстрымъ и болѣе вѣрнымъ, чѣмъ наше, ибо они получили бы у насъ готовымъ то, что мы вынуждены были открывать, и для усвоенія этихъ простыхъ истинъ и ясныхъ методовъ, которые намъ удалось познать лишь послѣ долгихъ заблужденій, имъ достаточно было бы умѣть улавливать ихъ развитія и доказательства въ нашихъ рѣчахъ и книгахъ. Если прогрессъ грековъ погибъ для другихъ націй, то въ этомъ нужно винить отсутствіе сообщенія между народами и тираническое господство римлянъ. Но когда взаимныя потребности сближатъ всѣхъ людей, націи наиболѣе могущественные возведутъ въ рангъ своихъ политическихъ принциповъ, равенство между обществами, какъ между отдельными людьми и уваженіе къ независимости слабыхъ государствъ, какъ гуманное отношеніе къ невѣжеству и нищетѣ; когда правила, имѣющія цѣлью сдавить силу человѣческихъ способностей, будутъ замѣнены такими, которыми будутъ благопріятствовать ихъ проявленію и энергіи, возможно ли будетъ тогда бояться, что на земномъ шарѣ останутся пространства недоступныя свѣту, гдѣ надменность деспотизма могла бы противостоять истинѣ долго непреодолимыя преграды!

Настанеть, такимъ образомъ, моментъ, когда солнце будетъ освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кромѣ своего разума; когда тираны и рабы, священники и ихъ глупыя или лицемѣрныя орудія будутъ существовать только въ исторіи, и на театральныхъ сценахъ; когда ими будутъ заниматься только для того, чтобы сожалѣть объ ихъ жертвахъ, и обманутыхъ ими; чтобы ужасъ ихъ эксцессовъ напоминалъ о необходимости быть насторожѣ, чтобы умѣть распознавать и подавлять силой своего разума первые зародыши суевѣрія и тираніи, если бы когда нибудь они осмѣлились вновь показаться.

Обозрѣвая исторію обществъ, мы будемъ имѣть случай по-

казатель, что существует часто большое различие между правами, которые законъ признаетъ за гражданами и тѣми, которыми они дѣйствительно пользуются; между равенствомъ, установленнымъ политическими учрежденіями и фактически существующимъ; мы докажемъ, что это различие было одной изъ главныхъ причинъ уничтоженія свободы въ древнихъ республикахъ, оно вызывало волновавшія ихъ бури и слабость, которыхъ сдѣлали ихъ добычей иноземныхъ тирановъ.

Эти различія обусловлены тремя главными причинами: неравенствомъ богатства, неравенствомъ между состояніемъ того, средства существованія котораго, обеспеченныя ему самому, переходятъ по наслѣдству къ его семейству и состояніемъ того, для котораго обладаніе этими средствами находится въ зависимости отъ продолжительности его жизни, или скорѣе отъ той части жизни, когда онъ способенъ къ труду; наконецъ, неравенствомъ образованія.

Нужно будетъ, такимъ образомъ, показать, что эти три рода реального неравенства должны безпрестанно уменьшаться, не исчезая, однако, ибо причины ихъ естественны и необходимы, которыхъ было бы нецѣло и опасно устранить, и невозможно было бы даже посвѣтиться всецѣло уничтожить ихъ слѣдствія, не открывая въ то же время еще болѣе обильныхъ источниковъ неравенства, не нанося правамъ людей еще болѣе чувствительныхъ и гибельныхъ ударовъ.

Легко доказать, что богатства естественно стремятся къ равенству и ихъ чрезмѣрная непропорціональность, или не можетъ существовать, или должна быстро прекратиться, если гражданские законы не создаютъ искусственныхъ средствъ, упрочивающихъ и накапливающихъ ихъ; если свобода торговли и промышленности анулируетъ преимущество, которое всякий запретительный законъ, всякое фискальное право, даютъ обладателю богатства; если пошлины суть договоровъ, ограниченія ихъ свободы, подчиненіе ихъ стѣснительнымъ формальностямъ, наконецъ, неувѣренность въ ихъ исполненіи и издергки необходимыя, чтобы заставить ихъ исполнять, не останавливаютъ дѣятельности бѣдного и не поглощаютъ его жалкихъ капиталовъ; и общественная администрація не открываетъ нѣкоторымъ людимъ обильныхъ источниковъ наживы, закрытыхъ для остальныхъ гражданъ; если предразсудки и духъ жадности,

свойственный раннему возрасту, не играютъ рѣшающей роли въ бракахъ; если, наконецъ, благодаря простотѣ нравовъ и мудрости учрежденій, богатства не являются болѣе средствами удовлетворенія тщеславія и честолюбія, а злохъ понимаемая суроность, запрещающая использовать ихъ для изысканныхъ удовольствій, не заставляетъ сохранять уже накопленныя.

Сравнимъ у просвѣщенныхъ европейскихъ націй ихъ нынѣшнее населеніе и обширность ихъ территоріи. Присматриваясь къ ихъ культурѣ и промышленности, обратимъ свое вниманіе на распределеніе труда и средствъ существованія, и мы увидимъ, что было бы невозможно сохранить эти средства въ томъ же количествѣ и, въ силу неизбѣжнаго сльдствія, поддержать ту же массу населенія, если бы многочисленный классъ людей не вынужденъ быть удовлетворять свои потребности, или потребности своего семейства, почти исключительно своимъ трудомъ,—ремесленнымъ, или приложеннымъ къ капиталу въ производствѣ. Сохраненіе же одного и другого изъ этихъ источниковъ зависитъ отъ жизни, даже отъ здоровья главы каждого семейства; это въ нѣкоторомъ родѣ по жизненное богатство, или, даже болѣе, зависимое отъ случая; и въ силу этого создается рѣзкое различие между этимъ классомъ людей и тѣмъ, источники существованія котораго отнюдь не подвергаются такимъ-же опасностямъ, и который живеть или земельной рентой, или процентомъ съ капитала почти независимаго отъ профессіи его индивидовъ.

Существуетъ, такимъ образомъ, необходимая причина неравенства, зависимости и даже нищеты, которая безпрестанно угрожаетъ наиболѣе многочисленному и наиболѣе активному классу нашихъ обществъ.

Мы покажемъ, что ее можно въ значительной мѣрѣ ослабить, противопоставивъ случай случаю, гарантируя достигшему старости помошь, образованную его сбереженіями, но увеличенную сбереженіями тѣхъ, которые, производя тѣ-же взносы, умерли раньше, чѣмъ имѣли надобность ихъ использовать; доставляя, посредствомъ подобнаго вознагражденія, женщинамъ, дѣтямъ, въ моментъ, когда первыя потерпаютъ мужа, или вторыя отца, одинаковый источникъ и купленный той-же цѣнной, какъ для семействъ, которыхъ постигаетъ преждевременная смерть, такъ и для тѣхъ, глава которыхъ живеть болѣе про-

должительное время; наконецъ, подготовляя дѣтямъ, достигающимъ возраста, когда могутъ работать на самихъ себѣ и образовать новую семью, выгоду обладанія капиталомъ, необходимымъ для развитія ихъ промысла, и возрастающимъ за счетъ тѣхъ, которымъ слишкомъ ранняя смерть помѣшала дойти до этого состоянія. Именно примѣненію исчисленія къ вѣроятностямъ жизни, къ денежнымъ операціямъ, мы обязаны идеей этихъ средствъ, уже успѣшио употребляемыхъ, но никогда, однако, не употреблявшихся ни въ тѣхъ размѣрахъ, ни съ тѣмъ разнообразiemъ формъ, которые сдѣлали бы ихъ действительно полезными не только для нѣкоторыхъ людей, но для всей массы общества, когда они избавили-бы огромное число семействъ отъ періодического разоренія, всегда возраждающагося источника разврата и нищеты.

Мы покажемъ, что эти учрежденія, которыхъ могутъ быть образованы именемъ соціальной силы, и стать однимъ изъ ея наибольшихъ благодѣйній, могутъ также явиться результатомъ частной ініціативы, ибо общества, прослѣдующія аналогичныи цѣли, будутъ образоваться безъ всякой опасности, когда принципы, согласно которымъ эти учрежденія должны организоваться, станутъ болѣе подчурярными и заблужденія, разрушившія такое множество, не будуть имъ больше угрожать.

Мы укажемъ другія средства обезпеченія этого равенства, путемъ ли народныхъ банковъ, не допуская, чтобы кредитъ продолжалъ быть привилегіей исключительно связанный съ большими богатствомъ, давая ему, однако, не менѣе прочное основаніе, или сдѣлавъ развитіе промышленности и торговли болѣе независимымъ отъ существованія крупныхъ капиталистовъ; и эти средства станутъ возможными опять таки благодаря примѣненію вычисленія.

Равенство образованія, котораго можно надѣяться достигнуть, но которое должно вполнѣ удовлетворить, это то, которое исключаетъ всякую зависимость принудительную, или добровольную. Мы укажемъ, при современномъ состояніи знаній, легкія средства достижения этой цѣли даже тѣми, которые могутъ посвятить наукѣ лишь немногіе годы въ молодости и въ теченіе своей осталльной жизни, — нѣсколько часовъ досуга. Мы покажемъ, что удачнымъ подборомъ самыхъ знаній и методовъ преподаванія можно научить цѣлую народную массу

всему тому, что необходимо знать каждому человѣку для домашнаго хозяйства, для веденія своихъ дѣлъ, для свободнаго развитія своего промысла и своихъ способностей, для познанія своихъ правъ, умѣнья ихъ защищать и осуществлять; чтобы сознавать свои обязанности; чтобы имѣть возможность ихъ хорошо исполнять, чтобы умѣть судить о своихъ и чужихъ поступкахъ на основаніи своихъ собственныхъ знаній и чтобы ему не было чуждо ни одно изъ возвышенныхъ и нѣжныхъ чувствъ, украшающихъ человѣческую природу; чтобы не быть въ слѣпой зависимости отъ тѣхъ, которымъ онъ вынужденъ поручать заботу о своихъ дѣлахъ, или осуществленіе своихъ правъ; чтобы быть въ состояніи ихъ выбирать и за ними наблюдать; чтобы не быть обманутымъ народными заблужденіями, которыя волнуютъ жизнь суевѣрными страхами и наивными надеждами; чтобы защищаться противъ предразсудковъ единственными силами своего разума; наконецъ, чтобы избавиться отъ обаянія шарлатанства, которое разставило бы западню его богатству, здоровью, свободѣ его возврѣній и совѣсти, подъ предлогомъ его обогатить, излѣчить и спасти.

И вотъ, когда жители одной и той же страны не различаются употребленіемъ болѣе грубаго или болѣе тонкаго языка; умѣютъ одинаково исполнять обязанности законодателя или администратора, не ограничиваются механическимъ усвоеніемъ процессовъ искусства и рутины своихъ профессій; не зависятъ, ни въ малѣйшихъ дѣлахъ, ни при полученіи малѣйшаго образования, отъ искусственныхъ людей, которые, въ силу неизбѣжного превосходства, управляютъ страной, тогда должно создаться дѣйствительное равенство, такъ какъ различіе знаній, или талантовъ не можетъ больше вырыть непроходимой пропасти между людьми, которымъ ихъ чувства, идеи и языки позволяютъ другъ друга понимать; изъ которыхъ одни могутъ пожелать учиться у другихъ, не считая нужнымъ руководствоваться ихъ указаніями; могутъ согласиться поручить наиболѣе просвѣщеннымъ заботу управлѣнія, не желая быть вынужденными предоставлять имъ это право со слѣпымъ довѣріемъ.

Именно тогда это превосходство приносить пользу тѣмъ, которые имъ не надѣлены, когда оно существуетъ для нихъ, отнюдь не противъ нихъ. Естественное различіе способностей между людьми, умъ которыхъ совершенно не воспитывался,

порождастъ, даже у дикихъ, шарлатановъ и простаковъ, людей ловкихъ и легко обманываемыхъ; это же различіе существуетъ, безъ сомнѣнія, и въ народѣ, гдѣ образованіе дѣйствительно общее, но оно тамъ существуетъ только между просвѣщенными людьми и тѣми, которые понимаютъ значеніе знаній, не прельщаясь, однако, ими; между талантомъ, или гeniemъ и здравымъ смысломъ, который умѣеть ихъ цѣнить и использовать; и когда бы даже это различіе было гораздо больше, если сравнить только силу и объемъ способностей, оно не стало бы болѣе чувствительнымъ, если сравнить только ихъ проявленія въ отношеніяхъ людей между собой, въ томъ, что касается ихъ независимости и ихъ счастья.

Эти разнообразныя причины равенства не дѣйствуютъ изолировано; они соединяются, смѣшиваются, взаимно поддерживаются и результатомъ ихъ комбинированныхъ вліяній является болѣе сильное, болѣе вѣрное, болѣе постоянное дѣйствіе. Если образованіе болѣе равномѣрно распространено оно порождаетъ большее равенство въ промышленности и отсюда—въ богатствѣ; и равенство богатства неизбѣжно способствуетъ равенству образования, между тѣмъ какъ равенство, которое устанавливается между народами и въ каждомъ въ отдѣльности взаимно вліяютъ еще другъ на друга.

Наконецъ, правильно руководимое образованіе исправляетъ естественное неравенство способностей, вмѣсто того чтобы таковое укрѣпить, подобно тому, какъ хорошиѣ законы ослабляютъ естественное неравенство въ распределеніи средствъ существованія; и, въ обществахъ, гдѣ учрежденія устанавливаютъ это равенство, свобода, хотя подчиненная правильной конституції, будетъ шире, полнѣе чѣмъ въ независимости дикаго состоянія. Тогда соціальное искусство выполнило свою задачу—обеспечить всѣмъ пользованіе общими правами, осуществлять которыя они призваны природой.

Реальные преимущества, какъ результаты прогресса, контуры которого почти ясно вырисовываются, могутъ имѣть предѣломъ только совершенствованіе человѣческаго рода, ибо помѣрѣ того какъ различные роды равенства предоставятъ ему болѣе широкія средства удовлетворенія нашихъ потребностей, дадутъ ему возможность получать болѣе широкое образованіе, позволить ему пользоваться болѣе полной свободой, и чѣмъ дѣйстви-

тельнѣе будетъ это равенство, тѣмъ онъ все болѣе будетъ приблизяться къ моменту, когда сможетъ охватить все то, что дѣйствительно составляетъ счастье людей.

Такимъ образомъ, только изслѣдуя движение и законы этого совершенствованія, мы сумѣемъ опредѣлить размѣръ, или предѣлъ нашихъ надеждъ.

Никто никогда не предполагалъ, что разумъ могъ исчерпать и всѣ факты природы и послѣднія средства точности въ измѣреніи, въ анализѣ этихъ фактovъ, и отношенія предметовъ между собой и всѣ возвождныя сочетанія идей. Одни только отношенія величинъ, сочетанія одной этой идеи, количество или протяженность образуютъ систему уже слишкомъ необыкнѣную, чтобы человѣческий умъ могъ когда нибудь охватить ее всю цѣликомъ, чтобы часть этой системы, всегда болѣе обширная той, которую онъ усвоитъ, не осталась для него навсегда неизвѣстной. Но можно было предположить, что человѣкъ, имѣя возможность познать только часть предметовъ, доступныхъ ему въ силу природы своего ума, долженъ, наконецъ, встрѣтить границу, гдѣ число и сложность тѣхъ, которые онъ знаетъ поглотили бы всѣ его силы и всякий новый прогрессъ стать бы для него дѣйствительно невозможенъ.

Но такъ какъ, по мѣрѣ того какъ факты умножаются, человѣкъ научается классифицировать ихъ, сводить ихъ къ болѣе общимъ фактамъ; такъ какъ инструменты и методы, служащіе для наблюденія и для ихъ вѣрнаго измѣренія, приобрѣтаютъ въ то же время все большую точность; такъ какъ, по мѣрѣ того какъ узнается все большее число отношеній между большими количествомъ предметовъ, достигается возможность сводить эти отношенія къ болѣе распространеннымъ и заключать ихъ въ выраженія болѣе простыя, представлять ихъ въ формахъ, позволяющихъ, даже обладая той же умственной силой и употребляя ту же интенсивность вниманія, обнять гораздо большее количество таковыхъ; такъ какъ, по мѣрѣ того, какъ умъ возвышается къ болѣе сложнымъ сочетаніямъ, болѣе простыя формулы скоро дѣлаютъ ихъ для него легкими, истины, открытіе которыхъ стоило много усилий, которыхъ сначала были доступны пониманію только людей, способныхъ къ глубокимъ размышленіямъ, вскорѣ затѣмъ развиваются и доказываются методами, которые можетъ усвоить обыкновенный умъ. Но если

методы, которые приводят къ новымъ сочетаніямъ исчерпаны, если ихъ примѣненія къ еще не разрѣшеннymъ вопросамъ требуютъ трудовъ, превосходящихъ или время, или силы ученыхъ, то скоро методы болѣе общіе, средства болѣе простыя открываютъ новое поле генію. Пусть сила и реальный объемъ человѣческихъ умовъ останутся тѣми же; но инструменты, которыми они могутъ пользоваться будутъ умножаться и совершенствоваться; но языкъ, укрѣпляющій и опредѣляющій идеи, сможетъ приобрѣсти большую точность, большую общность; но, вмѣсто того какъ въ механикѣ нельзя увеличивать силу, неуменьшая скорости, эти методы, которыми будетъ руководствоваться геній въ открытіи новыхъ истинъ, равнымъ образомъ, добавлять энергіи и къ его силѣ и къ быстротѣ его операций.

Наконецъ, такъ какъ эти измѣненія сами являются необходимымъ слѣдствіемъ прогресса въ поискѣ детальныхъ истинъ и причиной, обусловливающей потребность въ новыхъ источникахъ, производя въ то же время средства открывать послѣдніе, то, въ силу этого, реальная масса истинъ, образующихъ систему наукъ наблюденія, опыта, или вычислений, можетъ безпрестанно увеличиваться; и между тѣмъ, всѣ части этой самой системы не могли бы безпрерывно совершенствоваться, предполагая, что способности человѣка сохраняютъ ту же силу, ту же активность, тотъ же объемъ.

Примѣнія эти общія размышенія къ различнымъ наукамъ, мы дадимъ для каждой изъ нихъ примѣры этихъ послѣдовательныхъ совершенствованій, которые не оставить никакого сомнѣнія относительно достовѣрности тѣхъ, которыхъ мы должны ожидать. Мы въ особенности укажемъ прогрессъ тѣхъ наукъ, которымъ предразсудокъ рассматриваетъ какъ наиболѣе близкія къ состоянію истощенія, прогрессъ, надежда на который наиболѣе вѣроятная и наиболѣе близкая. Мы раскроемъ все то, что болѣе общее, болѣе философское приложеніе математики ко всѣмъ человѣческимъ знаніямъ должно къ нимъ добавить, расширяя, доводя до большей точности и единства всю систему этихъ знаній. Мы покажемъ, какъ всеобщее образованіе въ каждой странѣ, давая гораздо большему количеству людей элементарныя знанія, которымъ могутъ имъ внушиТЬ склонность къ какой-нибудь науки, и легкость достижения усилия на этомъ пути, должно увеличить эти надежды;

насколько они увеличиваются также въ томъ случаѣ, если болѣе общій достатокъ позволяетъ большему контингенту людей предаваться этимъ занятіямъ, ибо въ дѣйствительности, въ наиболѣе просвѣщенныхъ странахъ, едва пятая часть тѣхъ, которыхъ природа надѣлила талантами, получаютъ образованіе необходимое для ихъ развитія и что, такимъ образомъ, численность людей, призванныхъ расширять границы наукъ своими открытиями, должно было бы тогда возрастать въ этой самой пропорціи.

Мы покажемъ, насколько это равенство образованія и равенство, которое должно установиться между различными націями ускоряли бы движение тѣхъ наукъ, прогрессъ которыхъ зависитъ отъ большаго числа повторенныхъ наблюдений, распространенныхъ на болѣе обширную территорію,— все то, чего минералогія, ботаника, зоологія, метеорологія должны ожидать; наконецъ, какая огромная несоразмѣрность существуетъ для этихъ наукъ, между слабостью средствъ, которыя, тѣмъ не менѣе, привели настъ къ столькимъ полезнымъ и важнымъ истинамъ, и могуществомъ тѣхъ, которыми человѣкъ можетъ быть тогда пользоваться.

Мы изложимъ насколько, даже для наукъ, въ которыхъ открытия являются результатомъ только умозаключеній, преимущество быть предметомъ изученія весьма многихъ, можетъ способствовать ихъ прогрессу, благодаря тѣмъ детальнымъ усовершенствованіямъ, которыя не требуютъ силы ума, необходимой изобрѣтателямъ, и которыя легко постигаются простымъ размышленіемъ.

Если мы перейдемъ къ искусствамъ, теорія которыхъ зависитъ отъ этихъ самыхъ наукъ, мы увидимъ, что ихъ прогрессъ долженъ совершаться параллельно съ развитиемъ теоріи; что процессы искусствъ способны также совершенствоваться и упрощаться, какъ и научные методы; что инструменты, машины, рабочіе станки будутъ увеличивать все больше силу и ловкость людей и будутъ содѣйствовать одновременно большему совершенству и большей точности продуктовъ, уменьшая и время и трудъ, необходимые для ихъ производства; тогда исчезнутъ препятствія, затрудняющія еще этотъ самый прогрессъ и случайности, которыя научились бы предвидѣть

и предупреждать; будуть устранины также вредныя вліянія работы, привычекъ, или климата.

Тогда земельная площадь, подлежащая обработкѣ, все болѣе сокращенная, сможетъ производить массу пищевыхъ продуктовъ гораздо большей полезности и болѣе высокой цѣнности; большія наслажденія можно будетъ испытывать при меньшемъ потребленіи; тотъ-же продуктъ промышленности будетъ производиться съ меньшей затратой сырого материала, или употребленіе его станетъ болѣе продолжительнымъ. Для каждой почвы сумѣютъ выбирать продукты, отвѣчающіе наибольшему количеству потребностей; между продуктами, удовлетворяющими потребности одного рода, выберутъ тѣ, которые удовлетворяютъ большую массу, требуя меньше труда и меньше дѣйствительного потребленія. Такимъ образомъ, средства сохраненія и экономіи въ потребленіи безъ всякой жертвы, будутъ слѣдоватъ за прогрессомъ искусства воспроизводить различного рода средства существованія, приготовлять ихъ и изготавлять изъ нихъ продукты.

Итакъ, не только большее количество людей сможетъ прокормить та же земельная площадь, но каждый изъ нихъ, занятый менѣе тяжелымъ трудомъ, будетъ пытаться болѣе цѣльно сообразно, и сможетъ лучше удовлетворять свои потребности.

Но при этомъ развитїи промышленности и благосостоянія, создающемъ болѣе выгодную соразмѣрность между способностями человѣка и его потребностями, каждое поколѣніе, или, въ силу этого прогресса, или, благодаря сохраненію продуктовъ прежняго производства, призвано къ большей суммѣ наслажденій, и отсюда, благодаря послѣдовательности физического строенія человѣческаго рода — къ возрастанію численности людей; тогда не должно-ли человѣчество дойти до предѣла, гдѣ эти законы, одинаково необходимые, стали бы себѣ противорѣчить, гдѣ увеличеніе количества людей, превзойдя количество средствъ существованія, неизбѣжно вызвало бы, если не безпрерывное уменьшеніе благосостоянія и народонаселенія, то истинно попятное движеніе, по меньшей мѣрѣ, ичто въ родѣ колебанія между добромъ и зломъ? Это колебаніе въ обществахъ, достигшихъ этого предѣла, не явилось-ли бы постоянной причиной нищеты, въ иѣкоторомъ родѣ періодической? Не отмѣтило ли бы оно границы, гдѣ всякое улучшеніе

стало бы невозможнымъ и не положило ли бы оно предѣла способности человѣческаго рода совершенствоваться, предѣла, который, достигнувъ его въ безконечности вѣковъ, она не могла-бы никогда перейти?

Всякому, безъ сомнѣнія, видно, насколько это время отъ насть удалено; но должны-ли мы однажды дойти до этого состоянія? Однаково невозможно высказаться за, или противъ будущей реальности событія, которое осуществилось бы только въ эпоху, когда человѣческій родъ неизбѣжно пріобрѣлъ бы знанія, о которыхъ мы едва можемъ имѣть представленіе. И кто, въ самомъ дѣлѣ, дерзнулъ бы угадать то, чѣмъ искусство превращать элементы въ пищу, годную для нашего употребленія, должно однажды стать?

Но допуская, что этотъ предѣлъ долженъ наступить, отсюда не вытекло-бы ничего тревожнаго ни для счастья человѣческаго рода, ни для его способности неограниченно совершенствоваться; если предполагается, что до этого времени прогрессъ разума шествовалъ рядомъ съ прогрессомъ науки и искусства, что вздорные предразсудки суевѣрія перестали подчинять мораль строгости, которая ее портить и унижаетъ вмѣсто того, чтобы ее очищать и возвышать. Люди будутъ тогда знать, что если они имѣютъ обязанности по отношенію къ существамъ еще не родившимся, то онѣ заключаются не въ томъ, чтобы дать имъ жизнь, а въ томъ, чтобы дать имъ счастье; что предметъ этихъ обязанностей—это общее благосостояніе человѣческаго рода, или общества, въ которомъ они живутъ, или семьи, съ которой они связаны, а отнюдь не ревбическая идея обременять землю бесполезными и несчастными существами. Такимъ образомъ, возможная масса средствъ существованія могла-бы быть ограниченной и слѣдовательно могъ бы оказаться предѣлъ возможному возрастанію народо-населенія, но это обстоятельство не вызвало бы преждевременного истребленія столь противнаго природѣ и соціальному благополучію части существъ, получившихъ жизнь.

Такъ какъ открытіе, или вѣрнѣе, точный анализъ основныхъ принциповъ метафизики, морали и политики только не давно сдѣланъ и такъ какъ этому предшествовало познаніе многочисленныхъ второстепенныхъ истинъ, то легко установился предразсудокъ, что эти науки достигли своего послѣдняго

предѣла: вообразили, что въ этихъ областяхъ знанія уже нечего было дѣлать, ибо не приходилось больше разрушать грубыхъ заблужденій и устанавливать основныхъ истинъ.

Но легко видѣть насколько анализ интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей человѣка еще несовершененъ, насколько знаніе его обязанностей, которое предполагаетъ знаніе вліянія его дѣйствій на благосостояніе ему подобныхъ, на общество, членомъ которого онъ состоитъ, можетъ быть расширено еще болѣе продолжительнымъ, болѣе внимательнымъ, болѣе точнымъ наблюденіемъ этого вліянія; сколько вопросовъ остается разрѣшить, сколько соціальныхъ отношеній нужно изслѣдоватъ, чтобы точно узнать объемъ личныхъ правъ человѣка и тѣхъ, которымъ соціальный строй даетъ всѣмъ по отношенію къ каждому! Указаны ли даже до сихъ поръ съ какойточностью предѣлы этихъ правъ, какъ между различными обществами въ военное время, такъ и правъ этихъ обществъ на своихъ членовъ во время возмущенія и раздѣленія, или, наконецъ, положены ли предѣлы правъ личностей, произвольныхъ собраній, въ случаѣ первоначального и свободного образованія, или отданія, ставящаго необходимымъ?

Если перейти теперь къ теоріи, которая должна руководить примененiemъ этихъ принциповъ и служить основаниемъ искусству соціального строительства, не видимъ-ли мы необходимости достигнуть точности, которой эти основныя истины не могутъ быть доступны въ ихъ абсолютной общности? Имѣемъ ли мы возможность обосновать всѣ законодательные акты на справедливости, или доказанной и признанной полезности, а не на смутныхъ, неизвѣстныхъ и произвольныхъ видахъ мнимыхъ политическихъ выгодъ? Установили-ли мы точные правила, согласно которымъ можно было бы съ увѣренностью выбрать между почти безконечнымъ числомъ возможныхъ комбинацій, где общіе принципы равенства и естественныхъ правъ были бы уважаемы, тѣ, которыхъ болѣе обезпечиваютъ сохраненіе этихъ правъ, оставляютъ большій просторъ пользованію и наслажденію ими, болѣе гарантируютъ отдыхъ, благосостояніе личностямъ, силу, миръ и благополучіе націямъ?

Примѣненіе исчислениія сочетаній и вѣроятностей къ этимъ самымъ наукамъ обѣщаетъ прогрессъ, тѣмъ болѣе важный, что оно одновременно является единственнымъ средствомъ

придать ихъ результатамъ почти математическую точность и оцѣнить степень ихъ достовѣрности, или правдоподобія. Факты, на которые опираются эти результаты, могутъ, конечно, безъ вычислений и на основаніи одного только наблюденія, привести иногда къ общимъ истинамъ; могутъ научить было-ли дѣйствіе, обусловленное такой то причиной благопріятно, или вредно; но если эти факты не могли быть ни вычислены, ни взвѣшены, если эти дѣйствія не могли быть подчинены точному измѣренію, тогда не смогутъ узнать хорошаго или дурного слѣдствія этой причины; если они взаимно уравновѣшиваются съ нѣкоторымъ равенствомъ, если разница не очень велика, то невозможно будетъ даже высказаться съ нѣкоторой достовѣрностью, въ какую сторону наклоняется чашка вѣсогъ. Безъ примѣненія вычислений невозможно было бы часто выбрать съ нѣкоторой увѣренностью между двумя сочетаніями, образованными для достижения одной и той же цѣли, когда преимущества, которыя они представляютъ не поражаютъ очевидной несоразмѣрностью. Наконецъ, безъ этой самой помощи, эти науки остались бы всегда грубыми и ограниченными, лишенными достаточно тонкихъ инструментовъ, чтобы уловить едва замѣтныя истины, достаточно вѣрныхъ машинъ, чтобы достигнуть глубины рудника гдѣ скрывается часть ихъ богатствъ.

Между тѣмъ, это примѣненіе, не взирая на удачныя попытки нѣкоторыхъ геометровъ, находится еще, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи и оно должно открыть будущимъ поколѣніямъ столь же неисчерпаемый источникъ знаній, какъ сама наука исчислениія, какъ число сочетаній, отношеній и фактъ, доступныхъ исчислению.

Есть другой прогрессъ этихъ наукъ не менѣе важный— это усовершенствование ихъ языка еще столь смутнаго и неяснаго. А именно, благодаря этому усовершенствованію онъ могли бы стать истинно народными, даже въ своихъ главныхъ элементахъ. Гений легко справляется съ неточностями научныхъ языковъ, какъ преодолѣваетъ другія препятствія; онъ распознаетъ истину, не взирая на скрывающую или преобразующую ее маску; но тотъ, кто можетъ посвятить своему образованію лишь весьма ограниченное время, удастся-ли ему пріобрѣсти и сохранить эти простѣйшія понятія, если они исказены неточнымъ языкомъ! Чѣмъ меньше идей онъ можетъ

собирать и сочетать, тѣмъ болѣе ему необходимо, чтобы онѣ были справедливы и точны; онъ не можетъ находить въ своемъ-собственномъ умѣ системы истинъ, защищающихъ его отъ заблужденія, и его разумъ, котораго онъ не имѣлъ возможности ни укрѣплять, ни утончать долгимъ упражненіемъ, не способенъ улавливать слабыхъ проблесковъ, скрывающихся подъ туманностями и двухсмысленностями несовершенного и порочнаго языка.

Люди не смогутъ постигать сущность и развитіе своихъ моральныхъ чувствъ, принципы морали, естественные мотивы, побуждающіе сообразовать съ ними свои дѣйствія, интересы, либо какъ личности, либо какъ члены общества, не дѣлая въ то же время въ области практической морали, успѣховъ не менѣе реальныхъ, чѣмъ успѣхи самой науки. Илохо понятый интересъ не является ли наиболѣе частой причиной дѣйствій вредныхъ общему благу? Жестокость страстей не является ли часто слѣдствіемъ привычекъ, которыми предаются только благодаря ложному разсчету, или невіданію средствъ, помогающихъ сопротивляться ихъ первичноимъ движеніямъ, обуздывать ихъ, отвращать и направлять ихъ дѣйствіе.

Привычка размышлять о своемъ собственномъ поведеніи, вопрошать и прислушиваться при этомъ къ своему разуму и своей совѣсти и привычка мягкихъ чувствъ, смѣшивающихъ наше счастье съ счастьемъ другихъ, не являются ли онѣ необходимыми слѣдствіемъ ученія и хорошо руководимой морали, результатомъ большого равенства въ условіяхъ общественнаго договора? Созданіе своего достоинства, свойственное свободному человѣку, воспитаніе, основанное на глубокомъ знаніи нашей моральной организаціи, не должны-ли они сдѣлать общими почти для всѣхъ людей эти принципы строгой и чистой справедливости, эти привычныя движенія активнаго и просвѣтленнаго благоволія, нѣжной и великодушной чувствительности, зародыши которыхъ природа посыпала во всѣхъ сердцахъ и которыхъ для своего развитія ждутъ только благопріятнаго вліянія знаній и свободы? Подобно тому, какъ математическая и физическая науки служатъ для усовершенствованія искусствъ, употребляемыхъ для удовлетворенія нашихъ простѣйшихъ потребностей, не точно также-ли, въ необходимомъ порядкѣ природы, прогрессъ моральныхъ и политическихъ наукъ долженъ

оказывать то же дѣйствіе на мотивы, которые руководятъ нашими чувствами и поступками?

Совершенствование законовъ, общественныхъ учрежденій, прямое слѣдствіе прогресса этихъ наукъ, не стремится ли оно приблизить, отождествить интересъ каждого съ общимъ интересомъ всѣхъ? Цѣлью соціального искусства не является ли уничтоженіе этой кажущейся противоположности? И страна, конституція и законы которой будутъ наиболѣе точно соответствовать волѣ разума и природы, не та-ли, гдѣ добродѣтель будетъ легче совершить, гдѣ попытки уклониться отъ этого пути будутъ наиболѣе рѣдкими и наиболѣе слабыми?

Гдѣ та порочная привычка, тотъ недобросовѣстный обычай, даже то преступленіе, происхожденіе и главной причины которыхъ нельзя было бы найти въ законодательствѣ, въ учрежденіяхъ, въ предразсудкахъ страны, тѣ наблюдаются эта привычка, или этотъ обычай, гдѣ совершилось это преступленіе?

Наконецъ, благосостояніе, сопровождающее прогрессъ, который полезныя искусства, опираясь на здоровую теорію, совершаютъ, или прогрессъ справедливаго законодательства, основывающагося на истинахъ политическихъ наукъ, не располагаетъ ли оно людей къ гуманизму, благотворительности и справедливости?

Наконецъ, все эти наблюденія, которыя мы предполагаемъ развить въ самому произведеніи, не доказываютъ ли они, что моральная доброта человѣка, необходимый результатъ его организаціи, доступна, какъ всѣ другія способности, неограниченному совершенствованію, и что природа связываетъ неразрывной цѣпью истину, счастье и добродѣтель,

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ для общаго счастья результатовъ прогресса человѣческаго разума мы должны считать полное разрушеніе предразсудковъ, создавшихъ неравенство правъ между двумя полами, гибельное даже для того, которому оно благопріятеуетъ. Напрасно искали бы мотивовъ для оправданія этого неравенства въ различіяхъ ихъ физической организаціи, въ различіи, которое хотѣли бы находить въ силѣ ихъ ума, въ ихъ нравственной отзывчивости. Оно порождено было только злоупотреблениемъ силой и тщетно пытались впослѣдствіи оправдать его софизмами.

Мы покажемъ, насколько уничтоженіе обычаевъ, опиравшихся на этотъ предразсудокъ, законовъ, продиктованныхъ имъ, можетъ способствовать увеличенію семейнаго счастья, сдѣлать общими семейныя добродѣтели,—главное основаніе всѣхъ другихъ,—благопріятствовать прогрессу образованія, и въ особенности, сдѣлать его дѣйствительно общимъ; либо потому, что оно распространилось бы на оба пола болѣе равномѣрно, либо потому, что оно можетъ стать общимъ, даже для мужчинъ, только при помощи матерей семействъ. Это слишкомъ запоздалое благоговѣніе, выраженное, наконецъ, справедливости и здравому смыслу, не повело-ли бы оно къ источенію слишкомъ обильнаго источника несправедливостей, жестокостей и преступлений, устрашивъ столь опасное противорѣчіе между наиболѣе пылкой, наиболѣе трудно подавимой естественной наклонностью и обязанностями человѣка, или интересами общества? Не произвело-ли бы оно, наконецъ, того, что до сихъ поръ было только химерой; мягкихъ и чистыхъ национальныхъ правъ, характеризующихъ не гордыни, лишеніями, не лицемѣрной наружностью, не скромностью, внушенной страхомъ стыда, или религіозными ужасами, но отпопеніями свободно договоренными, подсказанными природой и признанными разумомъ?

Наиболѣе просвѣщенные народы, отвоевавъ себѣ право самостоятельно располагать своей кровью и своимъ богатствами, постепенно научатся рассматривать войну, какъ наиболѣе гибельный бичъ, какъ величайшее преступление. Первыми прекратятся тѣ войны, въ которыхъ узурпаторы верховной власти націй вовлекаютъ ихъ изъ-за мнимыхъ наслѣдственныхъ правъ.

Народы узнаютъ, что они не могутъ стать завоевателями, не потерявъ своей свободы; что вѣчные союзы являются единственнымъ средствомъ поддерживать ихъ независимость; что они должны искать безопасности, а не могущества. Постепенно разсѣются коммерческие предразсудки; ложный меркантильный интересъ потеряетъ свою страшную силу обагрять кровью землю и разорять націи подъ предлогомъ ихъ обогатить. Такъ какъ народы сблизятся наконецъ въ принципахъ политики и морали, такъ какъ каждый изъ нихъ, ради своей собственной выгоды, призоветъ иноземцевъ къ болѣе равному раздѣлу благъ, которыми онъ обязанъ природѣ, или своей промышленности, то, въ силу

этого, всѣ причины, вызывающія, раздражающія и питаютющія національную ненависть, мало-по-малу исчезнутъ; онъ не доставятъ больше воинственной ярости ни пищи, ни предлога.

Учрежденія, лучшіе комбинированныя, чѣмъ тѣ проекты вѣчнаго мира, которые заняли досугъ и утѣшили душу иѣко-торыхъ философовъ, ускорять прогрессъ этого братства наций; и международныя войны, какъ и убийства, будутъ въ числѣ тѣхъ необыкновенныхъ жестокостей, которыя унижаютъ и возмущаютъ природу, которая надолго клеймить позоромъ страну и вѣкъ, лѣтописи котораго ими были осквернены.

Говоря объ изящныхъ искусствахъ въ Греціи, Италіи и Франціи, мы уже замѣтили, что нужно было отличать въ ихъ произведеніяхъ то, что дѣйствительно принадлежало прогрессу искусства и то, чѣмъ они обязаны были только таланту художника. Мы укажемъ здѣсь прогрессъ, котораго искусства должны еще ожидать, или отъ успѣховъ философіи и науки, или отъ болѣе многочисленныхъ, болѣе внимательныхъ наблюдений надъ предметомъ, вліяніями, средствами этихъ самыхъ искусствъ, или, наконецъ, отъ разрушенія предразсудковъ, которые сузили кругъ ихъ дѣйствія и удерживаютъ ихъ еще подъ игомъ авторитета, отъ котораго наука и философія уже освободились. Мы изслѣдуемъ, должны-ли эти средства, какъ полагали, исчерпаться, такъ какъ наиболѣе величественные, или, наиболѣе прогательные красоты схвачены, сюжеты наиболѣе удачные использованы, сочетанія наиболѣе простыя и наиболѣе поразительныя употреблены, характеры наиболѣе сильно выраженные, наиболѣе общіе нарисованы, страсти наиболѣе энергичны, ихъ наиболѣе естественные, или наиболѣе истинныя выраженія, истины наиболѣе внушительныя, изображенія наиболѣе блестящія воплощены въ дѣло,—и обречены-ли искусства, какъ бы обильными не предположить ихъ средства, на вѣчное однообразіе подражанія прежнимъ образцамъ.

Мы покажемъ, что это мнѣніе является только предразсудкомъ, порожденнымъ привычкой литераторовъ и художниковъ судить людей, вмѣсто того, чтобы наслаждаться произведеніями. Если мы должны терять разсудочное удовольствіе, обусловленное сравненіемъ произведеній различныхъ вѣковъ, или разныхъ странъ, благодаря восхищенію, которое возбуждаютъ уси-

лія, или успѣхъ генія, то, тѣмъ не менѣе, наслажденія, кото-
рыя доставляютъ эти произведенія, рассматриваемыя какъ
вещь въ себѣ, должны быть также живы, когда бы даже тотъ,
которому они принадлежать менѣе заслужилъ честь возвы-
ситься до этого совершенства. По мѣрѣ того, какъ произве-
денія, дѣйствительно достойныя быть сохраненными, будутъ
умножаться, станутъ болѣе совершенными, каждое поколѣніе
удовлетворить свое любопытство и свое восхищеніе тѣмъ,
которымъ заслуживаютъ предпочтенія, между тѣмъ, какъ другія
незамѣтно будутъ преданы забвѣнію; и наслажденія этими
болѣе простыми, болѣе поразительными красотами, которая
были схвачены первыми, не менѣе будутъ существовать для
новыхъ поколѣній, когда они должны будутъ ихъ находить
только въ новѣйшихъ произведеніяхъ.

Прогрессъ науки обезпечиваетъ прогрессъ промышленности, который самъ затѣмъ ускоряетъ научные успѣхи; и это взаим-
ное вліяніе, дѣйствіе котораго безпрестанно возобновляется, должно быть причислено къ наиболѣе дѣятельнымъ, наиболѣе
могущественнымъ причинамъ совершенствованія человѣческаго
рода. Въ настоящее время молодой человѣкъ, по окончаніи
школы, знаетъ изъ математики болѣе того, что Ньютона прі-
обрѣлъ путемъ глубокаго изученія, или открылъ своимъ ге-
ніемъ; онъ умѣетъ владѣть орудіемъ исчислениія съ легкостью
тогда непрѣбѣстной. Это самое наблюденіе можетъ, однако съ
нѣкоторымъ неравенствомъ, примѣняться ко всѣмъ наукамъ.
По мѣрѣ того, какъ каждая изъ нихъ будетъ увеличиваться
въ объемѣ, будутъ равнымъ образомъ усовершенствоваться
средства представлять по возможности болѣе сокращенно до-
казательства многочисленныхъ истинъ и облегчать пониманіе
послѣднихъ. Такимъ образомъ, не взирая на новые успѣхи
науки, не только люди равно одаренные окажутся въ одинаковыи
эпохи ихъ жизни на уровнеѣ современнаго имъ состоя-
нія знаній, но для каждого поколѣнія неизбѣжно возрастетъ
та сумма знаній, которую можно пріобрѣсть въ одинъ и тотъ же
промежутокъ времени, съ одной и той-же умственной силой,
при одномъ и томъ-же вниманіи; и элементарная часть каж-
дой науки, то, чего всѣ люди могутъ достигнуть, ставъ все
болѣе обширной, обниметъ болѣе полно все, что можетъ быть
необходимо знать каждому для руководства въ своей обыден-

ной жизни, для того чтобы пользоваться своимъ разумомъ съ полной независимостью.

Въ политическихъ наукахъ есть категорія истинъ, которыя, въ особенности у свободныхъ народовъ (т. е. въ нѣкоторыхъ поколѣніяхъ у всѣхъ народовъ) могутъ быть полезны только тогда, когда онѣ общепризнаны. Такимъ образомъ, вліяніе прогресса этихъ наукъ на свободу, на благополучіе націй, должно, въ нѣкоторомъ родѣ, измѣряться количествомъ этихъ истинъ, которыя, благодаря элементарному образованію, становятся общедоступными; и всегда возрастающей прогрессъ этого элементарного образования, связанный съ неизбѣжнымъ прогрессомъ этихъ наукъ, служить намъ по рукои въ улучшениі участіи человѣческаго рода, которое можетъ быть рассматриваемо какъ неопределенное, ибо предѣлами его могутъ быть только границы этого двойного прогресса.

Намъ остается теперь поговорить о двухъ общихъ средствахъ, которыя должны одновременно вліять и на совершенствование промышленного искусства и на таковое наукъ: одно—это болѣе широкое и болѣе совершенное употребленіе того, что можно назвать техническими методами; другое—образованіе всемирнаго языка.

Подъ техническими методами я разумѣю искусство соединять въ систематическомъ порядкѣ большое количество предметовъ, и давать такимъ образомъ возможность съ первого взгляда видѣть ихъ отношенія, быстро замѣтить ихъ сочетанія и легче образовать новыя.

Мы разовьемъ принципы, мы дадимъ понять полезность этого искусства, находящагося еще въ состояніи своего младенчества и которое можетъ, совершившись, представить или выгоду собрать на небольшомъ пространствѣ картины то, что было бы часто трудно дать столь-же быстро и такъ-же хорошо понять въ чрезвычайно объемистой книгѣ; или еще болѣе драгоценное средство располагать отдѣльные факты въ порядкѣ, при которомъ наиболѣе удобно выводить ихъ общіе результаты. Мы изложимъ, какъ, помошью небольшого числа этихъ картинъ, пользованію которыми легко было бы научиться, люди, которые не могли подняться значительно выше наиболѣе элементарного образования, чтобы усвоить подробныя знанія, полезныя въ ихъ повседневной жизни, смогутъ, по желанию,

когда встрѣтить въ этомъ необходимость, таковыя находить; какъ, наконецъ, употребленіе этихъ самыхъ методовъ можетъ облегчить элементарное образованіе всѣхъ видовъ, гдѣ это образованіе основывается или на систематическомъ порядкѣ истинъ, или на рядѣ наблюдений или фактовъ.

Всемирнымъ языкомъ является такой, который выражаетъ знаками или реальные предметы, или вполнѣ опредѣленныя ихъ совокупности, которыя, заключая въ себѣ простыя и общыя идеи, находятся, или могутъ одинаково образоваться въ умѣ каждого человѣка; или, наконецъ, общія отношенія между этими идеями, операциіи человѣческаго разума, которыя свойственны каждой наукѣ, или процессы искусствъ. Такимъ образомъ, люди, которые знали-бы эти знаки, методъ ихъ сочетанія и законы ихъ образованія, понимали бы написанное на этомъ языкѣ и выражали бы это одинаково легко на обыкновенномъ языке своей страны. Ясно, что этотъ языкъ могъ бы употребляться для изложеній или научной теоріи, или процесса искусства; для представлениія отчета опыта, или новаго наблюденія; изображенія процесса, открытія истины, или метода; что, какъ въ алгебрѣ, когда явилась-бы необходимость пользоваться новыми знаками, тѣ, которые были-бы уже известны, помогли бы объяснить ихъ значение.

Такой языкъ не страдаетъ неудобствами научнаго языка, отличного отъ обыкновеннаго. Мы уже замѣтили, что научный языкъ раздѣлилъ бы неизбѣжно общество на два неравныхъ между собой класса: одинъ, составленный изъ людей знающихъ этотъ языкъ, имѣть бы ключъ ко всѣмъ наукамъ; другой, представители котораго не могли изучить его, оказался-бы почти совершенно лишеннымъ возможности приобрѣтать знанія. Здѣсь, напротивъ, всеобщій языкъ изучался-бы одновременно съ самой наукой, какъ въ алгебрѣ; знакъ узнали-бы въ то же время, что и предметъ, идею, или операцию, которыя онъ означасть. Тотъ кто, изучивъ элементарную часть науки, хотѣлъ бы расширить свои познанія въ этой области, нашелъ бы въ книгахъ не только истины, которыи онъ можетъ понять помощью знаковъ, значеніе которыхъ онъ уже знаетъ, но также объясненіе новыхъ знаковъ, необходимыхъ ему для пониманія другихъ истинъ.

Мы покажемъ, что образованіе такого языка, который огра-

ничивался бы выражениемъ простыхъ и точныхъ положеній, подобныхъ образующимъ систему какой-либо науки, или методу искусства, отнюдь не явилось бы химерической идеей, что даже осуществление ея было бы уже легко для большого количества предметовъ; что наиболѣе реальнымъ препятствиѳмъ, которое помѣшало бы распространить его на другое, явилась бы немнога непріятная необходимость признавать, какъ мало мы имѣемъ точныхъ идей, вполнѣ опредѣленныхъ понятій, хорошо согласованныхъ въ умахъ.

Мы укажемъ, какъ этотъ языкъ, безпрерывно совершенствуясь, съ каждымъ днемъ все болѣе расширяясь, внесъ бы во всѣ области знанія, доступныхъ человѣку, строгость и точность, которыхъ позволили бы легко познать истину и сдѣлали бы почти невозможнымъ заблуждаться. Тогда движение каждой науки отличалось бы увѣренностью, характерной для математическихъ наукъ, и положенія, образующія ея систему имѣли бы всю геометрическую достовѣрность, т. е. все то, что можетъ дать природа ихъ предмета и ихъ метода.

Всѣ эти причины совершенствованія человѣческаго рода, всѣ эти средства, обезпечивающія его, должны въ силу своей природы, оказывать всегда активное дѣйствіе и пріобрѣтать безпрестанно возрастающіе размѣры.

Мы изложили его доказательства, которыя въ самомъ труде получать, благодаря своему развитию, большую силу; мы могли бы уже заключить, что человѣческая способность совершенствоваться безгранична. Между тѣмъ мы до сихъ поръ полагали, что онъ сохранить свои естественные способности и свою организацію въ томъ-же видѣ, какъ и теперь. Намъ остается, такимъ образомъ, изслѣдоватъ послѣдній вопросъ, какова была бы достовѣрность и размѣръ его надеждъ, если бы можно было предположить, что эти способности и эта организація также доступны улучшенію.

Способность совершенствоваться или органическое вырожденіе породъ растеній и животныхъ могутъ быть рассматриваемы, какъ одинъ изъ общихъ законовъ природы.

Этотъ законъ распространяется на человѣческий родъ и никто, конечно, не будетъ сомнѣваться въ томъ, что прогрессъ охранительной медицины, пользованіе болѣе здоровыми пищами и жилищами, образъ жизни, который развивалъ бы силы

упражненіями, не разрушая ихъ излишествами; что, наконецъ, уничтоженіе двухъ наиболѣе активныхъ причинъ упадка, нищеты и чрезмѣрного богатства,— должны удлинить продолжительность жизни людей, обеспечить имъ болѣе постоянное здоровье, болѣе сильное тѣлосложеніе. Понятно, что прогрессъ предохранительной медицины, ставъ болѣе цѣлесообразнымъ, благодаря вліянію прогресса разума и соціального строя, долженъ современемъ устранить передаваемыя, или заразныя болѣзни, и тѣ общія болѣзни, обусловленныя климатомъ, пищей и природой труда. Было бы нетрудно доказать, что эта надежда должна распространиться почти на всѣ другія болѣзни, отдѣленныя причины которыхъ вѣроятно сумѣютъ вскрыть. Было бы-ли теперь нелѣпо предположить, что это совершенствованіе человѣческаго рода должно быть рассматриваемо, какъ неограниченно прогрессирующая способность, что должно наступить время, когда смерть была бы только слѣдствіемъ, либо необыкновенныхъ случайностей, либо все болѣе и болѣе медленнаго разрушенія жизненныхъ силъ и что, наконецъ, продолжительность средняго промежутка между рожденіемъ и этимъ разрушениемъ не имѣть никакого опредѣленнаго предѣла? Безъ сомнѣнія, человѣкъ не станетъ бессмертнымъ, но разстояніе между моментомъ, когда онъ начинаетъ жить и тѣмъ, когда, естественно, безъ болѣзни, безъ случайности, онъ испытываетъ затрудненіе существовать, не можетъ ли оно безпрестанно возрастать? Такъ какъ мы говоримъ здѣсь о прогрессѣ, который можетъ быть представленъ числовыми величинами, или изображенъ графически, то умѣстно теперь развить два смысла, въ которыхъ можно понимать слово *неопределенный* (*indefini*).

Въ самомъ дѣлѣ, эта средняя продолжительность жизни, которая должна безпрестанно увеличиваться по мѣрѣ того какъ мы углубляемся въ будущность, можетъ возрастать согласно такому закону, что она безпрерывно приближается къ безпределному протяженію, никогда его не достигая, или согласно такому, что эта самая продолжительность могла бы пріобрѣсти въ безконечности вѣковъ размѣръ большій всякой опредѣленной величины, которая была бы ей назначена предѣломъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ возрастанія дѣйствительно неопределенные въ наиболѣе абсолютномъ смыслѣ, ибо не существуетъ грани, по сю сторону которой они должны остановиться.

Въ первомъ случаѣ они неопределены также по отношенію къ намъ, если мы не можемъ определить границы, которой они никогда не могутъ достигнуть, и къ которой они должны безпрестанно приближаться, въ особенности, если, зная только, что они не должны остановиться, мы не знаемъ иъ какомъ изъ этихъ двухъ смысловъ терминъ неопределенности долженъ къ нимъ примѣняться; и таковъ именно предѣлъ нашихъ нынѣшихъ знаній о способности человѣческаго рода совершенствоваться; таковъ смыслъ, въ которомъ мы можемъ ее назвать неопределенной.

Такимъ образомъ въ примѣрѣ, который сдѣль разсматривается, мы должны считать что эта средняя продолжительность человѣческой жизни должна безпрестанно возрасти, если только физическая революція не будуть этому препятствовать; но мы не знаемъ, гдѣ та граница, которой она никогда не должна перейти; мы не знаемъ даже определена-ли общими законами природы грань, далѣе которой она не могла бы распространяться.

Но физическая способности, сила, ловкость, тонкость чувствъ, не должны-ли онѣ приспособляться къ тѣмъ качествамъ, личное совершенство которыхъ можетъ передаваться? Наблюденіе различныхъ породъ домашнихъ животныхъ должно настъ въ этомъ убѣдить, и мы сможемъ это подтвердить наблюденіями сдѣланными непосредственно надъ человѣческимъ родомъ.

Наконецъ, можно-ли распространить эти самыя надежды и на интеллектуальные и моральные способности человѣка? И наши родители, отъ которыхъ мы наслѣдуемъ достоинства или недостатки устройства ихъ тѣла, которые передаютъ намъ и отличительныя черты своей фигуры, и расположенія къ извѣстнымъ физическимъ привязанностямъ, не могутъ-ли они также передавать намъ ту часть своей физической организаціи, откуда исходить умъ, сила разсудка, энергія души, или моральная чувствительность? Не правдоподобно-ли, что воспитаніе, совершенствуя эти качества вліяетъ на эту самую организацію видоизмѣняетъ и совершенствуетъ ее? Аналогія, анализъ развитія человѣческихъ способностей и даже нѣкоторые факты, какъ будто доказываютъ реальность этихъ догадокъ, которыхъ еще болѣе расширили-бы предѣлы нашихъ надеждъ.

Таковы вопросы, изслѣдованіе которыхъ должно закончить

этую послѣднюю эпоху. Насколько эта картина человѣческаго рода, освобожденнаго отъ всѣхъ его цѣней, избавленнаго отъ власти случая, какъ и отъ господства враговъ его прогресса и существующаго шагомъ твердымъ и вѣрнымъ по пути истины, добродѣтели и счастья, представляетъ утѣшительное зрѣлище философу, удрученному заблужденіями, преступленіями и несправедливостями, которыми земля еще осквернена и жертвой которыхъ онъ часто является? Именно въ созерцаніи этой картины онъ видитъ награду за свои усилия, направленные къ торжеству разума, для защиты свободы. Онъ дерзаетъ тогда присоединить ихъ къ вѣчной цѣни человѣческихъ судебъ; именно тамъ онъ находитъ истинное вознагражденіе за добродѣтель, удовольствие отъ сознанія, что онъ совершилъ прочное благо, котораго рокъ не уничтожить больше гибельнымъ противодѣйствиемъ, приводя вновь предразсудки и рабство. Это созерцаніе является для него убѣжищемъ тѣ память о своихъ гонителяхъ не можетъ его преслѣдоватъ; гдѣ, живя мысленно съ человѣкомъ, возстановленнымъ въ правахъ, какъ въ достоинстве его природы, онъ забываетъ того, котораго жадность, страхъ, или зависть мучать и развращаютъ; именно тамъ онъ существуетъ по истинѣ съ себѣ подобными, въ нѣкоторомъ раѣ, который его разумъ сумѣлъ создать, и который его любовь къ человѣчеству украсила наиболѣе чистыми наслажденіями.

Наукова бібліотека
Івано-Франківської національної медическої академії

О Т Р Ы В К И
изъ истории
ЧЕТВЕРТОЙ ЭПОХИ¹⁾.

Каждый греческий городъ имѣлъ короля; Гомеръ, наблюдавшій изгнаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, далъ имъ прозвище *людоѣдовъ*.

Судя по дошедшемъ до настѣ памятникамъ, можно думать, что эти весьма ограниченные начальники мало подчиненныхъ гражданъ, были менѣе тиранами, чѣмъ жестокими и развращенными людьми. Гораздо большие жалуются на ихъ убийства, чѣмъ на ихъ притѣсненія, и было болѣе позорно быть ихъ родителемъ, чѣмъ ихъ подданнымъ. Народы, которые отъ нихъ освободились, были менѣе утомлены продолжительностью ихъ господства, чѣмъ возмущены излишествами ихъ грубыхъ страстей и раздражены грабежами, сопровождавшими споры этихъ королевскихъ фамилій, гдѣ было рѣдко, чтобы бракъ кончался безъ убийства, похищенія и нѣсколькихъ сраженій. Между тѣмъ, согласно преданію, Аѳинны отвоевали себѣ свободу въ тотъ самый моментъ, когда Кодръ, послѣдній ихъ король, посвятилъ себя спасенію народа; это обстоятельство доказываетъ, что аѳиняне болѣе просвѣщенные, или болѣе независимые чувствовали тяжесть королевской власти, даже не питая ненависти къ королю.

Эта революція, первыя движенія которой восходятъ къ эпохѣ приблизительно на три тысячи лѣтъ до республиканской

1) Всѣ хронологическія даты отнесены здѣсь къ нашей республиканской эрѣ; и такъ какъ этой эрой заканчивается историческая часть картины, то этотъ хронологический порядокъ, однообразный во всей работѣ, и относящейся къ опредѣленной и общеизвѣстной эпохѣ, предпочтительнее всякому другому.

эры, обнимаетъ періодъ около шести вѣковъ, и къ концу пя-
таго, ни въ Греціи, ни на островахъ, ни даже въ ея колоніяхъ
не осталось больше наслѣдственныхъ королей. Два начальника
лакедемонской республики продолжали именоваться королями;
но они были только должностными лицами, облеченными
властью, границы которой были опредѣлены закономъ.

Именно этой революціи человѣческой родъ обязанъ своими
знаніями и будетъ обязанъ своей свободой.

Она болѣе повліяла на судьбу современныхъ европейскихъ
націй, чѣмъ ближайшія къ намъ событія, въ которыхъ наши
предки были участниками и ихъ страна театромъ дѣйствія;
она образуетъ въ нѣкоторомъ родѣ первую страницу нашей
исторіи.

Распредѣленіе этихъ маленькихъ государствъ въ гористой
и трудной странѣ, но находящейся подъ прекраснымъ небомъ
и въ умѣренномъ климатѣ, было первой причиной этой рево-
люціи и постоянства ея дѣйствій.

Въ большихъ равнинахъ, эти маленькия монархіи въ концѣ
концовъ слились бы въ одно цѣлое, при менѣе благопріятномъ
климатѣ, съ населеніемъ болѣе равномѣрно распредѣленнымъ
по территории, было бы меньше мотивовъ и меньше средствъ
для уничтоженія тираніи. Но въ Греціи каждое государство
состояло изъ города и прилегающей къ нему небольшой
области, значительная часть которой, обрабатываемой рабами,
принадлежала горожанамъ и иногда была ихъ общей собствен-
ностью. Сила, такимъ образомъ, должна была почти всегда
находиться въ рукахъ большинства народа, который, способный
собираться во всякое время, имѣлъ всегда возможность обра-
зовывать общую волю и силу— заставить ее исполнить. Королев-
скія богатства, состоявшія изъ нѣкоторыхъ земель, изъ нѣкото-
рыхъ военныхъ запасовъ едва хватали на содержаніе слабаго
отряда наемныхъ тѣлохранителей; и всякий король, кото-
рый не могъ опираться на силу сосѣда, постоянно находился
въ дѣйствительной зависимости отъ народа. Такимъ образомъ,
для сокрушенія трона было достаточно, чтобы ненависть къ
тираніи осилила старую привычку почитать племена въ ко-
торыхъ народное суевѣріе видѣло потомковъ своихъ боговъ.

Эти государства почти всѣ были и должны были быть
осквернены аристократическими учрежденіями.

Въ моментъ паденія королей они были уже испорчены наиболѣе опасными видами неравенства. Горожане, болѣе богатые, болѣе сближенные въ интересахъ, способные легче собираться, господствовали надъ областнымъ населеніемъ, слишкомъ немногочисленномъ, чтобы уравновѣсить ихъ власть. Та же причина, которая обеспечила уничтоженіе тираніи, препятствовала воцаренію истинной свободы.

Во многихъ краяхъ свободные люди дѣлились на два класса, или въ силу ихъ различного происхожденія, или низшее положеніе одного изъ нихъ было слѣдствіемъ переворотъ въ распределеніи территоріи, вызванныхъ завоеваніемъ.

Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ это различіе перестало существовать, племена, которымъ вели свое происхожденіе отъ какого-нибудь баснословнаго родоначальника, пользовались уваженіемъ, которое суевіе увѣковѣчило, сдѣлавъ его добровольнымъ. Богатство доставляло истинную силу, ибо богатый обладалъ лучшимъ оружіемъ, ибо онъ могъ дольше упражняться и научиться владѣть имъ сть ловкостью, которая гарантировала почти полный успѣхъ. Сверхъ того, не будучи вынужденнымъ заниматься усидчивымъ трудомъ, онъ легче приобрѣталъ или могъ приобрѣтать и знанія и искусство, необходимыя для господства надъ умами; наконецъ, тотъ кто могъ вооружать и кормить солдатъ, становился, въ силу только этого, предводителемъ отряда, который сражался подъ его командой во время войны и голосовалъ за него въ мирное время.

Такимъ образомъ, въ большинствѣ городовъ, аристократія заняла мѣсто королевской власти; въ нѣкоторыхъ другихъ она постепенно упрочивалась; ибо богатые умѣли лучше сплачиваться для своихъ захватовъ, чѣмъ бѣдная часть народа для защиты своей свободы. Они искусно удерживали народъ въ его зависимости разорительными ссудами, или привязывали къ себѣ подарками. Наконецъ, во многихъ городахъ, аристократія была утверждена самимъ закономъ, подъ предлогомъ обеспечить общественное сокойствіе и избѣжать волненій чрезвычайно частыхъ въ этихъ народныхъ конституціяхъ, гдѣ различие между властью, которую народъ поручаетъ другимъ и той, которую онъ сохраняетъ для себя, было установлено, но принципы, которые должны руководить ихъ дѣйствиемъ, были совершенно неизвѣстны.

Между тѣмъ, тѣ-же причины, которыя привели къ уничтоженію королевской власти, воспрепятствовали мирному упроченію этихъ новыхъ захватовъ. Угнетенные были слишкомъ близко отъ угнетателей, чтобы ненависть не одержала верхъ надъ страхомъ и слишкомъ близки между собою, чтобы сила могла мѣшать имъ собираться.

Аристократія, такимъ образомъ, должна была быть всюду шаткой, беспокойной и завистливой.

Такова была причина воцаренія тирановъ,—имя, съ которымъ мы связали понятіе о жестокомъ злоупотреблѣніи властью, рассматриваемой даже какъ законная, но которое означало у грековъ пользованіе властью противоположной свободѣ, захватывавъ-ли ее одинъ или иѣсколько человѣкъ силой партіи, или иноземнаго народа, или сами граждане устанавливали ее, то для прекращенія безпорядковъ анархіи или гражданской войны, то для избавленія отъ слишкомъ угнетающей аристократіи, то также для того, чтобы не быть вынужденными уступить бѣдной части народа, требовавшей болѣе широкихъ правъ. Этотъ послѣдній мотивъ предполагалъ наличность необыкновенныхъ обстоятельствъ, когда, напримѣръ, заговоръ богатыхъ не имѣть другого средства избѣжать народнаго тирана. Естественно желаніе измѣнить властелину, даже не будучиувѣреннымъ въ лучшей судьбѣ; но совсѣмъ неестественно желаніе подчиниться власти одного, чтобы имѣть меныше равныхъ. Рабское высокомѣріе, которое предпочитаетъ декорированное рабство свободѣ равенства, находя послѣднее унизительнымъ, не было свойственно независимому и гордому характеру греческихъ націй, и не могло существовать въ странѣ, гдѣ тираны, всегда жестокая не гарантировала тщеславію своихъ работъ награды за ихъ униженіе.

Предлогомъ установлениія тираніи служила всегда минутная опасность, какъ, напримѣръ, изгнаніе или предупрежденіе иноземнаго врага, уничтоженіе заговора, разсѣяніе вредного сообщества; наемный отрядъ, и часто иноземный, служилъ затѣмъ для упроченія власти тирана, для предохраненія его отъ меча гражданъ. Рѣдко они его избѣгали и если иногда они имѣли преемникомъ брата, или сына, то никогда народное терпѣніе не ждало третьаго поколѣнія.

Въ иѣкоторыхъ греческихъ республикахъ, какъ Сиракузы, тиранія повторялась въ иѣкоторомъ родѣ періодически; народъ адѣсь точно не могъ никогда остановиться на сносныхъ учрежденіяхъ. Между тѣмъ, аeinianе только разъ позволили поработить себя безъ помощи иностраннѣхъ насильниковъ. Оивы, вопреки плохой репутаціи беотійцевъ (у которыхъ мы, тѣмъ не менѣе, находимъ Пиндара, Эпаминонда и Плутарха), Оивы никогда не были порабощены и быстро свергли тиранію, установленную благодаря предательству лакедемонінъ.

Междусобици и виѣшнія войны, казалось, должны были скоро разрушить эти слабыя и раздѣленныя государства; но многія обстоятельства способствовали ихъ сохраненію. Эти различные народы не только были связаны общностью языка, нравовъ, боговъ, сходствомъ учрежденій, законовъ, воззрѣній и принциповъ, но многіе знаменитые храмы, привлекавшіе жителей всей Греціи и игры, тѣдѣ они собирались, также стигивали эти узы. Наконецъ, еще въ эпоху владычества королей, образовался религіозно-политический союзъ. Входившіе въ его составъ народные представители собирались для принесенія жертвъ отъ имени всей націи, рѣшали вопросы, возникавшіе о границахъ различныхъ территорій и высказывались о правахъ, которыхъ различные народы требовали по надзору за храмами, по управлению жертвоприношеніемъ. Эта ассоціація стала истинно полезной для сохраненія Греціи, ибо она предавала анаемъ всякаго, кто разрушилъ бы городъ, участвующій въ амфіктіонномъ союзѣ, анаемъ, положившая предѣль жестокостямъ и яости войны. Многіе города основали на островахъ Эгейскаго моря на берегахъ Малой Азіи, Сициліи и южной Италіи, колоніи, правда, независимыя, но связанныя съ метрополіей общностью религіи, питавшія къ ней родъ сыновняго почтенія. Память о своемъ общемъ происхожденіи, весьма близкое сходство въ законахъ, въ нравахъ, въ религіозныхъ обрядахъ, право взаимопомощи, освященное мнѣніемъ скорбѣ, чѣмъ договорами, образовали между этими государствами болѣе тѣсное единеніе. Они были другъ для друга опорой въ иностраннѣхъ войнахъ, убѣжищемъ для тѣхъ, которыхъ заговоры заставляли покидать родной очагъ, защитникомъ противъ тирановъ, иногда посредникомъ въ гражданскихъ нерядицахъ. Порабощеніе, или разрушеніе колоній было уни-

женіемъ, потерей для метрополії; паденіе метрополії—общимъ бѣдствіемъ для всѣхъ ея колоній.

Эти узы были бы слишкомъ слабыми, если бы греки, какъ племена сѣверной Италии, Испаніи и Германіи, сохранили жестокость нравовъ. Но греки просвѣщались у восточныхъ народовъ; они переняли у нихъ искусства духа и усовершенствовали ихъ. Языкъ ихъ уже образовался; богатый, гармоничный, выразительный, способный примѣняться ко всѣмъ движеніямъ мысли, ко всѣмъ сочетаніямъ идей, не имѣющей ни тѣхъ аномалій, ни тѣхъ запутанныхъ формъ, которыя характеризуютъ языки, случайно образованные изъ остатковъ болѣе древнихъ нарѣчій; уже чистый, благородный, изящный въ этихъ еще грубыхъ вѣкахъ,— онъ является памятникомъ совершенства органовъ народа, создавшаго его. Ихъ страсть къ музыкѣ, уже гораздо болѣе сильна, чѣмъ у ихъ учителей, ихъ склонность къ танцу, къ празднествамъ, къ общественнымъ играмъ отвлекали ихъ отъ низкихъ себялюбивыхъ страстей. Ихъ климатъ доставлялъ имъ мало заботъ и не обрекалъ ихъ на долгое одиночество зимы, которая у сѣверныхъ націй разобщаетъ семейства. Жадные ко всякому роду славы, чувствительные ко всѣмъ духовнымъ удовольствіямъ, они были предохранены отъ жестокосердія, вызываемаго суровостью труда, выполняемаго въ силу необходимости, исключительной яростью военной славы и этой косности интеллектуальныхъ способностей, которая лишаетъ избѣжныхъ и мягкихъ чувствъ. И потому Греція, часто волнуемая войнами представляетъ намъ на протяженіи длиннаго ряда временъ только одно гибельное событие—разрушение Мессеніи; и это разрушение было дѣломъ рукъ спартанцевъ, т. е. нареда, соціальный учрежденія котораго изгоняли все, что могло смягчать нравы, украшать жизнь, который они оберегали отъ вліяній климата, который, наконецъ, сдѣлали чуждымъ общему характеру грековъ, сохранивъ ему всю жестокость первыхъ вѣковъ.

Но прежде, чѣмъ изложить, каковъ былъ въ продолженіе этой эпохи ¹⁾ прогрессъ грековъ, или, вѣрище, прогрессъ человѣче-

¹⁾ Она опредѣляется періодомъ между приблизительно 2700 и 2150 г. до французской республики и обнимаетъ промежутокъ почти въ 550 лѣтъ отъ Ликурга до Аристотеля.

скаго рода (ибо просвѣщенные націи, которая вноследствіи существовали, имѣли учителями только грековъ), необходимо болѣе подробно показать, каковы были тогда въ Греціи науки, искусства, общественныя учрежденія, воззрѣнія и нравы.

Метафизическая науки еще не существовали. То, что жрецы, или иѣкоторые путешественники сумѣли извлечь изъ секретныхъ учений Востока о первопричинѣ и природѣ человѣка не заслуживаетъ этого почетнаго имени.

Старцы, тѣ, которыхъ называли *мудрецами*, собирали, передававшися изъ поколѣнія въ поколѣніе, иѣкоторые правила морали, искусства вести себя для достиженія собственнаго счастья; иѣкоторые политическія нормы, иѣкоторые общія наблюденія человѣческаго сердца. Съ каждымъ поколѣніемъ эти сборники увеличивались въ объемѣ. Наиболѣе знаменитые мудрецы считали для себя честью помѣщать въ нихъ правило, которое, по ихъ мнѣнію, заключало въ себѣ наиболѣе полезный урокъ, или совѣтъ, наиболѣе важную истину и подкрѣпляли ихъ авторитетомъ своего имени. Эти правила въ формѣ пословицъ, выраженные часто въ стихахъ, образовали всю мораль, всю тогда извѣстную цѣлительницу.

Законами являлись только древніе обычай, иѣкоторые правила, продиктованные обстоятельствами и часто соображеніями момента. Администрація основывалась преимущественно, и главнымъ образомъ, на недолговѣчной мудрости правителей. Промышленность и торговля были свободны. Ихъ дѣятельность была слишкомъ слабой, чтобы идеи стѣснять ихъ правилами могли бы еще соблазнить. Есть заблужденія, порожденныя не только невѣжествомъ.

Хотя въ поэмахъ Гезіода и Гомера греческій языкъ приблизился уже къ предѣлу своего совершенства, грамматика не составляла еще искусства. Эти два поэта оставили далеко позади себя поэтовъ восточныхъ націй. Ихъ бессмертныя красоты возбуждаютъ еще послѣ тридцати вѣковъ восхищеніе людей наиболѣе просвѣщенныхъ и наиболѣе чистаго вкуса. Искусство вести дѣйствіе, завязать его, сочетать событія, образовать и развертывать большія картины, нарисовать и заставить дѣйствовать благородные или страшные характеры, тѣмъ болѣе удивляетъ у Гомера, не взирая на часто грубыя несовершенства, что послѣ него до Эсхила (т. е. на протяженіи болѣе

четырехъ вѣковъ) ничто не напоминаетъ больше идеи этихъ великихъ сочиненій. Эти поэмы долго пѣлись отрывками; если, однако, Гомеръ дѣйствительно сочинилъ только отдельные части, если расположение поэмы является произведеніемъ того, кто собралъ ее во времена Писистрата, то часть чуда исчезаетъ; остается необыкновеннымъ только гений поэта въ подробностяхъ, и эта масса идей, или образовъ нѣжныхъ или величественныхъ въ вѣкѣ еще столь грубомъ.

Гимны и лирическія стихотворенія, которыхъ пѣлись подъ аккомпанементомъ инструмента, были наиболѣе излюбленными видами поэзіи; и если судить объ искусствѣ по произведеніямъ Гомера, то не трудно замѣтить, что, хотя относительно удобствъ расположения и составленія произведенія, умѣнія избѣжать мелочныхъ и пошлыхъ подробностей, словомъ, относительно всего того, что касается композиціи сочиненія, искусство было еще въ младенчествѣ, оно совершило уже быстрый прогрессъ относительно выразительности, стиля и гармоніи; не существовало другой исторіи, или даже другихъ лѣтописей, кромѣ краткихъ надписей, напоминавшихъ о послѣдовательномъ рядѣ королей или главныхъ жрецовъ и хроникъ, которыхъ, будучи предназначены только для памяти, были написаны въ стихахъ. Мы не имѣемъ никакого памятника греческаго краснорѣчія этихъ отдаленныхъ временъ и если мы хотимъ получить о немъ нѣкоторое представлѣніе, то найти его опять таки можемъ только у Гомера. Однако, несмотря на красоты его слога, оно кажется въ его произведеніяхъ грубымъ и безыскусственнымъ. Въ послѣдующихъ вѣкахъ, преувеличеніе, несвязность образовъ, напыщенность словъ, вѣчный повторенія тѣхъ же идей, уродующій разсужденія дѣйствующихъ лицъ этихъ поэмъ, были замѣнены у другихъ авторовъ простыми и естественными красотами, смѣлой мудростью, рѣдко ложнымъ изяществомъ, почти всегда выдержанной гармоніей; но, у Гомера, оскорблена, которая герои себѣ расточаютъ, наивность, съ которой они хвастаются своими поступками, или даже своей глубокой мудростью, и ихъ безпощадность къ самолюбію тѣхъ, мнѣніемъ которыхъ они хотятъ овладѣть, ясно показываютъ, что искусство убѣждать, во времена этого отца греческой поэзіи, въ нѣкоторомъ родѣ, только зарождалось; ибо трудно предположить, чтобы Гомеръ уступалъ въ краснорѣчіи своимъ современникамъ, онъ,

который во всѣхъ другихъ отношеніяхъ опередилъ искусство и вкусъ наиболѣе просвѣщенныхъ вѣковъ.

Музыка была только практическимъ искусствомъ; умѣли аккомпанировать, но голосъ и инструментъ издавали звуки съ одинаковыми интервалами, и искусство гармоніи, искусство варыировать аккорды, было еще долго неизвѣстно, если оно не абсолютно новѣйшаго происхожденія. Ихъ инструменты состояли изъ различныхъ видовъ флейтъ и лиръ, но послѣднія имѣли еще только небольшое число струнъ.

Живопись и скульптура давали почти еще, какъ въ Египтѣ, только грубыя изображенія предметовъ. Если рисование совершило уже нѣкоторый прогрессъ, если оно приобрѣло нѣкоторую правильность, если подражаніе приблизилось къ природѣ,— части искусства, зависящія отъ генія, были неизвѣстны, и оно должно было еще надолго остановиться на томъ, что говорить только чувствамъ и на томъ, что глазъ и рука могутъ выполнить. Описаніе щита Ахилла могло дать поводъ думать, что искусство составлять картины существовало въ его время. Но Гомеръ описываетъ произведеніе Бога, и правдоподобно, что воображеніе поэта поднялось выше того, что человѣческія руки сумѣли бы тѣогда осуществить.

Что касается математическихъ, или физическихъ наукъ, то тѣ немногія знанія, которыя можно было изучить въ жреческихъ коллегіяхъ Египта, Халдеи и Индіи не проникли еще въ Грецію. Ихъ не отличали отъ искусствъ, къ которымъ они отчасти примѣнялись, и эти примѣненія представляли собой все, что было извѣстно въ области этихъ наукъ. Такъ, изъ математики знали только нѣкоторые практическіе принципы ариѳметики, или геометріи, необходимые для межеванія и вычислений обыденной жизни. Люди болѣе образованные имѣли грубое понятіе о движеніяхъ луны и солнца, которымъ они пользовались для опредѣленія года и знали главныя созвѣздія, по которымъ они отмѣчали времена года и руководствовались ими въ своихъ морскихъ путешествіяхъ. Они позволяли себѣ терять изъ виду землю только въ нѣкоторыхъ чрезвычайно короткихъ перѣѣздахъ, съ которыми они освоились въ силу привычки. Остальное было для нихъ только добавленіемъ къ силѣ веселья и послѣднія одни служили имъ, какъ для отталкиванія отъ берега, такъ и для приставанія къ землѣ. Ихъ

географія не распространялась дальше узкого круга ихъ страны и части ближайшихъ къ греческимъ націямъ береговъ и острововъ Средиземного моря.

Въ это время мы не находимъ никакого слѣда того, что мы называемъ инструментами и машинами, но механическія и химическія искусства уже совершили большой прогрессъ.

Умѣли изготавлять шерстяныя и льняныя ткани.

Извѣстны были способы дубленія кожъ, окрашиванія матерій, приготовленія и обжиганія горшковъ. Всѣ искусства необходимыя для изготоенія оружія, рабочихъ инструментовъ, домашней посуды, желѣзной или мѣдной, были распространены въ Греціи. Желѣзо замѣнило мѣдь, которая еще употреблялась исключительно для оружія во время осады Трои.

Серебро добывалось изъ рудниковъ Аттики. Желѣзные рудники острова Крита разрабатывались во времена еще болѣе отдаленные. Такимъ образомъ, греки обладали уже знаніями необходимыми для рудничныхъ работъ и добыванія металловъ; но они не знали искусства ихъ отдѣлять.

Фидонъ, тиранъ Аргоса, около 2700 г. до нашей эры приказалъ чеканить серебряныя монеты и ввелъ въ употребленіе мѣту и вѣсь. Всюду воздѣлывался хлѣбъ, разводились виноградная лоза и масличное дерево.

Послѣ троянской войны кавалерія была замѣнена колесницами. Искусство перевязывать раны, исправлять вывихи и переломы, лечить болѣзни было предметомъ занятій людей, которые, не образуя никакой корпораціи, не примѣшивая никакого суетлія, посвящали себя помощи себѣ подобнымъ, одни изъ материальныхъ соображеній, другіе только ради славы. Довольно обширныя познанія въ области остеологіи, чрезвычайно слабыя во всѣхъ другихъ частяхъ анатоміи, знанія приобрѣтенные о предметѣ медицины, о прогнозѣ болѣзней, о способѣ ихъ лечения, о нѣкоторыхъ хирургическихъ операціяхъ, объ искусствѣ примѣнять лекарства, передавались то отъ учителя къ его ученикамъ, то отъ отцовъ къ дѣтямъ въ семействахъ, гдѣ занятіе медициной было наследственнымъ. Въ храмахъ эскулапа были даже составлены нѣкоторые сборники наблюдений, которыми путешественники и больные могли свободно пользоваться.

Греки никогда не были поработлены, хотя временено бывали

угнетаемы тиранами и завоевателями; ибо къ греческимъ народамъ не причислялись тѣ несчастныя націи, которыя жадность и жестокость лакедемонянъ обрекли на вѣчное рабство. Различие происхожденія не порождали у нихъ ни высокомѣрія, ни униженія. Не за дѣтьми завоевателей они признавали своего рода наслѣдственное величіе, а за потомками своихъ боговъ. Это почтеніе не влекло за собой никакой идеи зависимости, ни даже неравенства. Они не имѣли того яснаго понятія о правахъ человѣка, которое еще столь свѣжо среди насть; но въ глубинѣ своего сердца они сознавали, что природа со-здала ихъ не для того, чтобы имѣть надъ собой господь. Ихъ возмущала одна только мысль о подчиненіи греческой націи другому народу, или поробощеніи ея тиранами. Та, которая добровольно подпадала подъ чужую власть въ минуты шата-нія или страха, скоро негодовала на себя за свою слабость, или краснѣла за свое заблужденіе. Аристократія терпѣлась тамъ только въ формахъ свободы. Прежде чѣмъ получить воз-можность угнетать ей нужно было долгое время обманывать и чтобы равенство оскорблѣніе въ наиболѣе важныхъ правахъ, въ наибольшихъ интересахъ, шумно проявлялось въ ничтож-ныхъ учрежденіяхъ. Было одинаково опасно отягощать, или сдѣлать чувствительнымъ народное ярмо и политика повели-тельно предписывала командующимъ умѣренность и скром-ность.

Ихъ тактика, ихъ военные учрежденія напоминали еще таковыя у варварскихъ народовъ. Граждане добывали себѣ оружіе и содержали себя въ арміи грабежомъ или на свой собственный счетъ. Военная хитрость выражалась только въ грубыхъ обманахъ. Тактика состояла въ тщательномъ охране-ніи фланговъ и тыла, въ нападеніи на эти самыя части непріятельской арміи, но не маневрами, а внезапными натисками изъ - засады. Осады городовъ представляли собой долгія блокады, въ теченіе которыхъ старались истощить силы непріятеля; его доводили до голода; мѣшали ему воздѣлывать поля и возобновлять сѣйстные припасы, вовлекая его въ еже-дневныя сраженія. Пользовались его оплошностью, чтобы за-хватить его врасплохъ, пробить брешь, или войти въ городъ подземнымъ ходомъ. Шли на приступъ, уже когда городъ со-вершенно ослабѣлъ, или лишился своихъ защитниковъ. Но

средства позволяющія приближаться къ стѣнамъ съ меньшей опасностью, дѣлать подъ ними подкопъ, или разрушать ихъ, господствовать надъ ними, удалять ихъ защитниковъ, еще не были известны. Не болѣе могли тогда знать искусство защищаться отъ этихъ средствъ и сдѣлать ихъ бесполезными.

Греки переняли у восточныхъ народовъ склонность къ общественнымъ играмъ, научились вести ихъ и усовершенствовали это учрежденіе. Периодическія игры устраивались при многихъ знаменитыхъ храмахъ. Вѣнки и награды распредѣлялись между побѣдителями въ присутствіи всей Греціи, собиравшейся на эти блестящія празднества. Слава этихъ побѣдъ становилась для самихъ городовъ предметомъ соперничества. Атлетъ боролся одновременно для своей славы и для славы своего отечества. Въ силу этого создалась общая страсть къ этимъ упражненіямъ, которая, мудро направленная къ тому, чтобы сообщить тѣлу больше ловкости и силы, способствовали физическому развитію націй, сдѣлали ихъ болѣе способными переносить усталость и исполнять все обязанности, требующія ловкости и силы. По примѣру городовъ села также завели у себя игры, которая не менѣе торжественно устраивались. Надежда получить, или оспорить съ честью эти менѣе блестящіе вѣнки, явилась достаточной причиной, чтобы привычка къ этимъ полезнымъ упражненіямъ стала общей. Именно на этихъ празднествахъ поэты читали свои стихи; музыканты проявляли свои таланты, художники и скульпторы выставляли свои картины и статуи. Мудрецы приходили туда искать или знаній, или апплодисментовъ. Герои показывались народу. Именно тамъ граждане всѣхъ городовъ собирались, чтобы наслаждаться всѣми удовольствіями, доставляемыми искусствами и судить ихъ произведеній; и свободное мнѣніе всей Греціи распредѣляло всѣ вѣнки славы. Какъ благотворно должны были выять эти учрежденія на людей умныхъ и впечатлительныхъ! Какое вѣрное средство сдѣлать истинно народнымъ восхищеніе всѣми талантами, возвести любовь къ славѣ въ рядъ общихъ страстей, и развить силы, которая она пробуждается, до предѣла положенного природой! ¹⁾

¹⁾ О происхожденіи религіозныхъ учений и культовъ говорилось уже въ исторіи предшествовавшихъ эпохъ.

Религія грековъ была смѣсью аллегорическихъ сказокъ, позаимствованныхъ у Востока и национальныхъ историческихъ басенъ. Но народъ не зналъ смысла этихъ аллегорій и историческая басни, составленная въ подражаніе послѣднимъ ничего ему не говорили. Религіозныя воззрѣнія ограничивались вѣрой, что эти божества каковы-бы они ни были, вознаграждали добродѣтель и наказывали преступленіе послѣ смерти, причемъ объектомъ ихъ воздѣйствія былъ родъ призрака, переживавшаго разрушенное тѣло. Эти божества управляли міромъ, какъ король своимъ государствомъ, общими законами, которые они позволяли себѣ нарушать.

Судьба, т. е. олицетворенная необходимость, ограничивала ихъ власть. Подчиненные человѣческимъ страстямъ, они любили поклоненія и жертвоприношенія; они хотѣли, чтобы при этомъ соблюдались извѣстные обряды. Единственно только этой цѣнѣ можно было купить ихъ милость. Они покровительствовали особенно нѣкоторымъ народамъ. Каждый имѣлъ своего Бога, которому онъ служилъ болѣе усердно, оказывать болѣе великолѣпныхъ почести и любимцемъ котораго онъ себя считалъ. Божества также имѣли свои привязанности, предпочтая страну, храмъ всѣмъ другимъ. Именно тамъ имъ нравилось проявлять свою доброту, или гнѣвъ и тамъ можно было надѣяться быть кѣрнѣе услышаннымъ. Каждый храмъ имѣлъ свое богослуженіе, которое божество само предпочитало всякому другому, хотя въ другомъ мѣстѣ оно любило больше совершиенно отличное. Они въ особенности гарантировали себѣ въ исполненіи обѣщаній, данныхъ у ихъ алтарей, слѣдя формамъ, установленнымъ ихъ именемъ. Они надѣлили своихъ жрецовъ или жрицъ даромъ предсказывать будущность, но только въ припадкѣ священнаго бреда, или странными средствами. Эти приемы были продиктованы тѣми соображеніями, что состояніе обыкновенного безумія слишкомъ легко унизило бы пророка и, что исторія будущаго, разсказанная тѣмъ-же тономъ, что и исторія прошлаго встрѣтило-бы лишь слабое довѣріе. Этотъ талантъ, сначала свойственный исключительнымъ натурамъ, былъ затѣмъ привилегіей извѣстныхъ храмовъ, и пророкъ тамъ также легко замѣщался, какъ священный костеръ. Божества долго жили въ Греціи въ человѣческомъ образѣ.

Каждый городъ, каждый островъ, каждая гора, каждая рѣка

были памятниками ихъ рожденія, ихъ подвиговъ, ихъ несчастій и ихъ любовныхъ похожденій. Ихъ еще иногда видѣли, съ ними говорили, но они перестали имѣть дѣтей, даже немного раньше осады Трои.

Жрецы старались увеличивать количество жертвоприношений и цѣнность даровъ пышностью обрядовъ богослуженія, красотой храма, великолѣпiemъ его украшеній, славой чудесъ, молвой объ истинности ихъ предсказаний. Но они не занимались ни образованіемъ народовъ, ни надзоромъ за нравственностью, еще менѣе—изготовленіемъ морали благопріятной ихъ интересамъ. Каждый храмъ имѣлъ своихъ жрецовъ; они не образовывали отдѣльной корпорации и не имѣли никакого политического вліянія. Довольствуясь возможностью мирно заниматься своей священной промышленностью, имѣя интересы своей торговли, возбуждавши между ними только соревнованіе въ искусствѣ использовать народную легковѣрность, они взаимно соблюдали тайну своихъ плутонъ. Но они были всегда готовы возбуждать суевѣrie народовъ, предавать общему проклятию всякаго, кто осмѣлился бы, или коснуться ихъ богатствъ, или критиковать ихъ употребленіе, и продавать чудеса и оракуловъ тиранамъ, честолюбцамъ и плутамъ всякаго рода, которые хотѣли ихъ покупать.

Въ немногихъ храмахъ сохранились или отыскивались иѣ-которые положения секретныхъ учений, въ древности занесенныхъ изъ Египта или Востока и въ то же время соблюдался обычай довѣрять таковыя только избраннымъ людямъ, по совершенніи надъ ними обряда очищенія, или послѣ соотвѣтствующихъ испытаній и съ условіемъ держать ихъ въ глубокой тайнѣ. Эти секреты, сообщаемые людямъ, которыхъ ихъ власть, богатство, знаменитость, или благочестіе дѣлали достойными, стали, такимъ образомъ, для этихъ жрецовъ новымъ источникомъ довѣрія и богатствъ.

Можно раздѣлить на четыре класса религіозные миѳы грековъ.

Первый обнимаетъ космологіческія аллегоріи, гдѣ понятія, физическія силы, матеріальная сущность и даже метафизическія идеи, которыхъ вводились въ объясненіе происхожденія, или общихъ законовъ вселенной, скрывались подъ именами людей, приключенія которыхъ выражаютъ послѣдовательные резуль-

таты этихъ законовъ и измѣненія, совершившіяся въ природѣ. Таковы миоы о Хаосѣ, Ночи, Судьбѣ, Уранѣ, Хроносѣ, Зевсѣ, и Юнонѣ. Второй классъ заключаетъ въ себѣ астрономическія аллегоріи: человѣческими именами здѣсь надѣлены Звѣзды и Созвѣздія и исторія этихъ воображаемыхъ существъ есть ничто иное, какъ исторія небесныхъ явлений. Затѣмъ идутъ аллегоріи: таковъ миоъ о двѣнадцати подвигахъ Геракла и Аполлона, проводника солнца; таковъ также миоъ о богинѣ Разума, выходящей, вся вооруженная, изъ головы высшаго божества, какъ впослѣдствіи этому же божеству, ставшему бесплотнымъ, приписывали рожденіе Логоса, или слова; Музы, дочери Памяти; Граціи, сопровождающія Красоту; Любовь, являющаяся ея сыномъ; Геракль, ставшій богомъ Силы, женившись на Молодости, и т. д. и т. д. Наконецъ, нельзя не признать нѣкоторыхъ истинно историческихъ миоовъ. Въ послѣдніхъ аллегорическія божества тождественны съ реальными лицами, и новыя приключенія этихъ боговъ уже не являются аллегоріями, а чудесными событиями, приписываемыми этимъ лицамъ, событиями, которыя, въ общемъ, имѣли нѣкоторое основаніе въ исторіи; таковы миоы, относящіеся къ Гераклу, другу Тезея, къ Зевсу изъ Крита, Церерѣ изъ Сициліи, и т. д. Исторія одного и того же бога не только заключала въ себѣ миоы всѣхъ четырехъ классовъ, но они часто смѣшивались даже въ одномъ изъ его приключеній, и именно въ силу этого, упрямство въ признаніи только одного изъ этихъ классовъ породило столько вынужденныхъ объясненій. Часто божество, означаемое однимъ и тѣмъ же именемъ имѣло различную исторію въ каждомъ изъ своихъ храмовъ; иногда подъ однимъ и тѣмъ-же именемъ соединялось много сначала отличныхъ между собой существъ, между тѣмъ какъ другое, органически то же самое, являлось въ разныхъ краяхъ подъ различными названіями.

Можно думать, что мистеріи состояли большей частью въ объясненіи этихъ аллегорій. Посвященные оказывались, такимъ образомъ, освобожденными отъ части басенъ, которыми жрецы своекорыстно питали еще народную легковѣрность. Они были для обыкновенныхъ гражданъ почти тѣмъ, чѣмъ въ настоящее время являются наши унитарные теологи для вѣрующей толпы, они замѣнили грубья нелѣпости тонкими гипотезами.

На Востокѣ посвященіе соединяло человѣка болѣе или менѣе

тѣсно съ жреческой корпораціей и объемъ открываемыхъ ему секретовъ соразмѣрялся съ близостью его къ этому обществу, съ положеніемъ, которое онъ тамъ послѣдовательно занималъ. Въ Греціи, эта самая церемонія была только знакомъ взаимнаго довѣрія. Посвященные обязывались молчать, но отнюдь не подчиняться, или лицемѣрить; они были опорой, а отнюдь не орудіями; естественная независимость грековъ заставляла жрецовъ довольствоваться этимъ раздѣломъ: требуя слишкомъ, они рисковали бы потерять все.

Легко видѣть, что подобная религія дѣлала народъ болѣе суевѣрнымъ, чѣмъ фанатичнымъ, образовала слабоумныхъ богохульцевъ скорѣе, чѣмъ лицемѣровъ. Она мутила воображеніе, но не сковывала, или омрачала его; ея страхи могли подавлять духъ, но не разворачивать, или ожесточать сердца; она увеличила мораль мотивами уважать справедливость и обязанности по отношенію къ богамъ, но она не извращала ея принциповъ; ея жрецы были опасными шарлатанами, иногда гибельными политическими орудіями, но не озѣбрѣвшими тиранами, какими они являлись почти на всемъ остальномъ земномъ шарѣ.

Народная масса вѣрила религіознымъ баснямъ; тѣ, которыхъ природа надѣлила большей хитростью, или болѣе сильнымъ умомъ, тѣ, которые просвѣщались у мудрецовъ, знали, что эта религія была только аллегоріей, скрывавшей менѣе грубое и менѣе вздорное ученіе; они старались разобраться въ ея сущности, или расширяя свой кругозоръ въ личныхъ путешествіяхъ, или, совѣтуясь съ знаменитыми путешественниками, или, заставляя посвящать себя въ ея тайны. Нѣкоторые довольствовались исканіемъ истины въ своемъ собственномъ мышленіи; всѣ презирали народный суевѣрія, придерживаясь ихъ еще не столько изъ политическихъ соображеній, сколько въ силу смутнаго уваженія къ скрытому въ нихъ смыслу. Но эти люди были разсѣяны въ обществѣ, и не образовывали отдельного класса, способнаго использовать заблужденія другихъ.

Женщины у грековъ, хотя обреченныя на домашнюю и уединенную жизнь, пользовались нѣкотораго рода авторитетомъ во внутренней жизни семейства. Законы духа свободы приблизили ихъ немного къ естественному равенству. Онѣ были подругами, но не домашней прислугой своихъ мужей. Онѣ раздѣляли съ послѣдними уваженіе дѣтей и честь ихъ воспиты-

вать. Если онъ не допускались къ исполненію политическихъ функций, даже къ присутствию на народныхъ собранияхъ и участію въ общественныхъ играхъ, то онъ несли наравнѣ съ мужчинами религіозныя обязанности. Онъ ихъ даже превосходили въ талантѣ сдѣлаться оракуломъ.

Можно было имѣть только одну жену. Считалось позорнымъ развращать жену другого; обычный союзъ мужчины со свободной женщиной пятналь ихъ обоихъ. Эти нравы были продуктомъ того равенства между людьми, которое аристократія вынуждена была уважать, или, по крайней мѣрѣ, показывать видъ, что уважаетъ. Обычай пользоваться для своихъ удовольствій рабами и женщинами, взятыми на войнѣ, былъ публично утвержденъ; но онъ распространялся только на плѣнниковъ и плѣницъ иноземныхъ народовъ; въ другихъ уважалось достоинство греческой націи, гдѣ боялисьувѣковѣчить притѣсненія и раздражать национальную ненависть.

Исторія отдаленныхъ вѣковъ доказываетъ большимъ количествомъ войнъ, единственнымъ мотивомъ которыхъ было похищеніе нѣкоторыхъ женщинъ, что любовная страсть была очень сильна у грековъ, но что ревность обусловлена была этой самой страстью, чувствомъ оскорбленного достоинства, скрѣе, чѣмъ надменностью предразсудка, чѣмъ духомъ господства надъ болѣе слабымъ поломъ. Заботились обѣ отомщеніи сопернику гораздо больше, чѣмъ о наказаніи невѣрной жены. Ревность заиграла ненависть; толкала на преступленія, но не приводила къ порабощенію, къ униженію женщинъ. Эти изслѣдованія о сохраненіи физической дѣственности, эти заботы о достиженіи вынужденного воздержанія были тогда неизвѣстны въ Греціи. Если тамъ еще наблюдались остатки скотства героическихъ временъ,—то, что въ распутствѣ, развращаетъ и разслабляетъ душу, дѣлаетъ ее неспособной къ чувствамъ сильнымъ и великодушнымъ, еще не существовало.

Одна изъ этихъ позорныхъ привычекъ, рожденныхъ, какъ мы это видѣли, въ легкомысленной глупости пастушеской жизни была издавна обычна въ Греціи. Законодатели-философы вынуждены были снисходительно относиться къ ней и мы въ дальнѣйшемъ увидимъ, что если они не смогли уничтожить, они уменьшили этотъ остатокъ варварства первыхъ вѣковъ,

который грубая развращенность римскихъ нравовъ увѣковѣчила до нашихъ дней.

Всюду пользовались услугами рабовъ; но тѣ, которые употреблялись для домашнихъ работъ, для ремеслъ, земледѣлія, скотоводства, тѣ, въ особенности, которые поселялись въ деревняхъ съ ихъ семействами, тдѣ они обрабатывали и завѣдывали землей горожанина, встрѣчали болѣе гуманное обращеніе. Разсматриваемые какъ представители несчастнаго племени, или какъ жертвы неудачи на войнѣ, отнюдь не какъ существа низшей породы, имъ приходилось страдать больше отъ корысти, чѣмъ отъ высокомѣрія. Этотъ интересъ не могъ произвести общаго ожесточенія народа, имѣвшаго мало потребностей, и гдѣ сохраненіе и умноженіе трудно замѣнимыхъ рабовъ было однимъ изъ главныхъ источниковъ богатства.

Но нужно здѣсь исключить и тѣхъ, которые назначались на работы въ рудникахъ и плотовъ различныхъ племенъ, по отношенію къ которымъ лакедемонянѣ позволяли себѣ обнаруживать всю свою жестокость и все свое высокомѣріе.

Взаимное гостепріимство образовало священную связь между гражданами разныхъ городовъ. Оно распространялось на дѣтей и сохранялось изъ поколѣнія въ поколѣніе. Оно оказывало поддержку тому, кто очутился-бы въ безвыходномъ положеніи въ чужомъ городѣ, хотя чрезвычайно близкомъ, куда интересы его богатства могли его часто призывать; оно доставляло убѣжище гражданину, который преслѣдовался въ своемъ отечествѣ. Это учрежденіе способствовало уменьшенню национальной ненависти, столь быстро зарождающейся между слишкомъ сближенными государствами, и распространяло чувство благотворительности, чрезвычайно слабо развитое среди немногочисленныхъ націй.

Жестокія наказанія, пытка были неизвѣстны, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ свободнымъ людямъ и даже рѣдко примѣнялись къ рабамъ. Тираны сдѣлали ихъ орудіемъ устрашенія; и это обстоятельство было достаточно, чтобы предохранить республиканскія законодательства отъ столь позорного подражанія.

Нѣкоторыя учрежденія жестокости, сохранившіяся отъ вѣка королей, портили еще нравы; но это зло было извѣстно, и

общее желаніе торопило моментъ и изыскивало средства для уничтоженія послѣднихъ его слѣдовъ.

Вотъ что природа и свобода сдѣлали для грековъ.

Теперь намъ предстоитъ посмотретьъ, какъ ихъ геній оказывается благотворное вліяніе на человѣка и вселенную, ускоряетъ прогрессъ наукъ, совершенствуетъ искусства, создаетъ философію, возвеличиваетъ и улучшаетъ человѣческій родъ.

Эта четвертая эпоха можетъ быть раздѣлена на дѣй части. Первая обнимаетъ время, протекшее между общимъ установлениемъ свободы въ Греціи и моментомъ, когда послѣ мидійской войны, соперничество двухъ могущественныхъ городовъ, оспаривавшихъ гегемонію, раздѣлило греческий союзъ на два противоположныхъ лагеря, долгія и кровавыя войны которыхъ подготовляли уничтоженіе свободы.

Вторая начинается съ момента, когда стали обнаруживаться внутреннія разногласія, т. е. около 2250 л. до нашей эры и продолжается до момента, когда македонское могущество поднялось на развалинахъ свободы и когда обширность наукъ заставила тѣхъ, которые ихъ разрабатывали, раздѣлить ихъ между собою.

Первая—это эпоха, когда греческія республики укрѣплялись, когда они получили отъ своихъ законодателей болѣе правильныя конституціи и систему писанныхъ законовъ; когда, если исключить поэзію, опередившую эту эпоху, вся остальная литературные формы и живопись впервые вышли изъ своего младенческаго состоянія (по крайней мѣрѣ, въ томъ, что намъ известно изъ исторіи человѣческаго рода), когда науки, показываясь, наконецъ, людямъ освобожденными отъ покрывавшихъ ихъ суетѣй, начинаютъ разрабатываться исключительно ради прелести истины и изъ любви къ славѣ; когда независимая философія занимается въ типи частной жизни познаніемъ природы, изученіемъ человѣка и его совершенствованіемъ.

Вторая показываетъ намъ науки и искусства философіи, избавленными отъ узъ своего дѣтства и проявляющимися во всей силѣ блестищей молодости. Мы видимъ, какъ различные части искусства соціального строительства очищаются и освѣщаются среди страстей, которые незначительность греческихъ республикъ дѣлала болѣе активными, концентрируя ихъ,

между тѣмъ какъ новыя отношенія, установившіяся между интересами каждого города и общими интересами Греціи и Азіи, сдѣлали эти самыя страсти болѣе энергическими, расширяя сферу ихъ дѣятельности и ихъ надеждъ.

Измѣненія въ политическомъ состояніи Греціи, явившіяся слѣдствиемъ ея побѣдъ надъ персами, и труды Гиппократа или Метона, первая реформа философіи, произведенная Сократомъ, реформа кладеть предѣль вліянію, приписываемому восточнымъ ученіямъ, совпадаютъ съ хронологической точностью достаточно большой, чтобы позволить раздѣлить на двѣ части картину одной и той-же эпохи.

Мы видѣли у народовъ, исторію которыхъ заключаеть въ себѣ предшествовавшая эпоха, что основные законы составляютъ часть религіи, и, опираясь на суевѣрія, приобрѣтаютъ почти священную неотмѣняемость; что божественное право тираніи издѣвается надъ правами человѣческаго рода и жреческія коллегіи захватываютъ настоящую власть, учрежденную помощью этой лицемѣрной политики. Въ Греціи эти самые основные законы, отдѣленные отъ религіи, обязаны ей, тѣмъ не менѣе, большей частью того мифа о ихъ неотмѣняемости, которое установилось почти у всѣхъ народовъ. Торжественная присяга и страшныя проклятія, казалось, должны были связать всѣ поколѣнія волей одного. Греки полагали, что законы даны не божествомъ, а геніемъ, что люди получили ихъ отнюдь не съ неба, но отъ мудрецовъ, вдохновляемыхъ разумомъ. Тѣмъ не менѣе, не зная еще того предопредѣленія человѣка, которое зоветъ его къ прогрессу безпрестанно новому, того движенья обществъ, которое представляеть въ каждый моментъ новые источники, въ то же время, какъ оно даетъ чувствовать въ нихъ потребность, они считали, что законы, соотвѣтствовавши пастоящему состоянію ихъ развитія, должны были ихъ вѣчно удовлетворять, и могли быть вѣчными, какъ права, воззрѣнія и принципы, на основаніи которыхъ эти законы построены.

Къ сожалѣнію, эта самая идея, тогда столь простительная, помѣшала имъ включить въ основные законы средства реформировать ихъ, и народы оказывались передъ альтернативой, или не признавать ни одного, что избавляло ихъ отъ всѣхъ опасностей всегда неяснаго законодательства, или измѣнить

ихъ только путемъ революцій, которыя, почти всегда кровавыя, подвергали ихъ опасности очутиться во временномъ подчиненіи у тирана.

Почти всегда забота о систематическомъ законодательствѣ поручалась одному человѣку. Если принять во вниманіе, что дѣло шло не о томъ, чтобы даровать ему какую-либо власть надъ гражданами, а о порученіи ему работы, съ окончаніемъ которой должна была навсегда окончиться его роль; или если замѣтить то обстоятельство, что весь народъ, собранный на одной общественной площади могъ его выслушать и судить, что, наконецъ, равенство знаній устранило возможность злоупотребленія полномочіемъ, неразумно предоставлѣннымъ этому единичному законодателю, то ясно станетъ, что, быть можетъ, это средство, обеспечивая единство системы законодательства, охраняло послѣднее еще отъ влиянія личныхъ страстей, которыхъ гораздо труднѣе скрыть, и не столь смѣло проявляются, когда они исходятъ отъ одного лица. Но такое средство предполагало признаніе его превосходства; оно годилось только для той эпохи, когда энтузіазмъ возвысилъ его надъ зависью, потому что легкое образование не умножало полу-талантовъ и позволяло даже посредственности сознавать свое достоинство. Не было установлено никакого отличія между разными основными законами, какъ по ихъ предмету, такъ и по важности ихъ въ поддержаніи свободы. Характеръ неотмѣняемости присваивался всѣмъ законамъ, которые были санкционированы *присягой* (*sementis*) и опирались на уважаемое имя законодателя, ставшаго въ нѣкоторомъ родѣ предметомъ политического культа. Эти законы могли быть измѣнямы только средствами или причудливыми, или ими непредвидѣнными и потому всегда опасными.

Ликургъ въ Спартѣ, Драконъ и Солонъ у аѳинянъ, Залевъ въ Локрахъ, Харандасъ въ Фуріахъ суть почти единственные законодатели, имена которыхъ дошли до насъ съ нѣкоторыми подробностями ихъ законовъ.

Есть основаніе полагать, что эпоха Ликурга не была отдалена отъ времени, когда большая часть терриоріи греческихъ городовъ находилась еще въ общемъ владѣніи и вѣроятно, что Гераклиды заставляли побѣжденные народы воздѣлывать ее для нихъ и для ихъ солдатъ. Ликургъ, такимъ образомъ, на-

шель учреждения подобного тому нелѣпому и жестокому илотизму, который онъ санкционировалъ и систематизировалъ своими законами; и такъ какъ право собственности на большую часть владѣній казалось основаннымъ только на захватѣ, память о которыхъ не изгладилась еще, то идея раздѣлить земли и рабовъ должна была тогда менѣе задѣвать его соотечественниковъ. Но этотъ новый раздѣль, о которомъ исторія передала намъ только немнога подробностей, не могъ быть общимъ; мы не находимъ никакого слѣда тѣхъ предсторожностей, которыя были бы тогда необходимы для обезпечения семействамъ пропитанія и для поддержанія этого равенства въ теченіе всего того времени, когда учрежденія Ликурга функционировали. Болѣе правдоподобно, такимъ образомъ, что онъ распредѣлилъ только нѣкоторыя части территоріи, принадлежавшей Лаконіи, между болѣшимъ количествомъ гражданъ, давая каждому по небольшому участку, достаточному для ограниченного продѣвольствія семьи; и, не устанавливая абсолютнаго равенства, онъ благодаря этому обеспечилъ многимъ гражданамъ полную независимость и слѣдовательно реальное равенство.

Онъ хотѣлъ это равенство распространить на удовольствія, на привычки. Общественные трапезы, для которыхъ каждый доставлялъ равное количество съѣстныхъ припасовъ, и гдѣ соблюдалась строгая умѣренность, замѣнили частныя собранія. Не нужно, однако, воображать, что всѣ граждане Ѳили каждый день за этими республиканскими столами, и даже, что они обыкновенно не жили со своими семействами. Мы найдемъ достаточно дѣйствительныхъ ошибокъ у Ликурга, не добавляя тѣхъ, которыя его почитатели хотѣли ему приписать.

Неудобная по своей тяжести желѣзная монета единственno была въ обращеніи внутри государства. Но, во времена Ликурга употребленіе серебряной монеты едва было известно въ Греціи. Такъ что продолжительное исключеніе этой монеты должно менѣе приписывать политическимъ соображеніямъ Ликурга, чѣмъ суевѣрию, которое долгое время привязывало гражданъ къ буквѣ его законовъ, или опасенію, чтобы корыстолюбіе, доведенное до излишества, не повредило успѣху грабежей, благороженныхъ ими несмѣть войны.

Законы Ликурга предоставляли женщинамъ нѣкоторыя |

права, которые приближали ихъ къ естественному равенству; онъ хотѣлъ, чтобы онъ были достойны внушать своимъ мужьямъ своимъ братьямъ, своимъ сыновьямъ любовь къ отечеству и военные добродѣтели. Публичные упражненія, имѣвшія цѣлью укрѣплять тѣло, танцы, сопровождавшіяся пѣніемъ патріотическихъ пѣсень, представляли собой почти все военитаніе обоихъ половъ. Молодые люди дополняли свое образованіе въ бесѣдахъ со старцами, происходившихъ въ зданіяхъ, предназначенныхъ для общихъ трапезъ, на площадяхъ, на прогулкахъ. Ликургъ понималъ, что сдѣлавъ женщинъ болѣе ловкими, болѣе крѣпкими, онъ образовалъ бы породу людей болѣе здоровую и болѣе сильную.

На общественныхъ играхъ дѣвушки появлялись нагими, или одѣтыми такимъ образомъ, чтобы возбуждать, можетъ быть, еще болѣе пылкія желанія. Намѣреніе уменьшить привлекательность сладострастія сидои привычки, было бы всего менѣе понятно у Ликурга и менѣе всего соотвѣтствовало бы остальнымъ его видамъ. Можно болѣе основательно предположить, что онъ задавался какъ разъ противоположной цѣлью. Онъ хотѣлъ предупредить или уничтожить, посредствомъ этого зрѣлица, привычку, которая слишкомъ укоренилась у грековъ и развитію которой благопріятствовало еще то обстоятельство, что на гимнастическихъ упражненіяхъ мужчины появлялись нагими.

Сверхъ того, какъ какъ онъ хотѣлъ, чтобы лакедемонянѣ совершились физически, онъ долженъ былъ желать, чтобы мужчины къ своему выбору побуждались бы только достоинствами тѣлосложенія.

Семейная жизнь была для лакедемонянъ отдыхомъ, наслажденіемъ, а отнюдь не привычкой, которая могла ихъ притуплять, или разслаблять. Но не нужно понимать буквально того ораторскаго преувеличенія, что они видѣли своихъ женъ только украдкой. Утверждаютъ, что когда они были слабаго сложенія, они обязывали своихъ женъ давать имъ дѣтей отъ отцовъ болѣе высокаго роста, болѣе гибкой и болѣе красивой фигуры, болѣе крѣпкаго тѣлосложенія. Возможно, что подобные примѣры имѣли мѣсто въ странѣ, гдѣ наибольшей гордостью была военная слава дѣтей и въ эпоху, когда эта слава много зависѣла отъ физическихъ качествъ; но можно сомнѣ-

ваться, чтобы это было общимъ обычаемъ, еще менѣе общественнымъ учрежденіемъ, и почти закономъ.

Всѣ эти учрежденія имѣли цѣлью не физическое или моральное совершенствованіе людей, не ихъ равенство, но только войну. Наказанія, которымъ подвергались дѣти, чтобы развить ихъ терпѣніе, привычку красть, которую заставляли ихъ усвоить, подчиненіе, къ которому они пріучались, достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ намѣреніи. Въ Спарѣ не разрабатывались ни науки, ни философія, ни литература. Живопись и скульптура разсматривались, какъ занятія недостойныя для существа, созданаго природой, безъ сомнѣнія, для того, чтобы убивать себѣ подобныхъ. Тѣмъ не менѣе, поэзія и музыка были терпимы, когда онѣ служили для возбужденія воинственной ярости. Лакедемонянинъ не долженъ быть знать ни механическихъ искусствъ, ни торговли. Илоты, вынуждаемые ко всѣмъ работамъ, подвергаемые всѣмъ оскорблѣніямъ, воздѣлывали его земли; для своего существованія онъ имѣлъ или доставшуюся ему землю, или родовое имѣніе; и—при отсутствіи этихъ источниковъ—продуктъ своихъ краѣвъ на войнѣ. Если онъ имѣлъ слишкомъ много рабовъ, онъ ихъ убивалъ; если его варварство слишкомъ уменьшало ихъ количество, онъ дополнялъ ихъ крадеными.

Дѣти, родившіяся слабыми, или безобразными, были безжалостно убиваемы. Это было не то жестокое состраданіе нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, лишающихъ жизни существъ, для которыхъ, они полагаютъ, она была бы только долгимъ страданіемъ; это дѣлалось не по тѣмъ причинамъ, какъ въ Китаѣ, гдѣ униженіе и нищета заглушили природу; это дѣлалось единственно потому, что эти дѣти не обѣщали имѣть однажды возможность убивать другихъ людей.

Такія учрежденія кажутся установленными для того, чтобы образовать не гражданъ, а шайку разбойниковъ, умѣющихъ соблюдать между собою справедливость, чтобы безъ зазрѣнія совѣсти нарушать ее по отношенію ко всему остальному человѣчеству. Быть ли, такимъ образомъ, другомъ равенства законодатель, который сохранилъ за своей фамиліей наследственную власть, достаточно большую, чтобы, недолго спустя послѣ него, вынуждены были ее уменьшить; который установилъ унизительная различія между жителями Спарты и на-

селенiemъ ея терриtoriи; который всѣ виды власти сосредоточилъ въ рукахъ немногочисленной аристократiи? Народъ, образованный имъ, не былъ-ли неизмѣнно покровителемъ остальной Грецiи? Всѣ добродѣтели, основанныя на гуманизмѣ, на естественной справедливости были изгнаны изъ Спарты. Ихъ исторiя изобилуетъ чертами величия души, надменной щедрости, преданности отечеству. Она не даетъ ни одного человека, на жизни которого другъ людей могъ бы остановить свою мысль съ нѣкоторымъ удовольствiемъ. Если называть добродѣтелью готовность жертвовать собою ради мнѣнiя своей страны, ради принциповъ общества, въ которомъ мы волею судьбы родились, то онѣ были обычны въ Спартѣ, онѣ были тамъ возведены до героизма. Но ихъ учрежденiя повинны въ томъ, что они извратили этотъ самый героизмъ, сдѣлавъ его орудiемъ несправедливости и варварства, что они осквернили добродѣтель, поставивъ рядомъ съ ней презрѣнiе къ правамъ, къ счастью и жизни людей.

Утверждаютъ, что Ликургъ, заставивъ спартанцевъ поклясться въ подчиненiи его законамъ до его возвращенiя, удалился въ добровольное изгнанiе, чтобы присяга обязывала ихъ къ вѣчному подчиненiю. Придерживаться добросовѣстно и буквально данной клятвы, хотя бы она была выманена, хитростью, свойственно нравамъ грековъ; но средство, которое приписывается Ликургу и которое похоже на казуистические извороты Паскаля, болѣе достойно священника, чѣмъ законодателя.

Я не похвалю Ликурга за то, что онъ отказался получить тронъ путемъ жестокаго преступлени: время, когда можно было услышать, что для того, чтобы сдѣлаться королемъ все позволено, къ счастью, миновало и мы научились видѣть эти преступлени честолюбiя во всей ихъ низости. Народъ передалъ ему судьбу гражданина, который во время возмущенiя тяжело ранилъ его, и онъ простилъ. Это доказываетъ, что нравы грековъ возвысились уже до величодушiя неизвѣстнаго въ героическая времена и что народъ былъ способенъ предвидѣть и понимать величодушiе законодателя.

Онъ имѣлъ несчастье считать занятiемъ достойнымъ человѣка только войну, видѣть счастье только въ господствѣ; и народъ, который онъ образовалъ, чуждый всему тому, что

сдѣлало грековъ благодѣтелями человѣческаго рода, смышился бы съ той массой націй, которая прошли по землѣ, не оставивъ никакого слѣда, селибы онъ не раздѣлять съ аенинами честь предохранять Европу отъ господства персовъ и разумъ отъ ига восточныхъ суевѣрій.

Сто двадцать четыре года послѣ установлениія законовъ Ликурга, Феопомпъ счелъ необходимымъ ограничить исключительное могущество, которое они предоставляли наслѣдственнымъ королямъ. Но реформа предполагала не уничтоженіе наслѣдственности, которую имя Геракла сдѣлало почти священнымъ, не призваніе народа къ пользованію частью своихъ правъ,—но, наоборотъ, учрежденіе рядомъ съ королями соперничающую власть, грозную для нихъ, тираническую по отношенію къ гражданамъ. Въ греческихъ городахъ авторитетъ сената, или собраній, какъ всего народа, такъ и нѣкоторыхъ его частей, раздѣлялъ власть высшихъ должностныхъ лицъ и господствовалъ надъ ними. Но здѣсь мы видимъ первый извѣстный примѣръ равновѣсія властей, ставшаго черезъ столѣтіе системой, или скорѣе химерой политиковъ, претендовавшихъ на репутацію искусствъ государственныхъ людей; если оно въ Лакедемоніи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, мѣшало одной изъ этихъ властей захватить абсолютную власть, то сбѣ онъ существовали за счетъ народной свободы, которая носила двойную тяжесть всего того, что добавлялось къ каждой изъ нихъ для обезспеченія ихъ равновѣсія.

Ликургъ почерпнулъ часть своихъ законовъ въ законодательствѣ Крита, оно тамъ разсматривалось, какъ произведеніе королей, изгнанныхъ недолго спустя послѣ троянской войны. Дѣйствительно, ничто въ немъ не говорило о томъ уваженій къ независимости людей, о тѣхъ заботахъ объ ихъ интересахъ, или счастьѣ, которая являются естественными характерными чертами законовъ, устанавливаемыхъ свободнымъ народомъ добровольно для себя. Можно думать, что, находясь въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ Египтомъ, имѣя болѣе тѣсныя сношенія съ Финикией, критяне позаимствовали свое законодательство изъ тѣхъ уставовъ, которымъ жреческія коллегіи и привилегированныя касты подчинялись у нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ. Мы видимъ здѣсь то же стремленіе сковывать, заглушать естественные чувства людей,

оставляя имъ только одну страсть—корпоративную гордость и фанатизмъ.

Такие законы годились для воспитанія отмѣнныхъ солдатъ для монарха, потомка боговъ, какъ послѣ уничтоженія царской власти, они создавали неустрешимыхъ защитниковъ аристократіи, замѣнившей послѣднюю. Этотъ воинственный духъ поддерживалъ долгое время независимость Крита; но безпрестанно волнуемый войнами, возникшими между этими городами—республиками, онъ не зналъ ни истинной свободы ни мира. Онъ одинаково продавалъ солдатъ свободнымъ націямъ Греціи и королямъ Азіи. Часть жителей находились въ крѣпостной зависимости,—правда, менѣе жестокой, чѣмъ илоты въ Спарѣ,—между тѣмъ, какъ остальная часть порабощенной націи, спрятанная въ неприступныхъ скалахъ, защищала свою независимость. Внутри страны грабежи, вѣй — торговля кровью людей были славными послѣдствіями этихъ столь превозносимыхъ учрежденій.

Драконъ, филосовъ и поэтъ, былъ первымъ законодателемъ Аенінъ. Говорили, что его законы должны были бы быть написаны кровью. Въ томъ самомъ кодексѣ, гдѣ, чтобы внушиТЬ отвращеніе къ убийству, онъ каралъ за это преступленіе даже животныхъ, тѣхъ неодушевленные предметы, причинившіе смерть подвергались подобію казни, тамъ же онъ оскорбилъ человѣколюбіе, наказывая даже невольныхъ убийства, и проступки, свидѣтельствовавшіе о жестокихъ наклонностяхъ. Смертная казнь тамъ широко примѣнялась. Но могъ ли человѣкъ научиться уважать кровь себѣ подобныхъ, когда законы не умѣли ее щадить? И это чувство гуманности, которое удерживаетъ насъ отъ всякаго насилиственнаго или жестокаго дѣйствія, не является ли оно естественной опорой справедливости, безъ которой, тщетно поддерживаемая страхомъ, она остается безсильной противъ жестокости интереса, или безумія мести?

Дракона упрекали въ чрезмѣрной суровости его уголовныхъ законовъ: „я хотѣлъ наказать не проступки, отвѣтилъ онъ, но неподчиненіе закону, ихъ запрещающему — это неподчиненіе всегда одинаково преступно“. Такимъ образомъ, тогда еще не знали, что законъ не имѣеть права защищать поступокъ, но долженъ отмѣчать между поступками, противорѣчащими спра-

ведливости, тѣ, которые должны подавляться страхомъ наказаній. Равнымъ образомъ не знали, что справедливость наказанія не обусловливается только закономѣрностью карающаго закона, но также необходимостью таковое налагать; и что даже для величайшихъ преступлений всякое наказаніе было бы несправедливо, если оно не было очевидно средствомъ ихъ предупредить, чтобы никакое другое не могло ихъ замѣнить. Не знали, наконецъ, и того, что интенсивность наказанія не должна соразмѣряться съ моральной тяжестью проступка, но съ отношеніемъ, которое необходимо установить между страхомъ наказанія и мотивами, побуждающими къ преступлению; и съ отношеніемъ, которое существуетъ между вредомъ, причиненнымъ проступкомъ и зломъ, которое наказаніе причиняетъ виновному. Но эти принципы, ставшіе, наконецъ, извѣстными въ наши дни, не усвоены еще общимъ мнѣніемъ; мы вновь найдемъ принципы аенинскаго законодателя, правда, съ нѣкоторыми смягченіями, либо въ политикѣ, либо въ морали многихъ философскихъ сектъ, либо, въ особенности, въ практикѣ почти всѣхъ народовъ.

Аениниане, которыхъ ихъ чувствительность склоняла къ синхронитности, и у которыхъ долгое раскаяніе слѣдовало за вспышками гнѣва, обусловленными ихъ страстнымъ характеромъ аениния могли только тридцать лѣтъ терпѣть эти законы, которые, благопріятствуя имущественной аристократіи въ распределеніи властей, укрѣпляли ее продолжительность своего дѣйствія. Они чувствовали то, что опытъ подтвердилъ то, что теорія соціальной науки внослидствію доказала, что сурвость законовъ служить только для поддержанія призрака свободы съ реальностью рабства; между тѣмъ какъ мягкие законы единственно совмѣстимы съ настоящей свободой, съ той, которая распространяетъ свои благодѣянія на весь народъ.

Уже пятьсотъ лѣтъ Аенны не имѣли наслѣдственныхъ королей. Несмѣненый архонтъ, безъ наследниковъ и безъ короны, еще слишкомъ напоминавшій короля, былъ черезъ 160 лѣтъ замѣненъ архонтомъ, избираемымъ на десять лѣтъ. Затѣмъ, спустя 90 лѣтъ, когда мудрецъ Солонъ былъ призванъ своими соотечественниками дать имъ болѣе мягкие и болѣе равные законы, архонтъ избирался только на одинъ годъ.

Кодексъ Солона заключалъ всю систему законодательства и даже общественныхъ учрежденій. Именно въ немъ децемвиры 145 лѣтъ спустя почерпнули принципы законовъ, которые они представили римлянамъ и которые легли въ основаніе ихъ юриспруденціи. Такимъ образомъ, юридическая наука, въ томъ видѣ, какъ она находится теперь у насть, ея принципы, ея формы, даже ея предразсудки восходятъ до Солона приблизительно на 2300 лѣтъ до нашей эры.

Новые законы могли издаваться только общимъ собраниемъ народа, гдѣ всѣ граждане имѣли равное право голоса, какъ во всѣхъ греческихъ республикахъ. Это право было наследственнымъ; но поселенецъ, или иноземецъ могъ таковое получить только отъ воли гражданъ.

Чтобы оѣнить это исключеніе, нужно замѣтить, что, въ этихъ маленькихъ государствахъ, слишкомъ легкое допущеніе иностранцевъ было бы рѣдко безопасно, что, въ Греціи, эти иностранцы почти всѣ сохраняли права въ своемъ отечествѣ, и стремились сближаться съ мѣстностями, гдѣ жили ихъ предки; что почти всѣ тѣ, которые родились въ самомъ городѣ, сохраняли, тѣмъ не менѣе, интересы и отношенія съ родиной ихъ семействъ и часте имѣли связи съ составлявшимися заговорами; что они, наконецъ, представляли собой весьма незначительную часть населенія. Мудрость, такимъ образомъ, требовала этой строгости, которая не нарушила ни политической ясности, ни справедливости; ибо исключенія, не будучи ни безусловными, ни многочисленными, были основаны на очевидныхъ мотивахъ общей полезности. Но эта самая строгость стала и несправедливостью, и причиной разрушенія Аѳинъ, когда возрастаніе числа иноземцевъ раздѣлило населеніе на два народа, одинъ подданный и другой господствующій. Законы, общіе акты администраціи составлялись въ многочисленномъ сенатѣ, который одинъ только имѣлъ право представлять ихъ на одобреніе народа.

Анахарсисъ находилъ, что это значило давать мудрецамъ трудъ разсуждать и безразсуднымъ право судить: но онъ, по-видимому, забылъ, что эти безразсудные рѣшали вопросы, касавшіеся ихъ собственныхъ интересовъ, и что мудрецы спорили объ интересахъ другого. Сверхъ того, эти недалекіе умы, неспособные содѣйствовать составленію закона, даже судить о

достоинствъ системы и представляемыхъ ѿ положеній, могли имѣть способность, какъ они имѣли право, высказаться не заключала-ли она ничего такого, что нарушило по отношенію къ нимъ справедливость, что подавляло ихъ свободу, что на-носило ущербъ ихъ благосостоянію. Хватило бы ли у Анахарсиса гордости полагать, что человѣческій родъ созданъ для того, чтобы слѣпо подчиняться тѣмъ, которые заслужили бы, или самозванно присваивали бы имя мудрецовъ?

Къ сожалѣнію, Солонъ, хотя врагъ партіи богатыхъ, не имѣлъ храбрости призвать къ участію въ этомъ сенатѣ послѣдній классъ гражданъ, образованный изъ неимущихъ людей. Это исключеніе, всегда противное естественному праву, можетъ не быть опаснымъ для общественнаго спокойствія въ большой странѣ, гдѣ народъ разсѣянъ; оно неизбѣжно становится угрожающимъ, если онъ собранъ въ одномъ городѣ, или на небольшой территорії; если часть народа, противъ которой направлено это исключеніе, не имѣтъ большого вліянія на выборы, и если эти выборы не достаточно часты, то можно опасаться, что, утомившись имѣть столькихъ господъ, она отдастся тирану.

Солонъ, подобно Ликургу, послѣ того какъ его законы были приняты, удалился въ изгнаніе, и, болѣе мудрый, чѣмъ законодатель Спарты, онъ удовлетворился требованіемъ у афинянъ клятвы соблюдать ихъ въ теченіе ста лѣтъ. Но 34 года спустя Писистратъ, льстецъ народа, получилъ отъ него позволеніе имѣть охрану, для избавленія отъ насилий богатыхъ, и основалъ тиранію, продолжавшуюся пятьдесятъ одинъ годъ, первые и послѣдніе годы которой были бурные, но которая насчитывала тридцать шесть лѣтъ спокойнаго существованія. Эта тиранія пережила насильственную смерть старшаго сына ея основателя и кончилась съ изгнаніемъ послѣдняго. Однако тираны разрушили только часть конституціи Солона и уважали остальную часть его законовъ.

Законъ бралъ подъ свою защиту личность должника отъ преслѣдований кредиторовъ, — законъ гуманный и справедливый, который мы теперь, двадцать три вѣка спустя, возобновляемъ.

Законъ опредѣлялъ торжественное восхваленіе гражданъ, умершихъ за отечество. Ихъ жены содержались, дѣти воспитывались и вооружались на счетъ республики.

Позоромъ клеймились тѣ, которые проматывали свое родовое имѣніе, отказывались защищать отечество, или не хотѣли помогать своимъ родителямъ. Тогда не знали, что мнѣніе должно имѣть только одного господина, именно — разумъ; и что объявлять поступокъ позорнымъ посредствомъ закона значить приказывать думать такъ, а не иначе; это нелѣпость, если законодатель находится въ согласіи съ общимъ мнѣніемъ; нелѣпость и тиранія, если его мнѣніе съ послѣднимъ не совпадаетъ.

Этотъ позоръ распространился на тѣхъ, которые не принимали никакого участія въ гражданскихъ расприахъ. Солонъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ клеймить тѣхъ, которые, въ этихъ разногласіяхъ, предпочитаютъ свой покой, свою безопасность интересу отечества. Но поклонники этого закона указываютъ, что онъ хотѣлъ обязать гражданъ выбирать между двумя противоположными партіями, даже когда они находили ихъ одинаково безсмысленными, или опасными; даже когда люди просвѣщенные и добросовѣстные могли бы, презирая ихъ, разбивая ихъ, сдѣлать ихъ равными нулю; и въ этомъ смыслѣ, вопреки тонкости наблюдений Монтескье, такой законъ предписывать бы только политическое лицемѣріе опасное, для свободы.

Ареопагъ заботился о промышленности, требовалъ отчета о средствахъ существованія каждого гражданина, слѣдить, чтобы никто изъ нихъ не оставался празднымъ; законъ, извинительный только, если принять во вниманіе невѣжество этихъ отдаленныхъ временъ, который очень слабо оправдывается неизначительностью государства и подражаніе которому въ большей странѣ, или въ просвѣщенномъ вѣкѣ было бы верхомъ глупости.

Мы часто встрѣтимся съ этими мнимыми моральными законами, которые то скрываютъ средство, данное сильному, чтобы угнетать слабаго, то облекаютъ нѣкоторыхъ людей самовластіемъ; то укрѣпляютъ и сохраняютъ узурпированную власть. Тогда не знали еще, что закономѣрный авторитетъ закона не распространяется дальше того, что нарушаетъ право другого, того, что уничтожаетъ существенные условия общественного договора, и политическое лицемѣріе сумѣло использовать это невѣжество.

Солона упрекаютъ въ томъ, что онъ каралъ только рабовъ

за остаток грубыхъ нравовъ, которые упрочились въ Греції. Но можно-ли его обвинять за то, что онъ не причислилъ къ преступлениамъ того, что было только позорнымъ порокомъ? Наказывая только раба, виновнаго въ развращеніи дѣтей гражданъ, Солонъ, безъ сомнѣнія, установилъ несправедливый законъ, такъ какъ нарушалъ равенство; но законы неравные, и отсюда противорѣчащіе естественной справедливости, являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ самаго существованія рабства.

Отъ Залевка до насъ дошло предисловіе къ его законамъ, памятникъ болѣе цѣнныій для исторіи философіи, чѣмъ для исторіи политики. Конституція, которую онъ установилъ, была народной, какъ вообще всѣ конституціи, авторами которыхъ были піеагорейцы. Съ похвалой отзываются о мудрости и мягкости его законовъ. Они правили людьми честью, скорѣе чѣмъ страхомъ. Однако, онъ наказывалъ предлободья лишенiemъ зрѣнія. Было бы болѣе гуманно и болѣе справедливо предупредить то, что въ этомъ поступкѣ, можетъ быть, является настоящимъ преступленіемъ, давая болѣе свободы для расторженія браковъ. Не совершилъ-ли онъ, по меньшей мѣрѣ, нелѣпой несправедливости, наказывая только одинъ полъ за проступокъ, въ которомъ другой неизбѣжно участвовалъ? Рассказываютъ, что когда его сынъ совершилъ это преступленіе, Залевъ, лишивъ себя одного глаза, явился на общественную площадь, и своей жертвой заслужилъ извиненія въ обходѣ закона; но не добавляютъ, что понявъ его жестокость, онъ потребовалъ его отмѣненія.

Утверждаютъ, что его законы приговаривали къ смертной казни того, кто предложилъ-бы сдѣлать въ нихъ измѣненіе, если это измѣненіе не было принято; такое положеніе свидѣтельствовало бы больше о высокомъ автора, чѣмъ объ его уваженіи къ правамъ людей и вѣрѣ въ прогрессъ разума. Но если этотъ фактъ только одна изъ тѣхъ философскихъ сказокъ, которыми греки наполнили исторію этихъ отдаленныхъ временъ, онъ не менѣе доказываетъ то, что тогда было выгодно доводить до суевѣрія уваженіе къ древнимъ законамъ.

Харондасъ, философъ той же школы, далъ законы жителямъ Фургій; онъ хотѣлъ, чтобы граждане развивали свой умъ, чтобы изученіе философіи и наукъ, склонность къ литературѣ, распространяя широко знанія, стали хранителями свободы. Онъ

не допускаль къ общественнымъ должностямъ тѣхъ, которые, имъ дѣтей отъ первого брака, вступали въ другой; онъ полагалъ, что общественные добродѣтели несовмѣстимы съ отсутствиемъ семейныхъ и что нелюбящіе своихъ дѣтей, врядъ-ли могли любить свое отечество. Но онъ забылъ, что право народа опредѣлять своихъ должностныхъ лицъ не можетъ законно быть ограничено моральными соображеніями, и что только народъ можетъ судить тѣхъ, которые заслуживають его довѣрія. Клеветники выставлялись публично съ позорнымъ вѣнкомъ на головѣ,—наказаніе тѣмъ лучше выбранное для преступленія, которое почти всегда трудно доказать, что оно перестаетъ существовать, если общественное мнѣніе не утверждаетъ приговора. Тѣ, которые бѣжали съ поля битвы, которые оставили армію, выставлялись три дня въ женскомъ платьѣ. Но почему наносить это оскорблѣніе полу, который часто давалъ мужчинамъ уроки всѣхъ родовъ храбрости, который, какъ они, умѣлъ презирать смерть, и лучше ихъ переносить боль? Почему благопріятствовать этой ложной идеѣ другого превосходства мужчины, кромѣ превосходства силы, идеѣ разрушающей естественные чувства, и гибельной для семейныхъ добродѣтелей?

Говорять, что Харондасъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещалъ явиться въ народное собраніе вооруженнымъ. Возвращаясь изъ военной экспедиціи онъ узнаетъ, что на общественной площади, гдѣ собрался народъ, происходятъ шумные беспорядки; онъ, не снимая оружія, спѣшить усмирить ихъ. Его упрекаютъ въ нарушеніи своихъ собственныхъ законовъ: „Ныть”, отвѣтилъ онъ, „я ихъ исполняю на себѣ самомъ”, и произнѣлъ себя мечомъ.

Если сопоставить этотъ фактъ, или эту апологію съ тѣмъ, что рассказываютъ о Залевкѣ и о смерти Дракона, задушенного, говорять, подъ тяжестью шапокъ и платья, которыхъ народъ, слѣдя странному обычаю, набросалъ на него, чтобы выразить ему своеуваженіе, то увиidимъ, что почетное изгнаніе, такое, какъ Ликургъ и Солонъ на себя добровольно наложили, было единственнымъ убѣжищемъ для человѣка, котораго опасный авторитетъ, связанный со званіемъ законодателя, слишкомъ выставлялъ зависти честолюбцевъ, восхищенію, но и тревожному вниманию друзей свободы.

Греки были тогда въ счастливомъ положеніи народа, кото-

рый, бросаясь вонъ изъ мрака первыхъ вѣковъ, благоговѣйно смотрить на зарождающійся свѣтъ и считаетъ благодѣтелемъ того, кто зажигаетъ въ его глазахъ нѣкоторые слабые лучи. Они находились между наивнымъ и откровеннымъ невѣжествомъ дикаря, который не старается научиться видѣть, потому что онъ не понимаетъ полезности этого новаго чувства и тѣмъ лицемѣремъ гордости, которое боится, чтобы слишкомъ сильный свѣтъ не освѣтилъ его ничтожества, или его плановъ, которое не想要, чтобы люди приобрѣтали знанія, ибо они тогда научились бы оцѣнивать его по достоинству и которое совѣтуетъ имъ оставаться въ невѣжествѣ, дабы по прежнему ихъ обманывать и руководить ими. Это чувство существовало еще только въ Спарѣ: въ остальной Греціи философъ, который вносилъ новыя истины, или даже новыя воззрѣнія, былъ увѣренъ встрѣтить уваженіе, почти не возбуждая зависти; не потому, чтобы эта позорная страсть была чужда сердцу грековъ: Гезіодъ нарисовалъ ее съ выразительной простотой. „Поэтъ“, говорить онъ, „завидуетъ поэту и музыкантъ музыканту“. Но человѣкъ сильнѣе чувствовалъ потребность обладать знаніями, чѣмъ униженіе получать ихъ, и эта потребность не позволяла ему предаваться смутной ненависти ко всему, что возвышается, обуздывала неистовое стремленіе изгонять, унижать, уничтожать все, что находится выше его уровня, чтобы скрыться въ своей собственной отсталости. Но когда эта потребность менѣе повелительно даетъ себя чувствовать, когда самонадѣянная посредственность можетъ лелѣять надежду находить простаковъ, именно тогда это низкое чувство, которымъ проникаются всѣ мелкія и жестокія души, можетъ быть рассматриваемо, какъ одинъ изъ наиболѣе опасныхъ бичей для прогресса разума.

Первые греческіе философы искали знаній въ Египтѣ, Халдеѣ, доходили до Индіи; ибо секретная доктрина жрецовъ этихъ странъ разматривалась, какъ заключающая въ себѣ всю человѣческую мудрость. Истины элементарной геометріи, астрономической понятія и нѣкоторыя идеи космогоніи представляли собой все то, что они оттуда вывезли. И тѣ самые вопросы, которые, не взирая на помощь нашихъ методовъ исчисленія и ихъ примѣненій, не смотря на наши успѣхи, какъ въ познаніи явлений или ихъ законовъ, такъ и въ искус-

ствѣ производить опыты, мы не осмѣлились-бы теперь затрагивать, были первыми опытами нарождающейся философіи. Она исчерпала свои силы въ исканіяхъ общаго принципа, который управляетъ міровымъ порядкомъ и сохраняетъ его, не зная ни законовъ явленій, ни одного изъ законовъ механики.

Фалесъ, Анаксименъ, Гераклитъ приписывали все материальному принципу, но дѣятельному по своей природѣ, который, сочетаясь съ инертной матеріей, образовалъ различные тѣла, былъ первопричиной всѣхъ движений, всѣхъ явленій природы. Фалесъ находилъ этотъ принципъ въ водѣ, Анаксименъ—въ воздухѣ, Гераклитъ—въ огнѣ; но правдоподобно, что они понимали эти вещества не такими, какими они намъ представляются, а рассматривали только элементарный принципъ, господствовавшій въ ихъ составлениі и для котораго они были только средствомъ дѣйствія.

Анаксагоръ полагалъ, что каждое вещество составлено изъ подобныхъ элементовъ, приводимыхъ въ движение силой, которая стремится ихъ сближать и соединять.

Демокритъ предположилъ бесконечное число элементовъ одной и той-же природы, но различающихся по своей фигурѣ, величинѣ и положенію, по количеству и направленію движений, которое они получили при своемъ зарожденіи, въ первый моментъ существования вселенной. Эти недѣлимые элементы назывались атомами, которое указывается на это качество. Надо предположить еще, что къ силѣ, которая стремится соединить подобные элементы одного и того-же вещества, Анаксагоръ добавилъ другую, стремящуюся соединить между собой элементы различныхъ веществъ, иначе эта система могла объяснить только образование однородныхъ тѣлъ, отнюдь не измѣненія ихъ сочетаній.

Демокритъ, которому законы движений не были известны, предположилъ, что атомъ, движение котораго было остановлено встрѣчей съ другимъ, возобновлялъ таковое, когда новое сочетаніе избавляло его отъ этого препятствія; или, что вѣчное теченіе всегда новыхъ атомовъ, поддерживало это движение.

Пиѳагоръ приписалъ образованіе и порядокъ вселенной сочетаніямъ чиселъ, т. е. математическимъ законамъ, которые могутъ быть строго вычислены; ибо тогда невозможно было иначе выразить эту послѣднюю идею.

Среди этихъ философскихъ химеръ нѣкоторыя счастливыя идеи показываютъ, что геній дѣлаетъ кое-какія усилия, чтобы выйти изъ хаоса, въ которомъ науки были погружены и угадываетъ то, чего онъ не могъ еще открыть.

Въ гомеомеріяхъ Анаксагора мы находимъ первую идею этихъ элементарныхъ сочетаній, основныхъ принциповъ всѣхъ тѣлъ; этихъ притяженій между элементами, которыя, слѣдя законамъ еще неизвѣстнымъ, либо опредѣляютъ природу этихъ сочетаній, либо сообщаютъ правильныя и постоянныя формы тѣламъ, которыя соединеніе этихъ элементовъ должно произвести. Въ атомахъ Демокрита мы узнаемъ ту атомическую физику, которую Декартъ такъ прославилъ; которая въ послѣднее столѣтіе увлекла всѣ умы; которая тогда даже была еще преждевременной и къ которой наши изслѣдованія безпрестанно нась приводятъ, ибо она является послѣдней цѣлью, которой мы могли бы еще достигнуть въ познаніи природы.

Наконецъ, принципъ Пиегагора представляетъ намъ первыя черты той болѣе истинной философіи, которая опирается только на опытъ и вычисление, которая хочетъ узнать законы, согласно которымъ причина оказываетъ свое дѣйствіе, прежде чѣмъ стремиться проникать въ ея сущность и которая, не желая дополнить воображеніемъ то, чего она не можетъ еще узнать, умѣеть остановиться тамъ, куда орудія, которыми она пользуется не могутъ еще достигать.

Эта философія не исключаетъ атомической физики: она учить различать, когда полезно или опасно ее употреблять; она направляетъ цѣлесообразно ея примѣненіе, она заставляетъ воображеніе остановиться въ моментъ, когда вычисление лишается возможности успѣвать за его слишкомъ быстрымъ движеніемъ. Но эта идея Пиегагора слишкомъ опередила его вѣкъ, чтобы быть даже понятой; этотъ общий взглядъ смѣшивали съ его изслѣдованіями о свойствахъ чиселъ и его остроумными примѣненіями послѣднихъ къ музыкѣ. Предполагали, что онъ приписывать этимъ свойствамъ, этимъ числовымъ сочетаніямъ реальную силу; и величайшая и наиболѣе истинная идея, до которой человѣческій разумъ могъ еще возвыситься, стала источникомъ наиболѣе вздорныхъ мечтаний, наиболѣе позорного шарлатанства.

Повидимому ни Фалесъ, ни Пиегоръ не основали системы о сущности первопричины. По крайней мѣрѣ, ученики каждого изъ нихъ раздѣлились на два лагеря; одни, какъ Анаксагоръ, Залевкъ, Тимей предполагали міровую душу, единый разумъ, который бытъ для вселенной тѣмъ, чѣмъ нашъ является для человѣческаго тѣла. Другіе, какъ Анаксименъ, Луканецъ Окелъ, не видѣли ничего сверхъ общей системы существъ, которую они рассматривали, какъ цѣлое, единое безконечное, вѣчное, послѣдовательными, или одновременными видоизмѣненіями котораго являются всѣ феномены.

Именно въ области этихъ самыхъ гипотезъ всегда неясныхъ, варьированныхъ на тысячи ладовъ по формѣ ихъ выражений, но всегда тѣ же по глубинѣ идей, блуждаетъ еще часть человѣческаго рода, которая любитъ заниматься этими нераразѣшимыми вопросами.

Отъ философовъ этой эпохи до насъ дошли только два произведенія, одно, принадлежащее Океллу изъ Луканіи; другое Тимею изъ Локру. Мы замѣчаемъ въ этихъ сочиненіяхъ ту философию словъ, которая прочно держалась въ теченіе двадцати двухъ вѣковъ, вплоть до времени Декарта, переходила отъ грековъ къ римлянамъ, отъ христіанъ къ арабамъ, отъ арабовъ къ западнымъ народамъ и съ которой намъ неоднократно придется встрѣчаться въ этомъ трудѣ.

Книга Окелла Луканца почти ограничивается однимъ разсужденіемъ. Ничто не существуетъ кромѣ цѣлаго, ибо если бы существовало нечто въ него не входящее, цѣлое не было бы болѣе цѣльнымъ, то, что другими словами сводится къ слѣдующему опредѣленію: я называю *Паномъ* все то, что существуетъ.

Эти философы, разсуждая такимъ образомъ о созданныхъ ими идеяхъ, могли дойти только до опрометчивыхъ и бесполезныхъ сочетаній, или до заблужденій, когда имъ приходилось придавать некоторую реальность этимъ идеямъ, либо предполагая существование предметовъ, соответствующихъ этимъ продуктамъ ихъ воображенія, либо выражая одинъ и тѣмъ же словомъ и эти произвольныя идеи, и другія идеи, примѣнимыя къ предметамъ или фактамъ природы.

Мы видимъ, какъ въ эту самую эпоху зарождается искусство разсуждать, т. е. искусство подчинять формѣ и правиль-

ному ходу операциі, посредствомъ которыхъ нашъ умъ находить, или постигаетъ доказательства истины, и способы, помогающіе ему уловить, или узнать видъ тождества двухъ сочетаній различныхъ идей.

Но этими первыми успѣхами стали злоупотреблять. Тонкость анализа, которую они предполагаютъ, выродилась скоро въ бесполезную хитрость. Занимались ребяческими изслѣдованиеми объ орудії, созданномъ искусствомъ, вмѣсто того, чтобы его примѣнять къ полезнымъ изысканіямъ. Гордились умѣньемъ ловко пользоваться имъ, не думая о томъ, служить ли оно истинѣ, или заблужденію, преслѣдуется-ли важная, или ничтожная цѣль; и между тѣмъ, какъ небольшое число мудрецовъ втайне размышляли въ святилищѣ философіи, шумная толпа софистовъ уже заражала всѣ портиki.

Геометрія и астрономія начали тогда преуспѣвать въ Греції. Фалесъ первый доказалъ, что стероны подобныхъ треугольниковъ пропорціональны между собой.

Анаксимандръ зналъ, что земля шарообразна; онъ показалъ, что различія видимаго суточного движенія солнца въ разныя времена года, обусловлены наклоненіемъ плоскости экватора къ плоскости орбиты, которую оно какъ бы обѣгасть въ годичный періодъ. Онъ училъ, что лунный свѣтъ есть отраженный этой планетой солнечный свѣтъ; онъ показалъ, что эта гипотеза объясняетъ фазы луны съ точностью, доказывающей ея реальность. Наконецъ, онъ-же построилъ гномонъ; ему также приписываютъ первыя географическія карты, и средство сѣдѣть болѣе понятнымъ видимое движение небесныхъ тѣл, состоящее изъ соединенія твердыхъ круговъ, представляющихъ пересѣченіе плоскостей, въ которыхъ эти движения совершаются, съ небеснымъ сводомъ, гдѣ всѣ свѣтила кажутся нашему глазу прикрепленными. Этотъ инструментъ употребляется еще теперь для этихъ объясненій и извѣстенъ подъ названіемъ армиллярной сферы. Его ученикъ Анаксименъ, говорять, построилъ первый солнечные часы, которые доставили ему извѣстность даже у лакедемонянъ. Анаксимандръ и Анаксагоръ раздѣляютъ честь открытія, удивившаго грековъ, что солнце представляетъ собой раскаленную массу, величина которой безконечно превосходить то, о чёмъ наши чувства даютъ намъ представление. Если правда, что первый

сравнилъ эту величину съ величиной земли, и последней (жившій почти на сто лѣтъ позже) только съ величиной Пелопонеса, то ясно, что ни одинъ, ни другой не имѣли понятія о методахъ, помошью которыхъ можно опредѣлить этотъ элементъ и что они не знали, либо средства узнать разстояніе отъ земли до солнца, либо закона, согласно которому видимые диаметры предметовъ уменьшаются по мѣрѣ того, какъ ихъ удаленность увеличивается. Но мы не должны этому удивляться; ибо разстояніе солнца можетъ быть определено съ точностью только путемъ сравненія наблюдений, сдѣланныхъ на чрезвычайно удаленныхъ другъ отъ друга точкахъ земли; и убыванія видимой величины предметовъ, если полагаться только на простое свидѣтельство зрѣнія, не следуютъ правильному закону въ разстояніяхъ, гдѣ нашъ органъ обыкновенно упражняется¹⁾.

Пиѳагоръ первый объяснилъ все движение небесныхъ тѣлъ, предположивъ солнце неподвижнымъ въ центрѣ нашей системы; такимъ образомъ, земля приводится въ двоякое движение, одно суточное, вокругъ чувствительно опредѣляемой оси; другое годичное, въ орбитѣ, имѣющей центромъ солнце, вокругъ которого равнымъ образомъ движутся остальные планеты, между тѣмъ какъ луна, увлекаемая землей въ общее движение, обѣгаетъ вокругъ неи другую орбиту.

Но эта столь простая система слишкомъ противорѣчила непосредственному свидѣтельству чувствъ. Напрасно наблюдение доказывало на землѣ теорію кажущагося движенія; напрасно показывали, и берега, точно убывающіе при обратномъ движении, человѣка, неподвижного на суднѣ, проходящемъ мимо

¹⁾ Человѣкъ видимый на разстояніи десяти футовъ не кажется намъ, конечно, вдвое больше человѣка такого же роста, находящагося отъ насъ на разстояніи двадцати футовъ. Сужденіе, которое мы себѣ составляемъ о величинѣ предмета на основаніи опыта, смыывается съ непосредственнымъ дѣйствиемъ ощущенія, и смыывается тѣмъ болѣе, чѣмъ разстояніе позволяетъ намъ лучше различать природу предмета, узнать его удаленность, не прибегая къ умозаключенію. Ибо сужденія, о которыхъ мы не имѣемъ яснаго сознанія, суть единственныя, которые смыщаются съ нашими ощущеніями; зрительные же сужденія становятся сознательными лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни. Я ясно помню, что видѣлъ въ чрезвычайно уменьшенномъ видѣ большихъ животныхъ на разстояніи, гдѣ я увидѣлъ бы ихъ теперь такого же роста, какъ на наиболѣе близкомъ разстояніи.

нихъ, и самыя свѣтила, увлекаемыя въ это быстрое теченіе. Тщетно указывали на то обстоятельство, что, въ силу невольнаго сужденія, мы приписываемъ лунѣ движеніе облака, чрезъ которое ея лучи попадаютъ въ нашъ глазъ; тщетно видѣли, что всѣ предметы остаются на своемъ мѣстѣ, и матросъ совершаєтъ всѣ свои движенія на кораблѣ, плывущемъ въ тихую погоду, какъ если бы этотъ корабль былъ неподвижнымъ; и тщетно доказывали на основаніи всего этого, что подвижность земли не должна была болѣе вліять ни на относительное положеніе земныхъ предметовъ, ни на движенія животныхъ, населяющихъ ее.

Жертва сужденія нашихъ чувствъ и нашихъ первичныхъ понятій была слишкомъ полной; доказательства, которыя должны были заставить насть принести ее, были еще слишкомъ слабы, чтобы эта система могла даже подчинить философовъ. Гордость человѣка, или даже народа, была оскорблена необходимостью признать маловажность, или незначительность земного шара въ сравненіи съ общей мировой системой, и жрецы, казалось, боялись, что ихъ боги исчезнутъ въ бесконечности этого новаго міра.

Въ различныя эпохи эта система возрождалась и исчезала; и наконецъ была забыта, когда астрономія отдѣлилась отъ общей философіи. Астрономы не нуждались въ ней для вычисленія явлений. Даже допуская ее, они вынуждены были бы еще отнести къ землѣ, какъ неподвижной, всѣ кажущіяся движенія свѣтиль. Моментъ, когда принятіе этой системы стало бы необходимымъ для прогресса наукъ, былъ еще далекъ. Они отказались отъ идей, которыя сдѣлали бы ихъ науку менѣе популярной и подвергли бы ее преслѣдованіямъ жрецовъ.

Пиегоръ нашелъ эту столь извѣстную теорему, что въ прямоугольномъ треугольнику квадратъ сторонъ, лежащей противъ прямого угла, равенъ суммѣ квадратовъ двухъ другихъ сторонъ. Говорить, что это открытие привело самого изобрѣтателя въ восторгъ, вполнѣ понятный, если принять во вниманіе его важность. Оно открыло новое поле геометріи, ибо оно представило отношенія квадратовъ линій, между тѣмъ, какъ до тѣхъ порь разматривались отношенія только между самими линіями.

Сверхъ того, изслѣдуя слѣдствія этой теоремы, Пиѳагоръ замѣтилъ, что, предположивъ между двумя сторонами треугольника отношеніе, выраженное въ цѣлыхъ числахъ, отношеніе третьей къ первымъ двумъ часто не могло быть представлено этимъ выраженіемъ. Это замѣчаніе должно было его привести къ идеѣ ирраціональныхъ отношеній, которыхъ, будучи дѣйствительными и извѣстными, не могутъ, однако, быть выражены въ цѣлыхъ числахъ. Таковъ смыслъ, въ которомъ онъ говорилъ, что эта теорема должна была служить для совершенствованія ариѳметики; слово, подъ которымъ тогда понимали науку о числахъ вообще. Наконецъ, изъ этой теоремы онъ вывелъ примѣненіе геометріи къ ариѳметикѣ, весьма цѣнное въ глазахъ философа, геній которого предвидѣлъ, что все въ природѣ подчинено вычисленнымъ законамъ.

Эта теорема была извѣстна китайцамъ и индійцамъ, но она является границей, гдѣ ихъ математический геній остановился, между тѣмъ какъ она открыла широкій горизонтъ генію грековъ. Пиѳагору же принадлежитъ идея примѣненія ариѳметики къ музѣ, т. е. выражать числами разстоянія тоновъ и сравнивать ихъ музыкальныя отношенія съ отношеніями длины струи или трубы. Онъ является первымъ человѣкомъ, въ которомъ исторія наукъ намъ показываетъ несомнѣнныя черты генія.

Ни одинъ изъ философовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, не принадлежитъ собственно Греціи. Всѣ они были родомъ изъ азіатскихъ колоній, и Пиѳагоръ, родившійся на островѣ Самосѣ, предпочиталъ жить въ итальянскихъ колоніяхъ. Объясняется это тѣмъ, что старые города Греціи, занятые своими политическими распрями и имѣющіе меныше спопеній съ иностранцами, болѣе цѣпко держались за традиціонныи идеи; между тѣмъ какъ менѣе активное любопытство имѣло одновременно и меныше случаевъ быть пробужденнымъ и меныше средствъ удовлетворять себя.

Если геометрія и астрономія какъ бы пользовались въ эту эпоху общимъ предпочтеніемъ, то другія науки отнюдь не абсолютно пренебрегались. Практическое изобрѣтеніе блока и винта могли предшествовать Архиту. Миоъ обѣ автоматической птицѣ, которая держится въ воздухѣ, не болѣе, какъ

вздорная сказка; но эти преданія доказываютъ, что механика разрабатывалась учениками Пиѳагора.

Говорятъ, что одинъ изъ нихъ, Алкмеонъ, впервые сталъ изслѣдоватъ организацію живыхъ существъ путемъ вскрытия четвероногихъ и птицъ, ибо суевѣріе воспрещало тогда анатомировать человѣческіе трупы. Ему приписываютъ первое сочиненіе о явленіяхъ природы. Рассказываютъ, что Гиппократъ посланный глупыми абдеритами лѣчить Демокрита, котораго они считали сумасшедшими (ибо отъ изучалъ природу, вместо того, чтобы работать для увеличенія своего богатства), нашелъ его занятымъ изслѣдованіями сравнительной анатоміи.

Знанія, которыя философы распространяли тогда въ Греціи, были-ли они продуктомъ ихъ генія, или они передали своему отечеству только тѣ свѣдѣнія, которыя они позаимствовали у Востока? Греческихъ историковъ обвиняютъ въ томъ, что они хотѣли льстить своей націи, приписывая ей то, что съ незапамятныхъ временъ было известно народамъ болѣе древней цивилизациі: по крайней мѣрѣ, эта национальная гордость не предохранила этихъ самыхъ историковъ отъ суевѣрногоуваженія къ древней мудрости, сокровищницу которой, якобы, сохранили жрецы этихъ народовъ, и это преувеличеніе въ обратномъ смыслѣ должно было уравновѣсить въ ихъ сообщеніяхъ впечатлѣнія, производимыя ихъ пристрастіемъ.

Я говорилъ въ другомъ мѣстѣ почему, по дошедшемъ до насъ памятникамъ, кажется справедливымъ убавить эту национальную гордость; но чтобы побудить греческихъ философовъ къ этимъ далекимъ и тяжелымъ путешествіямъ, вовсе не было необходимо, чтобы они раздѣляли, въ глубокомъ знаніи восточныхъ народовъ, народные предразсудки, чтобы они были соблазнены чудесными разсказами купцовъ и мореплавателей; чтобы они стремились приобрѣсти авторитетъ, который давали тогда эти путешествія. Ихъ толкали туда также чисто научный мотивъ. Они не могли отъ себя скрывать, что астрономическая наблюденія, или физическая изслѣдованія, сдѣланныя въ самой Греціи, не производились ни въ продолженіе достаточнаго времени, ни на пространствѣ достаточно обширномъ, чтобы служить основаніемъ либо теоріи небесныхъ движеній, либо знанія физическихъ явлений.

Если они могли надѣяться вынести изъ своихъ путешествій только методъ наблюдать небо, употребляемый въ этихъ древнихъ государствахъ, наблюденія, которыхъ тамъ были собраны, и необыкновенные факты, память о которыхъ тамъ сохранилась, то это было, безъ сомнѣнія, достаточно, чтобы возбудить и оправдать ихъ усердіе. Опираясь только на свой гений въ мірѣ, гдѣ они, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поколѣній и узкаго горизонта, замѣчали только времена, покрытыя мракомъ, и невѣдомые края, они слабой надеждой вдохновлялись на большія усиленія. Но обязаны-ли были они дѣйствительно этимъ путешествіямъ знаніями, которыми они тогда обогатили Грецію? Позволительно и теперь въ этомъ сомнѣваться; если исключить идею истинной системы міра, изложенной Пиѳагоромъ, то не окажется ничего, что возвышалось бы надъ знаніями жрецовъ. Но правдоподобно-ли, чтобы Пиѳагору открыли свойство прямоугольного треугольника, скрывъ отъ него принципы десятичнаго счислениія, столь предпочтительнаго греческому; чтобы его ознакомили съ истинной системой міра, утаивъ отъ него эмпирическіе методы вычислениія затменій? Не болѣе-ли естественно думать, что философы научились у этихъ святыхъ шарлатановъ, если не небылицамъ, то только нѣкоторымъ полуистинамъ, щепоткѣ астрономическихъ знаній, которыхъ не скрывались отъ народа, и что они были достаточно прозорливы, чтобы угадать остальныя?

Въ эти первыя времена греческой философіи, мы встрѣчаемъ первый и даже единственный примѣръ абсолютно свободнаго образованія, независимаго отъ всякаго рода суевія, избавленнаго отъ всякаго влиянія правительствъ, гдѣ учитель преслѣдуется только одну цѣль—распространять истины и просвѣщать людей, ученикъ видѣть только одну задачу—пріобрѣтать знанія и подготавливать добродѣтели.

Философъ допускалъ въ свою школу только тѣхъ, которыхъ онъ считалъ достойными; часто онъ ихъ подвергалъ строгимъ испытаніямъ. Онъ не только знакомилъ ихъ съ системой доктрины, которую образовалъ о физическихъ наукахъ, не только обучалъ ихъ искусству разсуждать, какъ теоретически, такъ и практически, и пріучая ихъ къ спору, излагалъ имъ свои идеи о происхожденіи и общихъ законахъ вселенной; но онъ также развивалъ передъ ними принципы,

которыми они должны были руководствоваться, чтобы быть счастливыми, мудрыми и върными своимъ обязанностямъ. Онь то представляль ихъ въ формѣ выразительныхъ или занимательныхъ положеній; (они сохранились въ большомъ количествѣ и представляютъ собой въ общемъ правила поведенія скорѣе, чѣмъ уроки справедливости и гуманности, а нѣкоторыя изъ нихъ даже продиктованы искусствой политикой скорѣе, чѣмъ строгой моралью); то онъ старался внушить имъ безразличное отношеніе къ милостямъ, или превратностямъ судьбы, презрѣніе къ страданіямъ и къ смерти, нечувствительность къ личнымъ страстямъ и даже иногда къ естественнымъ влеченіямъ. Философы противополагали всѣмъ испорченнымъ наклонностямъ удовлетвореніе совѣсти; въ особенности — гордость показать себя выше человѣческихъ слабостей. Своего рода непреклонность основанная на чувствѣ своего достоинства и сознаніи душевной силы, была тогда характерной чертой этой практической философіи. Но правила и поученія, даже опираясь на помощь энтузіазма, были бы недостаточны, чтобы сообщить эту непреклонность часто слабымъ душамъ. Поэтому учитель развивалъ у нихъ нѣкоторымъ образомъ это качество, пріучая ихъ къ добровольнымъ лишеніямъ, къ все болѣе и болѣе труднымъ усилиямъ, которыхъ они на себя сами налагали. Для испытанія своихъ силъ они сами себя подвергали искушениямъ и побѣды надъ ними ихъ еще болѣе укрѣпляли. Въ этихъ школахъ изучали не науку, а искусство морали, и доказывали, что характеръ и поступки учителя оказывали на учениковъ еще больше вліянія, чѣмъ его воззрѣнія, или знанія.

Глава школы обыкновенно назначалъ себѣ преемника, избраннаго изъ числа наиболѣе знаменитыхъ учениковъ и этотъ преемникъ продолжалъ или совершенствовалъ ученіе своего учителя. Но другіе ученики часто открывали, сверхъ того, новыя школы, которыхъ всѣ украшались именемъ первого основателя.

Школы раздѣлялись на два главныхъ класса. Въ одной, извѣстной подъ названіемъ *ионической* школы, первымъ учредителемъ считался Фалесь; другая, основанная Пиѳагоромъ, называлась *италийской*, потому что этотъ философъ открылъ свою первую школу въ Кротонѣ, и его ученики распространились въ особенности въ Италии и Сициліи.

Я сказалъ *школа*, не *секта*. Это послѣднее слово подходитъ только къ новымъ школамъ, которыхъ впослѣдствіи раздѣлили между собою философию, озnamеновались своими спорами, и приняли въ нѣкоторомъ родѣ религіозный характеръ.

Одна общая черта отличала *ионической* школы отъ писагорейскихъ. Въ первыхъ замѣчалось больше независимости, меныше строгости; у нихъ находили болѣе личную и менѣе активную философию, большее отрѣшеніе отъ временныхъ земныхъ интересовъ, ради покоя, ради возможности заниматься явленіями природы и научными истинами. Правило воздерживаться отъ общественныхъ дѣлъ примѣнялось тамъ не только къ мотивамъ честолюбія и славы, но почти къ патріотизму и любви къ свободѣ.

Въ школахъ Писагора все носило печать сурности. Воздержаніе отъ мяса всякаго животнаго и отъ крѣпкихъ напитковъ предписывалось всѣмъ ученикамъ: строгое молчаніе въ теченіе многихъ лѣтъ требовалось какъ необходимое доказательство, чтобы быть допущеннымъ къ познанію истинъ вышшаго порядка. Онъ стремился тогда формировать людей, способныхъ составить счастье своихъ собственныхъ семействъ, вносить порядокъ и миръ въ семью другого, призывать города къ свободѣ, бороться съ тираніей, давать народамъ мудрые и справедливые законы; именно въ заботахъ о счастьѣ другихъ людей онъ шелагалъ безмитежность, независимость и бодрящую гордость своей активной и благодѣтельной философіи.

Писагоръ наблюдалъ въ Индіи воздержаніе отъ мяса животныхъ, принятное какъ религіозный принципъ, и онъ видѣлъ благотворное влияніе этого учрежденія на нравы народа. Привыкая никогда не проливать крови, рассматривать убийство животнаго, когда оно не вызвано необходимостью самозащиты, какъ варварство, индузы не могли безъ ужаса видѣть причиненіе насильственной смерти человѣку. Непреодолимое отвращеніе къ этому акту стало, такъ сказать, слѣдствіемъ ихъ физической организаціи, независимой отъ ихъ воли, и въ эпохи самаго позорнаго рабства ихъ законы были мягки, ихъ нравы гуманны и кротки.

Философъ понималъ, насколько люди воинственной націи, упоенной славой и свободой, которыхъ онъ хотѣлъ пріучить

презирать смерть, совершать строгія добродѣтели, сильно ненавидѣть тиранію, нуждались въ томъ, чтобы человѣколюбіе стало для нихъ чувствомъ глубокимъ, почти непобѣдимымъ, чтобы даже ихъ воля не могла ими повелѣвать безъ усилій, чтобы имъ нужно было обнаруживать всю силу своей души не для сопротивленія чувству мести и гнѣву, но для подчиненія даже наиболѣе очевидной и наиболѣе справедливой необходимости, когда она диктуется актъ жестокости. Онъ зналъ, что чѣмъ больше нація обладаетъ энергией, тѣмъ болѣе она подвержена наиболѣе гибельной порчѣ—ожесточенію, если уваженіе къ крови людей не является главной основой законодательства и ея нравовъ и что эта развращенность быстро приводить ее къ безтолковому и кровавому рабству.

Вводя это учрежденіе въ свою школу, Пінеагоръ перенесъ туда и воззрѣніе, на которое оно опиралось въ Индіи: выражавшееся въ вѣрѣ, что человѣческія души переходятъ послѣ смерти въ тѣла животныхъ, что они всегда существуютъ, но чужды самимъ себѣ, и въ каждой жизни имѣютъ идеи и склонности, рождающіяся отъ союза съ органическимъ тѣломъ, въ которомъ они обитаютъ.

Это воззрѣніе предполагаетъ только, что монада¹⁾, существующая послѣ разлукъ съ тѣломъ, способна воспринимать ощущенія, имѣть желанія, обнаруживать свои способности болѣе или менѣе широко, въ зависимости отъ природы органическаго тѣла, съ которымъ, согласно общему закону природы, она имѣеть исключительный сношенія, при нѣкоторыхъ определенныхъ обстоятельствахъ. Ни одна изъ этихъ гипотезъ не можетъ быть безусловно опровергнута, но мы не имѣемъ средства узнать соответствуютъ ли они действительности.

Возможно, что Пінеагоръ самъ исповѣдывалъ только эту полу-вѣру. Возможно, что эта доктрина была предназначена только для тѣхъ его учениковъ, которые не показали себя еще достойными полнаго довѣрія и скрывала она можетъ быть то, и наиболѣе простое, и наиболѣе истинное ученіе, что, въ человѣкѣ и въ животныхъ, принципъ чувства и мысли одной и той же природы, обладаетъ тѣми-же способностями, но въ не-

¹⁾ Употребляю здѣсь слово монада только для означенія единаго существа; эта монада является, такимъ образомъ, нѣкоторымъ существомъ, принадлежащимъ къ единству моего „я“.

равныхъ степеняхъ и что мы, такимъ образомъ, не можемъ варварски обращаться съ животными, способными какъ мы испытывать удовольствіе и страданіе, не нарушая по отношенію къ нимъ и не ослабляя въ насть самихъ чувствъ естествен-наго состраданія и основаній справедливости.

Греческія колоніи Италії и Сицилії неоднократно выбирали своихъ законодателей въ піеагорейской школѣ; именно тамъ воспитывались разрушители этихъ скоропереходящихъ тираній, которымъ примѣръ всегда кроваваго паденія не мѣшалъ безпрестанно возрождаться. Говорить, что одинъ тиранъ, которому невыносимы были эти люди, запрещавшіе себѣ подобнымъ пользоваться долгой и мирной властью, приказалъ поджечь ихъ школу и истребилъ ихъ всѣхъ въ общей рѣзне. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что чрезвычайно короткое время спустя послѣ Піеагора, въ великой Греціи не сохранилось никакого слѣда отъ этой столь процвѣтавшей школы; можно было видѣть только нѣкоторыхъ людей, принимающихъ еще одни, какъ Аристархъ изъ Самоса и Филолай, его астрономію, другіе, какъ тотъ, который имѣлъ честь воспитать Эпаминонда, его філософію; наконецъ, еккта фанатиковъ стала злоупотреблять именемъ Піеагора и нѣкоторыми его принципами, чтобы распространять суевѣрія и нелѣпости, и замѣнять магическими и мистическими пріемами філософіи и принципы морали.

Ферекидъ, учитель Піеагора, замѣчательенъ тѣмъ, что онъ первый написалъ связные сочиненія въ прозѣ, приблизительно за 2350 лѣтъ до нашей эры и болѣе трехъ вѣковъ послѣ Гомера. Казалось бы естественнымъ, въ эпоху, когда поэзія столь высоко поднялась, когда стихотворный языкъ былъ уже такъ величествененъ, такъ могучъ, такъ красоченъ и гармониченъ, чтобы проза достигла высшей степени совершенства, на которое она способна. Между тѣмъ, ея прогрессъ совершился такъ медленно, какъ если бы періодъ ея младенчества совпадалъ съ таковымъ поэзіи. Но прозой писались не только тѣ произведения, гдѣ стихосложеніе представляло серьезныя затрудненія, но также тѣ, гдѣ живость и смѣлость поэзіи не соответствовали правильному ходу и точности идей. Проза, слишкомъ приближенная къ стилю поэтовъ, не могла употребляться ни въ філософскихъ изслѣдованіяхъ, ни въ исторіи, ни въ ораторскихъ спорахъ.

Поэтому, первые греческие прозаики были суровы и холодны; у Андроклида, одного изъ наиболѣе древнихъ ораторовъ не встрѣчаются ни обороты, ни тропы, ни фигуры, которыхъ впослѣдствіи образовали языкъ греческаго краснорѣчія.

Геродотъ, изященъ, гармониченъ, разсказываетъ съ ясностью съ благородствомъ, но онъ не рисуетъ ни событій, ни людей; напрасно стали бы у него искать тѣхъ великихъ чертъ, которыхъ характеризуютъ народы или эпохи, или тѣхъ результатовъ, которые бросаютъ массу свѣта на глубины морали и политики. Его произведеніе доказываетъ въ особенности насколько тогда у грековъ были мало свѣдущи въ исторіи ближайшихъ варварскихъ націй, даже довольно известной, и какъ ограничена была область ихъ географическихъ знаній. Легковѣрность историка показываетъ, каково должно было быть легковѣріе его читателей; и эта масса чудесъ, рассказанныхъ съ наиболѣе довѣрчивымъ простодушiemъ, доказываетъ какъ слабъ былъ прогрессъ общаго разума и въ какое невѣжество относительно явлений, или законовъ природы, была еще погружена масса образованныхъ людей. Видно, что философскій духъ еще мало распространился за предѣлами школъ.

Ритмъ греческой поэзіи былъ основанъ не на количествѣ, но на долготѣ слововъ; считали время, а не звуки. Этотъ ритмъ болѣе чувствительный для уха и не нуждающійся въ усиленіи симетрическимъ возвращеніемъ тѣхъ же звуковъ, представляетъ одновременно и большее разнообразія и большее средствъ для эффекта. Но онъ имѣть еще то преимущество, что даетъ языку болѣе постоянное, болѣе замѣтное словоудареніе, уменьшаетъ количество слововъ, либо безразлично долгихъ, или короткихъ, либо имѣющихъ только среднее значеніе. Благодаря этому, не только проза приобрѣтаетъ болѣе замѣтную гармонію, но произнешіе становится болѣе изѣжнымъ, языкъ болѣе звучнымъ; можно быть лучше услышаннымъ съ той же силой голоса; глухой шумъ, покрывающій его легче преодолѣвается; ухо приобрѣтаетъ лишнее средство для распознаванія словъ.

Гезіодъ разсказывалъ миѳы и далъ нѣкоторыя правила. Обѣ поэмы Гомера представляютъ собой повѣствованіе о событіяхъ на половину историческихъ, на половину чудесныхъ, и судя по тому, что онъ самъ приписываетъ поэту Алкиною, видно, что оба слѣдовали примѣру своихъ предшественниковъ.

Поэты пѣли свои стихи, акомпанируя себѣ на лирѣ, и пѣвцы, заучившие ихъ поэмы, ходили по городамъ и пѣли ихъ отрывками, получая вознаграждение въ зависимости отъ извѣстности поэта, или таланта музыканта. Скоро поняли, что ни размѣръ стиховъ гекзаметромъ, ни длинные разсказы не подходятъ для музыки; и вскѣ грековъ, страстно любившихъ это искусство, скоро побудилъ ихъ создать родъ поэзіи, который, благодаря формѣ и объему произведеній, подбору идей, чувствъ, образовъ, благодаря живости стиля, болѣе разнообразному размѣру стиховъ и ихъ распределенію, благопріятствовалъ музыкальнымъ эффектамъ, между тѣмъ какъ сама музыка вносила новую жизнь и добавляла новыя прелести къ впечатлѣніямъ и красотамъ поэзіи.

Этотъ видъ поэзіи, называвшійся лирикой, былъ посвященъ гимнамъ, военнымъ пѣснямъ, восхваленіямъ героевъ или побѣдителей на гимнастическихъ играхъ, и пѣснямъ, гдѣ рисовались удовольствія, страданія и тревоги любви, мученія заслуги, прелести сладострастій.

Оды Тиртея, Стесихора, Алкея, Сафо и Анакреона принадлежать къ эпохѣ, которая заканчивается Пиндаромъ.

Рассказываютъ, что спартанцы обязаны были своимъ побѣдами надъ мессенцами Тиртею, посланному въ качествѣ полководца афинянами, которые подчинились, казалось, смѣшному указанию оракула Аполлона. Пѣсни поэта пробудили мужество лакедемонянъ, которыхъ повторявшияся пораженія привели въ уныніе. Но если это мнѣть, онъ является достаточно превнимъ, чтобы доказывать почти такъ же, какъ фактъ, и чуткость грековъ къ поэзіи и силу ея эффектовъ, соединенныхъ съ музыкальными. До насть едва дошли нѣкоторые отрывки произведеній поэтовъ, культивировавшихъ героический жанръ; но если свидѣтельство древнихъ намъ представляеть ихъ какъ ниже стоящихъ Пиндара, то оно отнюдь не устанавливаетъ между ними того различія, которое можетъ существовать между поэтомъ варваромъ и почти достигшимъ совершенства въ искусствѣ. Сверхъ того, невозможно, чтобы они, поставленные между Гомеромъ и Пиндаромъ, могли оставаться на столь большомъ разстояніи отъ обоихъ.

Сладострастныя пѣсни Анакреона заслуживаютъ нашего вниманія еще своей естественностью, граціей, мягкостью

ритма и образовъ. Въ нихъ впервые встрѣчается та мораль, которая полагаетъ счастье въ спокойномъ и умѣренномъ наслажденіи чувственными удовольствіями, и гдѣ любовь фигурируетъ только для того, чтобы прибавить больше нѣжности и болѣе трогательныхъ прелестей. Онъ является также первымъ поэтомъ, у котораго замѣчается то, что на нашемъ языкѣ мы называемъ смысломъ (*esprit*); состоитъ оно въ выраженіи удачной аллегоріей, пріятнымъ образомъ, простыхъ мыслей, но истинныхъ и ставшихъ поэтому слишкомъ обыкновенными.

Отрывки Сафо дышать страстью; до нея ни одинъ поэтъ не изображалъ чувственный вожделенія такъ правдиво и съ такой силой и даже у тѣхъ, которые писали послѣ нея, нѣть ничего равнаго этой горячей и глубокой чувствительности. Элегія, которая пользовалась особымъ размѣромъ для выраженія горя, была представлена нѣкоторыми поэтами. Сатирикъ Архилохъ изобрѣтъ ямбический стихъ, болѣе быстрый, менѣе нѣжный, въ нѣкоторомъ родѣ, менѣе пѣвучій и болѣе близкій къ прозѣ, чѣмъ гекзаметръ, онъ лучше подходитъ къ видамъ поэзіи, которые должны болѣе приближаться къ обыкновенному языку.

Леонине были уже знакомы съ драматической поэзіей. Естественно было предположить, что представление какого-либо забавнаго эпизода, гдѣ копировались бы рѣчи и жесты дѣйствующихъ лицъ, доставляло бы больше удовольствія, чѣмъ простой разсказъ. Такъ какъ съ интересомъ слушали того, который сказавъ: «я пришелъ повѣдать вамъ рѣчь Кенея подобнаго богамъ» и т. д., произносилъ эту рѣчь вмѣсто героя, то было легко предвидѣть, что его бы еще охотнѣе слушали, если бы, продолжая притворяться, онъ представился какъ самъ герой; если бы вмѣсто того, чтобы затѣмъ сказать: «такъ говорилъ Кеней, и старцы, слушавшие его отвѣтили», и т. д., нѣкоторые люди, поставленные вокругъ него пѣли бы этотъ самый отвѣтъ. Эти искусства не могли, такимъ образомъ, не зародиться въ странѣ, гдѣ искусные люди, сдѣлавъ разсказы предметомъ своего обычнаго занятія, которое должно было имъ доставить средства существованія, побуждались интересомъ, какъ и славой къ совершенствованію средствъ, помощьюъ которыхъ они могли привлекать и умножать своихъ слушателей.

Но прогрессъ этихъ искусствъ, какъ и развитіе музыки и искусства подражанія относятся къ другому времени.

Почти во всѣхъ греческихъ государствахъ основные законы уже получили ту форму, которую они сохранили до момента, когда они были уничтожены могуществомъ римлянъ. Въ Сициліи, въ Италіи возвращенія къ тираніи были болѣе часты, болѣе продолжительны, чѣмъ въ Греціи, гдѣ соседніе города были болѣе способны какъ предупреждать ее, такъ и ускорять ея паденіе и гдѣ каждому народу приходилось меныше бояться, одинаково опасныхъ для его свободы, послѣдствій войнъ или иноземныхъ союзовъ. На малоазіатскомъ побережью и соседніхъ островахъ вліяніе лидійской и персидской имперій благопріятствовало тираніи и уменьшало любовь къ свободѣ. То порабощенные варварами, то соглашаясь пожертвовать своей свободой лишь бы только имъ было позволено сохранить свои законы, призываю на помощь королей, чтобы избавиться отъ тирана, или получая его изъ ихъ рукъ, эти націи сохранили только на половину характеръ, мужество и духъ грековъ. Национальный гений тамъ ослабѣвалъ, нравы извращались. Таланты, философія, казалось, болѣе сосредоточились въ самой Греціи. Ея движеніе совершилось медленнѣе, потому что она была изолирована и составляла гораздо большую массу, но въ силу той же причины, это движеніе должно было также быть болѣе постояннымъ и болѣе обезпеченнымъ. Почти всѣ конституціи были одновременно демократическими и теократическими, т. е. что весь народъ былъ истииннымъ самодержцемъ, но что исключая Аенінъ, въ продолжение нѣсколькихъ эпохъ, не было, быть можетъ, ни одного города, гдѣ большинство гражданъ пользовалось бы полнотой своихъ правъ; право составлять законы, занимать административныя, или судебныя должности почти всюду было предоставлено нѣкоторымъ классамъ, или населенію главнаго города.

Въ нѣкоторыхъ конституціяхъ народъ сохранилъ большое вліяніе на выборъ и на решеніе наиболѣе важныхъ дѣлъ; должностныя лица избирались на чрезвычайно короткое время; привилегіи распространялись на гражданъ, обладавшихъ весьма незначительнымъ имущественнымъ цензомъ; въ другихъ конституціяхъ вліяніе народа сказывалось, такъ сказать, только

въ эпохи великихъ реформъ, въ законахъ, которыхъ предполагали наличность исключительныхъ обстоятельствъ. Должности наиболѣе важныя поручались на продолжительное время, или онѣ исключительно предоставлялись немногочисленному классу.

Въ каждомъ городѣ, партия богатыхъ стремилась приблизиться къ этому послѣднему положенію, а народная партия старалась его избѣгать. Города, гдѣ одинъ или другой изъ этихъ двухъ видовъ конституцій были господствующими, существовали въ другихъ партіи, поддерживавшей тѣ же принципы, и Греція постепенно раздѣлилась на двѣ большія лиги, изъ которыхъ одна хотѣла установить всюду республиканское равенство, между тѣмъ какъ другая стремилась воцарить всюду аристократію. Я уже замѣтилъ, что вообще греки считали себя свободными, когда не были подчинены авторитету одного, или власти начальниковъ, поставленныхъ чужимъ государствомъ, или опиравшихся на иноzemное вліяніе. Законы противные естественнымъ правамъ людей, если они не измѣняли республиканскихъ формъ, если они, казалось, напротивъ, служили ихъ сохраненію, отнюдь не возмущали умовъ и разсматривались, какъ жертвы, которыхъ требовало отечество. Такъ, не жаловались, видя, какъ законъ нарушаетъ свободу семьи и права отеческой любви; подчиняетъ безразличные поступки надзору общественной силы, предписываетъ, или запрещаетъ ихъ по соображеніямъ моральнымъ или политическимъ, наконецъ, стѣсняетъ однихъ въ ихъ промышленности, другихъ въ свободномъ распоряженіи своимъ имуществомъ путемъ регламентациіи роскоши, слѣдствіемъ которой являлась только концентрація и упроченіе богатствъ въ тѣхъ-же семействахъ и обращеніе въ пользу честолюбія и интриги того, что они урывали отъ наслажденій и роскоши. Ихъ законодательства часто представляютъ намъ проступки, созданные только закономъ, оковы произвольно наложенные, наконецъ, правила поведенія, или образа жизни, совѣты благоразумія или мудрости, опиравшіеся на авторитетъ закона, въ то время, когда они могутъ, при отсутствіи тираніи, опираться только на авторитетъ независимаго разума людей.

Понятно, что стоявшіе у власти, по волѣ-ли конституціи или благодаря народному вліянію, должны были злоупотреблять этимъ положеніемъ, чтобы практиковать дѣй-

ствительный деспотизмъ и насколько они были заинтересованы въ возбужденіи энтузіазма къ этому призраку свободы, опасаясь, чтобы граждане, руководимые болѣе спокойнымъ разсудкомъ, не научились бы разбираться въ своихъ правахъ, не пожелали бы подчиняться только законамъ, и быть управляемыми только людьми, которые умѣли бы уважать эти права во всемъ ихъ объемѣ. Народъ болѣе гордый, чѣмъ просвѣщенный, требовалъ равенства въ распределеніи общественныхъ должностей не какъ права, а какъ честь, или какъ преимущество, которое онъ себя считалъ достойнымъ раздѣлять. Предметомъ заботъ общества было не сохраненіе естественныхъ правъ личности, но благополучіе политического тѣла. Условія, предписываемыя обществомъ, разсматривались не съ точки зрѣнія справедливости, или даже равенства, но лишь постольку, поскольку они обѣщали обеспечить независимость или славу.

Мы не находимъ тамъ слѣдовъ единаго государства, образованного изъ многихъ городовъ, поручающаго собранію представителей право составлять законы, или представлять таковые на одобреніе народа, раздѣленного на много собраний.

Сама идея этихъ учрежденій была столь чужда духу грековъ, что жители трехъ городовъ острова Родоса, желая образовать одну республику, не нашли ничего проще, какъ оставить эти города, чтобы соединиться въ одномъ новомъ городѣ.

Ликийская республика имѣла общее собраніе, составленное изъ депутатовъ, присылаемыхъ различными городами по три, два и одному, согласно предварительному соглашенію; но, по видимому, каждый городъ подчинялся своимъ собственнымъ законамъ, и это собраніе носило менѣе характеръ законодательнаго корпуса, чѣмъ конгресса Федеративной республики, какъ союзы аркадійцевъ, этолійцевъ и ахейцевъ. Подати, взимаемыя въ зависимости отъ богатства, въ другихъ мѣстахъ своего рода десятинный подоходный налогъ, пошлины, уплачиваемыя иностранцами, нѣкоторые сборы съ товаровъ, идущихъ изъ заграницы, дань, доставляемая подвластными городами, или островами,—таковы были источники доходовъ, предназначенныхъ на общественные нужды. Нѣкоторые города имѣли свое имущество: Аенины владѣли рудниками; и въ силу весьма популярнаго учрежденія отношеніе годичнаго налога къ ожидаемому

богатству было гораздо значительне въ болѣе зажиточныхъ классахъ.

Политика, состоящая въ борьбѣ съ честолюбіемъ могущественнаго сосѣда даже прежде, чѣмъ онъ начинаетъ угрожать, установилась тогда въ Греціи. Если въ войнѣ между Спартой и Мессеніей, вліяніе Аѳинъ и Оівъ не спасло этого послѣдняго города, оно, по крайней мѣрѣ, помѣшало распространенію македонской тираниіи на весь Пелопонесъ. Аѳини и Спарта по-мѣшали Оівамъ пользоваться абсолютной властью надъ всей Беотіей.

Если исключить варварство, обнаруженнное Лакедемономъ по отношенію къ мессенцамъ и амфіктіоннымъ союзамъ городовъ въ первой священной войнѣ, то можно замѣтить, что греческій городъ, подчиняясь другому, нисколько не терялъ права назначать своихъ должностныхъ лицъ, управляться своими собственными законами. Народъ побѣдитель лишалъ его самостоятельности въ вопросахъ вицѣнной политики, распоряжался его силами, его доходами и иногда вводилъ конституцію, соотвѣтствовавшую строю его государства, или благопріятствовавшую его господству: персы, лакедемоняне, даже римляне слѣдовали этому примѣру. Родость былъ превращенъ въ провинцію только въ царствованіе Августа, а Ликія при Веспасіанѣ. Нужно было, либо уничтожить этихъ людей, привыкшихъ дышать воздухомъ свободы, либо сумѣть постепенно усиливать для нихъ режимъ порабощенности. Нравы потеряли почти все то, что они сохранили отъ жестокости героическихъ временъ; этимъ прогрессомъ они обязаны были мягкости законовъ и страстной склонности къ поэзіи, къ музыкѣ, къ театральнымъ, или гимнастическимъ играмъ.

Законы и учрежденія доказываютъ, что законодатели понимали, также какъ философы, необходимость внушить отвращеніе къ крови, ненависть и презрѣніе ко всему тому, что носить печать жестокости. Приговоръ ареопага, наказавшаго смертью ребенка, который находилъ варварское удовольствіе въ выкалываніи глазъ птицамъ, доказываетъ, если это только сказка, общее признаніе этого мнѣнія, и, что послѣднее иногда доводилось до преувеличенія, если это фактъ. Таковъ былъ мотивъ этихъ суровыхъ искуплений, налагавшихся на людей способныхъ къ невольнымъ убийствамъ; искупленія, которымъ

народы сами подчинялись, когда въ минуты ярости они нарушили убѣжища посвященные Состраданію.

Аеннянинъ, осужденный на смерть, принималъ въ своей тюрьмѣ, въ присутствіи своей семьи и своихъ друзей, ядъ, приготовленный такъ, чтобы смерть послѣдовала быстро и безболѣзенно. Его казни придавали характеръ естественной, или добровольной смерти. Отъ преступника удалялись любопытные, или врачи, присутствіе которыхъ могло бы увеличить его страданія; граждане не допускались къ зрѣлицу, которое могло ихъ ожесточить. Въ Родосѣ казни совершались въ города: боялись, чтобы онъ не осквернили взоровъ народа. Идея призывать людей присутствовать на казни, какъ къ торжественной церемоніи, или зрѣлицу, казалась грекамъ дикимъ бредомъ трусливой, глупой и варварской души. Суевѣrie испортило учрежденія мягкия и достойныя уваженія. Такъ, убѣжище алтарей поощряло преступленіе безнаказанностью, или нарушалось варварскими хитростями. Но даже эти заблужденія доказываютъ еще важность, которую приписывали всему тому, что могло смягчить нравы, которые воинственный духъ, и партийная ненависть стремились ожесточать.

У грековъ можно было наблюдать ту возвышенность души, которую даетъ равенство, то благородство человѣка, котораго страхъ или интересъ отнюдь не заставляютъ гнуться передъ другимъ человѣкомъ. Эта гордость побуждала ихъ возвыситься до того, добродѣтели, таланты и заслуги котораго удивляли всѣхъ, имя котораго передавалось изъ устъ въ уста, но отнюдь не стараться низвести его къ своему уровню, позорящей клеветой и потерять его, когда не могли помрачить его славы. Эти чувства добровольныхъ работъ, которые случайно стали свободными, едва могли проявиться даже у наиболѣе тупоумныхъ людей. Аеннянинъ, уставшій слушать, какъ называютъ Аристида *справедливымъ*, не умѣлъ написать его имени. Если ревность къ свободѣ изобрѣла остракизмъ, то республиканская гордость хотѣла его сдѣлать почетнымъ и исправить его несправедливость, признавая ее. Отсутствіе было достаточно, чтобы разсѣять подозрѣнія; и при первой надобности государства, довѣrie одинаково славное для изгнанного и для его соперниковъ, предписывало его возвращеніе. Это учрежденіе, само по себѣ несправедливое, доказываетъ, безъ

сомнѣнія, что искусство соціального строительства было еще въ младенческомъ состояніи, что оно не находило другого средства помѣшать гражданину стать, или казаться, опаснымъ для свободы, и что это отсутствіе разсматривалось какъ цѣлесообразное лекарство; но оно въ то же время служить доказательствомъ возвышенности и мягкости, которыхъ были присущи общественному духу.

Республиканские нравы встрѣчали сопротивленіе въ тщеславіи происхожденія; но это тщеславіе предполагало происхожденіе отъ бога, героя, принадлежность къ городскому сословію, родоначальникомъ которого считалась какая-нибудь знаменитая миѳическая личность. Оно было болѣе вздорнымъ, чѣмъ опаснымъ: такъ какъ знатное происхожденіе не давало никакихъ преимуществъ и такъ какъ никто не имѣлъ права оспаривать титулы, то оно присваивалось всякимъ, кто былъ настолько глупъ, чтобы этимъ кичиться. Чтобы считаться потомкомъ Геракла, или Тезея достаточно было сильно захотѣть въ это вѣрить. Неравенство, основанное на богатствѣ, породило другого рода фамильное высокомеріе, которое смышивалось съ надменностью власти: оно возбуждало ненависть народа; оно должно было быть впослѣдствіи одной изъ причинъ развращенія общественного духа. Въ эту эпоху наблюдалось проявленіе добродѣтели съ той мудрой снисходительностью, той просвѣщенной иѣзжостью, той смѣстью чувствительности и силы, той чистотой принциповъ, той спокойной самоувѣренностью, той вѣриностью справедливости и разуму, которыми она можетъ быть обвязана только соединенію знаній со свободой. Аристидъ первый извѣстный человѣкъ, который представляетъ ее намъ въ этихъ чертахъ, и въ которомъ замѣчается вся доброта, вся естественная сила души, одухотворенная мыслю, руководимая точными идеями долга и справедливости.

Тѣмъ не менѣе, однако, если греки должны были еще слѣдовать направленію, которое привычка къ свободѣ и любовь къ знаніямъ сообщили имъ нравамъ, если они должны были даже дѣлать еще успѣхи въ совершенствованіи нравственности человѣческаго рода, то мы увидимъ скоро, что, въ эту самую эпоху, дѣйствіе причинъ, которыхъ должны были привести ихъ къ быстрому вырожденію и потерѣ свободы, становилось уже чувствительнымъ. Мы замѣтимъ пороки, неизбѣжно связанные

сь прогрессомъ цивилизації, которая уже втайне подкапывала это великолѣпное зданіе. Слабо развитая соціальная наука и незнаніе истинныхъ ея принциповъ не могли создать для него прочного основанія.

Болѣе полное равенство, которымъ пользовались женщины, сдѣлало семейныхъ добродѣтели болѣе обычными и болѣе чистыми. Ставъ подругами мужчинъ, женщины стали въ состояніи увеличить сферу ихъ идей и придать иѣкоторый подъемъ ихъ естественнымъ способностямъ. Теано — жена Пиѳагора разрабатывала философию: Сафо занимала почетное мѣсто среди поэтовъ, — она первая женщина, сочиненіемъ которой достигли бессмертія. Коринна, стихотвореніемъ которой до настъ не дошли, оспаривала награды у Пиндара и не разъ одерживала надъ нимъ верхъ.

Половая любовь, тѣмъ не менѣе, рассматривалась какъ слабость. Поэты, какъ я уже отмѣтилъ, едва дерзали ее изображать. Женщины жили отдельно отъ мужчинъ; пріятности, связанныя съ ихъ обществомъ, были неизвѣстны. Сладострастіе должно было, такимъ образомъ, замѣнить любовь, и женщины, способная возбудить ее и раздѣлять ея утонченности и восторги, должны были образовать особый классъ, отдельный отъ остальныхъ женщинъ. Онъ стали для незанятыхъ мужчинъ, для тѣхъ, которые чувствовали склонность къ спокойнымъ духовнымъ или умственнымъ наслажденіямъ, обычнымъ и необходимымъ обществомъ. Боялись, чтобы любовь не возмутила семейного покоя, и женщины были обречены на скучу безразличія. Позорные привычки, которыхъ общество женщинъ могло бы уничтожить, продолжали пятнать греческую молодежь. Это самое разлученіе породило между женщинами половое извращеніе другого рода; хотѣли очистить нравы до суровости и въ результатѣ упрочили только испорченность. Чтобы предупредить упадокъ, — почти неизбѣжное послѣдствіе этой странной склонности, — создали различныя учрежденія, дозволявшія тѣсныя связи между мужчинами, но невинныя, или, по крайней мѣрѣ, прикрытыя покровомъ благопристойности. Здѣсь, молодой человѣкъ имѣлъ друга, который просвѣщалъ его неопытность и направлялъ его первые шаги на жизненномъ пути. Тамъ, двое молодыхъ людей соединялись, чтобы дѣлиться трудами, опасностями и славой. Въ другихъ мѣстахъ,

они приносили взаимную клятву вмѣсть бороться, защищаться, мстить за себя и умирать. Въ Фивахъ группа въ шесть тысячъ мужчинъ, соединенныхъ этой общественной дружбой и этой клятвой, носила название священного щита. При Левкрахъ и Мантиней она одержала верхъ надъ храбростью спартанцевъ и вся цѣликомъ погибла въ битвѣ при Херонеѣ. Такимъ образомъ, не имѣя возможности искоренить порочную привычку по крайней мѣрѣ, сумѣли остановить ея разворачивающее влияніе; и если не удалось привить грекамъ чистыхъ нравовъ, то, по крайней мѣрѣ, избавили ихъ отъ тѣхъ, которые изнѣженность, униженіе и малодушіе должны были у нихъ развить. Народное образованіе почти ограничивалось нѣкоторыми гимнастическими упражненіями, обученіемъ музыкѣ и чтеніемъ законовъ. Оно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополнялось свободнымъ обученіемъ. Антифонъ читаль уже въ Аѳинахъ лекціи по риторикѣ, обстоятельство, которое принесло скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Масса софистовъ, вышедшихъ изъ философскихъ школъ, обучали хитростямъ діалектики, подъ предлогомъ ознакомить съ наиболѣе полезной частью философіи. Они брались научить искусству разсуждать, но они преподавали только искусство помрачить свой собственный разумъ, или сбить съ толку разумъ другого. Въ первыя времена, упражненія, служившія для подготовки къ выступленію на общественныхъ играхъ, были полезны, дѣлая людей болѣе сильными, болѣе ловкими и болѣе искусными; но скоро эти упражненія стали школой жалкаго ремесла: атлетъ не былъ уже, благодаря своей силѣ и ловкости, превосходнымъ воиномъ, но человѣкомъ, съ трудомъ подготовленнымъ для народныхъ зрѣлищъ: то былъ не герой, оспаривающій бѣговой призъ на колесницахъ, которая понесла его въ ряды непріятеля, но наездникъ, доставляющій честь своему хозяину, благодаря своему таланту выбирать, дреcсировать или выводить лошадей. Торжественность игръ и пышность тріумfovъ были забыты и можно было встрѣтить только людей похожихъ одни на тѣхъ, которые на нашихъ ярмаркахъ удивляютъ нась своими атлетическими пріемами, другие на кучеровъ константинопольского цирка, или на жокеевъ неймаркскихъ бѣговъ. Но къ этому моменту къ Греціи подкатилась волна одной изъ великихъ революцій, столь обычныхъ въ Азіи. Этотъ перево-

роть измѣнилъ ея политику, распространилъ отношенія со-ставлявшихъ ее государствъ, усложнилъ ихъ интересы и про-будилъ умы къ новой дѣятельности.

Персидская нація, до тѣхъ порь заключенная въ своихъ границахъ, наводнила западную Азію. Киръ, одинъ изъ ея царей, союзникъ и скоро затѣмъ повелитель мидянъ, покорилъ Ассирию, Сирію, Лидію, Арменію и Египетъ. Эти народы, раз-слабленные богатствомъ, просвѣщенные рабствомъ, отступили передъ націей храброй, искусной въ военномъ дѣлѣ, пріучен-ной переносить усталость, и, которая, не будучи ни завоева-тельницей, ни завоеванной, не знала еще порабощенія. Почти всѣ греческія колоніи Малой Азіи и ближайшихъ къ ея берегамъ острововъ, были покорены персами, или признавали ихъ суверенитетъ, выражая имъ знаки покорности и платя имъ дань. Подкрѣпленныя Аeinами, онъ возвстали противъ Дарія, разбили его генераловъ и повели наступленіе до столицы Лидіи, которую онъ сожгли. Дарій подавилъ эти колоніи тѣжестью своего могущества, но какъ ловкий политикъ, онъ счѣль нуж-нымъ оставить имъ видимость свободы и даже установить демократическій образъ правленія, что сдѣлало для нихъ болѣе труднымъ тайно объединяться противъ него. Его над-менность была оскорблена участіемъ аeinянъ въ этой войнѣ и его политика подсказала ему, что греки Азіи не будутъ рабами, если ихъ соглѣменники въ Европѣ останутся свобод-ными. Уже Фракія и Македонія были покорены; уже онъ тре-бовалъ, чтобы греки подчинились на тѣхъ же условіяхъ, что торговые города азіатскаго побережья, но онъ хотѣлъ отом-стить Аeinамъ, не дожидаясь окончанія подготовкій необхо-димыхъ для завоеванія всей европейской Греціи. Его армія, высадившаяся на берегахъ Аттики, была разбита при Мара-онѣ, название котораго, какъ и имя побѣдителя Мильтіада, ея пораженіе обезсмертило. Вся слава побѣды принадлежала Аeinамъ; страхъ и зависть помѣшали другимъ грекамъ прийти ей на помощь: одна только Платея имѣла великодушіе и хра-брость присоединить тысячу своихъ солдатъ къ десяти тыся-чамъ аeinянъ.

Дарій, еще болѣе раздраженный этой неудачей, умеръ прежде, чѣмъ могъ начать свое предпріятіе; къ осуществленію дяяго приступилъ его преемникъ.

Но если искусство отца сказалось въ приготовленіяхъ, исполненіе обнаружило неспособность и малодушіе сына. Несмѣтная армія, составленная изъ отрядовъ, постоянно содержащихъ персидскими царями и милиціи, доставленной всѣми провинціями имперіи, прошла по пловучему мосту проливъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи. Флотъ, образованный изъ судовъ, доставленныхъ греческими городами Малой Азіи, островами, подвластными Персіи, Финикией, т. е. народами, наиболѣе торговыми и наиболѣе искусными въ морскомъ дѣлѣ, долженъ былъ слѣдовать по берегамъ Греціи и снабжать сѣстрыми припасами армію, которую маленькая территорія неприятеля не могла прокормить.

Къ счастью, геній Фемистокла предвидѣлъ невозможность защищать Грецію противъ персовъ, если ихъ большія арміи смогутъ здѣсь продовольствоваться болѣе продолжительное время. И задолго до персидского напастія онъ склонилъ афинянъ создать морскую силу.

Къ моменту вторженія Ксеркса, онъ настоялъ на принятіи ими великодушнаго рѣшенія, оставить свой городъ, свои храмы, своихъ боговъ, могилы своихъ предковъ; поручить своихъ женъ, дѣтей и старцевъ чести и человѣколюбію грековъ, и искать спасенія на своемъ флотѣ и въ защитѣ Пелопонеса. Никогда, быть можетъ, историческая событія лучше не оправдали мудрыхъ соображеній таланта.

Слабая армія, защищавшая проходъ Фермоилы, была легко окружена и вынуждена была его оставить. Здѣсь Леонидъ съ тремя стами спартанцевъ, добровольно оставшихся, обрекли себя на вѣрную смерть. Говорять, что законы Ликурга разматривали такой поступокъ, какъ долгъ: но они запрещали бѣгство, а отнюдь не отступление; вся исторія Лакедемоніи служитъ тому доказательствомъ. Всякое другое объясненіе заключаетъ въ себѣ нелѣпость, на которую невозможно предположить, чтобы Ликургъ могъ быть способенъ. Но почему Леонидъ предпочелъ смерть надеждѣ побѣдить, или пожертвовать своей жизнью съ большей пользой? Потому, что онъ считалъ наиболѣе полезнымъ оживить колеблющееся мужество грековъ, и сбавить спеси персамъ, внушаемой имъ численностью ихъ арміи, показывая, своимъ примѣромъ, сколько подданныхъ царя нужно было затратить, чтобы побѣдить горсточку

свободныхъ людей. Не обезславимъ же героя, приписывая его поразительное великодушіе подчиненію предразсудку, основанному на пелѣпахъ законахъ.

Оивы трусливо подчинились персидскому игу: Аеины, которая ихъ слабый гарнизонъ не могъ защитить, были преданы пламени. Пелопонесь былъ еще свободенъ. Гелонть, тиранъ Сиракузъ, тотъ самый, который потребовалъ отъ кореагенія уничтоженія человѣческихъ жертвъ, возымѣлъ ту гордость, которая не всегда несовмѣстима съ мягкими и великодушными добродѣтелями; онъ потребовалъ въ награду за свою помощь, предоставленія ему чести командовать соединенными греческими арміями, условіе, угрожавшее свободѣ и оскорблявшее достоинство старой Греціи. Но пока флотъ, сооруженный Фемистокломъ, не былъ побѣженъ, персы не могли получать припасовъ изъ Азіи, единственного источника существованія, оставшагося еще имъ послѣ быстраго опустошенія Греціи. Напрасно завись лакедемонянъ хотѣла сдѣлать безполезнымъ это средство, славы которое Спарта нисколько не раздѣляла. Ксерксъ напалъ на флотъ, потерпѣлъ пораженіе и вынужденъ былъ большую часть своей арміи отозвать изъ Европы. Саламинская битва является однимъ изъ тѣхъ событий, столь рѣдкихъ въ исторіи, когда случайный исходъ дня решаетъ на длинный рядъ вѣковъ судьбы человѣческаго рода. Небольшое количество истинъ, которыми греки тогда обогатили науки, рождающейся прогрессъ искусствъ, ихъ независимая философія исчезли бы вмѣстѣ со свободой, которой они ими исключительно были обязаны. Берега Средиземного моря сохранили-бы при побѣдителяхъ лишь слабую независимость, и міръ, раздѣленный между деспотами южной Азіи, дикія племена Африки и грубые жители Запада и Сѣвера могли представить только варварское невѣжество, или унизительные предразсудки; искусства, униженныя порабощенностью, или ограниченная примитивной грубостью; нравы жестокіе, или развращенные; наконецъ, всюду тупоуміе и пороки младенчества, или дряхлости націй. Эти побѣды не должны приписываться ни недостаточной храбрости персовъ, ни ихъ малoisкусной тактикой. Ихъ родина и сосѣдня съ ней провинціи производили тогда, и затѣмъ постоянно производили, превосходныхъ солдатъ. И корпусы, образованные Киромъ, не могли за такое

короткое время потерять той доблести, которая доставила имъ побѣду надъ Азией. Подробности сраженій при Саламинѣ и Платеѣ доказываютъ только равенство въ невѣжествѣ между обѣими соперничающими націями. Что-же было причиной этихъ побѣдъ? Неизмѣнная бодрость духа, которой желаніе поддержать свою независимость и любовь къ отечеству увеличили храбрость грековъ, добродѣтели Аристида, геній и величие души Фемистокла. Нужно было, чтобы стоявшіе во главѣ афинянъ, предпочитая спасеніе Греціи интересамъ своего честолюбія, или своей славы, даже достоинству своего отечества, обезоружили-бы надменную зависть спартанцевъ. Такимъ образомъ, только энергіи, создаваемой любовью къ независимости, только превосходству великодушной политики истинно свободного народа надъ личной политикой аристократического сената, Греція была обязана своимъ побѣдами и мы обязаны свѣтомъ своихъ знаній.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

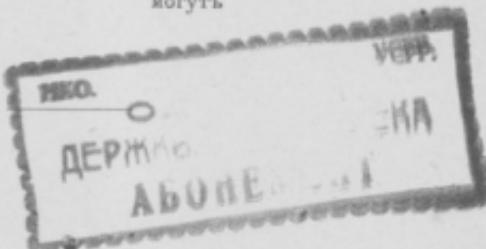
Оглавление.

	стр.
1. Нендерсъ и зарождение теорії прогресса.	
Вступительный очеркъ профессора М. М. Ковалевскаго	I—XV
2. Введеніе	1
3. Первая эпоха:	
Люди соединены въ племена	11
4. Вторая эпоха:	
Пастушеские народы. Переходъ отъ нихъ къ земледельческимъ народамъ	16
5. Третья эпоха:	
Прогрессъ земледельческихъ народовъ до изобрѣтения письменности	22
6. Четвертая эпоха:	
Прогрессъ человѣческаго разума въ Греціи до времени раздѣленія наукъ въ вѣкъ Александра	38
7. Пятая эпоха:	
Прогрессъ наукъ отъ ихъ раздѣленія до ихъ упадка.	51
8. Шестая эпоха:	
Упадокъ просвѣщенія до его возрожденія, ко времени крестовыхъ походовъ	72
9. Седьмая эпоха:	
Отъ первого прогресса наукъ въ періодъ ихъ возрожденія на Западъ до изобрѣтения книгопечатанія.	83
10. Восьмая эпоха:	
Отъ изобрѣтенія книгопечатанія до времени, когда наука и философія сбросили иго авторитета	93
11. Девятая эпоха:	
Отъ Декарта до образования французской республики	116
12. Десятая эпоха:	
О будущемъ прогрессѣ человѣческаго разума	161
13. Отрывки изъ исторіи четвертой эпохи	190

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

Замѣченныя опечатки.

<i>Стр. Строки:</i>		<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
5	23	изучать и установить	изучать ихъ и устанавлять
20	23	становится	стало
24	22	научились	научились
54	7	классификацію	класифікації
75	17	Они вмѣшиваютъ	Какъ они вмѣшиваютъ
85	1	къ исторіи	съ исторіей
133	22	припомнить	припомнить
145	6	организаціи	организації
147	10	обременила	обременила
171	39	позволить	позволять?
180	29	добродѣтель.	добродѣтель?
194	26	положившая	положившей
197	10	подъ аккомпанементомъ	подъ аккомпаниментъ
198	13	подражаніе	подражаніе
199	36	эскулапъ	Эскулапъ
200	13	поробощеніи	поращеніи
209	8	реформа кладеть	реформа, которая кладеть
210	82	Харондасъ	Харондасъ
222	6	могли	могутъ

310899. 1948

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

~~7787~~

5501

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

БІБЛІОТЕКА

